

ВОСХОЖДЕНИЕ К НАУКЕ

**Сборник избранных научных статей
студентов Восточного факультета**

***Selected Students' Scientific Articles
Faculty of Asian and African Studies***

Санкт-Петербургский
государственный
университет
www.spbu.ru

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Selected Students' Scientific Articles
Faculty of Asian and African Studies

RISING TO SCIENCE

St. Petersburg
«Skifia-print»
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник избранных научных статей студентов
Восточного факультета

ВОСХОЖДЕНИЕ К НАУКЕ

Санкт-Петербург

«Скифия-принт»

2020

УДК 811.41
ББК 81.2
В78

Ответственный редактор:
канд. филол. наук А.В. Челнокова (СПбГУ)

Редколлегия:
А.Е. Беззубцева, Е.В. Бутенко, С.С. Матвеева

В78 **Восхождение к науке:** Сборник избранных научных статей студентов Восточного факультета / [отв. ред.: к. филол. н. А.В. Челнокова]. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 250 с.

Rising to Science: Selected Students' Scientific Articles. Faculty of Asian and African Studies. / Ed. by A.V. Chelnokova. St. Petersburg: Skifia-print, 2020. — 250 p.

ISBN 978-5-98620-491-8

УДК 811.41
ББК 81.2
В78

ISBN 978-5-98620-491-8

© Авторы сборника, 2020
© СПбГУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арсеньев Михаил Николаевич</i> ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К СЛОВАРЮ НИСБ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН (В 976): ОПИСАНИЕ СПИСКА. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ СОЧИНЕНИЯ.....	8
<i>Ашкенази Роза Сергеевна</i> РУКОПИСЬ “ХАМСА” НИЗАМИ №1126 ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА	19
<i>Гордеева Полина Витальевна</i> КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИРАНА И ТАДЖИКИСТАНА ПОСЛЕ 1991 г	26
<i>Грибанова Наталья Сергеевна</i> ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЯ «ВСПОМИНАЯ 1942»	32
<i>Ермакова Анастасия Олеговна</i> АКУСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ В ПРЕДИКАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ И КОПУЛАХ <i>VE</i> И <i>TE</i> В ЯЗЫКЕ БАМАНА.....	40
<i>Злобина Анастасия Станиславовна</i> ЛЕЙТМОТИВЫ В РЕПЕ ХАУСА	51
<i>Зорин Арсений Андреевич</i> ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПЕРИОДА ДОНГШОН ВО ВЬЕТНАМЕ.....	57
<i>Игнатов Владислав Александрович</i> ХАРАКТЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ ИНДИЙСКИХ МИГРАНТОВ НА ОСНОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА ДЖ. ЛАХИРИ.....	64
<i>Избасарова Асель Руслановна</i> ТАДЖИКСКАЯ СЕМЬЯ ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	71
<i>Карпова Елена Юрьевна</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В СЛОВАХ РАЗНОГО ТИПА В ЯЗЫКЕ БАМАНА	79

<i>Колотова Надежда Владимировна</i>	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЬЕТНАМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX века	87
<i>Красуцкий Станислав Андреевич</i>	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О «ТАРИХ-И САХИБКИРАНИ» КАК ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX века	97
<i>Круглова Екатерина Дмитриевна</i>	
КАНГО КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КИТАИЗАЦИИ ЯПОНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ	105
<i>Кузнецова Татьяна Романовна</i>	
РУКОПИСЬ СБОРНИКА ОМОНИМИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ АБУ АЛ-ХАСАНА БЕН ЭЛЕЗАРА ИЗ СОБРАНИЯ РГБ (ГИНЦБУРГ 1305)	113
<i>Лекарева Ева Павловна</i>	
ОТРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕНГАЛЬСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX в.	120
<i>Лопатин Матвей Денисович</i>	
ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ АККАДСКОГО ЗООНИМА ZIZĀNU В 5-й ТАБЛИЦЕ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ.....	127
<i>Мичанович София-Александра</i>	
ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В ЛИРИКЕ АХМАДА ШАМЛУ.....	135
<i>Николаева Татьяна Дмитриевна</i>	
ДОЛЯ ДОЧЕРИ В СЕМЕЙНОМ ИМУЩЕСТВЕ ПО БРАЧНЫМ КОНТРАКТАМ ИЗ ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2 тыс. до н.э.	145
<i>Пан Анна Владимировна</i>	
ЭВФЕМИЗАЦИЯ В КИТАЕЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	153
<i>Рогожина Кристина Сергеевна</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИРАНА И РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 21 веке.....	165

<i>Сабелкис Мария Денисовна</i>	
КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ГОСУДАРСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ ВЕКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ 1990-х гг.	172
<i>Сальникова Екатерина Викторовна</i>	
ОБЗОР СБОРНИКА “РАЗРОЗНЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ” ГОЛИ ТАРАККИ	177
<i>Свиридов Всеволод Юрьевич</i>	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЯЗЫКЕ ГВАНДАРА И ИДИОМЕ НИМБИЯ	185
<i>Симутина Дарья Константиновна</i>	
РОМАН КИРАН ДЕСАИ “НАСЛЕДСТВО РАЗОРЕННЫХ”: ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПАФОС	193
<i>Травкин Павел Сергеевич</i>	
ПОЛИЦИЯ В НИДЕРЛАНДСКОЙ ИНДИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ АРМИЕЙ И ПОЛИЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ	200
<i>Федорова Елизавета Алексеевна</i>	
ПОИСКИ БЛАГА В «РАЗГОВОРЕ ГОСПОДИНА С РАБОМ» И КНИГЕ ЭККЛЕЗИАСТ	206
<i>Ханипова Диана Айзатовна</i>	
КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАДИНЫ ОМАРОВОЙ)	214
<i>Хапрова Анна Викторовна</i>	
ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ПРИВЕТСТВИИ РУБЕЖА III-II тыс. до н. э.	222
<i>Цветкова Елена Владимировна</i>	
ЕГИПЕТСКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ.....	231
<i>Шварц Елизавета Павловна</i>	
БЕТА ИЗРАИЛЬ В НАСЛЕДСТВЕ Й.М. ФЛАДА: ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО МИССИОНЕРСТВА В ЭФИОПИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	247

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К СЛОВАРЮ НИСБ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН (В 976): ОПИСАНИЕ СПИСКА, ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ СОЧИНЕНИЯ

Arsenev Michael Nickolaevich

THE COPY OF THE LATE MEDIEVAL SUPPLEMENT TO THE DICTIONARY OF NISBAS IN THE COLLECTION OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS (B 976): THE DESCRIPTION OF THE MANUSCRIPT. THE STRUCTURE AND CONTENT OF THE WORK

Список дополнения к словарю *нисб Лубб ал-лубаб* ас-Суйути из собрания Института восточных рукописей РАН (В 976) считался уникальным. Однако это не так. В различных европейских и арабских собраниях сохранилось еще как минимум 5 списков. Эта статья посвящена именно описанию петербургского списка, не введенного в научный оборот, а также сочинению в целом: его структуре и содержанию, которые ранее подробно не анализировались.

This paper sheds light on the copy of the late medieval compilation supplement to the dictionary of *nisbas Lubb al-lubab* by Jalal ad-Din as-Suyuti housed in the Institute of oriental manuscripts, RAS (B 976). This copy has been considered unique, which is not exactly correct as there are five more copies in different European and Arabic collections. The article focuses on the description of B 976 copy and general research of the work, namely its structure and content, which have not been previously studied.

Ключевые слова: книги *ансаб*; словарь *нисб*; *нисба*; постклассическая арабская литература; *Лубб ал-лубаб*; *Китаб ал-ансаб*.

Key words: books of *ansab*; dictionary of *nisbas*; *nisba*; the literature of the post-classical period; *Lubb al-lubab*; *Kitab al-ansab*.

Введение

Зайл лубб ал-лубаб — позднесредневековое компилятивное сочинение Ахмада ал-'Аджамй, представляющее собой дополнение к словарю *нисб*¹ *Лубб ал-лубаб* Джалала ад-Дйна ас-Суйути (ум.1505), которое в свою очередь восходит к *Китаб ал-ансаб* Абӯ Са'да ас-Сам'ани (ум.1166)².

¹ Словари *нисб* или книги *ансаб* - это просопографические работы-словари, где заглавными словами словарных статей являются *нисбы* людей, включенных в такой словарь. *Нисба* – это относительное прилагательное, образованное путем добавления суффикса – iyy(un), которое также является частью классического арабского антропонима.

² См. подробную схему связей книг *ансаб* в Приложении № 1.

В двух авторитетных каталогах список этого сочинения, хранящийся под номером В 976 в Институте восточных рукописей РАН, числится *уником* [Арабские рукописи Института Востоковедения. Ч.1., 1986. С.441], [Brockelmann, 1938. P.419-420]. Однако таковым он не является. Есть второй список этого сочинения, Cod. Arab. 167, из собрания Королевской библиотеки Дании³, полностью оцифрованный и находящийся в свободном доступе. В 2011 г. *Зайл лубб ал-лубаб* был издан в Сане профессором Шадй Ну'маном. Это издание основывается на четырех списках: списке из библиотеки Честер Битти (Дублин, Ирландия), библиотеки университета ал-Азхар (Каир, Египет)⁴, двух списках (№ 1332, 1449) из Национальной библиотеки и архива Египта. К сожалению, критический аппарат издания практически не разработан, как такового текстологического анализа и сравнения списков не сделано, также не учтены списки из ИВР и Королевской библиотеки, и, кроме того, хотя был сделан только краткий анализ самого сочинения. Также, использованные для издания списки не оцифрованы, что лишает нас возможности проверить качество проделанной Шадй Ну'маном работы.

Итак, в связи с тем, что список В 976 не был введен в научный оборот, а само сочинение *Зайл лубб ал-лубаб*, по сути, отдельно не изучалось, то в этой статье мы бы хотели исправить эту несправедливость и представить читателю описание списка из ИВР, а также ознакомить его с особенностями структуры и содержания данного словаря.

Методология

При описании рукописи были использованы рекомендации по кодикологическому и палеографическому описанию арабских рукописей из работы Arabic Manuscripts. A Vademecum for Readers А. Гачека. [Gacek, 2009. P.333-338], а также краткие кодикологические описания из разных каталогов [Арабские рукописи Института Востоковедения. Ч. 1, 1986. С.441]; [Brockelmann, 1938. P.419-420]; [Rosen, 1881. P. 147 - 148]; [Rousseau, 1817. P.33].

После дешифровки, перевода и анализа словарных статей на буквы *алиф* - *хā* (fol. 1v.10 – fol. 14r.21), а также прочтения остальных словарных статей, мы смогли выделить основные структурные особенности дополнения к словарю и особенности его содержания. Были проанализированы язык сочинения, особенности составления словарных статей, рассмотрена «проблема авторства» словаря, а также дана характеристика заглавий словарных статей и проведена их классификация.

³ С кратким описанием этой рукописи можно ознакомиться в [Codicus hebraici et arabici bibliothecae regiae Hafniensis, 1851. P.105-106], а с более подробным в [Catalogue of Arabic manuscripts: codices Arabici & codices Arabici Additamenta, 2007. P. 614-615].

⁴ Номера хранения первых двух списков не указаны.

Описание списка В 976

1. Выходные данные:

Название сочинения: ذيل لب اللباب *Зайл лубб ал-лубаб* (Дополнение к *Лубб ал-лубаб*). Автор сочинения: Ахмад ал-'Аджамй. Переписчик: 'Абд ар-Рахман ал-Ашмунй. Датировка рукописи: в *колофоне* — вторник первых чисел месяца джумадā первого⁵ 1086 г. по хиджре, что соответствует 30.07.1675 г. н.э. Место хранения рукописи: Институт восточных рукописей, РАН, шифр — В 976.

2. Колофон (fol. 40r.16–40v.15). Перевод.

Говорил сокративший это, бедняк 'Абд ар-Рахман б. 'Абд ал-'Азйм б. 'Абд ар- ар-Рахман б. Мухаммад ибн Тақй ад-Дин ал-Ашмунй шафиит: «Это — завершение того, что я нашел в сочинении старейшины нашего, Печати помнящих наизусть Коран и знатоков хадисов, Опоры исследующих и тщательно изучающих, покровителя нашего, старейшины Ахмада б. Ахмада Ибн ал-'Аджамй ал-Вафā'й ал-Вафавй⁶, да смилуется Аллах Всевышний над ним и над основоположниками его знаний и над старейшинами (учителями) его, и над учениками его, из того, что на полях его *списка Лубб ал-лубаб фй тахрир ал-ансāб* Хранителя⁷ ислама ал-Джалāла⁸ ас-Суйутй, да принесет Аллах пользу посредством него (этого списка), как Он принес пользу посредством оригинала его, и сочинения старейшины ал-'Аджамй в конце списка его, тем, что (тот) изложил (в нем). Передал это из сочинения старейшины Мухаммада б. 'Али б. Ахмада ад-Дā'удй маликита, да смилуется над ним Господь Всевышний, которое на полях моего списка, большая его часть — из оригинала, и я приложил к ней многое из того, что передано из сочинения ад-Дā'удй. А Аллаху слава! Завершено. И да благословит Аллах господина нашего Мухаммада и род его и сподвижников его и да приветствует! И произошло завершение переписки его (данного списка) днем во вторник, в первых числах месяца джумадā первого года одна тысяча сто сорок шестого рукою ничтожного бедняка 'Умара б. 'Усмāна б. 'Умара б. 'Али Бāли ал-Қудсй (т.е. Иерусалимца), ал-Ханафй (ханафита), да простит Аллах их обоих и всех мусульман. Аминь. Закончено.

3. Материал:

Бумага европейская без водяных знаков. Листы отличаются по плотности и текстуре. Листы 1-10 более плотные, шероховатые, верже, а листы 11-40 менее плотные, гладкие, понтюзо. Чернила черные и красные. Красными

⁵ Это седьмое число месяца джумадā 1.

⁶ Вероятно, вторая из этих *нисб* представляет собой игру слов, основанную на первой *нисбе* и корне *В-Ф-Й* с одним из значений «быть верным».

⁷ Слово *хāфиз* в исламе также имеет терминологическое значение: «помнящий наизусть Коран».

⁸ Снова игра слов. Этот эпитет отсылает к *лақабу* Джалāл ад-Дин, под которым известен ас-Суйутй, и одновременно может восприниматься в своем основном значении «величие».

чернилами записаны нисбы, некоторые кустоды, элемент «◀», обозначающий конец словарной статьи, сделаны верхние подчеркивания, а сами описания (словарные статьи) и маргиналии записаны черными чернилами.

4. *Переплет:*

Переплёт картонный, под мрамор, поздний.

5. *Формат:*

Количество листов: 02+40+002 л.; по тетрадам: 1-4 *(V/V). Размер листа: 16,1 см на 22,7 см. Количество строк на каждой странице — 21. Разлиновка мистарой⁹. Текст оформляется на каждой странице одинаково (см. Приложение №2).

6. *Почерк:*

Беглый *наسخ*, диакритические знаки проставлены практически везде.

7. *Организация текста на странице:*

Пагинация сделана карандашом в верхней части страницы, в центре. Также пронумерованы все нисбы на полях карандашом через 10. Внизу страницы слева на обороте каждого листа есть кустоды, написанные чёрными чернилами, если первое слово оборотной стороны следующего листа написано чёрными чернилами, если красными — то красными. За исключением кустодов на fol. 5r, 9r, 38r, 39r.

На полях присутствуют маргиналии-пояснения к основному тексту словарных статей разного объёма (fol. 2v, 4r, 4v, 6v, 7r, 8v, 10r, 11r, 12r, 12v, 15r.v, 16r.v, 17r.v, 18v, 19v, 20r, 23r., 24r, 25v, 26r, 28v, 29r, 31r, 32r, 33r.v, 34r.v, 35r.v, 36v, 37v, 38r, 39r). Это: дополнения к основным словарным статьям, то, что переписчик забыл вписать, пропустил (напр. fol. 4r), и более подробная информация о географическом месте, к которому относится *нисба* (напр. fol. 4v), или указание на ошибку, которую сложно исправить в самом тексте (напр., fol. 6r).

Общее количество словарных заглавий в словаре 623. На каждую букву количество *нисб* следующее:

70 — ا

68 — ب

14 — ت

3 — ث

⁹ Трафарет для разлиновки рукописей в ближневосточном регионе. Представляет собой плотный кусок картона, проклеенный поперек нитями, на который помещали лист бумаги/пергамна, надавливали и получали разлиновку.

- ج — 26
ح — 40
خ — 29
د — 23
ذ — 4
ر — 13
ز — 13
س — 34
ش — 30
ص — 10
ض — 2
ط — 11
ظ — 2
ع — 29
غ — 6
ف — 24
ق — 31
ك — 18
ل — 5
م — 40
ن — 32
و — 15
ه — 12¹⁰
لام الف — 2¹¹
ى — 7

¹⁰ Часто встречающийся в средние века порядок *vāv* – *ха*.

¹¹ В средние века лигатура *lām* + *алиф* считалось знаком алфавита.

8. Сохранность:

Хорошая, лакун нет, имеются небольшие пятна, не мешающие прочтению и пониманию текста.

9. Дополнительно:

Беглый почерк, большое количество пометок на полях создают впечатление, что список В 976 писался для личного пользования. В то время как, текст в датском списке Cod. Arab. 167 записан в красной рамке, в нём даты в отличие от списка В 976 прописываются словами, а многие маргиналии В 976 входят в основной текст словарных статей. Это нас наталкивает на мысль, что список Cod. Arab.167, вероятно, писался на заказ, а список В 976 мог служить для него протографом.

Особенности структуры и содержания

1. Язык:

Дополнение к словарю *нисб* ас-Суйути относится к литературе постклассического периода¹². В целом оно написано с соблюдением всех норм классического арабского языка с несколькими постклассическими особенностями, а именно:

- исчезновение интердентальных согласных, буквы *дāl* и *зāl* стали взаимозаменяемыми на письме (например, fol. 2v.20);
- нерегулярность написания *хамзы* на конце слов;
- образование *нисб* от множественного числа. Например, الاجازاتى (fol. 2v.9), البطانحى (fol. 8v.12), الجلودى (fol. 12r.1).

2. Авторство:

Как следует из *колофона* (В 976: fol. 40v.2) большую часть словарных статей ал-'Аджамй позаимствовал у ученика ас-Суйути, Мухаммада ад-Дā'удй (ум. 1538), который исписал дополнениями и примечаниями поля своего экземпляра *Зайл лубб ал-лубб*. Ссылки на ад-Дā'удй есть во многих словарных статьях на буквы *алиф* – *хā'*. Однако, начиная с буквы *хā'*, эти ссылки пропадают, точную причину чего назвать нельзя. Если заметку писал сам ал-'Аджамй, то это определяется по использованию им глаголов в 1-ом лице ед. ч. и отсутствию ссылок на ад-Дā'удй. Например:

- «*Ал-Баравй. Я не знаю, к чему относится эта нисба. <...>*
Предположительно это (селение) в одном из округов Туса» (fol. 7v.18).

¹² Литература, написанная на постклассическом арабском языке, либо на классическом с его элементами, характеризующаяся компилятивностью и опорой на классическую арабскую литературу и ее активной обработкой. Условно этот период датируется 1150-1800. [Allen, 2006. P.1-2].

- «*Ал-Джисмāни*. Упоминалось (со слов) одного шейха <...> эта *нисба* от «*джисм*» («тело»). <...> Затем я посмотрел в *Шарх луктат ал-’уджлāн...*» (fol. 11v.10).

Если же ссылок на ад-Да’удй и глаголов в 1-ом лице ед. ч. нет, то мы не можем сказать, кто изначально составил словарную статью.

Как и многие другие сочинения постклассического периода, *Зайл лубб ал-лубāб* является компилятивным трудом, с множеством ссылок на разнообразные сочинения, а именно:

- труды классических авторов-грамматиков, например, поэта и грамматика Ибн Дурэйда (838 – 933 гг.) (fol. 11v.18), басрийского лексикографа и грамматика ал-Асма’ий (740 – 828 гг.) (fol. 11v.11) и др.
- работы крупных ученых в разных областях, например, Йāкўта ал-Хамавй (1178 – 1229 гг.) (fol. 4v.21), автора крупных биографического и географического словарей, Ибн Халликāна (1211 – 1282 гг.), крупного биографа и историка (fol. 14r.11) и др.
- книги *ансāб* ас-Сам’āни и ас-Суйўтй.
- труды представителей различных *мазхабов*. Например, Ибн Раджаба (1335 – 1393 гг.), шейха ханбалитского мазхаба (fol.13v.16), Ибн Қādй Шухбы (1377 – 1448 гг.) шафиитского *фақйха* (fol.12v.19) и др.

Разнообразие и обилие ссылок в *Зайл лубб ал-лубāб* придает особую ценность этому труду, так как в нем собрана и обработана информация из множества разных источников.

3. Особенности оформления словарных статей:

Оформление словарных статей ориентировано на оформление *Лубб ал-лубāб* ас-Суйўтй [Liber as-Sojutii, 1840]. Словарная статья должна содержать следующие элементы: 1) буквы с огласовками; 2) имена людей, которые носили *нисбу* с информацией о них; 3) этимология *нисбы* с комментарием; 4) название источника (имя автора или название сочинения), из которого была взята информация, содержащаяся в тексте словарной статьи. Однако часто одной или нескольких частей нет и иногда словарные статьи похожи на черновые наброски. Также не всегда заглавием словарной статьи является *нисба*, а слова (чаще всего это топонимы), от которых можно образовать *нисбы*. Таким образом, словарные статьи организованы не по единому принципу, иногда напоминают краткую заметку без каких-либо деталей.

4. Характеристика заглавий словарных статей:

Большую часть заглавий словарных статей составляют географические *нисбы* (*nisba topomimica*) или очень редко — сами топонимы (125 статей, около

61 %) ¹³. Это области, города, селения-поселения, кварталы, улицы, даже дороги, относящиеся к разным регионам Арабского Востока:

- аш-Шām: Сирия, Палестина, Ливан (29 (32)) ¹⁴;
- Иран и Средняя Азия: Хорасан, Хорезм, Мавераннахр, Исфахан, Кухистан, Мерв, Бушандж, Фарс, Бухара и т.д. (26(27));
- Ирак (22);
- Египет (18);
- Великая Армения (ارمينيا كبرى) и Азербайджан (8);
- Ал-Андалус и Магриб (в широком смысле) (6 (9));
- Йемен (5(6));
- Хиджаз (4(6));
- بلاد الترك «страна тюрков», Анатолия (4);
- Византия (2);
- Ал-Бахрайн (1).

Также есть *нисбы*, которые относятся к племенам/родам/кланам (8).

Важно отметить то, что, поскольку это дополнение к словарю, то топонимы здесь встречаются редкие и не самые известные. Это небольшие поселения, кварталы в городах, дороги, различные водоемы, кланы и др. Например, Абнās — маленькое поселение в Египте (fol. 2r.8), Уқхувāн — небольшое селение (بلدية) в Сирии (fol. 4v.9), Ақфахс — небольшое селение (بلدية) в Верхнем Египте (fol. 4v.11), Бā`ун — маленькое селение в Хаврāне (fol. 6v.3), Баййāда — квартал в Алеппо (fol. 10r.3) и др.

35 % заголовков являются *нисбами* или словами не в форме *нисб*, которые не связаны с *топонимам*. Это:

- *Нисбы* от слов с абстрактно-философским смыслом, например, ازل «безначальная вечность», أرجاء «откладывание», افاق «мн. горизонты», اعتبار «соображение, принятие во внимание», جسمان «тело, телесная материя» и др.
- *Нисбы* со значением деятеля ¹⁵. Например, الباذنجاني — торговец баклажанами, الاسطربالي — изготовитель и продавец астрольбий, البري — продавец пшеницы (круп), البيلوني — продавец специальной глины для волос, البرنكاني — продавец барникāнов (предмета одежды).
- Слова по модели أفتل «горбатый», которая означает телесные недостатки. Например, ابرص «больной проказой», احذب «горбатый». От слов с этой моделью также образуются *нисбы*. Например, от اشعث «с распущенными волосами» — اشعثي.

¹³ Всего на буквы *алиф-хā'* 221 словарная статей. 205 статей были разобраны, и смысл их понятен и объяснен. Число 205 будет рассматриваться как 100%.

¹⁴ 21, если учитывать то, что часть омонимичных топонимов или топонимов с одинаковыми согласными относятся к абсолютно разным регионам.

¹⁵ В средневековье немало людей из числа имамов, судей, знатоков мусульманского предания и в целом ученых имели *нисбы*, связанные с каким-то ремеслом, профессией.

- Слова по модели *فَعَالٌ*, означающей деятеля, профессию. Например, *الثواب* — продавец одежды и ее производитель, *الجصاص* — торговец гипсом, штукатурки и др.
- Также есть несколько *нисб*-прозвищ (*лакабов*), которые являются довольно редкими и поэтому представляющими особый интерес. Например, *нисба* *البلاذرى* «кешьювый» арабского историка Абу ал-Хасан ал-Балāзурй (820 – 892 гг.) была дана ему из-за того, что выпил слишком много сока кешью вследствие чего и умер. Или *حبلة* *الجبلى* от *حبلة* — беременная — прозвище некоего Сāлима ибн Ḡанам ибн ‘уфа, которое было дано ему из-за того, что у него был очень большой живот. Очень интересно прозвище ‘Ала’ ад-Дйна ‘Алй ар-Рақи ад-Димашки — *التعجيزي* (Та‘джйзйвий), которое он получил, потому что помнил наизусть труд «ат-Та‘джйз» математика Ибн Йūнуса.
- *нисбы*, образованные от личных имён. Они могут быть образованы от имен предков, от различных деятелей, например, от визиря Фатимидского халифата, ал-Афдала ал-Джамāли (1066 – 1121 гг.).
- Прилагательные с абстрактным смыслом. Например, *البيهى* «великолепный» (в рукописи это прилагательное называется *лакабом*), *امى* «безграмотный» и др.
- *Нисбы*, образованные от прилагательных (*اتى* *اتاوى* «чужак»).

Так, еще одна особенность словаря — это разнообразие *нисб*, образованных от различных топонимов — от названий дорог до крупных регионов, а также от слов с различными значениями.

Мы можем отметить еще несколько особенностей *нисб*, встречающихся в *Зайл лубб ал-лубб*:

- Необычные трактовки, дополнительные к основным. Например, мы можем ожидать, что *нисба* *الجلودى* (fol. 12r.1) будет образована от слова *جلد* «кожа», однако в *Дополнении* это — *нисба* от кожаного навеса у ворот Бāб Аби ар-Рабй‘ в городе Қайруан. Или *الحلبى* (fol. 13v.17) — *нисба* от Аллепо, но также и от Халба, большого квартала в Багдāде рядом с Бāб ал-Азадж. *الانصارى* (fol. 5v.5) — *нисба* от ал-ансāр (ансāров), но помимо этого и от Ансāра — поселения в Египте и др.
- Наличие омонимичных *нисб*, т.е. *нисб*, относящихся сразу к нескольким топонимам / словам (например, *الاقحوانى* (fol. 4v.9); *الاموى* (fol. 5r.5); *الانصارى* (fol. 5v.5); *البيرة* (fol. 10r.8); *التتاي* (fol. 10r.20); *الحوزي* (fol. 14r.15); *الحوضي* (fol. 14r.16) и др.).

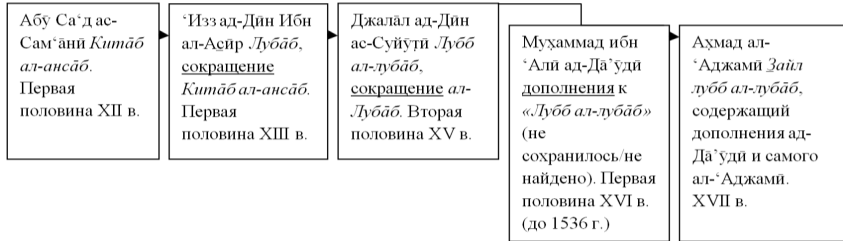
Выводы

1. Список В 976 не является *уником*, как это указано в двух авторитетных каталогах. Всего списков этого сочинения, как мы установили — шесть.

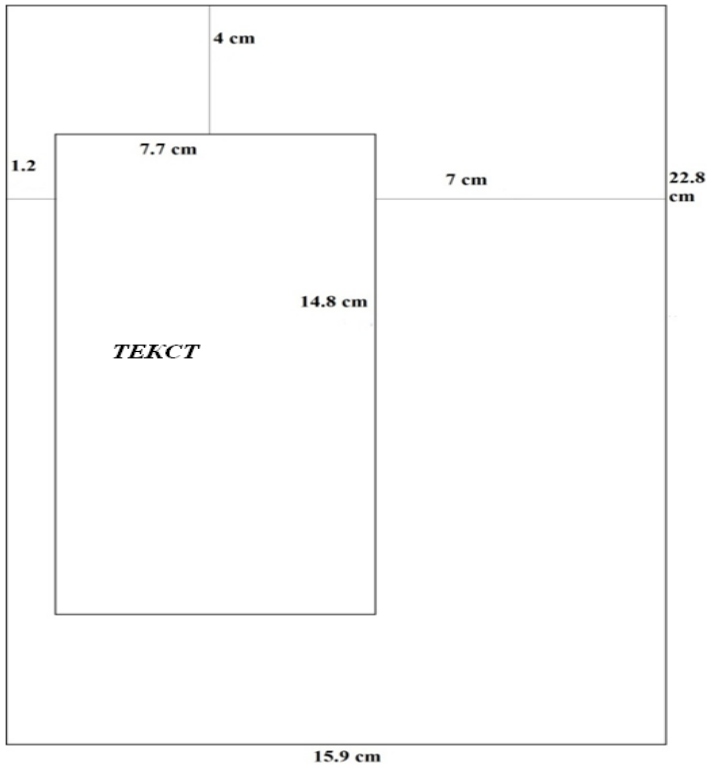
2. Список Cod. Arab.167 писался, вероятно, на заказ, а список B976 больше похож на черновые записи для личного чтения и может служить протографом списка Cod. Arab.167.
3. Большая часть дополнений ал-'Аджамй позаимствовал у ученика ас-Суй'утй, Мухаммада ад-Дя'удй (ум. 1538 г.) который исписал дополнениями личный экземпляр труда своего учителя.
4. Основные особенности этого сочинения связаны с особенностями литературы постклассического периода: компилятивностью и наличием постклассических языковых особенностей.
5. Большая часть заголовков словарных статей, которые не всегда являются *нисбами*, связана с топонимами, в том числе редкими. Это делает *Зайл лубб ал-лубаб* ценным источником по топонимике Ближнего и Среднего Востока.

1. Аджамй, А. Зайл лубб ал-лубаб, 1676 // ОР ИВР РАН. Ед. хран. В 976.
2. 'Ağamī, A. Dayl lubb al lubāb, 1733 // The Royal Library, Copenhagen. Cod. Arab. 167. — [электронная копия рукописи] — URL: <http://www5.kb.dk/permalink/2006/manus/160/> (дата обращения — 08.11.2020)
3. أحمد العجمي. ذيل لب اللباب في تحرير الأنساب // دراسة وتحقيق د. شادي بن محمد بن سالم آل نعمان. صنعاء: مركز النعمان للبحوث والدراسات الإسلامية وتحقيق التراث والترجمة. ١٤٣٢
4. Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог / под ред. А.Б. Халидова. Ч. 1-2 М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1986.
5. Allen, R. Post-Classical period: parameters and preliminaries / R. Allen. — The Cambridge history of Arabic literature: Arabic literature in the post-classical period / ed. R. Allen, D.C. Richards. — Cambridge: Cambridge university press, 2006. — P. 1-25.
6. Brockelmann, C. Geschichte der arabischen Litteratur / C. Brockelmann. — Leiden: E. J. Brill, 1938. — P. 419 – 420.
7. Codices orientales bibliothecae regiae Hafniensis. Pars altera. Codices hebraicos et arabicos. Hafniae: ex officina schultziiana. 1851.
8. Catalogue of oriental manuscripts, xylographs, etc. in Danish collections. V. 5, pt. 3. Catalogue of Arabic manuscripts: codices Arabici & codices Arabici Additamenta / ed. I. Perho. — Copenhagen: NIAS, 2007.
9. Gacek, A. Arabic manuscripts. A vademecum for readers / A. Gacek. — Leiden. Boston: Brill, 2009.
10. Liber as-Sojutii de nominibus revativis, inscriptus لب اللباب / Ad publicam disceptationem proponit Petrus Johannes Veth. — Lugduni Batavorum: S & J. Luchtmans Academiae Typographos, MDCCCXL (1840).
11. Rosen, V. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique / V. Rosen. — St.-Petersbourg, 1881. — P. 147-148.
12. [Rousseau J.-B. J. L.]. Catalogue d'une collection de cinq centes manuscrits orientaux / , [J.-B. J. L. Rousseau]. — Paris: Imprimerie de le Normant, 1817. — P. 33.

Приложение №1. Книги *ансāб*.

Приложение №2. Оформление страницы.

**РУКОПИСЬ “ХАМСА” НИЗАМИ №1126 ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
БИБЛИОТЕКИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Ashkenazi Roza

**NIZAMI'S KHAMSA FROM THE MANUSCRIPT COLLECTION OF
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES**

В статье рассматривается малоизученная иллюстрированная рукопись “Хамса” на персидском языке из собрания Восточного факультета СПбГУ, чья датировка является предметом научной дискуссии. Возможная датировка XIII в. и предполагаемое наличие в ней прижизненного портрета самого Низами повышают интерес к рукописи.

This paper deals with the insufficiently explored illuminated manuscript in Persian, which is being kept in the Library of the FAAS of SPbU. The manuscript's date is an object of academic discussion. The manuscript attracts more attention because its probable date is the 13th cent. and it is supposed to contain a lifetime portrait of Nizami Ganjavi.

Ключевые слова: иллюстрированные рукописи, классическая персидская литература, “Хамса”, коллекция рукописей Восточного факультета СПбГУ, Низами Ганджави

Key words: illuminated manuscripts, classical Persian literature, Khamsa, the collection of manuscripts of the FAAS, Nizami Ganjavi

В библиотеке Восточного факультета имеется интересная рукопись на персидском языке, содержащая пять поэм Низами: “Сокровищница тайн”, “Хусрав и Ширин”, “Лайли и Маджнун”, “Семь красавиц”, “Искандар-нама”, объединенных в собрание “Пятерица” (араб. “Хамса”). Великий представитель персидской литературы Низами Ганджави жил в XII в. в государстве Ильдегизидов, в городе Ганджа (ныне Республика Азербайджан). Он является зачинателем традиции “Хамса”, которую продолжили многие поэты, включая Амира Хусрава Дихлави и ‘Абд ар-Рахмана Джами.

Эта рукопись уже привлекала внимание исследователей, в том числе доцента Восточного факультета А.М. Фарзалиева. Уникальность рукописи, по мнению ученого, заключается в том, что список содержит прижизненный портрет Низами с соответствующей подписью, и, следовательно, верхняя дата его изготовления — 1217 г., год смерти Низами [The Encyclopedia of Islam, 1995, P.76]. Также, по мнению этого исследователя, текст списка выполнен почерком райхани [Фарзалиев, 2013, С.15]. Мнение А.М. Фарзалиева о датировке рукописи разделяют не все ученые, поэтому целью моего исследования было определение того, действительно ли настоящий список относится к XIII веку.

Данная рукопись попала в библиотеку Восточного факультета СПбГУ благодаря А.А. Ромаскевичу — востоковеду, который приобрел список в

1913 году в Исфахане во время стажировки в Иране в 1912 – 1915-х гг. Современные исследователи узнали о существовании данной рукописи благодаря каталогу вышеупомянутого автора, составленному в 1925 г. [Фарзалиев, 2013, С.17-18].

Рукопись находится в неплохом состоянии, т. е. большая часть текста читается, однако на многих страницах он смазан снизу или сверху, что не позволяет прочесть некоторые фрагменты поэм. Бумага тонкая, шелковистая, цвета жженой бумаги. Возникает ощущение, что рукопись находилась рядом с огнем.

Рукопись заключена в кожаный переплет и состоит из 294 листов, размером 21,5 x 31,5 см (размер текста — 15 x 26 см) и включает две непрономерованные страницы, содержащие пометки. Так, на форзаце есть отметки “A.R. 25.XI.13” (инициалы Ромаскевича и дата приобретения списка) и “Хамса. Исфахан” (название рукописи и место, где она была куплена). В манускрипте 26 миниатюр. На каждой странице помещено 50 бейтов. Список разделен на пять частей в соответствии с содержанием поэм, каждая из которых заканчивается треугольным колофоном.

Первая поэма “Пятерицы”, “Сокровищница тайн” (лл.1b-34a), является самой короткой и в то же время самой сложной поэмой Низами. Сложность языка была намеренной: автор хотел, чтобы читатель обратил внимание на каждую его мысль. “Сокровищница тайн”, написанная метром сари и состоящая из порядка 2400 бейтов, является дидактическо-философской поэмой [Mehmet Kanar, 2007]. Она посвящена правителю Эрзинджана Фахр ад-Дину Бахрам-шаху ибн Да’уду (1166 – 1225 гг.) [Бертельс, 1956, С.81]. Точная дата написания маснави неизвестна. Поэма заложила стиль дидактической поэмы, впоследствии использованный многими поэтами. В данной поэме миниатюр нет.

Вторая поэма рукописи, “Хусрав и Ширин” (лл. 34b-124a), была написана по заказу иракского Салджука Тогрула II (1177 – 1194 гг.), который поручил Низами сочинить маснави на любовную тематику. Несмотря на тяжелое психологическое состояние поэта после смерти первой жены, уже в 1181 г. поэма была закончена. Хотя произведение было заказано Тогрулом II, оно посвящено Шамс ад-Дину Абу Джа’фару Мухаммаду Джахан-Пахлавану, правителю Ганджи (1174 – 1186 гг.). Маснави содержит около 6150 бейтов, написанных метром хазадж, которые разделены на 100 глав (банд). Источником для вдохновения послужила легенда о Хусраве Парвизе, шахиншахе из династии Сасанидов, и его возлюбленной Ширин, которые не могли быть вместе [Бертельс, 1956, С.102-104]. Поэма иллюстрирована миниатюрами на лл.47a, 52b, 57b, 70a, 77b, 85b, 113a, 118b.

Третья поэма рукописи, “Лайли и Маджнун” (124b-173a), была заказана ширваншахом Ахситаном I (1160 – 1197 гг.), который и определил тему произведения. Поэма, законченная в 1188 г., содержит 354600 строк, написанных метром хазадж [Seyed-Gohrab, 2009]. Сюжет поэмы Низами таков: в Аравии жил один вельможа, у которого после долгих молитв родился сын Кайс. Когда мальчику исполнилось десять лет, он был отправлен в школу, где познакомился с Лайли. Дети влюбились друг в друга, но взрослые их

разлучили. В это время “безумно” влюбленный Кайс и получил прозвище Маджнун (араб. «сумасшедший»). Все его существование теперь заключалось в одержимости Лайли. Заканчивается маснави трагически: Лайли после смерти мужа, за которого ее выдали родители, желала воссоединиться с Кайсом, но тот уже был не в состоянии быть с ней. Она умерла, не дождавшись любимого. Узнав спустя некоторое время о смерти Лайли, погиб и Маджнун. Лайли и Маджнун — история несчастной любви молодых людей, которые не могут быть вместе из-за предрассудков общества: родители Лайли не могут опозорить свой род браком с безумцем, а Лайли не может им противиться, поскольку почитает родителей. Маснави содержит миниатюры на лл.134a, 135b, 147a, 150a, 153a, 160b, 167a.

Четвертая поэма “Пятерицы”- “Семь красавиц” (173b-224a) или “Семь портретов”, содержит около 5130 бейтов, написанных метром хафиф. Она была завершена в 1196 г. по заказу шаха из династии Аксункуридов ‘Ала’ ад-Дина Курпа-Арслана (1174 – 1207/08 гг.), правившего в Мараве [Бертельс, 1956, С.154-155]. Маснави сюжетно делится на три части: вводную, где излагается биография главного героя и описывается строительство замков, в которых проживают семь принцесс; основную, где Бахрам посещает принцесс, рассказывающих ему поучительные истории; заключительную, где происходит нападение на страну со стороны Китая и развивается эволюция образа главного героя — Бахрама Гура (421 – 438 гг.), сведения о котором Низами почерпнул из “Шах-нама” Фирдавси. Поэма уникальна тем, что для историй принцесс Низами использовал фольклорный материал. Заканчивается поэма исчезновением Бахрама в пещере. Поэма иллюстрирована миниатюрами на лл.182a, 186b, 188b, 193a, 200a, 203a, 206b, 211a, 215a.

Заключительная поэма рукописи — “Искандар-нама” (224b-294b), которая является венцом творчества Низами. Она содержит порядка 10000 бейтов, написанных метром мутакариб [Parello, 2010], и посвящена правителю Мосула из династии Зангидов — ‘Иззат ад-Дину Мас’уду [The Encyclopedia of Islam, 1995, P.79]. Главная цель поэта — показать Александра Македонского как царя-завоевателя, царя-мудреца и царя-пророка. В “Искандар-нама” полководец выступает как абсолютное добро и лишен отрицательных черт. Поэма имеет два раздела: “Книга славы” и “Книга счастья”. В “Книге славы” описываются детство и военные походы Александра. Эта часть состоит из семи эпизодов, каждый из которых содержит назидательные указания. “Книга счастья” состоит из двух частей, в первой из которых Александр представлен как ученый и мудрец, а во второй — как пророк. Примечательно, что Низами вводит описание времен года, начиная с весны, символизирующей возрождение природы. Главный эпизод этой части начинается летом, когда Александр находит идеальное общество. Осенью, когда природа начинает засыпать, он умирает, а зимой умирают ученые. “Искандар-нама” — самая большая поэма Низами, в которую он вложил больше всего сил. Данная поэма содержит миниатюры на лл.224b, 250b.

К сожалению, нам неизвестны ни переписчик, ни заказчик, ни художник-миниатюрист, ни место изготовления рукописи. На лл.1b, 34b, 173b, 224b

имеются оттиски овальной печати с именем Мухаммада Са'ида и датой 1094 г. х. (1682/1683 г.), однако неизвестно, кем он являлся. Возможно, он был заказчиком, который ставил экслибрис на свои книги. Печать говорит о том, что рукопись уже существовала в период, указанный на ней. Следовательно, текст рукописи не может быть младше указанного на печати.

Почерк, которым написана данная рукопись — насталик. Оформленный в первой половине XV в. 'Али б. Хасаном Табризи, он представляет собой соединение почерков насх и талик. Почерк данной рукописи — восточный насталик. Он отличается плавностью и компактностью написания. Именно этим почерком написано большинство персидских рукописей, начиная с XV в. [Golām-Hosayn Yūsofi, 1990]. Исходя из вышеизложенного, можно взять за нижнюю границу даты написания рукописи №1126 сер. XV в., поскольку представленный в списке вариант насталика представляет собой уже сформированный почерк.

Анализ миниатюр помогает в определении верхней границы даты написания рукописи. Безусловно, эта граница условна, так как сначала создавался рукописный текст, а затем в него вставлялись миниатюры. История персидской миниатюры делится на монгольский (конец XIII – XIV вв.), тимуридский (XV век), сефевидский (XVI — первая треть XVIII вв.), постсефевидский (середина XVIII — XIX вв.) периоды [Адамова, 2010, С.13, 16, 23, 37]. Анализ будет начат с сефевидской эпохи миниатюры, так как до этого периода в миниатюре преобладали дальневосточные черты, и поэтому рассматривать более ранние периоды нет необходимости.

В целом миниатюры нашей рукописи имеют неплохую сохранность, хотя на некоторых иллюстрациях есть трещины (напр., на л.200а). Однако на ряде миниатюр краска потрескалась и стерлась (лл.113b, 150а, 160b). Миниатюры имеют разный размер, однако все занимают приблизительно половину страницы. Во второй части “Хамса” есть миниатюры размером в $\frac{3}{4}$ страницы. Иллюстраций на отдельных листах нет. Почти все миниатюры так или иначе незначительно (от одной буквы до одного байта) закрывают текст поэмы. Только миниатюры на лл.134а, 147а, 220а имеют четко очерченную форму рамки, в то время как другие иллюстрации имеют форму неправильного многоугольника, кривоугольника или квадрата. Неправильная форма миниатюры во многих случаях обусловлена тем, что переписчик не оставил достаточно места для иллюстраций, поэтому художнику приходилось искать возможности для того, чтобы уместить на доступном пространстве листа иллюстрацию. На многих миниатюрах изображаемые персонажи оказываются за рамками пейзажа, иногда закрывая собой текст.

В основном, миниатюры написаны в теплой гамме; главным элементом иллюстраций, при создании которого используются оттенки холодной гаммы, являются горы на заднем фоне миниатюр. При их написании автор использовал сложные оттенки голубого и фиолетового. Этот элемент придает миниатюрам прохладу, поэтому на первый взгляд может показаться, что миниатюры, на которых присутствуют горы, написаны в холодной гамме.

Миниатюры не имеют перспективы, объема и светотени, что характерно для классической персидской живописи. В то же время миниатюры имеют некоторые черты европейского искусства, которые проявляются в лицах людей. Они уже не имеют монголоидный тип глаз, но при этом сохраняют классическое для персидской культуры представление о красоте бровей (они срослены или изображены близко друг к другу) [Адамова, 2010, С.40-41]. Следует отметить необычный цвет кожи героев: он очень бледный, нарочито подчеркнутый розовым румянцем.

Стоит обратить внимание на миниатюры к поэме “Семь красавиц”, заключенные в особые рамки (лл.193а, 200а, 203а, 206б, 211а, 215а). Эти обрамления призваны показать, что действие происходит в покоях той или иной принцессы. Каждая рамка сверху украшена своим уникальным элементом. Помимо рамок, эти миниатюры выделяются среди других иллюстраций рукописи тем, что имеют элементы, покрытые лаком.

Особенностью данных миниатюр является и их цветовое решение: они монохромны, хотя художник порой и играет с оттенками. Миниатюра на л.193а — первая иллюстрация к поэме “Семь красавиц”. На ней изображена комната индийской принцессы, чей цвет — черный. Здесь в глаза бросается фон: он не прорисован, а неравномерно закрашен углем. Доминирует серый с большим добавлением белого. Сверху, справа над рамкой имеется исправление в орнаменте.

Миниатюра на л.200а полностью темного цвета. Ее отличает полная законченность и обилие мелких деталей. В ней чувствуется другой уровень живописи; вероятно, ее создал другой художник, чей уровень мастерства был на порядок выше. Преобладающий цвет — темно-зеленый с холодным подтоном. Он настолько насыщенный и плотный, что кажется, будто миниатюра черного цвета. Изображаемая сцена — посещение Бахрамом замка хорезмийской принцессы, чей цвет был зеленый.

Миниатюра на л.203а построена на ярко холодно-розовом (цвет фуксии) с некоторыми деталями в тепло-красном цвете. Она изображает замок русской царевны. Иллюстрацию также отличает высокий уровень исполнения. Ее интересной особенностью можно считать непоследовательное использование красного цвета в деталях одежды.

Миниатюра на л.206а изображает замок магрибской принцессы. Она выполнена темно-серым цветом с отчетливым синим подтоном. По бокам рамки имеется неравномерный орнамент. Верхние границы рамки имеют несколько неодинаковый уровень.

Миниатюра на л.211а — самая маленькая из миниатюр к поэме “Семь красавиц”. Она выполнена в персиковом цвете. Видимо, она олицетворяет комнату в замке византийской принцессы, чей цвет был сандаловый. Хотя сандаловый и персиковый цвета не тождественны друг другу, но из всех имеющихся цветов, сандаловый (бледно-коричневый) находится ближе всего к персиковому. Верхняя часть рамки асимметрична, правая часть изображена намного ниже левой.

Последняя миниатюра данного цикла изображена на л.213а. Она схожа с миниатюрой на л.206б по многим параметрам: цветовая гамма, детали одежды персонажей. Единственное существенное отличие от других миниатюр — использование лака для заднего фона. Верхняя граница рамки имеет сильную асимметрию.

Исходя из изложенного выше описания миниатюр, можно сделать вывод, что только несколько иллюстраций обладают высокой художественной ценностью. Создается впечатление, что их писал профессиональный художник, а остальные миниатюры — его ученик-подмастерье. В них чувствуется незавершенность, схематичность. Например, на миниатюрах на л.85b и 147а ребра Маджнуна показаны лишь набросками. Также это подтверждает исполнение орнаментов к поэме “Семь красавиц”. Они выполнены небрежно, как будто наспех. Кроме того, почти у всех миниатюр отсутствуют четкие рамки, которыми для них служат естественные границы иллюстраций, что опять-таки указывает на невысокий уровень живописца.

Завершающей иллюстрацией на л.224b, среди текста поэмы “Семь красавиц”, является изображение пожилого мужчины. Эта иллюстрация по уровню исполнения не отличается от большинства миниатюр рукописи. Однако это единственная миниатюра, имеющая подпись, выполненную белой краской: “Сурат-и Шайх Низами рахматуллах” (“Портрет Шейха Низами, да смилуется над ним Аллах”) [Фарзалиев, 2013, С.17]. Возможно, у иллюстратора имелся в распоряжении некий портрет Низами, который он использовал в качестве прототипа для данной миниатюры, или же написал чей-то другой портрет, подписав его так, чтобы поднять цену на рукопись. Поза и манера изображения лица старца характерны для второй половины XVI и всего XVII века. Как ясно из подписи, изображаемое лицо — дервиш, которых в указанный период писали максимально реалистично [Адамова, 2010, С.26].

История знает два типа рукописей: 1) рукописи на заказ, предназначенные для правящих кругов и созданные лучшими мастерами, и 2) рукописи на продажу, выполненные на разном художественном уровне. Безусловно, данная рукопись принадлежит ко второму типу, который зародился в XIV в., но широко распространился в XVI в., когда миниатюра перестала быть ведущим направлением в персидской живописи (при Сефевидах стала преобладать живопись на отдельных листах). В связи с этим меняются характерные черты иллюстраций и их функции. Теперь их главная роль — не украсить рукопись, а дать пояснение той или иной сцены. В XVI в. подобные рукописи становятся продуктом массового производства. Они не отличаются искусностью, для них характерны простые пейзажи и отсутствие излишеств [Адамова, 2010, С.21-23]. Однако, несмотря на упрощенность, стиль миниатюр соответствовал придворному стилю периода их создания.

Данные миниатюры относятся к каджарскому стилю живописи, господствовавшему на протяжении всего XIX в. Об этом свидетельствуют характерные черты этого стиля, нашедшие отражение в данных иллюстрациях. В них присутствует эклектичность, что можно проследить в неупорядоченном изображении бровей девушек: на одних иллюстрациях они срощены, что

являлось эталоном красоты в эпоху Каджаров, а на других — изображены как дуги, что считалось красивым в предшествующие эпохи. В правление династии Каджаров в живописи преобладали искусственные позы. Это мы видим практически на всех миниатюрах. Особенно это заметно на лл.47а, 118b, 150а, 250b. К данному периоду живописи также относится условная трактовка пространства [Адамова, 2010, С.41, 47]. У зрителя не создается ощущения объема, кажется, что расположенные на миниатюре объекты находятся рядом друг с другом. Условно обозначена и светотень, которая здесь выступает лишь в качестве контуров шеи или рук.

Несмотря на невысокий уровень исполнения по сравнению с рукописями придворных мастеров, автор данных миниатюр добавил в некоторые иллюстрации деталь, придающую им больше объема, чем перспектива: выведение одушевленных персонажей за рамки миниатюры. Это можно увидеть на лл.47а, 85b, 182а, 188b. Выступающие элементы “свисают” снизу, как бы наступая на текст рукописи, создавая иллюзию того, что персонажи сходят с иллюстраций прямо к читателю. Полагаю, что это было сделано неслучайно (автор мог сжать изображение до имеющихся рамок, но этого не сделал).

Подводя итог, следует сказать, что рукопись «Хамса» Низами №1126 из библиотеки Восточного факультета СПбГУ не может относиться к XIII в., поскольку ни отличительные черты рукописи, ни почерк, ни имеющиеся в ней миниатюры не могли иметь место в такой ранний период. Наличие в рукописи портрета с подписью “Низами” не дает возможности утверждать, что рисунок изображает автора поэм и был сделан с натуры.

1. Рукописный список № 1126 “Хамса” Низами из коллекции научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, 02+294 л.
2. Адамова, А.Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века : каталог коллекции / А.Т. Адамова. — СПб. : Изд-во гос. Эрмитажа, 2010. — 512 с.
3. Бертельс, Е.А. Низами: творческий путь поэта / Е. А. Бертельс. —М.: Изд-во академии наук СССР, 1956. —261 с.
4. Фарзалиев, А.М. Рукопись «Хамсы» Низами Гянджеви XIII века с уникальным портретом поэта// Журнал “IRS”. [Электронный документ].- URL: <http://irs-az.com/new/pdf/201307/1373024390233947292.pdf>
5. The Encyclopedia of Islam: New Edition in 12 volumes. Volume IV: / ed. by С.Е. Bosworth [et al.].— Leiden: E.J. Brill, 1997.—1188 p.
6. Kanar, Mehmet. NİZÂMÎ-i GENÇEVÎ. // TDV Islam Ansiklopedisi. [Electronic document].- URL: <http://www.islamansiklopedisi.org.tr/nizami-i-gencevi>
7. Parello, Domenico. KĀMSA OF NEZĀMĪ. //Encyclopædia Iranica, online edition. [Electronic document].- URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kamsa-of-nezami>
8. Seyed-Gohrab, A.A.. LEYLI O MAJNUN. //Encyclopædia Iranica, online edition. [Electronic document]. -URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/leyli-o-majnun-narrative-poem>
9. Yüsofi, Golâm-Hosayn. CALLIGRAPHY. //Encyclopædia Iranica, online edition. [Electronic document].- URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/calligraphy>

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ИРАНА И ТАДЖИКИСТАНА ПОСЛЕ 1991 г

Gordeeva Polina

CULTURAL RELATIONS BETWEEN IRAN AND TAJIKISTAN AFTER 1991

В статье рассматривается сотрудничество Ирана и Таджикистана в области культуры после установления отношений между двумя странами в 1991 г. Сделана попытка проследить динамику этих отношений на основании новостных и аналитических статей, проанализировать подход двух стран к выстраиванию контактов в этой сфере, а также сравнить государственные и частные культурные связи двух стран.

The paper analyses cooperation between Iran and Tajikistan in the field of culture after the establishment of relations between the two countries in 1991. The author also attempts to trace the dynamics of these relations based on news and analytical articles, analyze the approach of the two countries to building contacts in this area, as well as compare government and private cultural relations between the two countries.

Ключевые слова: сотрудничество, культура, культурные связи, Иран, Таджикистан.

Key words: cooperation, culture, cultural relations, Iran, Tajikistan.

После распада СССР в 1991 г. и обретения Таджикистаном независимости Исламская республика Иран стала первым государством, открывшим дипломатическое представительство в Душанбе (8 января 1992 г.). В 1995 г. в Тегеране открывается посольство Таджикистана. Благодаря культурным, гуманитарным, политическим и экономическим связям персо-таджикский культурный континуум был восстановлен. Официальная позиция Ирана в целом благоприятствует дальнейшему укреплению связей между двумя ираноязычными странами, а Иран зачастую берет инициативу по этому вопросу в свои руки.

Начальный период ирано-таджикских отношений складывался в условиях сложной политической обстановки в Республике Таджикистан (передел власти, борьба между политическими партиями, гражданская война). Зарождение ирано-таджикских связей началось именно с установления культурных контактов и гуманитарной помощи ввиду отсутствия сильной государственности в Таджикистане, с одной стороны, и нехватки свободных средств в ИРИ на реализацию крупных экономических проектов в других странах в связи с действовавшими западными санкциями и невысокими ценами на нефть — с другой [Абдулло, 2013. С.196]. Первые меморандумы о развитии культурных связей были подписаны уже в 1993 г. [Уостнидж, 2014.

С.139], впоследствии они продолжились подписанием новых соглашений по расширению культурного сотрудничества во время обменов визитами президентов Ирана и Таджикистана. Иран и его посольство в Душанбе спонсировали публикации иранских авторов в таджикских газетах и академических журналах, содействовали восстановлению по всей стране библиотек, содержащих в своих фондах материалы по персидскому языку и литературе, и созданию факультетов, на которых преподавался фарси [Уостнидж, 2014. С.139]. При поддержке Отдела культуры иранского посольства в Душанбе в столице Таджикистана были открыты Институт по изучению таджикско-персидской культуры, книжный магазин «Alhodah» и периодическое издание «Reyvand» [Уостнидж, 2014. С.139]. Среди культурных начинаний была совместная работа художников и музыкантов, выделение средств на обучение таджикских студентов в Иране, сотрудничество в сфере высшего образования, поддержка проведения конференций, посвященных Рудаки и другим персидским литераторам [Уостнидж, 2014. С.139].

Период президентства М. Ахмадинежада характеризовался прагматичным подходом Ирана к персоязычному Таджикистану и Афганистану, как в экономической, так и в культурной сфере. Это проявлялось в переходе от культурно обусловленных внешнеполитических инициатив к деловым отношениям [Уостнидж, 2014. С.140]. Свидетельством этому служит проведение саммитов персоязычных государств в 2006 и 2010 годах, планы запуска телеканала с вещанием на персидском языке в Афганистане и Таджикистане. Афганистан, однако, не проявляет повышенного интереса к подобному союзу, а Таджикистан, стремящийся сохранять баланс во внешней политике, относится к нему с прагматическим реализмом. Тем не менее, Иран отводит отношениям с Таджикистаном особое место во внешней политике. На двусторонних встречах регулярно подчеркивается культурная, языковая и религиозная близость двух стран.

Власти Ирана стараются уделять внимание не только официальным контактам с Таджикистаном, но и знакомить рядового гражданина с таджиками и их культурой. Еще до революции 1978 – 79 гг. в Иране публиковали некоторые заметки Садриддина Айни, стихи Абдусалома Дехоти, Мумина Каноата, Лоика Шерали и других таджикских поэтов советского периода [Malekian, 2012. С.105]. С обретением Таджикистаном независимости литературные связи двух стран расширились. Стихи таджикских поэтов и научные статьи о Таджикистане печатались в таких иранских журналах, как «Āyandeh», «Simurgh», «Tarāneh», «Bukhara» [Malekian, 2012. С.105]. В 1998 г. современный иранский поэт Алиреза Казве опубликовал сборник ста таджикских поэтов XX в. «Потерянные солнца» (خورشیدهای گمشده) [Malekian, 2012. С.105]. Помимо этого, в Иране выпускались исследования таджикских ученых и деятелей культуры: Бободжана Гафурова, Абдулгани Мирзоева, Раджаба Амонова, Мехрубона Назарова [Malekian, 2012. С.105]. В 2004 г. Культурное представительство при Посольстве ИРИ в Таджикистане наградило трех таджикских писателей: Аълохона Афсахзода (автор историко-литературной книги «Адам-уш-Шуара Рудаки»; награжден посмертно), Али

Хорасани и Джурабека Назриева (авторы научно-исследовательского труда «Письмо и переписка в “Шахнаме” Фирдоуси»), — премией и грамотами [Сайт Iran.ru]. Ректор Института востоковедения Таджикистана Дж. Назриев, выступая на церемонии награждения, поблагодарил Посольство Ирана за тесное культурное сотрудничество с Таджикистаном, за поддержку таджикских ученых и писателей. С. Парс, на тот момент посол Ирана в Таджикистане, отметил, что научные и литературные произведения таджикских писателей хорошо знакомы иранским читателям и имеют широкий круг поклонников. В 2002–2004 гг. Культурное представительство профинансировало выпуск сорока наименований литературных и научно-исследовательских книг в Тегеране и Душанбе.

Интерес иранцев к таджикам не ограничивается только литературой. Иран принимает у себя таджикских художников, таджикские музыканты выступают на крупных иранских фестивалях и праздниках, в том числе и на праздновании годовщины Исламской революции, таджикские театры также посещают Иран со своими постановками и принимают участие в театральных фестивалях [Malekian, 2012. С.105]. Иранцы проявляют активный интерес к культуре таджикского народа, что выражается в их готовности знакомиться с ее элементами не только в самом Таджикистане, но и у себя на родине.

Вместе с тем официальная позиция Ирана по отношению к таджикам и в целом к Таджикистану зачастую принимает облик покровительства. В частности, в культуре это проявляется в попытках навязать арабо-персидскую графику (хотя сами таджики не торопятся переходить на нее [Сайт Tj.sputnik.ru]), внедрить иранские СМИ в таджикские (например, выше мы писали о планах создания персоязычного телеканала, однако некоторые требования Ирана, как обязательное ношение женщинами-телеведущими хиджаба, едва ли сочли бы обязательными к исполнению в Таджикистане), активном привлечении таджикских студентов в Иран и содействии открытию факультетов и кафедр персидского языка в таджикских университетах. Некоторые статьи утверждают, что общеиранские ценности являются приоритетными основополагающими для таджиков [Malekian, 2012. С.110]. В 2010 г. Иран открыл культурный центр в Душанбе — первый иранский центр, открытый за пределами ИРИ [Сайт BBC.com]. Руководитель аппарата президента Ирана Исфандияр Машои, прибывший на открытие центра, заявил, что Иранский дом — это возможность познакомить другие народы с культурой, традициями, историей Ирана. Все вышеперечисленное говорит о некотором пренебрежении в отношении собственно таджикских ценностей, интересов и вкусов.

В 2014–2019 гг. ирано-таджикские отношения переживали серьезный кризис, вызванный целым рядом причин (сотрудничество Ирана с таджикской оппозицией, обвинения таджикской стороной Ирана в подготовке террористов). Как следствие, это отразилось и на сотрудничестве в сфере культуры и образования. В 2015 и 2018 годах посольство Душанбе в Тегеране обязало таджикских студентов покинуть Иран. Это было связано с обострением ирано-таджикских отношений (на фоне приема лидера Партии

исламского возрождения Таджикистана М. Кабири на официальном уровне в Тегеране в 2015 г. и в связи с терактом в горах Таджикистана в 2018 г., ответственность за который таджикские власти возложили на ПИВТ) и развернувшейся пропагандой против Ирана.

Однако уже летом 2019 г. президент Ирана Хасан Рухани посетил Таджикистан, что говорит о потеплении в их взаимоотношениях [Сайт Kommersant.ru]. В дальнейшем развитие двусторонних отношений продолжило набирать обороты. В том же году новый Посол Ирана в Душанбе М. Сабири в ходе встречи с министром культуры Таджикистана Ш. Арумбекзаде подчеркнул, что развитие отношений в области культуры способно укрепить отношения во всех сферах, включая политическую [Сайт Ima.ir]. Среди аспектов укрепления культурных связей между двумя странами он назвал визиты делегаций для посещения культурных, художественных и религиозных центров Ирана и Таджикистана, организацию совместных выставок, знакомящих иранской и таджикской наукой и культурой, проведение национальных праздников, в том числе Международных дней выдающихся поэтов: Рудаки, Хафиза, Фирдоуси, Саади, Руми. Планируется также проведение совместной Недели кино. В декабре 2019 г. Таджикистан особо выделил на 6-м ежегодном Фестивале национальностей в Тегеране. Участникам фестиваля была представлена информация о Таджикистане, его национальной культуре, народных традициях, достопримечательностях [Сайт Mfa.tj].

Новый виток ирано-таджикских отношений пришелся на кризисный период, связанный с пандемией коронавируса. Несмотря на тяжелую эпидемиологическую ситуацию в стране, Иран отправил в Таджикистан гуманитарную помощь для борьбы с пандемией, в т.ч. медицинские лекарства и препараты, средства индивидуальной защиты [Сайт Asiaplustj.info]. Вторая партия гуманитарной помощи (медицинское оборудование, средства индивидуальной защиты и др.) была отправлена 3 сентября из Мешхеда [Сайт Asiaplustj.info].

Наряду с гуманитарной помощью в условиях пандемии не прекращается и сотрудничество в сфере культуры. В начале года на пост министра культуры Таджикистана была назначена Зульфия Давлатзода. 14 апреля в ходе встречи Посол Ирана М. Сабири подтвердил готовность Ирана продолжать сотрудничество в области культуры и выразил надежду на проведение совместных мероприятий в этой сфере по окончании пандемии [Сайт Iranpress.com]. 21 августа текущего года посол Таджикистана в Иране Низомуддин Зохида встретился с Курбонали Пурмарджоном (Организация исламской культуры и связей Ирана). Н. Зохида выразил готовность и дальше развивать культурные связи и сотрудничество между двумя странами по широкому кругу вопросов, а также призвал к созданию ирано-таджикской Академии языка и литературы [Сайт Tj.sputniknews.ru]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Таджикистан готов взять инициативу по укреплению и расширению культурного взаимодействия с Ираном в свои руки.

Помимо государственной культурной политики ИРИ необходимо упомянуть культурные связи Ирана и Таджикистана частного порядка. Современные таджикские поэты издаются в Иране и приглашаются на выступления и в настоящее время. Одним из самых известных иранскому читателю таджикских авторов является Иноят Ходжиева, более известная под псевдонимом Фарзона. Три ее произведения были изданы в Иране: «Паёми ниёгон» (Тегеран, 1996 г.), «Сузи нотамом» (Тегеран, 2005 г.) и «Набзи борон» (Тегеран, 2013 г.). В сентябре 2020 г. иранское издательство «Kheradgan» опубликовало книгу современного таджикского поэта Абдуджаббора Суруша, ставшей его второй по счету книгой, изданной в Иране [Сайт Sputnik-tj.com]. Ранее в Иране был опубликован сборник рассказов таджикской писательницы Марьямбону Фергани (лауреат Премии Б. Пастернака в России (1995 г.) и Премии Садреддина Айни в Таджикистане (2012 г.)) [Сайт Sputnik-tj.com].

Известный иранский режиссер Мохсен Махмальбаф, нынешний президент Азиатской киноакадемии, будучи диссидентом и одиозной фигурой у себя на родине, живет между Парижем, Кабулом и Душанбе. Две картины этого режиссера («Молчание» 1998 г. и «Секс и философия» 2005 г.) снимались в Таджикистане, где автор находит воздух свободы, эмансипированных женщин и возможность вкусить запретные плоды [Сайт Kommersant.ru].

Официальная пропаганда Ирана стремится сформировать образ современного таджикского народа — образчика веры в общеиранские идеалы и приверженца арийской идентичности, который ориентируется на общее прошлое, уходящее корнями в Ахеменидскую эпоху. С одной стороны, культурные связи Ирана и Таджикистана являются стратегическими и выгодными для обеих сторон (например, предоставление возможностей для обучения, взаимных стипендий, перевод и публикация персидской и таджикской литературы различных временных периодов). Иран на протяжении всего времени сотрудничества стремился нивелировать шероховатости политических проблем поддержанием культурных контактов, основанных прежде всего на доверии [Malekian, 2012. С.111]. С другой стороны, давление Ирана и попытки спекулировать общим историческим и культурным прошлым заставляют таджиков относиться более осторожно к своим иранским коллегам. Что касается частных культурных контактов, Таджикистан, не скованный фундаменталистскими принципами, видится иранцам местом творческого самовыражения и возможностью прибегнуть к приемам, запрещенным в Иране, как, например, в случае с М. Махмальбафом. Для обеих сторон культурные связи являются способом расширить аудиторию и донести свои идеи более широкому кругу ираноязычной публики.

1. Абдулло, Р. Президенты Ирана и таджикско-иранские отношения / Р. Абдулло // Центральная Азия и Кавказ. / под ред. М. Эсенова [и др.] — Лулео, 2013. — Т. 16. Вып. 3. — С. 188–200.
2. "В моих ранних картинах я был экстремистом": [Электронный документ] // 06.08.2007. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/792741>.

3. Зоҳиди призвал к созданию Академии языка и литературы Ирана и Таджикистана. // 21.08.2020. — URL: <https://tj.sputniknews.ru/culture/20200821/1031771726/tajikistan-iran-sozdanie-akademii-yazyka-literatury.html>.
4. Иран открыл культурный центр в Душанбе: [Электронный документ] // 12.07.2010. — URL: https://www.bbc.com/russian/international/2010/07/100712_tajikistan_iran_cultural_centre.
5. Иран отправил в Таджикистан 6 тонн медикаментов в качестве гуманитарной помощи. // 12.05.2020. — URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200512/iran-otpravil-v-tadzhikistan-6-tonn-medikamentov-v-kachestve-gumpomotshi>.
6. Иран отправил в Таджикистан ещё 2,5 тонн медикаментов в качестве гумпомощи. // 03.09.2020. — URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200903/iran-otpravil-v-tadzhikistan-etshyo-25-tonn-medikamentov-v-kachestve-gumanitarnoi-pomotshi>.
7. Кривошеев, К. Иран и Таджикистан вспомнили о бывшей дружбе [Электронный документ] // 17.06.2019. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4003488>.
8. Культурное представительство Ирана в Таджикистане наградило трех таджикских писателей: [Электронный документ] // 17.03.2004. — URL: https://www.iran.ru/news/culture/18553/Kulturnoe_predstavitelstvo_Irana_v_Tadzhikistane_nagradiло_treh_tadzhikskix_pisateley.
9. Нуриддин, Саид: мы не видим необходимости переходить на персидский алфавит: [Электронный документ] // 19.07.2019. — URL: <https://tj.sputniknews.ru/opinion/20190719/1029441991/nuriddin-said-tajikistan-persidskiy-alfavit.html>.
10. Уостиндж, Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма / Э. Уостиндж // Центральная Азия и Кавказ. / под ред. М. Эсенова [и др.] — Душанбе, 2014. — Т. 17. Вып. 4. — С. 131–144.
11. Участие Посольства Таджикистана в Фестивале национальностей в Тегеране: [Электронный документ] // 09.10.2020. — URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/5362/uchastie-posolstva-tadzhikistana-v-festivale-natsionalnostei-v-tegerane>. Проверено 30.10.2020.
12. Китоби нависандаи тоҷик Марямбону Фаргонӣ дар Эрон чоп шуд: [Электронный документ] // 08.07.2020. — URL: https://m.sputnik-tj.com/culture/20200708/1031540913/Kitobi-navisandai-tojik-Maryambonu-Fargoni-dar-Iran-chop-shud.html?mobile_return=no.
13. Китоби шоири тоҷик дар Эрон нашр шуд: [Электронный документ] // 14.09.2020. — URL: <https://sputnik-tj.com/culture/20200914/1031898789/Kitobi-shoiri-tojik-dar-Iran-nashr-shud.html>.
14. Iran ready to strengthen cultural cooperation with Tajikistan: Ambassador. // 14.04.2020. — URL: <https://iranpress.com/content/20701>.
15. Malekian, M. ravābet-e farhangi-ye irān va tājikestān / M. Malekian // Motāle‘āt-e āsiā-ye markazi, №11 / ed. by E. Koolae. — Tehran, 2012. — P. 95–114.
16. Zamine-ye towse‘e-ye monāsebat-e hamkārihā-ye farhangi-ye irān va tājikestān barresi šod: [Электронный документ] // 07.06.2019. — URL: <https://www.irna.ir/news/83342733>.

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ ЛЮ ЧЖЭНЫЮНЯ «ВСПОМИНАЯ 1942»

Gribanova Natalia

THE IDEOLOGICAL AND THEMATIC CHARACTERISTICS OF THE NOVEL “REMEMBERING 1942” BY LIU ZHENYUN

В статье рассматривается повесть «Вспоминая 1942» современного китайского писателя Лю Чжэньюня. В этом документальном произведении описаны трагические события голода в провинции Хэнань в 1942 – 1943 гг., унесшего жизни трех миллионов человек. Предпринята попытка изучить идейное своеобразие повести, а также охарактеризовать поднимаемые автором темы и проблемы.

The paper deals with the novel “Remembering 1942” by a modern Chinese writer Liu Zhenyun. In this documentary novel, the writer describes the tragic events of the famine in Henan province in 1942 – 1943, which claimed the lives of three million people. The paper aims at examining the ideological features of the novel, as well as characterizing the themes and problems raised by Liu Zhenyun.

Ключевые слова: Лю Чжэньюнь; «Вспоминая 1942»; современная китайская литература; новая историческая проза; голод в Хэнане 1942 г.

Key words: Liu Zhenyun; “Remembering 1942”; contemporary Chinese Literature; New historical fiction; the Henan famine of 1942

Лю Чжэньюнь 刘震云 (род. 1958 г.) — современный китайский писатель, лауреат Всекитайской премии 1987 – 1988 гг. и премии имени Мао Дуня 2011 г., обладатель приза «Влияние на Китай» как один из самых влиятельных людей Китая, кавалер Ордена Искусств и литературы Франции. Широкая известность как в Китае, так и за рубежом пришла к писателю в 2000-е гг. благодаря популярности его сатирических романов, таких как «Мобильник» (手机, 2003 г.), «Меня зовут Лю Юэцзинь» (我叫刘跃进, 2008 г.), «Я не Пань Цзиньянь» (我不是潘金莲, 2012 г.). На первом этапе творчества, в 1980-е — нач. 1990-х гг. писатель работал в русле неореализма¹⁶, а в 1990-е гг. посвятил себя исторической теме. На фоне всех произведений особенно выделяется историческая повесть «Вспоминая 1942» (温故一九四二), — единственное в творчестве Лю Чжэньюня документальное произведение. На страницах

¹⁶ Неореализм (新写实) или новый реализм стал набирать силы в конце 1980-х гг. и занимал видное место на китайской литературной арене в начале 1990-х гг. Неореализм характеризуется возвращением к правдивому изложению жизни простых людей, вниманием к заурядности и обыденности жизни, которая лишена высшего предназначения.

повести писатель рассказал о страшном голоде, бушевавшем в Китае в 1942 – 1943 гг.

Трагические события 1942 – 1943 гг. навсегда останутся одной из самых мрачных страниц в истории провинции Хэнань. Небывалая засуха, длившаяся с лета 1942 г. по весну 1943 г. сказалась на количестве собранного урожая, а нашествие саранчи лишило крестьян надежды избежать массового голода. В этот период, по разным оценкам, от голода скончалось от 1,5 до 4,5 миллионов человек [Ван, 2006. С.130]. Несмотря на масштабность этих страшных событий, Лю Чжэньюнь, выходец уезда Яньцзинь провинции Хэнань, узнал о них лишь в 1990 г., в возрасте 32 лет, когда его приятель Цянь Ган 钱钢 обратился к писателю с просьбой подготовить информацию о событиях в Хэнане для книги «Сто тяжелейших бедствий Китая в XX веке» (二十世纪中国重灾百录). Тогда-то писатель и принялся за работу над повестью «Вспоминая 1942», основываясь на свидетельствах очевидцев, газетных репортажах, воспоминаниях, приправляя фактический материал собственными глубокими размышлениями. Книга под редакцией Цянь Гана и Гэн Цинго 耿庆国, в которую вошла работа Лю Чжэньюня, была опубликована в 1999 г. На сегодняшний день произведение не переведено на русский язык и крайне мало изучено отечественными и западными исследователями.

Повесть состоит из семи глав и небольшого приложения. В самом начале Лю Чжэньюнь описывает свою встречу со старым товарищем, который организовал для него роскошный банкет, чтобы попросить расследовать события 1942 г. Это застолье сравнивается с богатыми угощениями, которыми хэнаньские чиновники потчевали американских журналистов, Теодора Х. Уайта (1915 – 1986 гг.) и Харрисона Формана (1904 – 1978 гг.), в феврале 1943 г., в самый разгар голода, когда «матери варили и ели собственных детей» [Лю, 2009. С.189]. Вторая глава наполнена воспоминаниями деревенских жителей, переживших тот голод. Рассказчик предстает в качестве интервьюера, респондентами становятся его бабушка, дядя Хуачжао, сын бывшего местного землевладельца Фань Кэцзянь, член НПКСК от их уезда старый Хань. В свидетельствах очевидцев много общего — они «обрывочны, неполны, неточны» [Лю, 2009. С.194], а самое главное — герои не могут сразу же вспомнить, что произошло в роковой 1942 год. Воспоминания каждого опрошенного как будто прошли через призму своих занятий или переживаний того времени. Эти размытые воспоминания автор подкрепляет выдержками из статьи Чжан Гаофэна 张高峰 (1918 – 1989 гг.) «Правда о бедствии в Хэнане» (豫灾实录), опубликованной в газете «Дагунбао» (大公报), где сообщается, что голодающие были вынуждены питаться травой и корой деревьев, что помимо засухи и нашествия саранчи, разные районы провинции пострадали от градобития, ураганов, сильных морозов, из-за которых многие крестьяне умирали от обморожения; многие травились, употребляя в пищу несъедобные растения и предметы; в провинцию вернулась первобытная эпоха натурального обмена и продажи людей.

Значительная часть произведения посвящена оценке действий премьер-министра Китайской Республики Чан Кайши 蔣介石 (1887 – 1975 гг.), который долгое время не оказывал помощи голодающему населению Хэнани, а также отказывался снизить размер натурального налога и приостановить сбор провианта для армии в регионе. Писатель также проливает свет на судьбу беженцев, бросивших свои дома, хозяйства и направившихся искать спасение в провинции Шэньси. Для этого рассказчик обращается с расспросами к дядюшке Хуачжао, семья которого бежала от голода. Затем рассказчик навещает старика Го Ююня, который по дороге потерял мать, жену, троих детей и остался совсем один. Описание голода воссоздается не только по свидетельствам самих жертв трагедии, но и на основании воспоминаний репортера журнала «Time» Теодора Х. Уайта, который в это время путешествовал по Китаю. В повести приводятся цитаты из книги Уайта «In Search of History: A Personal Adventure» (1978 г.), описывающие увиденные ужасы: беженцы были одеты в лучшую одежду, которая по дороге превращалась в лохмотья. До Шэньси люди добирались на поездах зацепом, что было крайне опасно: многие падали с поездов и оказывались раздавленными. Расцвела торговля людьми, чаще всего продавали детей. На улицах можно было встретить стаи собак, поедавших тела погибших. Среди людей распространились случаи каннибализма. Нередко матери и отцы ели своих детей, бывали случаи, когда семьи обменивались детьми, женами в каннибалистических целях.

Кроме этого, Лю Чжэньюнь описывает информационную войну и рассказывает, как журналисты пытались донести до общественности информацию о катастрофе в Хэнани, и как этому противостояло правительство. Так, по распоряжению Чан Кайши была приостановлена работа редакции газеты «Дагунбао», в которой ранее публиковались статьи, освещавшие голод и бездействие властей. Информационную блокаду в итоге удалось прорвать только Теодору Х. Уайту, который обращался во все возможные инстанции. Но что касается последовавшей за этим помощи китайских властей, от нее, по сути, не было никакой пользы: в Хэнань были направлены денежные средства, но до людей дошла лишь малая их часть, ведь деньги оседали в карманах чиновников. Наконец, в Хэнань из других провинций привезли очень мало зерна, и потому на дошедшие до крестьян деньги купить было нечего. Как пишет Лю Чжэньюнь, «если бы всё так и продолжалось, скорее всего, настал бы день, когда все хэнаньцы умерли бы от голода» [Лю, 2009. С.222]. Тем не менее, люди выжили, и спустя пятьдесят лет Хэнань стала одной из самых густонаселенных провинций Китая. Но благодаря чему? В конце 1943 г. Хэнань заняли японцы, которые совершали страшные, жестокие преступления во время оккупации Китая. Но, как ни странно, именно эти агрессоры стали спасителями хэнаньцев, — они организовали раздачу зерна и продуктов.

По многочисленным заявлениям самого Лю Чжэньюня, главной мотивацией для написания повести «Вспоминая 1942» стал факт того, что и он,

и другие потомки жертв голода не знают об этой трагедии. Как выяснилось в ходе расследования, сами свидетели тех событий выкорчевали из памяти болезненные воспоминания. Проблема угасания памяти не раз поднимается в тексте; первое данное автором объяснение данному явлению кажется поверхностным: бабушка рассказчика не может вспомнить голод 1942 г., потому что на ее памяти таких голодных лет было великое множество. Однако в тексте Лю Чжэньюнь приводит проникновенную фразу, которая проливает свет на истинные причины забвения: «Я стал сдирать у своих родных и стариков затянувшиеся шрамы пятидесятилетней давности, заставляя их снова обливаться кровью; тем более, что эти шрамы так крепко зарубцевались, иссушились временем и пылью и превратились в броню, пытаться ее снять так же трудно, как передвинуть Тайшань» [Лю, 2009. С.204]. Именно забвение выступает в качестве вышеупомянутой «брони», — это своего рода защитный механизм. Этого подхода придерживается исследовательница Чжоу Вэньнин, она пишет, что избирательное забвение и память — это эффективный способ лечения культурных травм. Забвение способствует примирению, травмирующие воспоминания больше не вызывают мучений» [Чжоу, 2019. С.14].

Многие китайские исследователи относят повесть к господствовавшему в то время литературному течению «новой исторической прозы»¹⁷ (新历史小说). Так, для «новой исторической прозы» характерно изображение народного (民间) восприятия истории, которое, в свою очередь, «поворачивается от абстракций к конкретике, конкретному человеку, который из «статиста» превращается в действующее лицо» [Сидоренко, 2018. С.157]. Действительно, Лю Чжэньюня в первую очередь волнует судьба «маленького» человека, то, как сложится его личная история. Значимость же политических, международных вопросов для писателя не так велика. Например, автор рассказывает, что во время конфликта Чан Кайши и генерала Стилуэлла Сун Мэйлин предложила решить вопрос за чашкой кофе, на что писатель реагирует следующими словами: «Мне неинтересно, поссорились эти двое или нет, в конце концов, обе стороны спора уже отправились к праотцам, их с нами больше нет. Но я обратил внимание: в 1942 г. в Китае по-прежнему был “вкусный кофе”, в то время как простой народ из моего родного края ел кору деревьев, хворост, сорные травы и ядовитые растения» [Лю, 2009. С.197]. Среди особенностей «новой исторической прозы» также выделяется нивелирование дискурса соцреализма и переосмысление революционной истории. Эта тема поднимается и в повести. Так, бабушка рассказчика в 1942 г. служит в доме крупного землевладельца, но при этом у нее с хозяевами выстроены очень теплые отношения. В разгар голода амбар семьи Фань

¹⁷ «Новая историческая проза» – направление в китайской литературе, возникшее во второй половине 1980-х гг. и продолжавшее развиваться в 1990-е – 2000-е гг. Произведения этого направления дают новый взгляд на события XX века с «изнаночной стороны», отказываясь от идеологизированной интерпретации прошлого.

подвергается нападению голодающей бедноты, которая учиняет грабежи, режет скот и в итоге погибает в пожаре. Таким образом, в повести, с одной стороны, затрагиваются вопросы классовой борьбы, но, с другой стороны, в повествовании все переворачивается с ног на голову: история рассказывается с точки зрения сына помещика, а нелепая гибель взбунтовавшихся крестьян кажется насмешкой над героикой соцреализма. Еще одна характерная черта «новой исторической прозы» — она описывает человека как бессильную жертву «большой истории» [Сидоренко, 2018. С.158]. Эта проблема не раз поднимается Лю Чжэньюнем в повести и кристаллизуется при объяснении мотиваций Чан Кайши: «На востоке смерть трех миллионов человек от голода не может повлиять на ход истории» [Лю, 2009. С.198]. Писатель неоднократно напоминает читателям, какие вопросы стояли перед лидером Гоминьдана: на одной чаше весов — война с Японией, отношения со странами-союзницами, противостояние с КПК и внутрипартийная борьба в самом Гоминьдане, на другой — жизнь и благополучие тридцати миллионов человек (примерно так оценивается число затронутых голодом хэнаньцев). В итоге, Лю Чжэньюнь наглядно продемонстрировал, с какой легкостью простой народ становится разменной монетой для достижения властью целей «большой» истории.

Любопытно, что многие колкие комментарии Лю Чжэньюня сохраняют злободневность до сих пор. К примеру, автор затрагивает вопрос ядерной войны: «Если начнется мировая ядерная война, последними выжившими останутся лидеры разных стран», те, кто владеет ядерной кнопкой, никогда не пострадают [Лю, 2009. С.196]. Можно предположить, что эта тема была наваяна непростой международной обстановкой в 1990-х гг., когда в начале 1993 года (как раз в это время создавалось производство) КНДР начала выход из Договора о нераспространении ядерного оружия. Другой пример злободневных замечаний автора, связанных с политикой, касается критики современной системы образования: «Дети — это барометр государства или правительства. Если портфели школьников слишком тяжелые, ... домашнее задание невозможно доделать дома, то ребенку не продохнуть от такого давления, что свидетельствует о том, что эта страна еле стоит на ногах; точно так же, если правительство не обращает внимания на огромное количество умирающих от голода детей, то длительное существование такого правительства вызывает сомнения» [Лю, 2009. С.217].

Переходя к теме взаимоотношения народа и власти, Лю Чжэньюнь не смягчает своей критики. Можно сказать, что именно власть, олицетворенная в образе Чан Кайши, выступает в качестве антагониста повести. Вина властей не ограничивается только «преступным бездействием», они также сыграли и активную роль в ухудшении положения крестьян: многие чиновники и военачальники втридорога продавали свои излишки зерна крестьянам, которые были вынуждены ради этого за гроши продавать свои земельные наделы — единственный источник пропитания. Лю Чжэньюнь афористично характеризует взаимоотношения народа и власти: «не умер с голоду — тебя

добьет уездная управа» [Лю, 2009. С.192] или «когда приходится иметь дело с правителями, нам, простому народу, несдобровать» [Лю, 2009. С.199].

Тем не менее, на протяжении всего произведения в отношении китайских властей с народом вмешивается так называемая «четвертая власть», а именно — пресса. Таким образом Лю Чжэньюнь с нового ракурса осветил традиционную для себя тему взаимоотношений народа и власти, добавив в нее третью сторону — представителей СМИ. Писатель исследует изменения в структуре властных отношений, после того как у всемогущего правительства появляется противовес в лице независимой прессы. И если на собственно китайские газеты и журналы власти достаточно быстро находят управу (например, когда Чан Кайши приостанавливает работу газеты «Дагунбао» за негодную ему статью), то с западными СМИ им приходится считаться. В итоге именно иностранцы становятся теми, кто открыл глаза международному сообществу на катастрофу в Хэнани. Лю Чжэньюнь дает возможность сравнить свободу прессы в Китае и США, когда пишет про безуспешную попытку Сун Мэйлин убедить издателя журнала «Time» уволить Т. Уайта. Автор замечает, что даже если бы о подобном американского издателя попросила супруга президента Рузвельта, то тоже получила бы отказ, ведь Америка — «это в конце концов страна со свободной прессой» [Лю, 2009. С.213], в отличие от Китая.

Оценивая раскрытие темы народа и власти в повести, известный исследователь Мо Ло отмечает, что в Китае существует множество произведений о власти, однако «среди всех писателей, пожалуй, только Лу Синь настолько же скептически по отношению к правителям, как Лю Чжэньюнь» [Мо, 2015. С. 92]. Таким образом, в повести власть предстает в негативном свете, ведь она становится источником бед и несчастий народа. Однако было бы любопытно привести выдержку из одного интервью Лю Чжэньюня на эту тему: «Чиновники не виноваты, всё зависит от народа. Каков народ, такие и чиновники. Нам не стоит винить чиновников» [Мо, 2015. С. 92]. Получается, что порочность власти объясняется изъянами самого общества. Хотя данная идея далее не развивается в исследуемой повести, однако она получила продолжение в более поздних произведениях Лю Чжэньюня. О.П. Родионова исследует эту проблему на примере романа «Дети стадной эпохи» и делает вывод, что пороки чиновников проистекают из пороков окружающего их общества [Родионова, 2018. С.78].

В повести Лю Чжэньюнь выступает с критикой национального характера китайцев. Пожалуй, наибольшему порицанию подвергается смирение, покорность, в некоторой степени приспособленчество китайцев, когда народ не желает сопротивляться, бороться за свои права. Этот аспект раскрывается писателем, когда он затрагивает тему каннибализма: «Нация, в которой люди не могут поднять восстание, а лишь калечат и съедают своих родных, совершенно безнадежна» [Лю, 2009. С.209]. Однако у этого есть и обратная сторона — умение выживать в любых условиях. Данная черта характера действительно присуща многим китайцам, о чем писал известный российский китаевед Николай Алексеевич Спешнев (1931 – 2011 гг.): «Китайцы

предпочитают приспособливаться к окружению и обстановке, соответствовать, а не покорять и изменять» [Спешнев, 2011. С.162].

Наконец, писатель задается вопросом — что же нужно китайскому народу для счастья? Ответ крайне прост: «Когда имеешь достаточно зерна, все становится хорошо, и тогда не страшно мракобесное, отвратительное, порочное, обдирающее [свой народ] правительство» [Лю, 2009. С.221]. Таким образом, автор говорит о минимальных условиях для выживания, т.е. китайцам не нужно для счастья многого, они довольствуются тем минимумом, которого будет достаточно для поддержания жизни. Эту же черту национального характера отмечал и выдающийся китайский писатель, ученый Линь Юйтан 林语堂 (1895 – 1976 гг.), утверждая, что китайцы наслаждаются простыми радостями жизни [Линь, 2010. С.294-295]. Можно предположить, что именно эта черта характера помогала китайцам справляться с невзгодами: стоило только испытанию остаться позади, как крестьянин мог вновь радоваться тому малому, что имеет. Но и этой же чертой можно объяснить смирение и нежелание восставать против порочного режима — чем меньше человеку нужно для счастья, тем дольше он может терпеть трудности и беспредел властей.

Подводя итоги, отметим, что в повести «Вспоминая 1942» автор остро ставит проблему субъективности и избирательности индивидуальной памяти, затрагивает феномен коллективного забвения как способ лечения культурных травм. Среди поднимаемых проблем — факт того, что простой народ зачастую становится жертвой «большой истории»; писатель пытается нивелировать эту проблему в повести, обращаясь к народному восприятию истории, рассказывая о судьбе «маленького человека». Эти концептуальные особенности во многом роднят повесть «Вспоминая 1942» с «новой исторической прозой».

Помимо исторической темы, Лю Чжэньюнь также пристально рассматривает тему власти, которая, по мнению автора, является основным источником бед простого народа. Отметим также, что произведение, посвященное событиям почти восьмидесятилетней давности, звучит актуально и в наши дни: коррупция чиновников, вседозволенность и беспредел властей, свобода прессы, забвение собственной истории, особенности национального характера, раскрывающиеся в периоды трудностей, — все эти вопросы не теряют актуальности и по сей день.

1. Линь, Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. Н.А. Спешнева. — М. : Вост. лит., 2010. — 335 с.
2. Родионова, О.П. Темы и образы в романе Лю Чжэньюня «Дети стадной эпохи» / О.П. Родионова // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. — 2020. — Т. 12. — №1. — С. 66-87.
3. Сидоренко, А.Ю. О концепциях китайской "новой исторической прозы" / А.Ю. Сидоренко // Проблемы Дальнего Востока. — 2018. — №6. — С. 154-162.
4. Спешнев, Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. — СПб. : КАРО, 2011. — 336 с.

5. 刘震云. 温故一九四二 // 刘震云精选集 — 北京: 北京燕山出版社, 2009. — 156-188 页. (Лю Чжэньюнь. Вспоминая 1942 // Избранные сочинения Лю Чжэньюня — Пекин: Изд-во «Бэйцзин Яньшань», 2009. — С.156-188.)
6. 摩罗. 刘震云: 中国生活的批评家 // 刘震云研究 — 郑州: 河南大学出版社, 2015. 79-95 页. (Мо Ло. Лю Чжэньюнь: критик китайской жизни // Исследования творчества Лю Чжэньюня — Чжэнчжоу: Изд-во «Хэнань дасюэ», 2015. — С. 79-95.)
7. 王小静. 1942 — 1943 年河南灾荒研究 — 硕士学位论文. 2006. 177 页. (Ван Сяоцзин. Исследование бедствий в Хэнани 1942-1943 гг.: маг. дис. — 2006. — 177 с.)
8. 周文宇. 《温故一九四二》的历史书写与记忆重塑 // 大众文艺. — 2019 (12). 14-15 页. (Чжоу Вэньнун. Изложение истории и восстановление памяти в повести «Вспоминая 1942» // Вэньи пинлунь. — 2019. — № 12. — С. 14-15.)

АКУСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ В ПРЕДИКАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ И КОПУЛАХ BE И TE В ЯЗЫКЕ БАМАНА

Ermakova Anastasiia

ACOUSTIC STUDY OF VOWELS IN PREDICATIVE MARKERS AND COPULAE BE AND TE IN BAMBARA

Вопрос о статусе в языке бамана предположительно омонимичных вспомогательных связочных слов: предикативного показателя BE и копулы BE, отрицательного предикативного показателя TE и отрицательной копулы TE регулярно привлекает интерес исследователей. В данной статье предпринимается попытка инструментального акустического анализа качеств гласных в предикативных показателях и копулах BE и TE на сегментном и суперсегментном уровне.

Supposedly homonymous auxiliary connectors in Bambara: predicative marker BE and copula BE, negative predicative marker TE and negative copula TE, remain at issue of discussion among specialists in Manding languages. This paper intends to provide an instrumental acoustic analysis of vowels' qualities in predicative markers and copulae BE and TE on the segmental and suprasegmental level.

Ключевые слова: язык бамана; предикативный показатель; копула; тон; редукция гласного

Key words: Bambara language; predicative marker; copula; tone; vowel reduction

Введение

Язык бамана входит в восточную подгруппу манден семьи манде, макросемья нигер конго. В языке бамана фиксированный порядок слов.

Базовая структура простого глагольного предложения выглядит следующим образом: S AUX O V X, где S обозначает подлежащее, AUX — предикативный показатель, O — прямое дополнение, V — глагол и X — косвенное дополнение или сирконстант. Предикативный показатель обязателен для оформления глагольного предложения, исключение составляют перфективная непереходная конструкция и конструкция повелительного наклонения, где подлежащее стоит в единственном числе.

Неглагольная предикация оформляется при обязательном наличии копулы. Различные типы утвердительных неглагольных предложений оформляются разными копулами, тогда как в отрицательных всегда используется копула TE.

В языке бамана существуют две пары предположительно омонимичных вспомогательных слов: копула BE и предикативный показатель BE, отрицательная копула TE и отрицательный предикативный показатель TE.

В статье В.Ф. Выдрина [Vydrin, 2020] постулируется наличие бифункционала — копулы, которая приобрела функцию служебного слова в глагольной предикации, но при этом можно говорить о том, что это та же самая лексема. Существование бифункционалов отмечается в контексте диахронического описания перехода от неглагольной локативной конструкции к глагольной имперфективной конструкции. Результатами грамматикализации локативной конструкции стали конструкции прогрессива, визуальная и невизуальная, и более древняя — конструкция имперфектива.

Визуальный прогрессив имеет структуру S BE (OD) VN-ART *lá*. Конструкция визуального прогрессива наиболее близка к исходной неглагольной локативной. В качестве косвенного дополнения выступает образованное конверсией отглагольное имя с тональным артиклем. Позицию прямого дополнения занимает имя, зависимое от отглагольного имени, с которым оно может образовывать тонально компактную конструкцию.

На следующем этапе грамматикализации находится невизуальный прогрессив, имеющий структуру S BE/TE (OD) V-*la*. Его появлению предшествует морфологизация локативного послелoga *lá* (*ná*). Послелог становится глагольным суффиксом. Кроме того, в такой конструкции оказывается невозможным образование тонально-компактной конструкции с прямым дополнением. Всё это позволяет говорить о том, что эту конструкцию можно считать чисто глагольной.

В имперфективе, который образуется по модели S BE/TE O V X, утрачивается суффикс *-la*. Предполагается, что изменения затрагивают и связочные слова BE/TE, которые приобретают тенденцию к утрате лексического тона и редукции гласного звука.

На этапе превращения визуального прогрессива в невизуальный, то есть перехода от неглагольной конструкции к глагольной, происходит переход от копулы BE/TE к предикативному показателю BE/TE. Или же предлагается считать BE/TE в локативной конструкции, в конструкции визуального прогрессива и конструкции невизуального прогрессива бифункциональными связочными словами, которые могут оформлять как неглагольную, так и глагольную предикацию.

Предполагается, что BE и TE можно считать бифункционалами и в результирующей и континуативной конструкции. Континуативная конструкция имеет структуру S V-*to* BE ~ *dôn* (TE) X, где связочному слову предшествует глагол в форме прогрессивного деепричастия. Результирующая конструкция имеет структуру S V-*len* BE~ *dôn* (TE), где глагол выступает в нефинитной форме причастия с суффиксом *-len* (*-nen* после носового), а за ним следует связочное слово.

В настоящем исследовании ставится задача провести сравнительный анализ акустических характеристик гласных в предикативных показателях BE и TE и копулах BE и TE, а также анализ их тонального поведения.

Инструментальный анализ

Материалом послужили два текста, записанные и затранскрибированные Жераром Дюместром, которые будут называться здесь *Kala Nsange* и *Entretien Sida*. *Kala Nsange* — эпическое сказание, исполненное гриотом Баба Сисоко в Бамако в 1971 году. Аудиозапись разделена на две части: первая сторона кассеты — 47 минут, вторая сторона — 39 минут. Объём затранскрибированного текста составляет 13397 слов. *Entretien Sida* — интервью, проведенное 21 марта 1994 года в рамках проекта по изучению СПИДа в Мали. Интервью записано на кассете: первая часть — 46 минут, вторая часть — 12 минут. Объём транскрипции — 10528 слов.

После предварительной работы по синхронизации транскрипций и аудиозаписей в программе Elan и отбора релевантного для данного исследования материала был проведён инструментальный акустический анализ в программе PRAAT 6.1.09. Непосредственный интерес представляли такие параметры, как частота основного тона (F0), численное значение форманты F1, которая указывает на степень открытости гласного, а также длительность произнесения гласных в копулах VE и TE и предикативных показателях VE и TE. Всего было проанализировано 904 случая употребления VE, из них 569 раз VE употреблялось как предикативный показатель, 276 раз в качестве копулы в локативной конструкции, 58 раз в конструкции результатива и 1 раз в экзистенциальном предложении. Общее количество употреблений TE — 249 раз, в том числе как предикативный показатель — 178 раз, в качестве копулы — 69 раз, из которых 40 раз в локативной конструкции, и по 1 разу в конструкции визуального прогрессива и результатива. В имеющихся текстах не было ни одного случая употребления континуативной конструкции и конструкции не визуального прогрессива.

Первым компонентом исследования является проверка гипотезы о том, что в процессе перехода от копулы к предикативному показателю VE и TE утратили лексический тон и стали тонально рецессивными. Существуют разные подходы к представлению функционирования тональной системы языка бамана. Данное исследование основывается на анализе тональной системы, предложенном В.Ф. Выдриным [Vydrin, 2019].

В бамана выделяют низкий и высокий тон. Однако говоря о реализации тонов в речи, необходимо учитывать ряд обстоятельств и правил, от которых она зависит. Выделяют тонально-доминантные и тонально-рецессивные слоги. Доминантному слогу приписывается лексический тон (высокий или низкий). Рецессивный слог приобретает свой тон от левого контекста, однако и этот тон может изменяться в соответствии с известными правилами под воздействием правого контекста. Учитывая правила реализации тонов, необходимо прежде всего определить контекст, который является диагностичным. Во-первых, поскольку рецессивный слог входит в один тональный домен с левым соседом, нужно, чтобы перед VE/TE было низкотоновое слово (если левый сосед высокотоновый, то показатель получает от него высокий тон, который совпадает с лексическим тоном исходного слова). Во-вторых, слово после

BE/TE должно иметь высокий тон: согласно запрету на непосредственное примыкание низких тонов разных доменов, если в синтаксической группе за низкотоновым доменом следует домен, также начинающийся с низкого тона, на конце первого должен появиться высокий тон.

Итак, контекст, который представляет интерес в рамках данного исследования, следующий: BE/TE предшествует низкий тон, а за ним следует высокотоновое слово. Если на предикативном показателе реализуется низкий тон, можно сделать вывод о его тональной рецессивности.

Тональное поведение предикативных показателей BE и TE неустойчиво. В обоих текстах были отмечены случаи реализации как с низким тоном (1, 2, 4), так и с высоким (3) в диагностичном контексте.

(1) ¹⁸ Mògò	yèrè	káà	fó	kàrsà	bí	dén	
Mògò`	yèrè,	ka	à	fó	kàrisa	bè	dén
человек-ART	сам	INF	3SG	говорить	такой	IPFV.AFF	ребенок
sòrò	kàrsà	tí	dén	sòrò	ò	bí	
sòrò,	kàrisa	te	dén	sòrò,	ò	bè	
получить	такой	IPFV.NEG	ребенок	получить	это	IPFV.AFF	
bó	shì	háké	lá				
bó	sì	háké	lá.				
выходить	возраст	количество	в				

‘Что до самого человека, то сказать, будет у такого-то ребенок, не будет у него ребенка, это зависит от возраста’. [EntretiensZacharia21.03.94-FaceB, T 03:51.429-04:06.044]

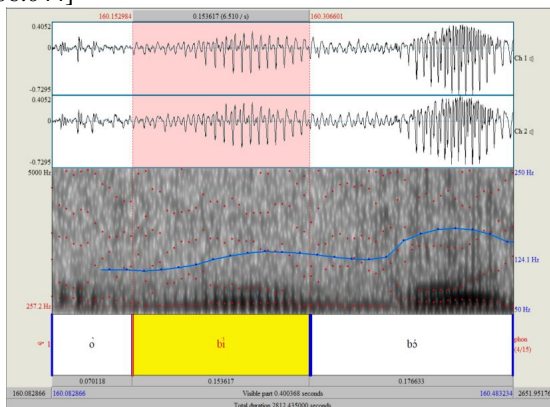

Рис. 1

¹⁸ Следующие примеры оформлены в три строки: первая — запись, отражающая особенности произнесения, вторая — транскрипция в современной орфографии бамана, третья — строка глосс. На приводимых ниже скриншотах изменения частоты основного тона обозначены на спектрограмме синей линией.

(2) Û	bi	dóu		jirà	án	ná
Û	be	dów		jira	án	ná
3PL	IPFV.AFF	некоторый-PL		показывать	1PL	в
télé	lá	káà	fó	nìn	yé	
"tele"	lá,	ka	à	fó	nìn	yé
телевидение	в	INF	3SG	говорить	DEM	EQU
sidátó		yé				
sidatò		yé.				
СПИД-PTCP.ST		PP				

‘Они показывают нам некоторых по телевизору и говорят, что они больны СПИДом’. [EntretiensZacharia21.03.94-FaceB, T 25:26.118-25:31.422]

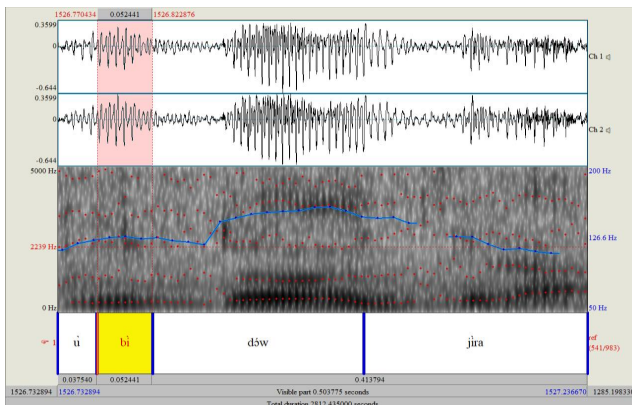

Рис. 2

(3) ...ù	bí	táa	fàliù	ké	ká	wòró	tà	tú
...ù	be	táa	fàliw	ké	kà	wòro	tà	tú
3PL	IPFV.AFF	идти	осёл-PL	делать	INF	кола	братъ	лес
kòrò								
kóro.								
под								

‘... они едут на ослах в лес за орехами кола’. [Jeli_Baba_Sisoko-Kala_Nsange2, T 07:04.325-07:06.609]

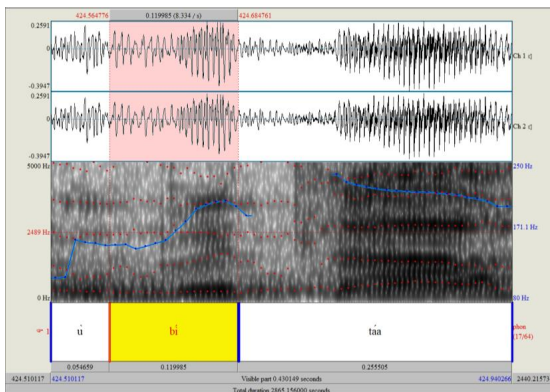

Рис. 3

(4) Bámánánké	ká	fárin	kójùgù	à
Bámananke`	ká	fárin	kójugu	à
бамана-мужской-ART	QUAL.AFF	храбрый	очень	3SG
tì	síran			
té	síran!			
IPFV.NEG	бояться			

‘Баманец очень смел, он не боится’. [Jeli_Baba_Sisoko-Kala_Nsange1, T 12:19.600-12:21.830]

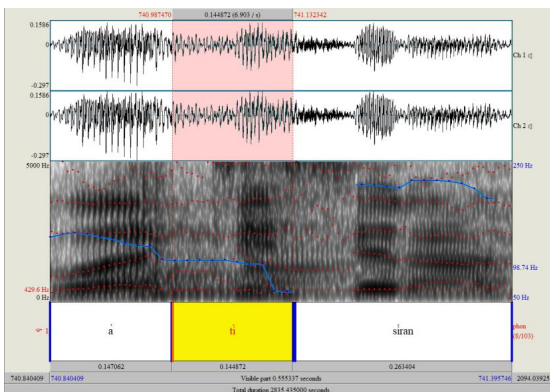

Рис. 4

Всего в диагностическом контексте предикативные показатели в конструкции имперфектива оказались 91 раз: BE — 67 раз, TE — 24 раза. При этом на BE низкий тон реализовался 42 раза, а на TE — 6 раз, высокий тон

реализовался на ВЕ — 25 раз, на ТЕ — 18 раз. В таблице 1 представлены данные о распределении реализаций тона в каждом из текстов.

Таблица 1.

	Высокий тон		Низкий тон	
	ВЕ	ТЕ	ВЕ	ТЕ
Kala Nsange	8	11	6	4
Entretien Sida	17	7	36	2
Всего	25	18	42	6

В отличие от предикативных показателей, тон копул ВЕ и ТЕ стабилен. Вне зависимости от контекста на копулах ВЕ и ТЕ реализуется высокий тон.

Несмотря на то, что диагностического контекста для определения тонального поведения ВЕ в результативной конструкции в текстах обнаружено не было, отмечено, что тон ВЕ может реализовываться выше, чем предыдущий высокий тон (5). Кроме того, в конце фразы *bɛ* может сохранять высокий тон (6).

(5)... à	sɛ̀n	bɛ̀nnén	bɛ́	fǎ	ká
... à	sɛ̀n`	bɛ̀nnen	bɛ	fǎ`	ka
3SG	нога-ART	встречать-PTCP.RES	BE	отец-ART	POSS
sàmbàrá	mà				
sàmbara	mà.				
обувь	ADR				

‘... обувь отца ему впору’. [Jeli_Baba_Sisoko-Kala_Nsange1, T 40:48.348-40:50.978]

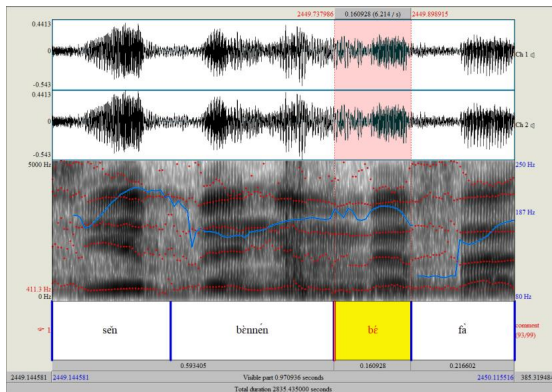

Рис. 5

(6)	Í	kòròké	má	sà	
	Í	kòròké`	ma	sà	
	2SG	старший-мужской-ART	PFV.NEG	умереть	
	à	bálonnén	bé		
	à	bálole	bé.		
	3SG	жить-PTCP.RES	BE		

‘ Твой старший брат не умер, он жив’. [Jeli_Baba_Sisoko-Kala_Nsange2, T 35:53.103-35:55.520]

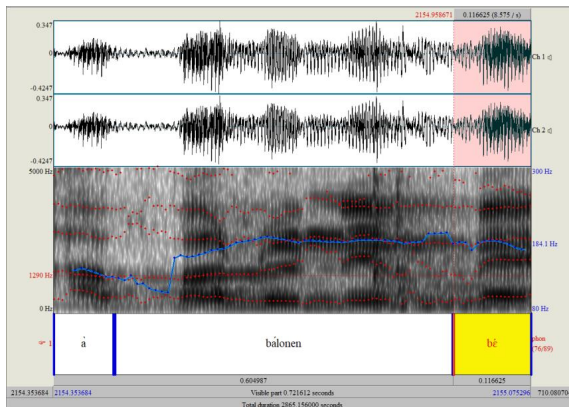

Рис. 6

Второй задачей эксперимента было проанализировать качественные характеристики гласных в предикативных показателях и копулах BE и TE с целью проверить гипотезу о том, что предикативные показатели имеют тенденцию к редукции гласного.

Редукция гласного может быть качественная или количественная. Количественная редукция — это сокращение длительности звука, а качественная представляет собой изменение тембра звука. В тексте *Kala Nsange* в предикативном показателе BE и отрицательном показателе TE количественная редукция гласного чаще всего происходит, и произносятся они соответственно *bi* и *ti*, реже *be* и *te*.

В таблице 2 представлены данные о количестве употреблений предикативных показателей имперфектива с разной степенью редукции гласного в тексте *Kala Nsange*.

Таблица 2.

Варианты произнесения	bi	Be	bɛ	ti	te	tɛ
Количество произнесений	122	12	14	47	4	29
Всего употреблений показателя ¹⁹	176			101		

Качественная редукция гласного в предикативных показателях BE и TE в тексте *Entretien Sida* отмечена как в речи интервьюера, так и его собеседника.

В таблице 3 представлены данные о количестве употреблений предикативных показателей имперфектива с разной степенью редукции гласного в тексте *Entretien Sida*.

Таблица 3.

Варианты произнесения	bi	Be	bɛ	ti	te	tɛ
Количество произнесений	140	21	75	27	3	20
Всего употреблений показателя	393			77		

Данные таблиц 2 и 3 показывают, что преобладает произнесение редуцированного гласного, а произнесение нередуцированного гласного — менее частотно, а также что чаще открытый [ɛ] сохраняется в отрицательном предикативном показателе TE.

При этом в копулах BE и TE регулярно произносится открытый [ɛ] во всех случаях, за исключением одного контекста — адвербиальной конструкции структуры S BE/TE IO, где S — подлежащее, IO — косвенное дополнение, выраженное локативным наречием *yɛn* 'там'. В такой конструкции гласный в копуле реализуется как [ɛ], что отмечено в 57 случаях из 65.

Другой особенностью предикативных показателей BE и TE является тенденция к количественной редукции гласного относительно длительности

¹⁹ Разница между общим количеством употребления предикативных показателей и суммой количеств произнесений разных вариантов — количество случаев элизии перед словами, начинающимися с гласной.

произнесения гласного в копуле (в среднем от 0.050 с до 0.065 с). Длительность произнесения гласного в предикативных показателях варьируется от 0.020-0.030 с вплоть до полного выпадения гласного звука.

Количественная редукция гласного звука также отмечена в ВЕ и ТЕ в результативной конструкции, длительность произнесения варьируется от 0.020 с до 0.035 с. При этом качественная редукция гласного в ВЕ и ТЕ в данной конструкции отсутствует. В обоих текстах результативная конструкция с ВЕ/ТЕ встретилась 59 раз, в 13 случаях произошла ассимиляция, поскольку следующее за ВЕ и ТЕ слово начинается на гласную, во всех остальных случаях ВЕ и ТЕ произносились с открытым [ɛ].

Вывод

Суммируя данные, полученные в ходе инструментального анализа акустических характеристик гласных в предикативных показателях и копулах ВЕ и ТЕ и их тонального поведения, можно отметить следующее. По сравнению с копулами ВЕ и ТЕ, ВЕ и ТЕ в качестве предикативных показателей имеют менее устойчивую форму и демонстрируют тенденцию к количественной и качественной редукции гласного, а также к утрате лексического (высокого) тона. В то время как тон копул ВЕ и ТЕ устойчивый, а гласный в них может качественно редуцироваться лишь в одном устойчивом выражении (перед наречием *yəl* 'там'). Количественные данные показывают, что предикативный показатель ВЕ подвергается качественной редукции чаще, чем отрицательный показатель ТЕ. В результативной конструкции гласный показателя ВЕ/ТЕ не подвергается качественной редукции гласного, но в этой конструкции может иметь место количественная редукция гласного.

Список глосс

ADR — послелог со значением адресата;
ART — артикль;
BE — копула в неглагольной локативной конструкции;
DEM — указательное местоимение;
EMPH — эмфатическое местоимение;
EQU — копула в неглагольной эквативной конструкции;
INF — показатель инфинитива;
IPFV.AFF — показатель утвердительного имперфектива;
IPFV.NEG — показатель отрицательного имперфектива;
PFV.NEG — показатель отрицательного перфектива;
PL — показатель множественного числа;
PP — послелог;
PTCP.ST — имя субъекта состояния;
QUAL.AFF — показатель утвердительного качественное предложения;
QUOT — копула говорения;
REL — маркер релятивизации;
SG — единственное число.

1. Hengeveld, Kees. *Non-verbal predication: theory, typology, diachrony*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992.
2. Vydrin, Valentin. *Cours de grammaire bambara*. Paris: Presses de l'INALCO, 2019.
3. Vydrin, Valentin. *Non-verbal predication and copulas in three Mande languages // Journal of West African Languages*, vol. 47, no. 1., 2020.

ЛЕЙТМОТИВЫ В РЕПЕ ХАУСА

Zlobina Anastasia

THE MAIN THEMES IN HAUSA RAP SONGS

Данная статья посвящена обзору основных тем, характерных для творчества хаусанских реп исполнителей в настоящее время. В статье предпринята попытка систематизации тем, характерных для творчества исполнителей-хауса, а также проследить соотношение транслируемых в песнях идей с традиционными парадигмами, социально-политической ситуацией в регионе и т.д. Помимо этого, было проведено сравнение северо-нигерийского музыкального творчества с южно-нигерийским и таким образом выведен ряд результатов, наглядно демонстрирующих разницу культурных парадигм.

This article focuses on an overview of the main themes typical of the work of Hausa rap artists at the present time. The article also seeks to systematize the main topics typical for the Hausa performers, as well as the correlation of the ideas reflected in songs with traditional paradigms, the socio-political situation in the region and so on. Besides, a comparison of North Nigerian musical creativity with South Nigerian music was carried out, and the results of survey clearly demonstrate the difference in cultural paradigms.

Ключевые слова: хауса; реп; Нигерия; Западная Африка; африканская культура

Key word: Hausa people; Rap; Nigeria; West Africa; African culture

В настоящей статье будет предпринята попытка определить основные темы, или лейтмотивы, характерные для музыкального творчества северо-нигерийского народа хауса, а также осуществить их систематизацию. По нашему мнению, причина, по которой всё больше и больше молодых людей обращаются к подобным темам, является желание (перерастающее в необходимость) показать, что классическое востоковедение на данном этапе своего развития накопило достаточно материала и может обратиться к новым для него темам, в числе которых стоит и тема данного исследования.

Реп как одна из форм коммуникации между творческой массой и остальной частью общества, являет собой возможность демонстрации острых тем, волнующих общество сегодня. Иными словами, велась работа с материалом, который наглядно показывает вызовы, с которыми общество сталкивается здесь и сейчас.

В процессе исследования материала перед нами возник ряд трудностей, к примеру — отсутствие текстов песен в открытых источниках, косноязычие, broken hausa, или наличие ошибок грамматического характера в тексте, а также активное использование пиджина. Несмотря на это, можно предположить, что проведенное исследование является успешной попыткой вступить в область, ранее не представленной широко в науке.

Первым лейтмотивом, используемым наиболее часто реперами-хауса, является обращение к традициям и выражение гордости за свои культуру и историю.

Тема традиционности была успешно отражена в песне северонигерийского репера Feezy «Naman Sallah», название которой дословно переводится как «мясная молитва», однако наиболее известным вариантом среди хауса является «babban sallah» — «главная молитва», или Курбан-байрам.

Помимо припева, где артист отразил смысл главного мусульманского праздника, заключающегося в жертвоприношении, закалывании барашка, репер также поет во вступлении песни о том, что в этот праздник людям необходимо навещать родственников и друзей:

Вступление:

<i>We must celebrate</i>	<i>Сегодня мы должны праздновать</i>
<i>Today is sallah day</i>	<i>Сегодня — Курбан-байрам</i>
<i>Let's party, no delay</i>	<i>Так давайте же праздновать, не медлите</i>
<i>All my friends, I am on my way</i>	<i>Друзья, я уже иду к Вам</i>

Прпев:

<i>When I look to me left</i>	<i>Когда я смотрю налево,</i>
<i>When I look to my right</i>	<i>Когда я смотрю направо,</i>
<i>All I see is nama</i>	<i>Все, что я вижу — это мясо</i>
<i>Naman sallah</i>	<i>Сегодня — Курбан-байрам</i>

Композиция репера Morell «Aure» — «свадьба» — представляет собой не менее интересный пример отражения традиций хауса через современное творчество. Несмотря на то, что главный мотив песни — любовь и взаимоотношения между мужчиной и женщиной, в композиции также присутствуют моменты, демонстрирующие факт того, что современная хаусанская свадьба следует основным культурным парадигмам, которых придерживались и много лет назад. К примеру, репер упоминает о традиции подношения невесте орехов кола в одной из строчек песни:

Maza ka je ka kawo goron gida na *Поторопись, принеси мне орех кола*

Согласно Попову В.А., этнографу и антропологу, орехи кола «широко применялись и применяются народами Западной Африки в медицинских и ритуальных целях: при гадании, кормлении духов предков <...> В современных ритуалах западноафриканских народов орехи кола находят применение практически везде: на свадьбах, помолвках, рождении ребенка...» [Дьяков, 2017. С.317]. Вместе с тем ученый утверждает, что «у хаусанцев

количеством орехов кола в распоряжении человека измерялась степень состоятельности. Сватаясь, жених должен был подарить кола семье невесты — чем больше орехов, тем престижнее».

Помимо этого, консерватизм хауса и глубокая набожность этого народа были выражены в следующих словах артиста:

<i>Sarauniya da lulu'bi</i>	<i>Королева в закрытой одежде</i>
<i>Allah ne ya ha'da ba mai rabawa</i>	<i>То, что Всевышний соединил, человек не разлучит</i>

В отличие от южнонигерийских реперов, которые в большинстве случаев не транслируют в своих композициях и видео-клипах традиционного уклада жизни и культурных явлений их народов, хаусанские исполнители в последние годы стали активно использовать не только тему традиционности в песнях, но и показывать обычаи и традиции Северной Нигерии в музыкальных клипах широкой публике, которая, в свою очередь, позитивно реагирует на подобные новшества в области нигерийской хип-хоп индустрии.

Социальные проблемы являются также популярным лейтмотивом среди хаусанских реп-исполнителей.

Молодой репер Kheengz ярко осветил нестабильное положение северной Нигерии, в особенности одну из самых острых проблем северных штатов страны — «альмаджири» в своей песне «Almajiri».

Слово имеет арабское происхождение — Al-muhajirun — человек, покинувший дом в поисках Знания. Несмотря на довольно успешное функционирование религиозного образования в коранических школах ранее, сейчас же система «альмаджири» представляет собой угрозу не только Северной Нигерии, но и региону в целом: ученики вынуждены попрошайничать на улицах, заботиться о себе самостоятельно вместо получения должного теологического образования.

По нашему мнению, композиция «Almajiri» представляет собой редкий и ценный материал, так как в ней отражен взгляд не западных исполнителей на проблему, а представителя хауса.

Уже в самом начале композиции артист выделяет три основных источника, вследствие которых дети оказываются в коранических школах — родители, государство, религия:

<i>Blame it on bad parenting</i>	<i>Вини в произошедшем родителей (плохое воспитание)</i>
<i>Or blame it on bad decision</i>	<i>Вини плохой выбор (выбор, который делают родители)</i>
<i>Blame it on the government</i>	<i>Вини государство</i>
<i>Just don't hide behind religion</i>	<i>Не прячься за религией</i>

Существующая система коранического образования на территории Северных штатов Нигерии внушает ощущение заговора молчания как со

стороны семьи и общества, так и со стороны властей. В то время как для родителей makarantar allo, кораническая школа, — отдушина и «легальный» способ избавиться от лишнего рта в семье, для государства — это повод не тратить часть бюджетных средств на освоение.

Чуть позже исполнитель задает риторический вопрос:

Wai kun san ba za ku iya kula da su ba *Вы же знаете, что не позаботитесь
о них*

Me ya sa kun haife su? *Зачем же вы их рожали?*

По мнению автора работы, «трезвый» взгляд на проблему демографической «бомбы» Северной Нигерии является еще одним достоинством данной музыкальной композиции в особенности потому, что ее выразил хауса, к точке зрения которого, возможно, другие представители народа прислушаются намного внимательнее.

Настоящим открытием стала деятельность молодого исполнителя под псевдонимом Fresh Amir, который создал альбом-серию видео «A uau» — «Сегодня», целью которых является освещение проблем современной Северной Нигерии, хауса и страны в целом. Реперу успешно удалось осветить в песне «Fyade» такую остросоциальную тему, как изнасилование несовершеннолетних девочек, а также проблему неразглашения в обществе факта насилия:

Someone would rape your daughter

Если кто-то изнасилует Вашу дочь,

You are aware, but to afraid to speak

Вы все осознали, но боитесь рассказать

Even you speak, it is useless

Даже если расскажете — это будет бесполезно,

Cause if the rapist have money to give out

поскольку если у насильника есть деньги — он откупится

They will slow the case until you finally give up on it

Они будут “тянуть процесс” [суда] до того момента, пока Вы не сдадитесь

Необходимо признать и тот факт, что социальные проблемы являются пусть и одной из самых распространенных тем для реперов, однако не все из исполнителей могут оценить обстановку в стране и выразить свое мнение, не поддаваясь мнению большинства.

Наряду с традиционностью и общественными проблемами третьей по популярности темой является любовь, романтические отношения между женщиной и мужчиной.

Несмотря на обилие материала, автор не нашел интересной композиции для герменевтического анализа в связи с ограниченным набором тем, которые реперы используют в подобных песнях. Несмотря на это, одна из композиций

северо-нигерийского репера ClassiQ «I love you» представилась наиболее интересным материалом для освещения в данной работе.

Исходя из аспекта художественности²⁰, стоит признать, что текст песни «I love you» довольно зауряден: главной темой является признание и доказательство любви к девушке, однако автор не апеллирует сложными оборотами на хауса или английском. Метафоры также довольно просты:

For you I cross the seven seas Ради тебя я перейду семь морей
Zan haye gada [ради тебя] я перейду мост

Особый интерес представляет реакция общественности в связи с выходом клипа на данную песню. Главным героем видео-истории является юноша, роль которого исполняет сам реп-исполнитель, главная же женская роль была отдана знаменитой хаусанской актрисе Рахаме Садау. По мнению северо-нигерийского общества, в особенности глав киноиндустрий и священнослужителей, поведение актрисы является «аморальным и оскверняющим основные ценности мусульман». Представители мусульманского сообщества считают, что актриса зашла слишком далеко: в клипе показаны сцены объятий с репером, совместные прогулки рука об руку.

Ранее упоминавшийся в данной главе исполнитель Fresh Amir также затронул в одной из своих песен «Yaudara» («Предательство») проблему взаимоотношений мужчины и женщины в хаусанском обществе. В отличие от большинства молодых реперов, Fresh Amir вел повествование не о романтической стороне жизни возлюбленных, но о трудностях, с которыми сталкиваются пары в Северной Нигерии, в частности — изменами. Репер пишет:

Cause clearly, each of them are guilty
Ясно, что виноваты оба
In my opinion, the first to be blames are the males
Однако я считаю, что первым надо винить мужчин
You are the one who met her and told her that you loved her
Ты тот, кто встретил ее и сказал, что любишь
She accepted your love and put you in her heart
Она приняла твою любовь и открыла тебе свою душу [дословно —
«впустила тебя в свое сердце»]
<...> She has accepted that you will be the father of her children
Она согласилась, чтобы ты был отцом ее детей

²⁰ Художественность — согласно Хализеву В.Е. советскому и российскому литературоведу, словом «художественность» обозначается, во-первых, включенность произведения в сферу искусства, во-вторых — яркое, последовательное и широкое раскрытие в произведении свойств и черт искусства. Художественность (во втором значении слова) наличествует тем, где автор сполна проявил свою творческую одаренность.

Why would then betray her?

Зачем же тогда предавать ее?

Подводя итоги, необходимо заметить, что ряд тем, которые реперы-хауса берут за основу своих музыкальных произведений, — широк и превосходит набор лейтмотивов, использующийся южно-нигерийскими исполнителями. К примеру, как было упомянуто в начале, тема традиционности отсутствует у реперов-йоруба или исполнителей игбо. Вместе с тем техническая составляющая, а также художественность текстов у хауса продолжают постепенно совершенствоваться. По нашему мнению, решение множества проблем, существующих в настоящий момент в северо-нигерийской хип-хоп индустрии, гарантирует ей как привлечение большей аудитории, так и признание ведущих музыкальных критиков.

1. Попов, В.А. К этноботанике Западной Африки: орех кола / Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21-23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. Ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. — Т.2. — 492 с.
2. YouTube.com Dj A.B x Feezy x Mr Kebzee x Geebooy x Mayare & Lil Prince — Naman Sallah (Official Video) [Электронный документ]. — URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=pBiqW9zoH-U>)
3. YouTube.com Morell — Aure (Official video) [Электронный документ]. — URL: (https://www.youtube.com/watch?v=ou4_JC8Bq_A)
4. Youtube.com ClassiQ — Gargajiya (Official video) [Электронный документ]. — URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=ojrE6QdvS1E>)
5. Youtube.com I am North [Электронный документ]. — URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=qy8mhH8wQxU>)
6. YouTube.com Fresh Emir — A Yau Episode 02 (Fyade) Official Hausa HipHop Video | Aku Mai Bakin Magana [Электронный документ]. — URL: (https://www.youtube.com/watch?v=qNffauMD1sg&list=OLAK5uy_m7X5EN7KEChCSKDtbaEp_eqhgXSYgtEHM&index=2)
7. YouTube.com Fresh Emir — A Yau Episode 12 (Yaudara) Aku Mai Bakin Magana | Official Video 2020 [Электронный документ]. — URL: (https://www.youtube.com/watch?v=mj5LB7vAY8E&list=OLAK5uy_m7X5EN7KEChCSKDtbaEp_eqhgXSYgtEHM&index=12)

ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ПЕРИОДА ДОНГШОН ВО ВЬЕТНАМЕ

Arseniy Zorin

MILITARY EQUIPMENT IN DONGSON ERA VIETNAM

В статье на основе археологических находок из Северного Вьетнама, Южного Китая и Индонезии рассматривается комплекс военного снаряжения периода Донгшон во Вьетнаме, затрагиваются вопросы географического охвата Донгшонской культуры и социального строя государства Ванланг, а также осуществляется попытка реконструировать снаряжение непрофессионального ополчения и племенной аристократии Ванланга.

The paper deals with Dongson era military equipment in Vietnam based on archeological material from North Vietnam, South China and Indonesia. The extent of the Dongson culture's territorial influence and Vanlang's social structure are mentioned, and the author attempts to reconstruct the equipment that would have been used by levy militia and tribal aristocracy in Vanlang.

Ключевые слова: Донгшон, доспехи, оружие, Индонезия, царство Дянь

Key words: Dongson, armour, weaponry, Indonesia, Dian kingdom

Легендарной датой появления первой вьетнамской государственности считается 2879 год до н. э. Согласно преданию, зафиксированному в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» [Полное собрание исторических записок Дайвьета, 2002. С.109-115], в 2879 году Хунг-вьонг основал государство Ванланг, которое просуществовало более двух с половиной тысяч лет, прежде чем было присоединено к государству Аулак, которое впоследствии будет присоединено к государству Намвьет, а еще позднее — к территории китайской династии Хань. Археологические находки подтверждают, что до установления китайского господства на территории Вьетнама существовал ряд культур и протогосударств, среди которых наиболее яркой может считаться культура Донгшон, датируемая VI веков до нашей эры — I/II веками нашей эры. До наших дней дошел богатый фонд бронзовых артефактов Донгшонской культуры, который позволяет нам реконструировать некоторые аспекты до-китайской культуры Вьетнама. Данная статья посвящена изучению военного дела Донгшонского периода.

Источниковая база для изучения древней истории Вьетнама кардинально отличается от источниковой базы для изучения истории средневековой. На данный момент не обнаружено письменных источников, написанных самими лаквьетами, населявшими Ванланг, китайские же источники лишь поверхностно затрагивают царство Юэ на юге Китая. В то же время, дошедший до наших дней фонд археологических находок Донгшонского периода

значительно богаче фонда находок периода средневековья, что может быть объяснено более широким использованием бронзы, металла, значительно более устойчивого к воздействию окружающей среды, чем использовавшееся позднее железо. К сожалению, до наших дней не сохранились артефакты Донгшонской культуры, изготовленные из таких материалов, как кожа, ротанг или бамбук. Мы также не можем однозначно утверждать, насколько распространенными были изделия из железа в Ванланге. С одной стороны, небольшое количество предметов из железа (а также из таких металлов, как олово и свинец) действительно присутствует в Донгшонских захоронениях [Goloubew, 1929. С.9]. С другой стороны, в 184 году до н.э. ханьская императрица Гао-хоу запретила ввоз в Намвьет железных орудий [Полное собрание исторических записок Дайвьета, 2002. С.126]. Это позволяет предположить, что даже если предметы из железа в Ванланге были, лаквьеты не умели производить их самостоятельно и были вынуждены завозить их из Китая.

Географическое распространение Донгшонской культуры. Следует отметить, что Донгшонская культура не ограничивалась территорией современного Северного Вьетнама. Характерные для Донгшонской культуры барабаны и другие предметы материальной культуры были обнаружены археологами в Южном Китае от современных провинций Юньнань и Гуйчжоу, которые находятся на территории существовавшего в VIII-III вв. до н.э. культурно близкого в Донгшонской культуре царства Дянь²¹ [Лаптев, 2016. С. 909-915]., до Гонконга [Комиссаров, 2016. С. 915-917]. Более того, донгшонские барабаны также были обнаружены на островах Индонезии [Муриан. 1981. С.27-32]. Хотя эти находки не дают нам оснований утверждать о существовании единой государственности на всей этой территории, наличие культурных контактов и определенная культурная близость между народами Южного Китая, Северного Вьетнама и Индонезии неоспоримы. В то же время проблематичным является и разделение влияния культуры китайцев-хуася и Донгшонской культуры юэских племен. К примеру, существовавшие в Китае в период Чуньцю царства У, Чу и Юэ по всей вероятности были населены родственными юэскими племенами, но царство У полностью переняло китайскую культуру, царство Чу переняло только отдельные элементы китайской культуры, сочетая их со своей вьетской культурой, а царство Юэ сохранило свою вьетскую культуру [Лаптев, 2006. С.439-446]. Более того, контакты с культурой хуася были и у царства Ванланг — об этом свидетельствует находка китайской лаковой шкатулки в могильнике Вьеткхе [Сокровища Красной реки, 2019. С.23]. Таким образом, Донгшонская культура имела очень широкое распространение и достаточно тесные контакты с культурой китайцев-хуася.

²¹ По-вьетнамски царство Дянь именуется Диен, Điền

Хотя основным объектом исследования данной статья является государство Ванланг, определенное внимание уделено царствам Дянь, Юэ, а также народам Индонезии.

Социальное устройство государства Ванланг. При изучении военных традиций древнего Вьетнаме следует затронуть социальное устройство государства Ванланг, так как социальная структура общества зачастую диктует устройство его вооруженных сил. В «Полном собрании исторических записок Дайвьета» указано, что короли Хунг разделили свое государство на 15 частей и учредили должности полководцев лактыонг и советников лакхау [Полное собрание исторических записок Дайвьета, 2002. С.111]. Тем не менее, кажется маловероятным, что государство Ванланг обладало таким развитым территориальным делением и государственным аппаратом. Значительно более вероятно, что придворный историограф XV века Нго Ши Льен переложил реалии своего времени на описываемый им период. Французский синолог Анри Масперо считал, что общество Ванланга напоминало общество горных народностей Тай и Мыонг, и что Лаквьеты селились небольшими общинами, во главе которых стояли военачальники, обладавшие наследственной военной, гражданской и религиозной властью, которые в свою очередь подчинялись верховному правителю. Более того, Густав Дюмутье, предшественник Анри Гаспардона, выдвинул предположение, что указанные в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» административные единицы восходят к названиям 15 вьетских племен, живших на территории современного Северного Вьетнама [Познер, 2014. С.24-26]. Таким образом, государство Ванланг, по всей видимости, представляло собой союз племен, во главе которых стояли потомственные племенные вожди, подчиненные центральной власти короля Хунг, а социальный строй государства Ванланг можно охарактеризовать как переходный от родоплеменного к феодальному. Французский исследователь Эмиль Гаспардон и вьетнамский исследователь Дао Зюи Ань оба указывают на значительное социальное расслоение в обществе государства Ванланг [Познер, 2014. С.26-37], а современный вьетнамский исследователь Нгуен Ван Хыу выдвигает предположение, что большая часть лаквьетов были свободными «лакзан», которые возделывали общественные поля или платили дань «лакхау», то есть племенным вождям [Nguyễn, 2014. С.126].

В таком случае, войска Ванланга скорее всего состояли из богатой племенной аристократии лакхау, которая могла позволить себе дорогую экипировку из бронзы, и непрофессионального ополчения, набранного из свободных крестьян лакзан.

Доспехи и вооружение ополчения. Среди археологических находок Донгшонского периода можно выделить несколько наиболее часто встречающихся видов оружия — копья, дротики, топоры, наконечники стрел и алебарды. Следует отметить, что найденные на территории Северного Вьетнама алебарды по форме почти ничем не отличаются от китайских алебард 戈 (гэ). Не исключено, что этот вид оружия был заимствован у китайских царств. Все эти виды оружия не требуют большого количества бронзы для

изготовления и достаточно просты в использовании. Интересно, что среди найденных топоров встречаются как простые неукрашенные топоры, так и топоры, покрытые узорами. Весьма вероятно, что неукрашенные топоры использовались простонародным ополчением, а племенные вожди могли позволить себе украшать свои топоры узорами и изображениями. Также нельзя однозначно установить, для чего предназначались найденные наконечники стрел — с одной стороны, на территории Северного Вьетнама встречаются находки спусковых механизмов арбалетов, что позволяет предположить, что наконечники стрел предназначались для арбалетов, но с другой стороны, арбалеты были сложными в изготовлении и скорее всего предназначались для племенных вождей, в то время как воины ополчения могли использовать значительно более доступные луки. Скорее всего воины лаквьетского ополчения также использовали деревянные щиты, подобные тем, что вплоть до XX века использовали некоторые народы Индонезии.

Следует также выделить бронзовую фигурку Донгшонского периода, хранящуюся в музее Метрополитан под номером 2000.287. На ней четко видно покрытие головы, круглый нагрудник, состоящий из двух частей, и похожие круглые элементы на плечах. Можно предположить, что таким образом изображены шлем, нагрудник и наплечники. Виктор Викторович Голубев выдвигает предположение, что те лаквьетские воины, что не могли позволить себе доспехи из металла, использовали доспехи из коры деревьев, подобные тем, что использовали народы острова Борнео [Goloubew, 1929. С.20]. Текстура головного убора этой фигурки действительно в большей степени напоминает кору дерева, чем металл, поэтому таким образом скорее всего изображен шлем, сшитый из кусков коры. Хотя круглые пластины на груди и плечах фигурки действительно могут быть выполненными из металла, отсутствие археологических находок подобного рода пластин может означать, что они также были выполнены из дерева или древесной коры. Доспехи такого рода до сих пор используются некоторыми народами Индонезии, и хранящиеся под номерами МАiP 16481 и МАiP 16482 в Варшавском музее Азии и Тихого Океана шлем и кираса, изготовленные из ротанга, визуально очень схожи с облачением статуэтки из музея Метрополитан.

Можно установить, что ополчение Ванланга было вооружено копьями, топорами, алебардами и луками — простом в изготовлении и использовании оружием, а также деревянными щитами и доспехами из ротанга.

Вооружение знати. Как уже описывалось выше, среди Донгшонских артефактов иногда встречаются бронзовые спусковые механизмы арбалетов. Как и в случае с алебардой, нельзя установить, где арбалет появился раньше — у китайцев-хуася или у вьетов. Тем не менее, арбалет имел сакральное значение в лаквьетском обществе — об этом свидетельствует сказание о волшебном арбалете Тхук Фана, дарованном ему золотой черепахой, с помощью которого Тхук Фан отражал агрессию цинских войск под командованием Чжао То [Познер, 2014. С.256-258]. Сложные в изготовлении арбалеты скорее всего были не только грозным оружием, но и важным символом статуса. Таким же важным символом статуса были мечи. Хотя

находки мечей сравнительно немногочисленны, их значимость в Донгшонской культуре неоспорима. Крайне высокий уровень металлургии в царствах У и Юэ отмечен в памятнике «Чжоу ли», более того, исследователь Сергей Валерианович Лаптев даже приходит к выводу, что вьетские народы производили значительно больше оружия, чем китайцы-хуася, которые в первую очередь предпочитали изготавливать ритуальные сосуды [Лаптев, 2006. С.448]. Также крайне интересны находки кинжалов с рукоятками в форме фигуры человека. Учитывая, что изготовление кинжала с такой рукояткой требовало бы больших усилий, в то время как кинжал был бы неудобным для использования в бою, можно прийти к выводу, что эти кинжалы имели сугубо ритуальные функции. Выше упоминалось распространение влияния Донгшонской культуры на Индонезию — интересно отметить, что существует теория, гласящая, что индонезийские кинжалы крис, наиболее ранние из которых также имели рукоятки в виде фигур людей, возникли именно из Донгшонских кинжалов [Магическое оружие с небес. Из индонезийской коллекции Музея Азии и Тихого океана (Варшава), 2013. С.22]. Если придерживаться этой теории, можно предположить, что Донгшонские кинжалы, как и более поздние крисы, имели сакральный характер и были связаны с культом предков.

В ряде Донгшонских захоронений также были обнаружены бронзовые пластины. Эти пластины имеют квадратную или прямоугольную форму и украшены узорами на одной стороне, и отверстиями либо дужками на каждом из четырех углов. Основной целью этих пластин, вероятно, была защита в бою, так как они малопригодны для использования в сельском хозяйстве или быту. Стоит отметить, что эти бронзовые пластины достаточно четко делятся на несколько типов: на большие квадратные со стороной равной примерно 15 сантиметрам, на малые квадратные со стороной равной примерно 7 сантиметрам, и на большие прямоугольные, со сторонами равными примерно 25 и 10 сантиметрам. Такое строгое разделение пластин на несколько типов позволяет предположить, что они использовались не отдельно, а в системе соединенных вместе пластин, которые образовывали цельный бронзовый панцирь. Такой доспех мог обеспечить значительно большую защиту, чем отдельная не крупная пластина, пришитая к одежде или иным способом к ней присоединенная. В пользу этой теории также служат дужки на краях многих продолговатых и некоторых квадратных пластин. Их расположение на «передней» стороне пластины делает их малопригодными для крепления к одежде, так как такое крепление было бы ненадежным и неудобным, в то же время эти дужки могли использоваться для соединения нескольких пластин с помощью кожаных шнуров или веревок. Известный исследователь Виктор Викторович Голубев ссылается на «Чжоу ли», описывая китайские доспехи периода Чжоу (1045-221 гг. до н.э.), и выдвигает предположение, что Донгшонские бронзовые пластины совпадали по форме и способу применения с чжоускими доспехами из кожи носорога, считая, что продолговатые пластины соответствуют чжоуским пластинам, крепившимся на уровне почек, в то время как квадратные пластины крепились сверху, на груди [Goloubew,

1929. С.20]. Косвенным подтверждением существования в Ванланге составных доспехов из крупных пластин служат археологические находки из царства Дянь (279-109 годы до н.э.). Чрезвычайно богатые захоронения Дяньской культуры включают в себя статуэтки воинов в доспехах, целиком покрывающих тело [Лаптев, 2016. С.913]. Хотя нет оснований полагать, что точно такие же доспехи использовались в Ванланге, учитывая ряд культурных сходств между Ванлангом и царством Дянь, можно предположить существование схожего вида доспехов и в Северном Вьетнаме.

Лаквьетская племенная аристократия имела доступ к значительно большим ресурсам, чем простолюдины лакзан, и могла позволить себе мечи, кинжалы, арбалеты. Интересно отметить, что все эти виды оружия, по всей вероятности, имели определенное сакральное значение. Более того, лаквьетские вожди также могли позволить себе доспехи, изготовленные из бронзы.

Выводы

Военное дело играло большую роль в Донгшонской культуре. Многочисленные археологические находки разнообразного оружия позволяют нам установить, что в государстве Ванланг существовало достаточно большое социальное расслоение между простонародным ополчением, вооруженным копьями, топорами, луками, алебардами и использовавшим доспехи из ротанга или коры деревьев и племенной аристократией лакхау, которая использовала мечи, кинжалы, арбалеты и доспехи из бронзы.

1. Ветюков, В.А. Меч, сокрытый в глубине вод (военная традиция средневекового Вьетнама) / В.А. Ветюков. — СПб.: Евразия, 2018.— 320 с.
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э. / главные редактор Я.Б. Гейшерик, художник Э.Л. Эрман, технический редактор О.В. Волкова, корректор И.И. Чернышева, компьютерная верстка М.П. Горшеникова. — М.: Наука, 2016. — 974 с.
3. Лаптев, С.В. Предыстория и история народов Вьет: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. Т.1: монография. — М., 2006. — 608 с.
4. Моравский, К. Магическое оружие с небес. Холодное оружие из индонезийской коллекции Музея Азии и Тихого океана (Варшава) — М.: Государственный музей Востока, 2013. — 230 с.
5. Муриан, И.Ф. Искусство Индонезии с древнейших времен до конца XV века. — М.: Искусство, 1981. — 240 с.
6. Полная академическая история Вьетнама: В 6 т. Т. 1 / под редакцией Д.В. Мосякова. — М.: Президиум Российской Академии Наук, 2014. — 978 с.
7. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы) в 8-ми томах, том 1 / перевод с ханвьета К.Ю. Леонова и А.В. Никитина, комментарий, вступительная статья и приложения К.Ю. Леонова и А.В. Никитина, при участии В.И. Антощенко, М.Ю. Ульянова, А.Л. Федорина— М.: Вост. Лит., 2002. — 343 с.

8. Сокровища красной реки. Археологические коллекции из музеев Вьетнама: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. — 232 с.: ил.
9. Goloubew, Victor. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam / Goloubew Victor. — Hanoi, Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. Tome 29, 1929. — Pp. 1-46.
10. Văn hóa quân sự Việt Nam truyền thống và hiện đại/Văn Đức Thanh [et al.]. — Hà Nội: nhà xuất bản chính trị quốc gia — sự thật, 2014. — 530 p.

ХАРАКТЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОКОЛЕНИЙ ИНДИЙСКИХ МИГРАНТОВ НА ОСНОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА ДЖ. ЛАХИРИ

Ignatov Vladislav

DISTINCTIVE PROBLEMS OF INDIAN IMMIGRANT GENERATIONS BASED ON THE WRITINGS BY JH. LAHIRI

В статье на основе романов Дж. Лахири «Тезка» и «Низина» рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются индийские мигранты в США. Сделана попытка выявить корреляцию между принадлежностью мигрантов к тому или иному поколению и характерными проблемами, которые встают перед их представителями в ходе адаптации в новой среде, а также проследить ключевые факторы, влияющие на исход и протекание этого процесса.

The paper addresses problems and challenges faced by Indian migrants in the USA. The novels "The Namesake" and "The Lowland" written by Jh. Lahiri provided the material to analyze. An attempt was made to reveal how the factor of an immigrant's belonging to the 1st or the 2nd generation and the distinctive problems he or she faces correlate with each other and to find out crucial factors of the course and outcome of the adaptation period of Indo-Americans.

Ключевые слова: диаспора, индийская миграция в США, диаспоральная литература, Джумпа Лахири, проблемы адаптации мигрантов, теория социальной адаптации поколений мигрантов

Key words: diaspora studies, immigration from India to USA, diaspora literature, Jhumpa Lahiri, problems of the immigrant adaptation, theory of the social adaptation of the immigrant generations

Миграция, переселение народа либо его части на новые места, — явление, которое имеет место, пожалуй, на протяжении всей истории человечества. Миграция влечет за собой определенные проблемы, внутренние противоречия, с которыми неизменно сталкивается каждый мигрант. Причина тому — несоответствие, а иногда даже конфликт культур: родной, материнской, и новой, в которую предстоит погрузиться.

Нередко при миграции складывается определенная общность, «совокупность групп населения, происходящих из одной страны или региона, не ассимилированных местным населением и строящих свою идентичность, ориентируясь на нормы и традиции стран происхождения» [Котин, 2003. С.6]. Мигрант попадает в чуждую для него среду, в социум другой страны, с правилами которого он не знаком. Непонимание культуры приезжих, а иногда и неприятие ее со стороны большинства новых соотечественников, ведут к созданию мигрантами «своего микромира» [Котин, 2009. С.26], что обуславливает образование диаспоры. В ряде случаев ассимилированные мигранты противопоставляют себя диаспоре, поскольку для них собственная

идентификация со страной происхождения предков становится причиной внутреннего конфликта.

Проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, меняются в зависимости от принадлежности к поколению: первому, «первопроходцам», мигрировавшим в зрелом возрасте, или ко второму, то есть потомкам этих «первопроходцев», «которые въехали в принимающую страну до первого года обучения в начальной школе» [Portes, Rumbaut, 2001. С.380]. Так Ю.А. Чекулаева обращает внимание на то, что представители второго поколения чаще соотносят себя с окружающей культурной средой, а не идентифицируют себя по этнической принадлежности родителей-мигрантов, а с другой стороны, многие представители второго поколения ощущают собственную «инаковость», выделяя «различия» между местным населением и «людьми с иммиграционным фоном» [Чекулаева, 2017. С.46].

В США, стране с огромным этническим разнообразием населения, мигранты из Индии давно и прочно заняли свое место. Так, согласно данным Бюро Переписи населения США на 2020 год численность индо-американцев близится к 5 миллионам [United States Census Bureau]. Миграция индийцев в США происходила в несколько этапов. Первый индийский мигрант был зарегистрирован в Америке еще в 1820 году, однако вплоть до 1900 года число индийских иммигрантов в США не превышало 239 человек, как указывает «Гарвардская энциклопедия американских этнических групп» [Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups, 1980]. Многие индийцы, чаще всего выходцы из Пенджаба, начали перебираться в США в начале XX века. В США они занимались привычным им делом: сельским хозяйством [Котин, 2003. С.91-92]. Тем не менее, южноазиатская эмиграция в штаты по-прежнему не имела значительного характера: с законодательного ограничения миграции в США в 1917 г. до принятия нового билля в 1946 г., разрешившего иностранцам получать гражданство США, въезд индийцев в страну был существенно затруднен. В последовавшие послевоенные годы миграционная ситуация изменилась. Так, в 1960 – 70е годы, когда высокий спрос на многие профессии удовлетворялся за счет иностранцев, индийцам удалось существенно закрепиться в США.

Иммигранты из Индии занимаются в США самой разной деятельностью, в том числе и литературной. Диаспоральная литература — важное литературное направление, появившееся в XX веке и активно развивающееся на различных языках. Немало писателей-мигрантов проживают в США, в их числе и Джумпа Лахири. Джумпа Лахири — литературный псевдоним Ниланджаны Судешны Лахири, писательницы, родившейся в 1967 году в Лондоне в семье выходцев из Бенгалии²², вскоре после ее рождения переехавших в США. Среди ее произведений сборники рассказов «Толкователь болезней» (Interpreter of Maladies, 1999), удостоенный Пулитцеровской премии, и «Непривычный мир» (Unaccustomed Earth, 2008), романы «Тезка» (The Namesake, 2003) и «Низина»

²² Бенгалия – исторический регион в Индии, чья уникальная культура выделяется на фоне культуры общиндийской.

(The Lowland, 2013). Тематика произведений Лахири неизменно связана с судьбой индийской диаспоры в США, сопоставлением первого и второго поколения мигрантов. Так, оба рассматриваемых в данной работе романа, «Тезка» и «Низина», рассказывают истории индо-американских семей.

В центре повествования романа «Тезка» — семья Гангули. Ашок Гангули, переехав в штаты из Бенгалии для учебы в университете, перевозит за собой и жену — Ашиму. В Америке у них рождаются дети: Гоголь и Соня. Старший сын Гоголь становится главным героем повествования, строящегося как история его непростого личностного становления. В романе «Низина» главными героями выступают Субхаш и Удаян Митра, двое братьев, выросших в Бенгалии. В то время как Удаян остается жить с родителями и вести революционную деятельность накалиста²³, Субхаш отправляется учиться в Америку. После трагической смерти брата Субхаш принимает решение жениться на его беременной вдове Гори, чтобы дать ей и ребенку лучшее будущее.

Герои романов Дж. Лахири, как и любые другие мигранты, сталкиваются с определенными проблемами на «новом месте». Потому, при рассмотрении того, как проходила адаптация героев-мигрантов, учитывались следующие факторы: принадлежность к поколению, предыстория эмиграции и личные особенности. При этом первый фактор — принадлежность к поколению — оказался решающим, поскольку позволил выделить характерные проблемы, которые решались героями по-разному в зависимости от остальных факторов. «Старшее» поколение представлено супружескими парами, решившимися на миграцию в США в 60-х годах XX века: четой Гангули (Ашок и Ашима) и четой Митра (Гори и Субхаш); к «младшему» принадлежат их дети, рожденные уже непосредственно в миграции: Гоголь и Соня Гангули, Бела Митра, а также Мушуми.

Обратимся, прежде всего, к «старшему» поколению. Для его представителей, взрошенных индийской культурой, наибольшую важность имел «переход на новые рельсы»: необходимость принятия новой, совершенно чуждой им культуры. Это требовало от героев как смены образа жизни и привычек, так и определенной перестройки мышления. При этом адаптация к новым условиям имела несколько разный характер у четы Гангули и четы Митра, что обуславливается как обстоятельствами миграции, так и индивидуальными качествами героев. Так, Ашок Гангули, получивший образование в Штатах, заключил брак с Ашимой и перевез ее вслед за собой. Для семьи Ашимы этот брак, заключённый по традиционному индийскому обряду, был гордостью. У Гори и Субхаша все сложилось драматичнее: после расстрела брата-накалиста, Субхаш, также получивший американское образование, против решения родителей заключил брак, формально

²³ Накалиты – общее определение для воинственных повстанческих и сепаратистских группировок, ориентирующихся на идеологию маоизма, чья периодическая активность в Индии продолжается с середины 1960-х годов. В более широком смысле, под движением накалистов понимают коммунистическое повстанческое движение Индии вообще [Britannica].

расписавшись с беременной вдовой брата, и перевез ее в Штаты. Таким образом, если чета Митра «выписала» себя из индийского общества, то чета Гангули, наоборот, не нарушала традиции, в особенности, Ашима, последовавшая за мужем, подобно покорной жене.

В дальнейшем это отразилось на адаптации героев следующим образом. Для четы Гангули диаспора оказалась своего рода «спасательным кругом». Так, в первые годы своего пребывания в Штатах они активно прибегали к советам и поддержке тех индо-американцев, что переехали в страну и освоились в ней раньше. Впоследствии Ашок и Ашима сами стали выступать в роли таких «советчиков», во всем поддерживающих неопытных мигрантов. Более того, их основные социальные контакты сводились к общению с членами диаспоры. Семья также не разрывала контакты с родственниками (прежде всего, родителями) в Индии и регулярно навещала их. В то же время, находясь в окружении всего «американского», супруги не могли не перенимать некоторые аспекты этой культуры, воспроизведя ряд типичных для средней американской семьи обычаев и привычек, будь то празднование рождества или хождение по дому в уличной обуви. Однако важно, что все новое и американское воспринималось четой Гангули через призму привычного и индийского: пускай они теперь едят индейку на День благодарения, но Ашима все равно готовит ее с индийскими специями [Лахири, 2010. С.86-87].

Несколько иной пример дает чета Митра. В отличие от Гангули вследствие заключения брака и последующей эмиграции они практически порвали как с семьей, так и родной культурой. Если чета Гангули переезжала в США, не утратив поддержку оставшихся в Индии родственников, Митра оказались предоставленными самим себе. Похожим образом сложилась их жизнь в Америке: и Субхаш, и Гори не поддерживали отношений с диаспорой, а затем и вовсе разошлись. Однако, несмотря на отсутствие столь существенной поддержки, как диаспора, чета Митра удачно адаптировалась к новым условиям, а для Гори американский образ жизни и вовсе оказался оптимальным. Именно на примере этих двух героев становится очевидно, какую значительную роль для мигрантов играют особенности их характера. Гори с самого детства отличалась свободолобием, стремлением к независимости, даже эгоизмом. Она всегда демонстрировала индивидуализм и стремление к развитию. Именно эти качества, естественные для человека Запада, тем более, американца, объясняют, почему жизнь в Америке пришлась героине по душе. То же свойство характера — индивидуализм, присуще и Субхашу, и Ашоку. Дело в том, что они оба приняли самостоятельное решение о получении образования в Штатах, о переезде туда ради выгодного трудоустройства и лучшей жизни. Планы обоих сбылись, карьерные цели были достигнуты, работа же стала своеобразным забвением, поспособствовавшим легкой адаптации. И Субхаш, и Ашок сами пошли на миграцию, а потому следовали своему решению. Гораздо трагичнее обернулся переезд в США для Ашимы — это не было ее решением, у нее не имелось устремлений и планов, связанных с самореализацией, напротив, героине категорически не хватало родной Индии, так что единственной отрадой стали семья и диаспора. При

этом, чете Гангули удалось создать, на первый взгляд, более комфортные условия для адаптации: это и поддержка диаспоры, и внешние благополучие и устроенность, сохранение целостности семьи — все то, чем оказались в меньшей степени наделены Митра, практически не взаимодействовавшие с другими индо-американцами и прекратившими отношения даже друг с другом после ухода Гори из семьи. Однако же, «индивидуалистке» Гори адаптация удалась гораздо лучше, чем Ашме, которая действительно принадлежит коллективной культуре Индии и в Америке себя чувствует чужой.

Таким образом, можно видеть, что те герои, которые проявляли большую самостоятельность, освоились в США гораздо легче. Неизменным условием для удачной адаптации оставался индивидуализм, сильное личностное начало, которое как помогало, так и мешало им впоследствии, когда они приживались в новой стране.

Обратимся теперь к «младшему» поколению, которое сталкивалось с совершенно иной проблемой — проблемой самоидентификации. Если для представителей «старшего» поколения, родителей, изначальная культурная принадлежность была предопределена, то для «младшего», детей, самым тяжелым испытанием стала необходимость выбора, к какой же все-таки культуре они принадлежат: к индийской, усвоенной из семьи, или американской, воспринятой из окружающей среды. Для более юных представительниц поколения — Сони и Белы — выбор этот оказался разрешенным практически незаметно. Награжденные именами, звучащими на западный манер, они избрали «американский» путь: не забывая, кто они есть, девушки легко восприняли культурный код, диктуемый им окружающей средой, и вели себя скорее, как американки. Что немаловажно, обе вышли за американцев и практически не участвовали в жизни диаспоры.

Несколько иначе складывается ситуация для Гоголя и его будущей жены Мушуми. Выбор, который делают они, оказывается гораздо более сознательным, в особенности, для Гоголя, чей кризис самоидентификации составил основной конфликт романа «Тезка». Долгий путь, пройденный героем, в конце произведения привел его к принятию своей индийской природы. Гармония с собой и с семьей была достигнута героем после выбора «индийского» пути. Тому во многом поспособствовала большая, чем у прочих представителей «молодого» поколения, вовлеченность в жизнь диаспоры: так, даже его свадьба с Мушуми прошла по индийскому обряду. Мушуми — еще один важный характер романа «Тезка». Она «зеркало» Гоголя: его ровесница, родившаяся в Англии, но выросшая в Штатах, как и сама Джумпа Лахири, она, подобно Гоголю, сталкивалась с ранних лет с проблемой культурной самоидентификации, однако избрала для себя «американский», даже «западный» путь, что стало одним из факторов, разрушивших ее отношения с Гоголем. Эти отношения, в которых герои проявили разнонаправленность своих взглядов, прекрасно продемонстрировали приверженность Гоголя традициям и рвение Мушуми к свободе (жизни в Париже и Штатах, образованию, ролевая модель — семья американских друзей, которых не переносил Гоголь). Возможно, именно в этих личностных особенностях героев

и кроется объяснение того, почему Гоголь выбрал быть индо-американцем, в то время как Мушуми пошла по «западному» пути, ведь, как известно, свобода — главная стереотипная ценность Запада, даже Америки, а традиция — Востока.

Стремление к свободе и независимости — вот та черта, что объединяет и Гори, и Мушуми — двух героинь, пускай и разных поколений, но избравших один путь. Они обе демонстрируют индивидуализм и стремление к саморазвитию. Мушуми «жила в Париже. Она закончила там магистратуру, теперь пишет докторскую по истории французской литературы, защищаться будет в Нью-Йоркском университете» [Лахири, 2010. С.248]; Гори так же выбрала для себя научную деятельность, а не семью. Пример Мушуми вновь демонстрирует, что выраженный индивидуализм становится для мигрантов фактором, способствующим более успешной интеграции в западное общество.

Из вышеизложенного следует, что в каждом поколении были представители, продемонстрировавшие крайнюю форму выраженности характерных проблем. Для «старшего» поколения это Ашима Гангули, чья глубокая привязанность к индийской культуре не позволила ей удачно и окончательно свыкнуться с новой действительностью, из-за чего она предпочитала оставаться в комфортном ей мире, эдакой «маленькой Индии». Для «младшего» поколения таким представителем-маркером стал Гоголь Гангули, чей внутренний конфликт наиболее ярко продемонстрировал остроту проблемы самоидентификации, стоящей перед многими индийцами, рожденными в миграции. Тем не менее, важно подчеркнуть, потенциальную разрешимость такого конфликта, что показывает пример всех четырех героев «младшего» поколения.

Таким образом, можно заключить, что для «старшего» и «младшего» поколения мигрантов в действительности актуальны разные проблемы: для одних — это необходимость научиться жить новой жизнью, найти баланс между индийскими и американскими ценностями, не потеряв при этом собственную идентичность, не утратив представления о том, что хорошо, а что плохо; для других проблема — это отсутствие однозначной культурной самоидентификации. Однако на то, насколько остро встают подобные характерные проблемы для индо-американцев и как они оказываются разрешены, во многом влияют индивидуальные качества, где определяющей становится выраженность, в той или иной степени, стремления к свободе и индивидуальности, или же наоборот — приверженность традиции.

1. Котин, И. Ю. Побег Баньяна: миграция населения и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры / И. Ю. Котин. — СПб.: РАН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2003. — 272 с.
2. Котин, И. Ю. Тюрбан и «Юнион Джек»: Выходы из Южной Азии в Великобритании / И. Ю. Котин. — СПб.: Наука, 2009. — 228 с.
3. Лахири, Дж. Низина / Дж. Лахири. — М.: Центрполиграф, 2019. — 415 с.
4. Лахири, Дж. Тезка / Дж. Лахири. — М.: Иностранка, 2010. — 352 с.

5. Чекулаева, Ю. А. Этническая самоидентификация второго поколения мигрантов в Германии. СПб, 2017. [Электронный ресурс] // Научный корреспондент: электрон. библиотеч. сист. откр. доступа. — URL: <https://nauchkor.ru/pubs/etnicheskaya-samoidentifikatsiya-vtorogo-pokoleniya-migrantov-v-germanii-5a6f883d7966e12684eea427> Проверено: 18.10.2020
6. Encyclopædia Britannica [Электронный ресурс]: сайт электронной версии британско-американской универсальной энциклопедии. — URL: <https://www.britannica.com/topic/Naxalite> Проверено: 19.10.2020
7. Portes, A., Rumbaut, R. G. Legacies: the story of the immigrant second generation / A. Portes, R. G. Rumbaut. — University of California Press, 2001. — 353 p.
8. Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Mass., 1980
9. United States Census Bureau [Электронный ресурс]: сайт американского статистического бюро. — URL: <https://www.census.gov/> Проверено: 18.10.2020

ТАДЖИКСКАЯ СЕМЬЯ ПОЗАВЧЕРА, ВЧЕРА И СЕГОДНЯ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Izbasarova Asel

TAJIK FAMILY IN THE PAST AND PRESENT (LEGAL ASPECT)

В статье рассматриваются такие пункты регулирования семейных отношений, как условия и порядок заключения брака, прекращение брака, а также отличительные особенности семьи и формы брака у таджиков в дореволюционный, советский периоды и в настоящее время.

The paper deals with such points of regulation of family relations as the conditions and procedure for concluding marriage, termination of marriage, as well as the distinctive features of the family and the form of marriage among Tajiks in the pre-revolutionary and Soviet periods and at the present time.

Ключевые слова: брак у таджиков, брачные традиции, семейное законодательство, тенденции развития семьи, история брачно-семейных отношений.

Key words: marriage among tajiks, marriage traditions, family legislation, trends in family development, history of marriage and family relations.

Семейные отношения в дореволюционное время. В доисламский период быт народов Центральной Азии регулировался адатом — нормами обычного права. С конца VII в. в Центральной Азии распространяется ислам и меняет социальный строй общества, в том числе и семейно-брачные отношения народов. В мусульманском праве существуют различные правовые школы — мазхабы. Ханифитский мазхаб, к которому принадлежит центральноазиатский регион, является наиболее гибкой из всех суннитских религиозно-правовых школ, что позволило сохранить и широко использовать на практике местные традиции и обычаи.

У многих народов существовал архаичный обычай брачного выкупа — выплата, осуществляемая семьей жениха семье невесты. В Центральной Азии в досоветское время такое явление обычного права называлось калым и повсеместно практиковалось. В основном размер калыма зависел от требований отца невесты, поскольку калым обычно поступал в единоличное распоряжение отца или опекуна невесты. Среди таджиков равнин, где исламские нормы прижились крепче, получает распространение другая практика — махр — брачный дар в мусульманском праве, который муж обязан выплатить жене. Данное условие является обязательным для заключения брака в исламе. В отличие от калыма, махр переходит в собственность жене, а не ее семье.

Согласно предписаниям шариата, брак запрещается на родственницах по прямой линии, на племянницах, на тетках, на теще, падчерице, мачехе, снохе,

кормилице, на девушке, которую вскормила твоя же кормилица. [Маргинани, 2010. С. 117-118]. Однако среди коренного оседлого населения Средней Азии, в частности среди узбеков и таджиков, родственные браки были обычным явлением — так называемый «кузенный брак»²⁴ среди таджиков был распространен в широких масштабах [Кисляков, 1969. С. 59].

Свадьба состояла из двух событий — сватовство и собственно обряд бракосочетания. Между этими праздниками могло пройти очень много времени — год и даже больше. В день сватовства родители жениха посылают 2-3 близких родственников в качестве сватов. Если родители невесты согласны, сватов приглашают остаться и предлагают угощения. Обычно родители молодых делали все это по договоренности. Через пару дней родственники со стороны невесты присоединяются к гостям и они едут в дом родителей жениха с различными блюдами. В доме все усаживаются, читают молитву, затем проводят переговоры о размере калыма.

Брак заключается и получает правовую силу посредством словесных формулировок — «никах» (брак), «тазвидж» (брачный договор) [Маргинани, 2010. С. 114]. Так, невеста говорит «Я сочеталась браком/заключила брачный договор с тобой за такой-то махр», жених отвечает «Я согласился». Брак должен быть заключен в присутствии свидетелей в составе двух мужчин или мужчины и двух женщин — совершеннолетних психически здоровых мусульман. Запрещается заключать брак на определенный срок, так как это толкуется как брак для временного пользования соитием. В исламе мужчине разрешается иметь четырех жен одновременно [Маргинани, 2010. С. 124]. В обязательном порядке должно быть получено согласие первой жены на последующие браки. В Центральной Азии многоженство наблюдалось среди узбекского и таджикского населения равнин из-за прочных связей с исламом [Касымова, 2006. С. 101].

В день свадьбы в поселениях по реке Зеравшан — «тӯи калон», «тӯи никох»²⁵ — к вечеру в доме невесты собираются гости, приезжает жених с родственниками. Мулла²⁶ спрашивает невесту, по своей ли воле выходит замуж, затем спрашивает жениха, брал ли он такую-то девушку в жены и сколько заплатил махр. Далее составляется специальный документ, где отмечаются сведения о тратах жениха. Мулла читает молитву, таким образом, брак считается заключенным. Гостей угощают «лапшой в кислом молоке с зеленью, молочной кашей, пловом»²⁷ [Шишов, 1910. С. 267]. Далее совершается обряд переезда невесты в дом мужа, на следующий день доставляют ее приданое. Через некоторое время молодожены навещают родителей невесты, привозят им что-нибудь в качестве подарков, в ответ тоже получают подарки.

²⁴ Кузенный брак – брак с двоюродной сестрой со стороны матери или отца.

²⁵ Тӯи калон (с тадж.) – большой праздник, тӯи никох – свадьба.

²⁶ Мулла – знаток Корана и религиозных обрядов у мусульман.

²⁷ Вероятно, имеются ввиду блюда таджикской кухни – чалоп, ширбиринч, палав.

В исламском праве существует несколько видов расторжения брака. В основном, он совершается посредством произнесения формулы развода²⁸, например, «Я дал тебе развод» или «Ты разведена» [Маргинани, 2010. С. 200-201]. Женщина также может произвести формулу развода, но только если она уполномочена мужем. В остальных случаях для расторжения брака по инициативе женщины требовался судебный вердикт. В случае расторжения брака малолетние дети остаются на попечении женщины, содержание обеспечивается отцом. Различные споры между супругами должны были решаться в шариатском суде. О разводах населения оседлой части Центральной Азии написано немного. В монографии «Таджики» А. П. Шишова кратко сказано, что народы горных районов к разводу прибегали нечасто [Шишов, 1910. С. 271].

Семейные отношения в советский период. Дальнейший период истории таджикских семейных отношений тесно связан с постепенным вхождением народов Центральной Азии в Российскую Империю, а затем и в СССР. В 1924 году в ходе национального размежевания была образована Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, ставшая в 1929 г. самостоятельным субъектом СССР.

Стоит отметить, что в дореволюционной России так и не было создано единое для всех подданных законодательство, регулирующее семейные отношения. Российское законодательство в этой сфере всегда строилось на основании религиозных правил [Антокольская, 2013. С. 92]²⁹. После победы Октябрьской революции в результате мероприятий Советского государства происходило постепенное изменение многих сфер жизни, в том числе и в семейно-бытовом плане [Жданко, 1990. С. 444]³⁰. В процессе изживания старого образа жизни партия и правительство особое внимание уделяли уравниванию женщин в правах с мужчинами. В условиях Центральной Азии раскрепощение женщин намного усложнялось. Консервативно настроенные активисты при поддержке духовенства создавали всевозможные преграды вплоть до проведения террористических актов против женщин [Жданко, 1990. С. 445].

В 1969 г. впервые был принят общесоюзный семейно-правовой акт — Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и республик. На его основании в 1969-1970 гг. были разработаны семейные кодексы союзных республик. [Антокольская, 2013. С. 115]. В соответствии со ст. 9 Основ³¹, брак заключается в органах ЗАГСа. Только такой брак порождает права и обязанности супругов. Для того, чтобы вступить в брак, достаточно взаимного согласия и достижения брачного возраста — 18 лет [ст. 10].

Брак расторгается по заявлению одного или обоих супругов [ст. 14]. Органами ЗАГСа по взаимному согласию расторгаются браки пар, не

²⁸ Таяк (талок в таджикском произношении) – с арабского «развод».

²⁹ Антокольская – профессор, кандидат юридических наук, одна из разработчиков проекта действующего Семейного кодекса РФ.

³⁰ Т.А. Жданко – советский и российский этнограф, доктор исторических наук.

³¹ Основы законодательства о браке и семье, 1968.

имеющих несовершеннолетних детей или споров по поводу имущества, а также расторжение брака с лицами, осужденными, пропавшими, недееспособными. В других случаях брак расторгается в суде, причем суд может предпринять меры к примирению супругов [Антокольская, 2013. С. 118].

В советское время в республиках региона произошли значительные изменения в сфере брака и семьи. Так, в советское время брачный возраст в Центральной Азии поднялся. Об этом свидетельствуют данные переписи населения 1959 и 1970 гг. Средний брачный возраст девушек — от 19-20 до 26-27 лет, у мужчин наибольшее число браков заключается в возрастах от 22-23 до 35-36 лет [Жданко, 1990. С. 455]. Вступление в брак по-прежнему сопровождалось выплатой калыма.

В Таджикской ССР действовало законодательное оформление брака, принятое в Советском государстве, т. е. официальная регистрация брака в ЗАГСе, часто в торжественной обстановке. Большинство таджиков совершало религиозный обряд одновременно с регистрацией брака в органах ЗАГСа. Однако часто регистрацию проходили после рождения ребенка. Это, в частности, влияло на итоговый результат исследования брачного возраста у таджиков. Определенный процент населения заключает брак только по религиозному обычаю [Моногорова, 1992. С. 85].

Церемония сватовства стала носить формальный характер, так как традиция принуждения заключения браков с партнером по выбору родителей постепенно исчезала. Очень интересно, как прижились общесоветские традиции у таджиков — все невесты были наряжены в белые платья и традиционные шаровары, в белых туфлях. Женихи в костюмах, некоторые в тубетейках. После регистрации брака устраивалось празднество, в городах более состоятельные люди праздновали в кафе или ресторанах, в сельской местности отмечали во дворах — ставили столы, приглашали гостей, местных артистов [Моногорова, 1992. С. 110].

Большое значение имела социальная и демографическая политика партии и Советского государства, направленная на прочность семьи и поддержку высокой рождаемости, забота об улучшении положения женщины-матери, материальное и моральное поощрение многодетности [Жданко, 1990. С. 478]. Республики отличались очень высокими показателями среднего числа детей моложе 18 лет в семье: по СССР этот показатель 4,1 (1979 г.). В Таджикистане, Узбекистане и Туркмении он был максимальный (соответственно 6,3; 6,1; 6,1) [Жданко, 1990. С. 477].

Характеризуя состояние разводимости браков у таджиков, Л.Ф. Моногорова подчеркивает стабильность их семьи: если в столице республики Душанбе в 1979 г. на 1000 человек всего населения приходилось 4,5 развода, то у таджикского населения Душанбе — всего 2,5 [Жданко, 1990. С. 451]. Разводов через 3-8 месяцев по обоюдному согласию довольно много. Основная причина развода регистрировалась как «не сошлись характером» [Моногорова, 1992. С. 60]. Моногорова отмечает, под этим может скрываться несовместимость характера жены с родственниками мужа [1992. С. 60].

Семейные отношения в независимом Таджикистане.

Внутриполитическая ситуация в странах Центральной Азии кардинально изменилась после распада СССР. Отказавшись от коммунистической идеологии, власти в Таджикистане взяли на вооружение идеи построения национального государства, что характерно для всех стран Центральной Азии. Наряду с националистическими идеями отмечается возрождение религиозных идей, наблюдается поворот от советского типа сознания к мусульманскому.

Брачные отношения в республике Таджикистан регулируются не только семейно-правовыми нормами, но и другими отраслями права, где члены семьи вступают в те или иные правоотношения. Так, отношения в области семьи регламентируются Конституцией, семейным (СК), уголовным (УК) и гражданским (ГК) кодексами Республики Таджикистан (РТ). Семейный кодекс был принят в 1998 г. и с поправками действует до сих пор.

Статья 12 СК РТ описывает условия заключения брака. В соответствии с п. 1 данной статьи заключение брака требует взаимного согласия мужчины и женщины. Однако на практике возродилась традиция вмешательства родителей в выбор их детей. По результатам исследования UNIFEM³² 2006 г. примерно 5 % женщин, состоящих в браке, были выданы замуж без их согласия, а в 65 % случаев супруга для своей дочери выбирали ее родители [Хушкадамова, 2010. С. 98].

По законодательству брачный возраст наступает в 18 лет (ст. 13, п. 1). В некоторых случаях по заявлению суд может разрешить вступить в брак с 17 лет. Как показывают исследования, такие случаи происходят в огромных масштабах. В докладе Уполномоченного по правам человека в Таджикистане говорится, что по данным Верховного суда РТ в 2018 году было зарегистрировано 2493 таких заявлений, 99 % из которых были удовлетворены [Маърузаи, 2019. С. 39].

Следующим условием вступления в брак является прохождение медобследования. В соответствии со ст. 15 СК РТ для лиц, вступающих в брак, законом устанавливается обязательное бесплатное медицинское обследование. Данная мера была введена для предотвращения браков между двоюродными родственниками. Независимое информационное агентство Таджикистана ASIA-Plus со ссылкой на статистические данные Минздрава РТ сообщает, что ежегодно в стране регистрируется 2500-3000 детей-инвалидов. На 1 января 2015 года 30-35 % детей-инвалидов от общего числа родились в родственных браках. В 2016 г. были приняты поправки в Семейный кодекс РТ, по которому браки между двоюродными братьями и сестрами, племянниками и дядями или тетями запрещены. В процессе обсуждения законопроекта депутаты не сразу приняли нововведения, обосновывая плюсы родственных браков в том, что они гарантируют безопасность и хорошее отношение к женщине. Конституция РТ также запрещает многобрачие. В Таджикистане проблема многоженства стоит

³² UNIFEM (United Nations Development Fund for Women) – подразделение ООН, занимавшееся финансовой поддержкой программам, продвигающим права женщин. Упразднено в 2010 г., создана другая структура ООН UN Women.

особенно остро и является одной из самых обсуждаемых тем среди ученых и правозащитников. На сегодняшний день РТ является единственной страной на пространстве СНГ, которая пошла по пути жесткой криминализации в своем уголовном законодательстве многоженства [Исследование..., 2010. С. 22].

Традиция калыма в Таджикистане все еще сильна. Об этом свидетельствуют материалы прессы за 2019, 2020 гг., в которых изложены истории молодых людей. В настоящее время все еще важно тратить на свадьбу значительные средства, чтобы не быть объектом насмешек соседней. Родители жениха берут кредиты, чтобы выплатить калым, родители невесты стараются собрать дочери достойное приданое — необходимые вещи для новой жизни, одежда, обувь, постельное белье. Траты на свадьбу с одной стороны могут доходить и до 30 тысяч долларов.

В соответствии со ст. 10 СК РТ права и обязанности супругов порождает лишь брак, заключенный в ЗАГСе (п. 2). Возрождение религиозно-культурных порядков и ослабление контроля со стороны государства послужили причиной распространения заключения брака только по религиозному обряду. На 2000 г. более 60 % семей в Таджикистане создаются без регистрации в органах ЗАГСа. [Хушкадамова, 2010. С. 97].

Прекращение брака в органах ЗАГСа производится по следующим основаниям: вследствие смерти или объявления судом одного из супругов умершим и путем его расторжения по заявлению одного или обоих супругов [ст. 16]. Основной порядок развода по СК РТ предусматривает процедуру в органах ЗАГСа, то есть предоставляет супругам возможности по свободному волеизъявлению и бесконфликтному решению вопроса, и лишь в наиболее сложных и ответственных ситуациях дело подлежит рассмотрению в суде. [ст. 18, 20]. В соответствии со ст. 22, при отсутствии согласия одного из супругов на развод, суд может установить супругам срок для примирения до 6 месяцев. Если у пары имеются несовершеннолетние дети, суд принимает меры к примирению даже если оба супруга согласны на развод [ст. 23].

Среди населения Таджикистана к разводу все еще существует крайне негативное отношение. С 1991 по 2004 г. количество развода снизилось с 7,6 тыс. до 2,6 тыс. [Демограф. ежегодник, 2018. С. 210]. Однако в последнее время, с 2004 г., разводы имеют тенденцию к возрастанию. Преимущественную причину увеличения количества разводов эксперты видят в миграции молодых мужчин [Хушкадамова, 2010. С. 102]. Основная причина разводов указана как несовместимость характеров, вмешательство третьих сторон, наркотическая или алкогольная зависимость одного из супругов [Исследование..., 2010. С. 10].

Среди местного населения, особенно среди пар, в которых супруг находится на заработках в другой стране, очень распространены разводы религиозным способом «таляк», но посредством SMS-сообщений [Хушкадамова, 2010. С. 102]. 24 июля 2019 г. главный муфтий Таджикистана Саидмукаррам Абдулкодирзода обратился к гражданам с призывом прекратить практику разводов с помощью SMS-сообщений. По данным Исламского

центра Таджикистана, в шариатские суды обращаются около 100 граждан в год для разъяснения ситуаций развода по SMS.

Среди особенностей, претерпевших изменения, стоит отметить многоженство, которое, получило распространение в последние 30-40 лет. Заметно, что постепенно отношение к разводу среди населения меняется, что отражается в статистике, количество разводов стабильно растет. Не совсем очевидно обстоит дело с брачным возрастом. Трудно определить, насколько он изменился, поскольку до сих пор население предпочитает религиозный обряд государственной регистрации. Мы видим, что свадебные обрядовые традиции не теряют своей актуальности ни в советский период, ни в современность. На основе изученного материала можно сделать вывод, что не всегда появление законодательства способно за 100 лет искоренить порядки, существовавшие на протяжении многих веков.

1. Антокольская, М.В. Семейное право : учебник. 3 изд., перераб. и доп. / М.В. Антокольская. — М., Норма : ИНФРА-М, 2013. — 432 с.
2. Ахмедов, А.А. и др. Тенденции изменения рождаемости в Республике Таджикистан в новых экономических условиях. // Здравоохранение Таджикистана. — 2010. — №2. — С. 5-11.
3. В Таджикистане запрещают браки между родственниками. [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба [сайт]. Режим доступа : https://www.bbc.com/russian/society/2016/01/160115_tajikistan_marriage_legislation
4. Демографический ежегодник Республики Таджикистан. / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. — Душанбе, 2018. — 348 с.
5. Жданко, Т.А. Семейный быт народов СССР. / Т.А. Жданко. — М., Наука, 1990. — 520 с.
6. Заплати 63 сомони и получи разрешение на брак. [Электронный ресурс] // ASIA-Plus [сайт]. Режим доступа : <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150623/zaplati-63-somoni-i-poluchi-razreshenie-na-brak>
7. Исследование законодательства, регулирующего семейные отношения в Таджикистане: анализ и рекомендации. / НПО «Центр по правам человека». Посольство ФРГ в Таджикистане. — Душанбе, 2010 г. — 95 с.
8. Калым и приданое: сколько платят за невесту и жениха и как эти традиции создают проблемы в Центральной Азии. [Электронный ресурс] // Настоящее время [сайт]. Режим доступа : <https://www.currenttime.tv/a/kalym-asia-traditions-women-rights/30240924.html>
9. Касьмова, С. Таджикское общество : традиция и практика многоженства. // Вестник Евразии. — 2006. — №4. — С. 97-115.
10. Кисляков, Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана / Н.А. Кисляков. — Л., Наука, 1969. — 241 с.
11. Маргинани, Б. Хидоя. Комментарии мусульманского права : в 2 ч. // пер. с англ., Ч. 1. — М., Волтерс Клувер, 2010. — 821 с.
12. Моногарова, Л.Ф. Современная городская семья таджиков. // Таджики. Выпуск VIII. Часть 2. — М., 1992. — 171 с.
13. Основы законодательства о браке и семье, 1968. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Музея истории российских реформ имени П. А. Столыпина [сайт]. Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13898#ref-3>

14. Хушкадамова, Х. Семейно-брачные отношения в Таджикистане. // Россия и мусульманский мир. — 2010. — №10. — С. 96-104.
15. Шишов, А.П. Таджики : этнографическое и антропологическое исследование. // Ташкент, издание А.Л. Кирснера, 1910. — 330 с.
16. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. [Электронный ресурс] // Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон [сайт]. Режим доступа : <http://www.prokuratura.tj/legislation/the-constitution-of-the-republic-of-tajikistan.html>
17. Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон [Электронный ресурс] // Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон [сайт]. Режим доступа: <http://majmilli.tj/кодекси-оилаи-ҷумҳурии-тоҷикистон/#1207;ум&%231203;уриин-то&%231207;икистон/>
18. Маърузаи ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои соли 2018. // Мақомоти ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. — Душанбе, 2019. — 53 с.
19. Талок по СМС. Таджикистанцев призывают прекратить разводиться по телефону. [Электронный ресурс] // ASIA-Plus [сайт]. Режим доступа : <https://asiaplustj.info/ru/node/270286>

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В СЛОВАХ РАЗНОГО ТИПА В ЯЗЫКЕ БАМАНА

Karpova Elena

REALIZATIONS OF LONG VOWELS IN VARIOUS TYPES OF WORDS IN BAMBARA

Статья посвящена изучению вокалической долготы в предположительно тяжелой стопе в словах разного типа языка бамана. Экспериментальным путем было проверено, насколько устойчива долгота гласного, и в каких словах долгий гласный реализуется как краткий. Сделана попытка найти обусловленность стабильности или нестабильности долгих гласных.

The paper deals with the vocal length in Bambara in a heavy foot. It has been verified experimentally how stable the vowel length is, and in what words a long vowel is realized as a short one. The author also tries to find the conditionality of stability or instability of long vowels.

Ключевые слова: бамана, стопа, долгий гласный, редукция гласных

Key words: Bambara, foot, long vowel, vowel reduction

Общие сведения о языке бамана

На бамана (или бамбара) говорят представители народа бамана (*bàmànan*), живущие в основном в Республике Мали. Язык бамана входит в восточную подгруппу манден западной ветви семьи манде нигеро-конголезской языковой макросемьи. Число говорящих на бамана как на родном оценивается в 4 млн чел., общее число говорящих — до 14 млн чел. [Выдрин, 2017. С.46].

Фонологические сведения

Фонемный состав

Инвентарь гласных бамана представлен тремя сериями: краткие ротовые (*i, e, ε, a, ə, o, u*), долгие ротовые (*iː, eː, εː, aː, əː, oː, uː*) и краткие носовые (*ĩ, ẽ, ɛ̃, ã, ã̃, õ, û*).

Долгие гласные сравнительно малочастотны; они не встречаются в конечной позиции в двусложной стопе. В односложной стопе долгота обычно имеет экспрессивный характер (например, *hààn*, междометие удивления) или появляется в результате факультативного выпадения велярного согласного между гласными *a-a*: *fàga ~ fàya ~ fàa* ‘убивать’ [Vydrin, 2019. С.16].

В таблице 1 представлены согласные языка бамана.

Таблица 1.

Согласные

По способу образования		По месту образования				
		Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Велярные лабиализованные
Преназализованные смычные	Гл.	mp	nt	ntʃ	ŋk	
	Зв.	mb	nd	ndʒ	ŋg	
Преназализованные Фрикативные	Гл.	mf	ns/ns			
Смычные	Гл.	p	t	tʃ	k	
	Зв.	b/b	d/(d)	dʒ	g/g	(gw)
Фрикативные	Гл.	f/f	s/s	(ʃ)	h	
	Зв.	(v)	z			
Сонанты		w/(w)	l/l	j/j		
Дрожжщие			r			
Носовые сонанты		m/m	n/n	ɲ/ɲ	ŋ/ŋ	

Инвентарь согласных в бамана различается в начальной и в серединной позициях в стопе. Согласные, появляющиеся в начале стопы, даны обычным шрифтом, а те, которые встречаются в середине стопы, выделены жирным шрифтом (после косой черты, если согласный встречается в обеих позициях). Маргинальные фонемы (контактно-индуцированные или те, которые варьируются в зависимости от диалекта) представлены в скобках [Vydrin, 2019. С.18-19].

Слоги

Слоги в бамана, за очень немногими исключениями, открытые — CV. Немногочисленные слоги, состоящие из одного гласного, представлены в личных местоимениях (1 ЕД *ń*, 2 ЕД *i*, 3 ЕД *à* и т.д.), в некоторых служебных словах и морфемах, а также в начальной позиции в некоторых заимствованных словах из французского и арабского языков.

Закрытые слоги (CVC) для бамана малотипичны. Они встречаются в экспрессивных наречиях (идеофонического происхождения) и в заимствованных словах.

Особый случай представляют слоги с носовыми гласными, *CV̄*. Носовые гласные реализуются как таковые перед паузой, а в неконечной позиции они проявляются как сочетание соответствующего неносового гласного с носовым сонантом, уподобленным последующему согласному по месту образования, например: *dén* [dɛ̃] ‘ребенок’ → *dénkɛ* [dɛ̃ŋkɛ] ‘сын’ (*kɛ* ‘мужчина’).

Среди непроемных слов преобладают односложные (число которых ограничено естественными комбинаторными причинами), двусложные (одноstopные) и трехсложные (двустопные); слова из четырех и более слогов представлены в основном немотивированными редупликатами и словами идеофонической природы.

Очень продуктивно словосложение, имеется достаточно развитая деривация; число слогов в производных словах в принципе не ограничено [Выдрин, 2017. С.56].

Тональная система

В бамана выделяются два тона — высокий и низкий. Имеется грамматический плавающий низкий тон, выполняющий функцию артикля. Кроме того, он входит в лексический тон некоторых частотных слов (*bí* ‘десяток’, *jɔn* ‘кто?’). Для перехода от глубинного уровня (уровня глубинных тонов) к поверхностному (тоны реализации) необходимо учитывать несколько обстоятельств и правил.

В словоформе слог может быть тонально доминантным или тонально рецессивным. Доминантному слогу приписывается высокий или низкий тон, который можно рассматривать как его лексический тон. Рецессивный слог получает свой тон от своего левого соседа; в то же время его тон обусловлен правым контекстом. Доминантный слог вместе с последующими рецессивными слогами образует тональный домэн. Доминантным является начальный слог любого слова (за исключением многих служебных односложных слов). У большинства слов все слоги, кроме первого — рецессивные, таким образом домэном тона чаще всего оказывается слово.

Также существует понятие тональной деклинации (*downdrift*). Можно утверждать, что амплитуда падения тона в последовательности «высокий–низкий» в два раза больше, чем амплитуда повышения тона в последовательности «низкий–высокий».

Происходит постепенное понижение уровня тона, так что высокий тон в конце фразы может реализовываться ниже низкого тона в начале фразы.

Плавающий низкий тон, реализующийся как понижение последующего высокого тона (*downstep*) в соответствии с правилом тональной деклинации. Плавающий низкий тон, как экспонент определенно-референтного артикля, представляет собой отдельный домэн, поэтому он требует буферного высокого тона в конце предшествующего низкотонового домэна [Выдрин, 2017. С.54-55].

Признаковая стопа

Стопа в языке бамана — это ритмическая односторонняя единица, состоящая из одного или двух слогов. В бамана морфемные границы имеют приоритет над границами стоп. Другими словами, стопа может быть равна морфеме или быть меньше её, но не может включать более одной морфемы. Стопа характеризуется внутренней целостностью, которая проявляется в:

- несовпадении консонантных инвентарей в начальной и серединной позициях в стопе;
- ограничении на сочетаемость гласных первого и второго слогов стопы (несочетаемость среднезакрытых гласных со среднеоткрытыми, и т. п.);
- тонотактическом единстве: при прочих равных, границы тонального домэна и границы между низким («лексическим») и буферным высоким тоном в пределах одного домэна имеют тенденцию совпадать с границами стопы;

Первоначально понятие стопы считалось неотделимым от понятия ударения: стопа включает ударный (или потенциально ударный) слог и зависимый безударный слог. Однако позже было показано, что эта единица может быть актуальна для некоторых тоновых и анацентных языков, где стопа тесно связана с понятием тонального домэна.

Стопы в бамана бывают односложными (CV, редко V) и двусложными (CVCV). Двусложные стопы бывают трех типов:

- CVCV (нейтральные: первый гласный короткий, но не подвержен сокращению);
- C^VCV (легкие (или ямбические): гласный начального слога может быть сильно сокращен или не произнесен совсем);
- CV:CV (тяжелые (или хорейские): первый гласный длинный) [Выдрин, 2017. С.56].

На первый взгляд, может показаться, что тяжелая стопа отличается от двух других типов, если исходить из того факта, что длина гласного в начальном слоге стопы является фонологически значимой. Но на деле оказывается, что долгота гласных не очень стабильна и может варьироваться от говорящего к говорящему. Некоторые слова нередко утрачивают долготу своего гласного (т. е. многие говорящие произносят слова с краткими гласными), в других же долгота оказывается более устойчивой.

Эксперимент

Целью эксперимента было проверить, насколько устойчива долгота, много ли будет слов, в которых долгий гласный реализуется как краткий и можно ли найти какую-то обусловленность стабильности или нестабильности долгих гласных.

Выдриным В.Ф. был составлен список слов с долгими гласными (всего 210 слов). Всего было записано 7 анкет от 7 информантов. Анализируемая

мной анкета была записана в 2019 году Диной Салиховой от Шекна Калуга, уроженца и жителя Бамако. На момент записи информанту было 55 лет. В силу того, что некоторые слова были неизвестны информанту, а некоторые были произнесения были записаны недостаточно качественно, в анализируемый список вошли 185 слов разных типов: двусложных, трехсложных и четырехсложных, преимущественно существительные и глаголы.

Все слова были сегментированы в программе для аудиоанализа Praat. Каждое слово было произнесено информантом три раза в изоляции, а затем три раза в составе короткой фразы. Именно из нее были взяты слова для анализа (3 произнесения для каждого слова). Для существительных, как правило, это была фраза *Mùsà be X yé* ‘Муса видит X’ (в некоторых случаях, когда этот контекст был семантически неуместным, выбирались другие контексты, как, например, *Mùsà dàane ká ni* ‘У Мусы хороший характер’). Для глаголов чаще всего выбирались фразы с наречиями (например, с наречием *bi* ‘сегодня’), чтобы избежать конечной позиции анализируемого слова в предложении, например, *Mùsokòrɛnin ma fáatu bi* ‘Старушка сегодня не умерла’.

После разметки был применен скрипт, при помощи которого были извлечены цифровые значения длительности гласных в интересующих нас словах. Затем все слова были разбиты на группы в зависимости от состава слова.

Первую группу составили 150 двусложных слов типа CV:CV.

Во второй группу вошли 5 трехсложных слов, 2 из которых принадлежали к типу (CV:)(CVCV): *káafiri* ‘неверующий’, *làadiri* ‘совесть; право’, 2 — к типу (CV:CV)(CV): *káaniba* ‘гамбийский чай’, *kàarisa* ‘такой-то’, и 1 — к типу (CV)(CV:CV): *kàsaara* ‘катастрофа’.

В третьей группе оказались четырехсложные слова типа (CV:CV)(CV:CV) — *bàanabaana* ‘бродячий торговец’, *fìinifaana* ‘вертеть чем-либо’, *kàalakaala* ‘гулять, слоняться’, *kàalokaala* ‘слоняться, выискивая’, *kèesekaasa* ‘быть неподвижным, как мертвец’, *kèesekeese* ‘идти мелкими шажками’, *kìisikaasa* ‘тащиться’, *kòolokaala* ‘бродить (гулять)’, *siilisaala* ‘делать небрежно; тащить’, *kòorokaara* ‘сухопутная черепаха’, *sùulusaala* ‘бродить (гулять)’, *tàabataaba* ‘досада, трудность’, *tàabataaba* ‘бесцельно слоняться’.

9 слов типа CV:CVn были выделены в четвертую группу: *bàalan* ‘тигровая рыба’, *dèekun*, ‘выслеживать, вытянуть голову, чтобы посмотреть’, *fèeren* ‘обломок, кусок’, *kòòlɔn* ‘брицины (род лучепёрых рыб)’, *ñàaran* ‘лестница’, *sàalen* ‘нильский окунь’, *siisan* ‘астма, недостаток кислорода’, *yèelen* ‘свет’.

В последнюю группу вошли 7 слов типа CV:nCV — *béenke* ‘дядя по материнской линии’, *bòonsi* ‘борода’, *déende* ‘небольшая калембаса’, *déenku* ‘утрамбовывать землю’, *jàanfa* ‘предательство’, *kèenke* ‘пинцет’, *nòonsi* ‘хамелеон’, *téenku* ‘примыкать’, *téenta* ‘молотоголав (птица)’.

Составные слова *kàarɛgeleya* ‘упорство’ и *tàaramuso* ‘женщина-рабыня’ были отнесены к первой группе, так как для данного исследования релевантна лишь первая стопа, CV:CV.

Слово *báataraden* ‘негодяй’ вошло во вторую группу, так как представляющий для исследования интерес элемент *báatara* относится к типу (CV:)(CVCV).

Реализация гласных в двусложной стопе типа CV:CV

При анализе числовых данных на первый взгляд может показаться, что при произношении Шекна Калуга достаточно плохо сохраняет долготу гласного, так как из 150-ти двусложных слов типа CV:CV средняя продолжительность V1 больше средней продолжительности V2 всего у 42 слов, ещё в 4 словах длительность V1 и V2 равна, в остальных же словах V2 превосходит V1 по долготе.

Но тот факт, что средняя продолжительность первого гласного в цифровом выражении оказывается меньше, чем средняя продолжительность второго гласного, еще не говорит о том, что этот гласный является фонологически кратким.

Слова из группы, в которой V2 превосходит по длительности V1, были разбиты на две подгруппы — такие, в которых средняя длительность V1 была больше или равна 60 мс, и такие, где длительность V1 оказывалась меньше 60 мс. V1 в словах первой подгруппы можно предположительно считать долгим, а в словах второй подгруппы — кратким.

То же самое было сделано для слов, чей V1 равен V2.

При таком подходе из 105 слов 55 оказались с долгим V1 и 50 с кратким.

Итого, из 150 двусложных слов первой группы 97 Шекна Калуга произносит с долгим гласным в начальном слоге, а остальные 53 с кратким. Таким образом, долгота первого гласного в словах типа CV:CV у Шекны Калуга сохраняется относительно хорошо.

Может возникнуть вопрос: можно ли объяснить долготу V2 наличием тонового артикля в конце существительного? Чтобы ответить на него, необходимо сравнить среднюю длину гласных в существительных и в глаголах. Из 150-ти двусложных слов типа CV:CV 88 оказались существительными и 62 глаголами.

В произношении Шекны Калуга средняя продолжительность V1 в существительных практически равна средней продолжительности V1 в глаголах. Ожидалось бы, что в глаголах Шекна Калуга произнесет V2 немного короче, чем в существительных, но табличные данные говорят о том, что этого не происходит, и при произношении глагольный V2 оказывается длиннее, чем V2 в существительных, при этом гласный начального слога остается короче гласного конечного слога, что позволяет сделать вывод, что разница в продолжительности V2 и V1 в существительных не может быть объяснена грамматическим тоном.

Реализация гласных в трехсложных словах

Трехсложные слова образуют две группы, в зависимости от их членения на стопы и позиции долгого гласного: (CV:)(CVCV), (CV:CV)(CV) и (CV)(CV:CV)

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

- в словах типа (CV:)(CVCV) V2 имеет тенденцию к выпадению или редукции: *káafiri* [ká:fri] ‘неверующий’, *làadiri* [là:dri] ‘совесть; право’. Сделать однозначные выводы о сохранении или утрате долгого гласного на данном этапе не представляется возможным, так как в каждом из слов типа (CV:)(CVCV) V1 ведет себя по разному: в слове *káafiri* ‘неверующий’ очевидна реализация гласного первого слога как долгого, чего нельзя сказать о слове *làadiri* ‘совесть; право’, в котором самым долгим оказывается гласный конечного слога, а в слове *báataraden* ‘негодяй’ V1 и V3, как и ожидалось, оказываются равны;
- в слове *kàsaara* ‘катастрофа’ V2 хотя и оказывается короче V3, но по долготе он почти равен V1. Можно считать, что долготы хоть и несколько редуцированная, всё же присутствует;
- в словах типа (CV:CV)(CV) первый долгий гласный очевидно не сохраняется. Его средняя продолжительность оказывается меньше и конечного гласного двусложной стопы (т.е. V2), и конечного V3, который в свою очередь реализуется, как самый долгий гласный в слове.

Реализация гласных в четырехсложных словах типа (CV:CV)(CV:CV).

Разница между долготой V1 и V2 в каждой из двух стоп оказалась слишком велика и очевидна, чтобы можно было говорить о возможности реализации гласного как долгого при произнесении слова. Гласный конечного слога стопы местами оказывается в два, а то и больше раз длиннее, чем ее начальный гласный.

Реализация гласных в двусложной стопе типа CV:nCV и CV:CVn

Как было сказано ранее, слоги с носовыми гласными (C \ddot{V}) представляют особый случай. Как таковые носовые гласные реализуются перед паузой, а в неконечной позиции они проявляются как сочетание соответствующего неносового гласного с носовым сонантом.

При анализе числовых данных видно, что конечный -n в словах типа CV:CVn, похоже, не влияет на долготу или краткость начального V1, но непосредственный интерес здесь представляет слог CV:n, который оказывается сверхтяжелым, что крайне неожиданно для бамана.

Заключение и выводы

Результаты эксперимента являются предварительными (планируется продолжение данного экспериментального в будущем), однако некоторые промежуточные выводы уже можно сделать.

- Основываясь на результатах данного и предыдущих исследований, можно сказать о том, что некоторые носители языка все-таки имеют тенденцию к сохранению долготы гласного при произношении в

двусложных словах типа CV:CV. По крайней мере, для некоторых слов, таких как *bàara* ‘работа’, *tòorò* ‘страдание’ и для многих других слов это кажется неоспоримым. Однако в некоторых других словах длинный V1 оказывается менее стабильным. Причины этого еще предстоит выяснить в дальнейшем исследовании, для которого планируется задействовать большее количество информантов.

В предыдущих исследованиях долготных реализаций в тяжелой стопе было обнаружено интересное явление, а именно укороченная реализация V2 в тяжелых стопах. Оказалось, что у двусложной стопы (по крайней мере, когда ее границы совпадают с пределами слова), характеристики продолжительности V1 и V2 находятся в обратной зависимости. Если первый гласный был коротким, второй оказывался длинным, а если первый гласный был длинным, второй оказался коротким. Такое явление было определено как изохрония стопы [Vydrin, 2020. С.8]. В этом исследовании, однако, оно не подтвердилось.

- В трехсложных словах типа (CV:)(CVCV) статус долгого V1 остается неясным и также требует дополнительного исследования. В словах подобного типа была выявлена тенденция V2 к выпадению или редукции, но в дальнейшем стоит проверить насколько эта тенденция будет сохраняться у разных информантов. В словах типа (CV:CV)(CV) первый долгий гласный не сохраняется.
- В четырехсложных словах типа (CV:CV)(CV:CV) и в первой, и во второй стопе первый гласный реализуется как краткий.
- Интересное явление было обнаружено в словах с носовыми гласными типа CV:nCV и CV:CVn. Слог CV:n по своей сути оказывается сверхтяжелым. Его изучение бесспорно требует более подробного дальнейшего изучения.

Подводя итог, можно сказать, что на некоторые особенности стопы в языке бамана удалось пролить свет, тем не менее окончательные выводы делать еще рано, так как исследование требует продолжения.

1. Выдрин, В.Ф. Бамана язык // Языки мира: Языки манде / Отв. ред. В.Ф. Выдрин, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Е.Б. Маркус. РАН. Институт языкознания. — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 46-143.
2. Vydrin, Valentin. Cours de Grammaire Bambara. Presses de l'Inalco, 2019.
3. Vydrin, Valentin. Vowel elision and reduction in Bambara. Italian Journal of Linguistics, Vol. 32, No. 1, 2020, pp. 101-122.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЬЕТНАМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Kolotova Nadezhda

FEATURES OF THE FORMATION OF ALTERNATIVE POLITICAL SYSTEM OF VIETNAM IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY

В статье рассматривается конфликт двух одновременно существовавших политических систем Вьетнама первой половины XX века: французского колониального режима и формировавшегося коммунистического режима, который решался в результате Августовской революции (1945) и Первой Индокитайской Войны (1946-1954). В ходе проведенного исследования была создана визуализация периодизации формирования альтернативной политической системы и конфликта правовых норм в Индокитае.

The paper deals with the conflict of the two coexisting political systems of Vietnam in the first half of the XXth century: French colonial regime and the emerging communist regime, which was solved as a result of the August Revolution (1945) and the First Indochina War (1946-1954). In the research the visualization of timeline of the formation of alternative political system and the conflict of legal norms in Indochina was made.

Ключевые слова: политическая система Вьетнама, Демократическая Республика Вьетнам, Коммунистическая Партия Индокитая, французский колониализм, августовская революция.

Key words: political system of Vietnam, Democratic Republic of Vietnam, Communist Party of Indochina, French colonialism, August Revolution.

В период существования французского колониального режима неоднократно появлялись ростки оппозиционного национально-освободительного движения, имевшего явный антиимпериалистический и антифеодальный окрас, которые с точки зрения колониального права являлись незаконными и подавлялись. В то же самое время с точки зрения традиционного вьетнамского мировоззрения и национальных традиций незаконным был французский колониальный режим. Поэтому возникал правовой конфликт, который решался в результате Августовской революции (1945 г.) и Первой Индокитайской Войны (1946 – 1954 гг.).

Создание политической системы Вьетнама, равно как и ее основы — Коммунистической Партии Вьетнама, неразрывно связано с именем Президента Хо Ши Мина. 5 июня 1911 года Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин) отправился на поиск пути спасения Родины. Нгуен Ай Куок провел во Франции 6 лет, где он познакомился с коммунистическими идеями и вступил в Коммунистическую партию Франции в 1920 году. Будущий организатор

Августовской революции получил возможность отправиться в Советский Союз, чтобы наладить контакты с авторитетными деятелями Коммунистического Интернационала. Коминтерн в тайне организовал его визит в Советский Союз [Хо Ши Мин. Биография. С. 145].

В 1923 году Нгуен Ай Куок прибыл в Петроград, а оттуда направился в Москву, где был принят на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока [Хо Ши Мин. Биография. С. 155]. После будущий вождь работал в Восточном отделе Коминтерна, что дало ему возможность присутствовать на Всемирных Конгрессах Коминтерна и тщательнее подготовиться к созданию стабильной Коммунистической партии в Индокитае [Хо Ши Мин. Биография. С. 163].

Время пребывания Нгуен Ай Куока в стране Советов и его работа в Коммунистическом Интернационале внесли огромный вклад в зарождение ядра альтернативной политической системы Вьетнама. Обучение и работа в Коминтерне позволили ему установить контакты с единомышленниками по всему миру. Именно в Москве молодой революционер сумел обратить внимание коммунистов со всего мира на Восток, перенять политтехнологии Коминтерна, а затем адаптировать их под особенности менталитета и специфики политической ситуации во Вьетнаме.

С 1926 года в трех крупных городах Вьетнама (Ханое, Вине и Сайгоне) создавались центры пропаганды марксизма. Поначалу такие организации состояли в основном из узкого круга лиц: учащихся, их знакомых и учителей, поэтому процент рабочего класса в организациях был невелик. Последователи Нгуен Ай Куока четко понимали, что для создания сильной организации, а в последствии и проведения революции, необходимо привлечь большее число рабочих. «Пролетаризация» значительно ускорила процесс внедрения коммунистической идеологии в массы и формировала взгляды рабочего класса и трудящихся [Хо Ши Мин. Биография. С. 236].

В 1927 – 1929 гг. по всему Вьетнаму было организовано сорок выступлений рабочих. В том числе были и восстания организованные Товариществом революционной молодежи. Все это запустило цепную реакцию: численность Товарищества значительно увеличилась, в нем насчитывалось более 1700 членов [Хо Ши Мин. Биография. С. 238].

Добившись увеличения количества членов организаций и увидев эффективность пропаганды, было принято решение о создании Коммунистической Партии. Она была создана 17 июня 1929 года в Ханое. Позже ею был отдан приказ о мобилизации марксистских организаций Центра и Юга с целью создания единой Коммунистической Партии. Это событие послужило стимулом к роспуску первичных организаций Товарищества революционной молодежи по всему Вьетнаму [Хо Ши Мин. Биография. С. 239].

В то же время были созданы и другие партии, такие как: Аннамская Коммунистическая Партия и Коммунистическая Лига Индокитая. В октябре того же года зарубежная часть Аннамской Коммунистической Партии в Гуанчжоу выразила свою готовность сотрудничать с Коммунистической

Партией Индокитая [Trần Văn Giàu. Thành công của chủ nghĩa Mác-Lênin, tư tưởng Hồ Chí Minh, NXB: thành phố Hồ Chí Minh, 1993. Tr. 153]. Все коммунистические организации обнародовали свои Манифесты и озвучили цель, которая у всех них была общей — создание коммунистического движения под покровительством Коминтерна [Хо Ши Мин. Биография. С. 240].

Однако появление многочисленных марксистских организаций могло расколоть и ослабить революционное движение. В этих условиях Коминтерн принял решение о целесообразности их объединения в одну цельную коммунистическую партию. 27 октября 1929 года Коминтерн выпустил директиву «О создании единой Коммунистической Партии в Индокитае», где было сказано о необходимости скорейшего объединения и создания единой Коммунистической Партии Индокитая. Узнав о директиве, Нгуен Ай Куок, будучи полномочным представителем Коминтерна в Индокитае, отправился в Гуанчжоу, куда прибыл 23 декабря 1929 года. Разведав обстановку, Нгуен Ай Куок уехал в Гонконг для подготовки конференции, которая бы объединила существующие коммунистические партии [Там же. С. 141-142].

Так, в присутствии 7 представителей партий, 3 февраля 1930 года в Гонконге на основе Коммунистической Партии Индокитая, Коммунистической Партии Аннама и Коммунистической Лиги Индокитая была создана Коммунистическая Партия Вьетнама.

Политическая линия Коммунистической Партии Вьетнама заключалась в проведении буржуазно-демократической и аграрной революций, свержении французского империализма и реакционных феодалов для достижения независимости Вьетнама и его народа; в честном распределении земель, отобранных у французов, между бедными крестьянами; в национализации предприятий; в создании крепкой государственной системы с надежными органами власти и поддержания власти [Там же. С. 244].

В процессе трансформации политического строя и становления Коммунистической Партии путем репрессий со стороны французов было уничтожено несколько поколений генеральных секретарей Партии и их ближайших соратников: Чан Фу (1904–1931 гг.), Ле Хонг Фонг (1902–1942 гг.), Ха Хюи Тап (1906–1941 гг.) и Нгуен Ван Кы (1912–1941 гг.).

Борьба за восстановление суверенитета с точки зрения колониального права — является преступной деятельностью.

Французская колониальная система в Индокитае была выстроена Полем Думером, который с 1897 по 1902 гг. занимал пост Генерал-губернатора Французского Индокитая. Думер полностью реконструировал администрацию Тонкина, реорганизовал армию и избавился от какого-либо намека на автономию в стране путем роспуска органов власти, которые существовали при Нгуенах, а также губернаторов, превратив то, что должно было быть протекторатом, в самую настоящую колонию [Там же. р. 642].

Поль Бо, генерал-губернатор Индокитая в 1902–1907 годах, наоборот хотел дать немного свободы колонии, восстановив пост губернаторов в

Тонкине и создав местные консультативные органы. Также он создал центры по подготовке чиновников для работы в местной колониальной администрации. Его преемник Альбер Сарро (1911–1914 гг.) также продолжил работать в данном направлении. Однако Думер, разрабатывая систему колониальных властей, не подразумевал отдавать всю власть представителям местного населения [Там же. р. 642].

Генерал-губернатор имел, по сути, неограниченную власть в колониях, однако он все же оставался под наблюдением вышестоящего Министерства колоний, которое время от времени направляло сотрудников, которые могли бы следить за порядком [Там же. р. 643].

Обстановка среди коммунистических организаций накалялась, так в январе 1929 года Аннамская Коммунистическая партия предпринимала попытки убить Губернатора Паскера, а также сумела убить главу Трудового бюро — господина Базэна. В феврале 1930 года было проведено Йенбайское восстание, которое было также жестко подавлено французами [Там же. р. 647].

10 марта 1945 года японцы провели государственный переворот в Индокитае, в ходе которого было объявлено об окончании французского колониального режима в Индокитае. Император Аннама — Бао Дай тут же объявил о создании Вьетнамской Империи, однако Хо Ши Мин, под чьим контролем находился Тонкин, перешел в оборону и взял под свой контроль семь северных провинций Тонкина [Там же].

Формально в данный период одновременно существовало три политические системы, борющиеся за власть: французская колониальная, прояпонская и коммунистическая системы. Однако, японская власть была с легкостью свергнута во время Августовской революции, так как после атомных бомбардировок они не сопротивлялись.

В ходе Потсдамской конференции было принято решение о временной передаче контроля над северной частью Вьетнама до 16 параллели Китаю, а южной частью — Британии. Благодаря английскому генералу Дугласу Грейси, прибывшему в Сайгон 13 сентября, французы восстановили свою власть над несколькими городами Южного Вьетнама [Там же].

В то же время на Севере Китай отказался сотрудничать с французами, предпочтя отдать власть в руки Хо Ши Мина. Однако 24 сентября 1946 года в Чунцине был подписан Франко-китайский договор, согласно которому Франция предоставляла Китаю специальную зону в порту Хайфона для осуществления транзитных перевозок, освобождение товаров и посылок от транзитных пошлин, предоставление китайцам, проживающим в Индокитае, всех прав и равных налогов. Франция также передавала Китаю участок железной дороги Юньнань — Индокитай [Франко-китайский договор 1946 года, 28 февраля.].

Позже в марте 1946 года Французы признали Демократическую Республику Вьетнам в качестве административной части Индокитая. Будущий экономический и политический статус Кохинхины должен был решаться в ходе апрельской конференции в Далате [Вьетнамо-французские соглашения 1946 года, 14 сентября]. Очевидно, что представления о независимости у

коммунистов и французских колониальных властей были разными [Hall D.G.E. A History of South-East Asia. London: MacMillan and Co. Ltd. 1955. P. 714].

В последствие отношения между властями ухудшились. Первого июня генерал Д'Аржанльё провозгласил создание автономной республики Кохинхина, что являлась явным нарушением подписанных соглашений, согласно которым Кохинхина должна была быть вольна выбирать свой будущий статус путем проведения референдума. В июле в Фонтенбло была открыта франко-вьетнамская конференция, в то же время в Далате генералом Д'Аржанльё была открыта вторая конференция с участием представителей Лаоса, Камбоджи, Кохинхины и южного Аннама, без участия представителей ДРВ. Делегация, представлявшая ДРВ на конференции в Фонтенбло, покинула её без проведения переговоров в знак протеста неправомерным действиям генерала Д'Аржанльё.

10 ноября 1946 года Нгуен Ван Тхинь совершил суицид в знак протеста, отказавшись быть марионеткой французского режима. Некоторые вьетнамские лидеры не соглашались ни на какие другие варианты развития событий, кроме как полное признание независимости Вьетнама, что повлекло за собой многочисленные восстания. 19 декабря 1946 года с атаки французского гарнизона в Тонкине началась Первая Индокитайская война [Там же, р. 718].

В Тонкине царил конфликт двух одновременно существовавших правовых норм: французской колониальной, описанной в Конституции Французского союза, и вьетнамской коммунистической, которая была провозглашена в результате Августовской революции. Противники отказывались идти друг другу на какие-либо уступки. Во многом эти причины и послужили предпосылками к началу Первой Индокитайской Войны (1946 – 1954 гг.).

Запросы вьетнамских властей на соединение единого независимого вьетнамского административного региона — Индокитайской Федерации под крылом Французского региона были успешно отклонены французами в ООН.

8 марта 1949 года Бао Дай вновь возглавил профранцузское государство, состоящее из Кохинхины, Аннама и Тонкина. Однако Хо Ши Мин все же держал значительную часть Тонкина в своей власти.

27 и 30 января 1950 года Китайская Народная Республика, СССР и их союзники признали власть Хо Ши Мина во Вьетнаме легитимной. В то время как Франция и Англия признавали только власти Бао Дая. Франция начала получать больше поддержки от США и Индокитай попал под внимание Пентагона. Так Вьетнам оказался между двух огней, СССР и США [Там же, р. 718].

В ходе ожесточенной борьбы за власть в Первой Индокитайской войне, которая закончилась победой коммунистов в битве при Дьенбьенфу, бывшие преступники стали легитимной властью, а колониальные власти были вынуждены покинуть Демократическую Республику Вьетнам (Северный Вьетнам) и осесть в Южном Вьетнаме.

Через день после победы коммунистов в битве при Дьенбьенфу 8 мая 1954 года была открыта вторая секция Женевской конференции, посвященная судьбе Индокитая. На конференции присутствовали министры иностранных

дел СССР, Франции, Англии, США и КНР, а также представители ДРВ, Камбоджи и Лаоса. Лишь 20 июля 1954 года было подписано Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. В ходе конференции были признаны права, суверенитет и территориальная целостность Вьетнама. Согласно подписанному Соглашению Франция была обязана вывести свои войска из Индокитая.

В ходе конференции была признана легитимная власть Партии Трудящихся Вьетнама в Демократической Республики Вьетнам.

Выводы

Во Вьетнаме в ходе многолетней борьбы с колонизаторами была создана единая политическая система, в которой Партия и её идеология выступают в качестве ядра. Система, в которой партия занимает центральное место, мобилизует граждан на реализацию главных целей Партии — завоевании поддержки и защите национальной независимости, демократии и прогресса.

В настоящей статье была разработана периодизация процесса формирования альтернативной политической системы Демократической Республики Вьетнам.

Этап	Действующие силы	Характеристика этапа
Стихийный поиск путей спасения Родины (1900 – 1930)	Французские колониальные власти, Общество обновления Вьетнама, Донг Кинь Нгиа Кхук, Общество возрождения Вьетнама, Движение на Восток, Национальная партия Вьетнама	Создание национально-освободительных объединений, поиск союзников. Главный недостаток НОДов заключился в низком уровне подготовленности и осведомленности руководителей движений. Они также наивно полагались на безвозмездную помощь «старших братьев» в лице Японии или Китая в деле освобождения страны.
Налаживание контактов с Коминтерном, изучение его политтехнологий (1923 – 1938)	Французские колониальные власти, Коминтерн	Подготовка кадров для коммунистического движения в КУТВ, изучение политтехнологий и идей марксизма-ленинизма и их успешное применение на практике. Коминтерн давал советы и способствовал образованию Коммунистической Партии Индокитая.

Этап	Действующие силы	Характеристика этапа
Создание нелегальных коммунистических ячеек во Вьетнаме, Сиаме и Китае (1924 – 1929)	Коминтерн, Товарищество революционной молодежи Вьетнама, Аннамская Коммунистическая Партия, Коммунистическая Партия Нового Вьетнама, Коммунистическая Лига Индокитая, Французские колониальные власти	Создание многочисленных подпольных коммунистических ячеек для более эффективного распространения марксистских идей, мобилизация народа и поиск союзников в стране.
Борьба за захват власти в Индокитае (1930 - 1945)	Коминтерн (по 1938 год), Французские колониальные власти, Японские оккупационные власти с 1940 года	Репрессии французских колониальных властей в сторону коммунистических лидеров и попытки организации восстаний. Амбиции Японии в создании Паназиатской зоны под ее покровительством, контроль над Индокитаем — создание Вьетнамской Империи.
Приход к власти Коммунистической Партии Индокитая (1945)	Коммунистическая Партия Индокитая, Французская колониальная администрация, Японские оккупационные власти	В результате Потсдамской конференции, Индокитай был поделен на две части: Северная находилась под контролем КНР, власти которой передали Тонкин Коммунистической Партии Индокитая. В то время как территории южнее 16 параллели находились под властью Британцев, которые передали власти французам.
Борьба за сохранение власти (1945 – 1954)	Коммунистическая Партия Индокитая (с 1951 года Партия Трудящихся Вьетнама), французские колониальные власти	Начало Первой Индокитайской войны за установления контроля над всем Вьетнамом. Признание ДРВ Китаем и СССР. Война закончилась в 1954 году победой в битве при Дьенбьенфу. Заключение Женевских соглашений по Индокитаю и капитуляция французской администрации.

Для более наглядного представления о периодах и событиях, произошедших в первой половине XX века, которые играли наибольшую роль в процессе трансформации колониальной и альтернативной политических систем Вьетнама, представлена следующая схема.

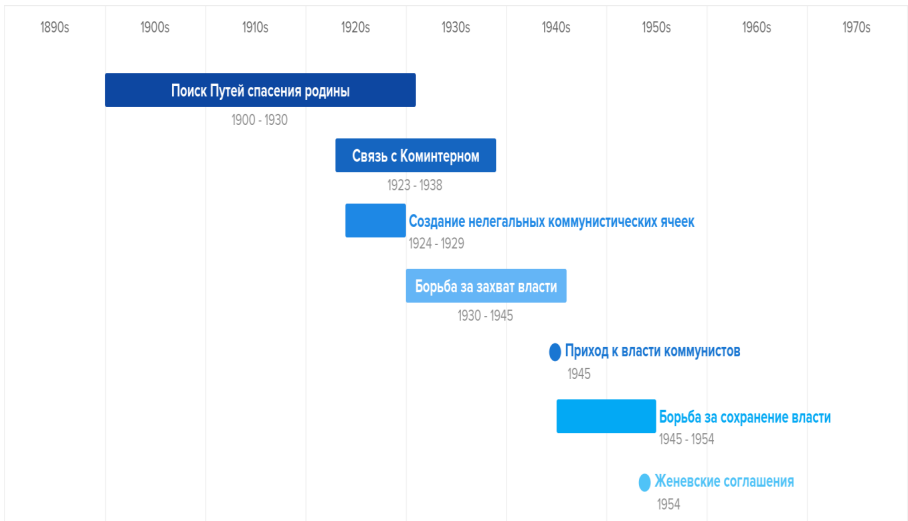

Схема 1. Этапы формирования альтернативной политической системы

Вторая схема показывает общую картину динамики трансформации политических режимов на территории Вьетнама. Как видно на схеме, одновременно в Индокитае могло существовать несколько конфликтующих между собой политических режимов. Точками указаны ключевые моменты, повлиявшие на ход рассматриваемых событий.

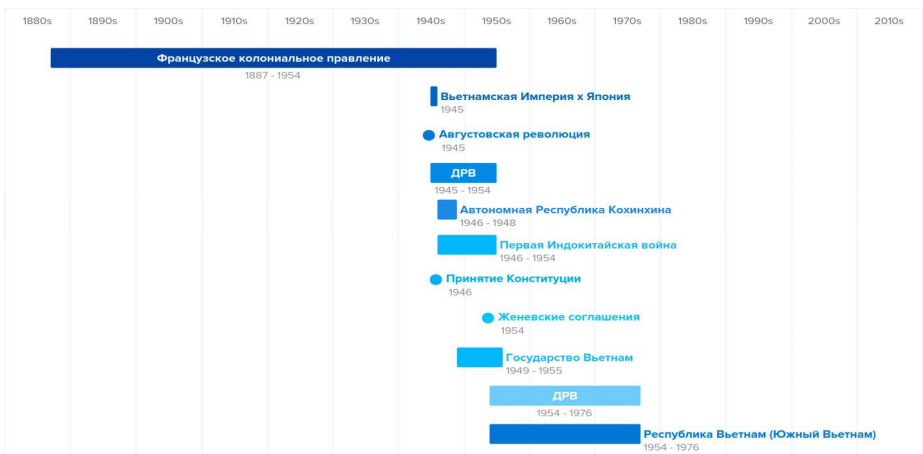

Схема 2. Визуализация ключевых событий в истории Вьетнама в первой половине XX века

В результате проделанной работы была создана визуализация периодизации конфликта правовых норм в Индокитае, когда в одно время могло существовать несколько «легитимных» администраций (см. схема 3). Как видно на схеме, альтернативная политическая система, развивалась одновременно с французской, в то же время, борясь с ней.

В 1945 году был период, когда французские колониальные власти на время уступили Индокитаю японцам, которые создали Вьетнамскую империю во главе с Бао Даем и премьер-министром Чан Чонг Кимом. Затем французы в 1948 году создали сами создали подконтрольный им проект Государство Вьетнам во главе с тем же Бао Даем.

Силы и стратегии, существовавших в самом начале XX века антиколониальных общественно-политических организаций, значительно уступали французским колониальным властям. Этот фактор, а также наивность и разрозненность руководителей, послужили первоочередными причинами неудач начинающих революционеров.

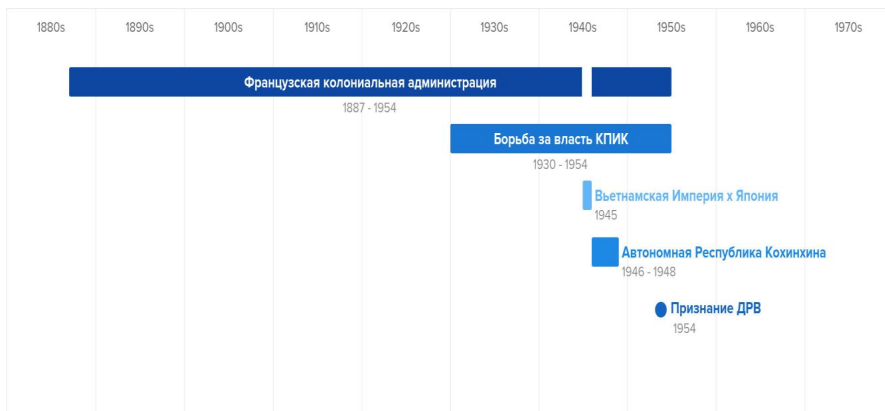

Схема 3. Правовые нормы, существовавшие в Индокитае

Коммунистический интернационал играл важную роль в подготовке кадров для формирования коммунистического движения и Коммунистической Партии Вьетнама. Во многом благодаря Нгуен Ай Куоку (Хо Ши Мину) Коминтерн и мировое коммунистическое движение с каждым выступлением юного революционера все больше обращало внимания на проблемы связанные с угнетением народа колоний и отношениями между метрополиями и колониями. Коминтерн поддерживал и оказывал помощь в проведении исследований, консультациях и выпуске агитационных материалов для более эффективного распространения марксистской идеологии во всем мире до 1943 года.

В условиях тяжелой ситуации не только в стране, но и в мире Президент Хо Ши Мин и его единомышленники сумели на первых этапах подпольно

разработать и распространить по стране новые идеи, которые сплотили народ, и запустить процесс мобилизации населения с целью борьбы против иностранных захватчиков.

Факт создания Коммунистической Партии Индокитая в тяжелых условиях мирового кризиса, репрессий в отношении патриотов и активистов со стороны французских колонизаторов ознаменовал конец смуты и безысходности в стране. Нгуен Ай Куок и коммунизм стали той самой искрой, которая дала вьетнамскому народу надежду на спасение Родины.

Характерной чертой формирования и установления альтернативной политической системы Вьетнама является использование вьетнамизированных политтехнологий одного европейского государства для смещения колониального режима, навязанного другой европейской страной.

1. Вьетнамо-французские соглашения 1946 года, 14 сентября. Поиск по документам XX века / URL: <http://doc20vek.ru/node/3836> (Дата обращения: 10.06.2020)
2. Колотов, В. Н. Идеология Хо Ши Мина как ключевой ингредиент вьетнамской победы и успешных реформ // Духовное наследие Хо Ши Мина и современность. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 481-492, 510.
3. Новакова, О.В Об истории зарождения коммунистического движения во Вьетнаме / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istorii-zarozhdeniya-kommunisticheskogo-dvizheniya-vo-vietname> (Дата обращения: 25.05.20)
4. Новакова, О.В. Независимый Вьетнам: демократия — versus — традиционность: 1945—1946 гг. — начало XXI века / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimyy-vietnam-demokratiya-versus-traditsionnost-1945-1946-gg-nachalo-xxi-veka> (Дата обращения: 25.05.20)
5. Новакова, О. В. Первая волна сопротивления за независимость (1946-1954 гг.) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-voyna-soprotivleniya-za-nezavisimost-1946-1954-gg> (Дата обращения 25.05.20)
6. Новакова, О. В., Цветов П. Ю. История Вьетнама. Ч. 2/ Учебник, — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 272 с.
7. Франко-китайский договор 1946 года, 28 февраля. [Электронный ресурс]. Поиск по документам XX века / URL: <http://doc20vek.ru/node/3575>
8. Шонг, Тхань. Хо Ши Мин. Биография. Пер. с вьет./ ред. В.Н. — Ханой: Политическая теория, 2016. — 860 с.
9. Song, Thanh (Chủ biên). Hồ Chí Minh. Tiểu sử. Nhà xuất bản lý luận chính trị. Hà Nội, 2006.
10. Thép Mới. Thời dựng Đảng. — Т.П. Hồ Chí Minh: Nxb. Tổng hợp Thành phố Hồ Chí Minh, 2013. 184 tr.; 24 cm.
11. Trần Văn Giàu. Giai cấp công nhân Việt Nam [Чан Ван Зяу. Рабочий класс Вьетнама]. Hà Nội, 1957.
12. Hall D.G.E. A History of South-East Asia. London: MacMillan and Co. Ltd. [1955]. 807 p.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О «ТАРИХ-И
САХИБКИРАНИ» КАК ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОГО
КАВКАЗА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Krasutsky Stanislav

**PRELIMINARY DATA ON "TĀRIKH-I SĀHIBQIRĀNI"
AS A SOURCE FOR THE SOUTH CAUCASUS HISTORY OF THE
FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY**

В статье исследуется второй том сочинения Махмуд-мирзы Каджара «Тарих-и Сахибкирани» как источник по истории Южного Кавказа первой трети XIX века, поскольку этот труд не является достаточно изученным. Сделана попытка сопоставления данных, содержащихся в этом труде, с данными русскоязычных источников XIX века с целью установления их достоверности.

The article deals with the second volume of Mahmud Mirzā Qājār's "Tārikh-i Sāhibqirāni" as a source on the history of the South Caucasus in the first third of the 19th century, since this work has not been sufficiently studied. The data contained in this work has been compared with the data of some Russian sources of the 19th century in order to ascertain its veracity.

Ключевые слова: «Тарих-и Сахибкирани», Русско-иранские войны, Каджары, Южный Кавказ, 'Аббас-мирза

Key words: "Tārikh-i Sāhibqirāni", Russo-Persian wars, Qājārs, South Caucasus, 'Abbās Mirzā

В конце XVIII после многолетней борьбы за власть на иранском престоле утвердился Ага Мухаммад-шах Каджар. Он стремился присоединить к Ирану Грузию и ханства Южного Кавказа, которые были зависимы от Ирана во времена Сафавидов. [Atkin, P. 9 - 10, 19] Однако в июне 1797 он был убит, и его приемником стал племянник Фатх-'Али-хан, так как Ага Мухаммад-шах не мог иметь детей. [Avery, P. [et al.] (Eds.), 2008. P. 129, 132, 135]

Фатх-'Али-шах имел много сыновей, одному из которых, Махмуд-мирзе Каджару, было поручено написать историю династии, поскольку он был учёным и поэтом.

В данной статье будет рассмотрен второй том его сочинения «Тарих-и Сахибкирани» («История обладателя счастья»). Оно содержится в рукописи № 1142 из собрания рукописей библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Сочинение разделено на два тома: первый том посвящён истории Каджаров от Фатх-'Али-хана, основателя династии, до конца правления Ага Мухаммад-шаха (лл.1-53а рукописи); том второй содержит историю правления Фатх-'Али-шаха до 1248 г. л. х. (1832/1833 гг.) (лл. 546-149а). [Тагирджанов, 1962. С. 201]

На л. 72а излагаются события, относящиеся к началу русско-иранской войны 1804 – 1813 гг. Так, в главе под названием «После водворения русских в большей части Грузии и угнетения всего и вся» автор пишет: «Они завладели окрестностями того вилайата (области).³³ В священный месяц рамазан 1218 г. (декабрь 1803 – январь 1804 г.) они пришли, чтобы захватить Ганджу. Джавадхан, правитель Ганджи, попросил помощи у милостивого правителя Каджара. Судя по последующему сражению, никто не прибыл к тому месту, кроме Саййид-бека Йузбаша. Инспектор³⁴ с русским войском осадил крепость. Насиб-бек Шамс ад-Динлу и армяне Ганджи присоединились к русскому командиру, поэтому ганджинцы были побеждены».

Этим сведениям можно найти подтверждение и в русскоязычных источниках. По воспоминаниям С.А. Тучкова, русского военного и участника тех событий, «В числе жителей почти половина состояла из армян, на которых, как на христиан, не мог хан много полагаться». [Записки, 1908. С. 215] Кажется логичным, что, если половина населения перешла на другую сторону, у оставшихся в крепости было мало шансов на победу.

Далее Махмуд-мирза сообщает: «Утром в первый день [лунного месяца] шаввала (14 января 1804 г.) [русские] с помощью армян напали на крепость. Жители крепости, приложив усилия, упорно защищались. ... Жителей крепости и Джавад-хана с сыном убили».

19 января 1804 г. Цицианов отправил «предложение» И.П. Каспарову, губернатору Кавказской губернии, в котором сообщал о взятии крепости 14 числа на рассвете. [АКАК. Том II, 1868. С. 588-592] После взятия город был переименован в Елизаветполь. [Потто, Том I, 2006. С. 252]

Затем автор нашего источника сообщает, что Цицианов стал готовиться к захвату Карабаха и Иравана (Эривани).

Сначала он решил отправиться в Ираван, так как стало известно, что иранские войска под командованием наследного принца 'Аббас-мирзы собираются за Араксом. При этом в иранской армии насчитывалось свыше 20000 человек, тогда как в российской — примерно 4000. [Дубровин, Том IV, 1886. С. 287-303] 20 июня произошло сражение под Ираваном, в результате которого иранская армия была обращена в бегство. [Там же. С. 310-312] Мухаммад-хан Каджар, хан Иравана, занял иранскую сторону, так как опасался русских. [Там же. С. 296-299, 315]

На л. 77а, где речь идёт о событиях 1220 г. л. х./1805-1806 гг., в главе «О противодействии Ибрахим-Халил-хана Джаваншира³⁵» говорится о том, что Ибрахим-хан встал «на путь дружественных отношений с русскими», потому его необходимо «поставить на место». Далее сообщается, что «Исма'ил-бек по приказу Наместника³⁶ направился в сторону Ибрахим-Халил-

³³ Видимо, имеется в виду Ганджинское ханство

³⁴ То есть П. Д. Цицианов, инспектор Кавказской линии и главнокомандующий в Грузии в 1802 – 1806 гг.

³⁵ Ибрахим-Халил-хан был правителем Карабахского ханства

³⁶ То есть 'Аббас-мирзы, поскольку тот был наместником в области Азербайджан.

хана». На л. 77б автор пишет, что карабахский хан отправил небольшое войско, в котором был и российский отряд, на защиту Худаафаринского моста. В 24 км от него и произошло сражение. Далее автор сообщает об отступлении войска.

14 мая 1805 г. Ибрахим-Халил-хан вступил в подданство Российской империи, которая отправила в Шушу, столицу Карабахского ханства, 500 военных. [АКАК. Том II, 1868. С. 707] После того, как стало известно о приближении иранских войск к Худаафаринскому мосту, Мухаммад-Хасан-ага, сын хана, отправился туда с российским отрядом и карабахскими всадниками. Завязалась тяжёлая битва, поэтому Мухаммад-Хасан решил вернуться и защищать Шушу. [Мирза Джамал, 1959. С. 20-21]

На л. 79а говорится о действиях Каспийской флотилии. Так, автор сообщает, что русские решили захватить город Рашт, для чего прибыли в Анзали, а затем подошли к Пире-Базару. Однако шахские войска оказали им сопротивление, многих из них убили, из-за чего русским спешно пришлось отступить к Анзали, а затем прибыть к Баку, где также многих убили.

Российские войска действительно заняли Анзали, но без боя, завладели Пире-Базаром и собирались идти на Рашт, но были вынуждены покинуть эти территории из-за трудностей. Они прибыли к Баку, где их уже ожидали, однако отряд сначала обстрелял крепость из пушек, а потом предпринял попытку осадить город, но был вынужден снять осаду. [Дубровин, Том IV, 1886. С. 466-474]

В главе под названием «Убийство Инспектора» говорится о смерти П.Д. Цицианова. Автор пишет, что Инспектор отправился из Ганджи в Ширван, из-за чего Хусайн-Кули-хан Бакинский забеспокоился и попросил помощи у Ирана, которая и была направлена. Далее сообщается, что Ибрахим-хан, двоюродный брат Хусайн-Кули-хана, убил инспектора, после чего ему отрубили голову и доставили ее в Тихран (Тегеран).

В.А. Потто пишет, что князя Цицианова застрелили, когда он подошёл к Баку и потребовал, чтобы ключи от крепости ему вынес лично хан. При этом ссылаясь на некоего иранского историка, он говорит, что голова и руки Цицианова были отрезаны и вывезены сначала в Ардабил, а затем в Тихран. [Потто, Том I, 2006. С. 257-258] Н.Ф. Дубровин сообщает, что приближённый хана Ибрахим-бек за убийство Цицианова получил ханский титул. [Дубровин, Том IV, 1886. С. 490]

События, описанные в главе «Обстоятельства убийства Ибрахим-Халил-хана» на л. 80б относятся к 1222 г. л. х. (1807/1808 гг.) Здесь сообщается, что Ибрахим-Халил-хан раскаялся в сближении с Россией и поэтому решил вновь перейти на сторону Ирана и пригласить Наместника в Карабах. Внук хана сообщил об этом русским, после чего российский отряд подошёл к крепости, напал на неё и убил всю семью хана.

Интерпретация этих событий несколько различается. Так, Мирза Джамал Джаваншир пишет, что из-за отсутствия сильного отряда Ибрахим-хан был вынужден подчиниться Ирану. Когда иранские войска подошли к Карабаху, он переселил свою семью, что недоброжелатели объяснили изменой. Поэтому российские солдаты отправились к хану и убили его самого, его семью и

приближённых. [Мирза Джамал, 1959. С. 22] Однако и Н.Ф. Дубровин, и В.А. Потто говорят об измене хана, отмечая при этом, что он и его семья были убиты случайно. [Дубровин, Том V, 1887. С. 41-43; Потто, Том I, 2006. С. 303]

На л. 81б сказано: «Гудович был назначен главнокомандующим русских». Действительно, 2 июня 1806 г. И.В. Гудович был назначен главнокомандующим на Кавказской линии и в Грузии. [Дубровин, Том V, 1887. С. 16]

Там же говорится, что «Русский падишах стал желать перемирия от дворца [иранского] владыки мира. Посланник по имени Эстьяноф (Степанов) отправился к шахскому дворцу. [Гудович] написал письмо, [которое] в его (Степанова) сопровождении [отправил] к великому везиру Мирзе Мухаммаду Шафи'».

Однако сам Гудович писал, что желание перемирия исходило от иранской стороны. Для ведения переговоров был отправлен старший адъютант Степанов. Переговоры шли долго, но перемирие так и не было заключено. [АКАК, Том III, 1869. С. 426, 437]

На л. 83а излагаются события, последовавшие после возобновления военных действий. «В девятую ночь шаввала (28 ноября 1808 г.) близко к утру отряд русских напал из окрестности великой крепости³⁷. Хусайн-хан, командующий, Хасан-хан, его брат, ... приступили к убийству врагов. Три тысячи человек стали мёртвыми, две-три тысячи человек — ранеными. Они скрылись в своих укреплениях. Русские с Гудовичем от страха за свою жизнь убежали в Грузию, и от сильного холода большей частью погибли».

Здесь говорится о кульминационных событиях иранского похода российской армии 1808 г. 9 октября российский отряд осадил крепость, комендантом которой был Хасан-хан. Осада продолжалась более месяца. Затем была предпринята неудачная попытка штурма, при котором потери отряда составили 743 человека. Поэтому остаётся неясным, является ли число убитых и раненых, приведённое в рукописи, преувеличением, относящимся к российскому отряду, или же это количество всех, кто был убит и ранен в этом сражении.

6 декабря Гудович вернулся в Грузию, не понеся огромных потерь. [Дубровин, Том V, 1887. С. 209-226]

12 апреля 1809 г. главнокомандующим был назначен А. П. Торماسов [Там же. С. 228]

На л.85б, где речь идёт уже о событиях 1225 г. л. х (1810 – 11 гг.), есть краткое упоминание о переговорах двух сторон, целью которых было обсуждение условий перемирия. Переговоры начались 20 апреля и продолжались 18 дней, однако не увенчались успехом. [АКАК, Том IV, 1870. С. 709-710]

На л. 87а, где излагаются события, относящиеся к 1226 г. л. х. (1811 – 12 гг.), в главе «О битве Наместника в Султан-Буде» говорится о том,

³⁷ Речь идёт об Ираване

что неверные (русские), потерпев поражение от 'Аббас-мирзы, «настолько усомнились в себе, что подняли белый флаг, который является символом мира у европейцев, и попросили пощады.» После этого их отвели к Престолонаследнику, а о самом событии доложили лично Падишаху.

Описанные события соотносятся с теми, которые произошли в феврале 1812 г. 'Аббас-мирза подошёл к крепости Султан-Буде близ Карабаха с 18-тысячным войском. Российский гарнизон насчитывал малое количество человек, поэтому во время атаки 'Аббас-мирзы были потеряны орудия и зарядный ящик. Вечером, когда бой закончился, прибыл гонец с предложением сдаться. Комендант сначала отказался, однако уже на следующий день гарнизон сложил оружие. [Дубровин, Том V, 1887. С. 446; АКАК, Том V, 1873. С. 135-139]

На л. 89а в главе «Об Асландузе» говорится о ключевом сражении первой русско-иранской войны: «Наместник со свитой отправился к Асландузу. Командующий русскими под предлогом перемирия подошёл к границам Карабаха. Однажды ночью он³⁸ внезапно двинул войско к укреплениям. В ту тёмную ночь потекли реки крови мусульман. Асландуз обратился в печальное зарево. Наместник пешком убежал из земляного укрепления. По подстрекательству Мустафа-хана Тальшского русские подошли к крепостям Ланкаран и Аркаван. Комендант крепости из страха, что повторится судьба Асландуза, не посчитал целесообразным защищать крепость. Все разбежались. Русские захватили Аркаван и напали на Ланкаран. Три дня длилась битва между ними [русскими и защитниками Ланкарана]. На рассвете с другой стороны крепости русские прошли через крепостную стену с башнями и проникли в башню.»

К 8 октября 1812 г. 'Аббас-мирза с 20-тысячной армией подошёл к Араксу. Он намеревался атаковать отряд генерал-майора И. С. Котляревского, который был оставлен на границе. 31 октября Котляревский решил сам атаковать противника, который был вынужден отступить к Асландузу. Однако Котляревский взял штурмом и Асландуз. 'Аббас-мирзе пришлось спасаться бегством с поля боя. [АКАК, Том V, 1873. С. 691-694]

Однако в Тальшском ханстве ещё оставались каджарские отряды, для изгнания которых отправили Котляревского. 22 декабря 1812 г. его отряд без труда занял крепость Аркаван. 26 декабря Котляревский подошёл к Ланкарану, где находился 4-тысячный иранский отряд. Крепость была взята штурмом 13 января 1813 г. [Дубровин, Том VI, 1888. С. 91-98; АКАК, Том V, 1873. С. 700-703]

Успехи российской армии при Асландузе и Ланкаране заставили 'Аббас-мирзу запросить мира. 24 октября 1813 г. был подписан Гулистанский мирный договор. К России были присоединены следующие ханства: Карабахское, Ганджинское (Елизаветпольский округ), Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшское. Кроме того, Иран признал

³⁸ Имеется в виду Котляревский

Дагестан, грузинские территории и Шурагель владениями России. За Россией признавалось исключительное право держать военный флот на Каспийском море. В договор был включён и сепаратный пункт, согласно которому иранская сторона могла рассчитывать на просьбу вернуть часть завоёванных Россией территорий. [Дубровин, Том VI, 1888. С. 114-130]

Однако чёткая граница между Российской империей и Ираном проведена не была. Для точного разграничения владений несколько лет велись переговоры, которые, однако, не увенчались успехом. Иранская сторона не соглашалась окончательно признать завоевания России и требовала уступить ту или иную территорию. Для того, чтобы российские дипломаты пошли на уступки, 'Аббас-мирза поддерживал горцев Северного Кавказа, с которыми Россия вела войну на протяжении многих лет, а также мятежников в азербайджанских ханствах. В конце концов такая политика привела к тому, что Иран решился начать новую войну с Россией. Уже в конце июня 1826 года были получены сведения, что иранские войска стягиваются к Карабаху. Вскоре начались военные действия.

На л. 1156, где излагаются события 1241 г. л. х. (1825/1826 гг.), автор «Тарих-и Сахибкирани» сообщает о том, что Мир-Хасан-хан Талышский встал на сторону Ирана, а также что крепость Сальян была захвачена. Это подтверждается и русскоязычными источниками. [АКАК, Том VI, 1875. С. 354; Дубровин, Том VI, 1888. С. 615-616]

Далее автор сочинения сообщает, что 'Аббас-мирза приказал Огурлу-хану, потомку Джавад-хана, захватить Ганджу, что тот и сделал, взяв российский гарнизон в плен. Затем говорится и об очищении Ширвана от русских.

Однако, согласно Н.Ф. Дубровину, ещё до прибытия иранских войск российский отряд покинул крепость, так как в городе началось восстание, в результате которого было много убитых. [Там же. С. 655-656] Вскоре российские войска были вынуждены покинуть и Ширван. [Там же. С. 628]

На л. 1166 говорится: «Мадатов, командующий русскими, ... двинул русские войска ... завоёвывать Ганджу». Далее сообщается о битве, происшедшей 14 сафара 1242 г. (17 сентября 1826 г.), в результате которой российское войско победило, а затем захватило крепость.

15 сентября произошло сражение между российским и иранским войсками, в котором верх одержало первое. На следующий день, 16 сентября, Ганджа была вновь захвачена, так как иранский гарнизон бежал отсюда. [АКАК, Том VI, 1875. С. 373-374; Дубровин, Том VI, 1888. С. 664-668]

Однако 'Аббас-мирза, узнав об этом, снял осаду Шуши и отправился к Гандже, близ которой он сразился с российским войском под командованием Мадатова и И.Ф. Паскевича. В результате поражения 'Аббас-мирза был вынужден отступить за Аракс. Об этом сообщается как в рукописи, так и в русскоязычных источниках. [Там же. С. 668-681; АКАК, Том VI, 1875. С. 380]

На л. 118а, где говорится о событиях 1242 г. л. х. (1826/1827 гг.), есть краткое сообщение о смене главнокомандующего на Кавказе: «Из российского государства пришёл приказ о деле назначения Паскевича главнокомандующим». 8 апреля 1827 года генерал от инфантерии Паскевич

был назначен командующим войсками на Кавказе. [Дубровин, Том VI, 1888. С. 742]

На лл. 118б и 119а в главе «О захвате крепости ‘Аббас-Абад» автор сообщает о том, что «русские из Нахчивана отправились на захват крепости ‘Аббас-Абад. На пути к крепости они сразились с иранским войском, которое было побеждено. Ихсан-хан, который имел обиду на падишаха, позволил захватить крепость».

7 июля российские войска заняли Нахчиван. Однако для обеспечения безопасности области нужно было захватить ‘Аббас-Абад. 17 июля, иранская армия под командованием ‘Аббас-мирзы напала на российский отряд. У местечка Джаван-булак произошло сражение, в котором каджарское войско потерпело поражение. 18 июля комендант Мухаммад-Амин-хан сдал ключи от крепости, а Ихсан-хан выразил желание служить в российской армии. [АКАК, Том VII, 1878. С. 550, 551-553]

На л. 120б сообщается о захвате российским войском крепости Сардар-Абад, что было сделано 1 октября 1827 г. Захват этой крепости был необходим для того, чтобы обеспечить тыл при осаде Иравана, которую Паскевич и намеревался провести. [Там же. С. 653]

Далее идёт рассказ о самом захвате крепости Сардар-Абад. Автор сообщает, что Паскевич построил вокруг крепости укрепления и начал её обстреливать, а 4 раби’ II 1243 г. (26 сентября 1827 г.) завладел крепостной стеной со стороны мечети. Хан укрылся в мечети, однако после захвата крепости был схвачен и отправлен в Тифлис.

Согласно русскоязычным источникам, осада Иравана длилась шесть дней: с 8 октября по 13 октября. С 27-го её начали обстреливать, а 1-го российские войска, сломав ворота, вошли в крепость. Хана действительно нашли в мечети. Его в качестве пленника направили в Грузию. [Там же. С. 564-567]

На л. 121а говорится о занятии российскими войсками под командованием генерал-лейтенанта Г.Е. Эристова Табриза, что, согласно русскоязычным источникам, произошло 25 октября 1827 г. [Там же. С. 568]

Табриз находился непосредственно на территории Ирана. Кроме того, он являлся резиденцией наследника престола ‘Аббас-мирзы. Поэтому последний решил начать переговоры о мире. Мирный договор был подписан 22 февраля 1828 г. в деревне Туркманчай. По его условиям, Россия получала Нахчиванское и Ираванское ханства, и подтверждалось её исключительное право держать флот на Каспийском море. Иранская сторона обязывалась выплатить 10 куруров (20 млн рублей) контрибуции и не препятствовать переселению армян на территорию Российской империи. [Потто, Том III, 1888. С. 580-581]

Таким образом, сведения «Тарих-и Сахибкирани» о Южном Кавказе в первой трети XIX века в основном относятся к периоду русско-иранских войн. Большая часть сведений, содержащихся в приведённых отрывках, в основном совпадает с теми, что указаны в других, в частности, русскоязычных, источниках. Расхождения в основном касаются имён отдельных ханов, точной численности войск с той или иной стороны, точной датировки событий или

точного расстояния от одной точки до другой. В целом, сведения исследуемого текста подтверждаются данными других источников.

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией в 13 томах. Т. II, III, IV, V, VI. Часть II, VII. / Под. ред. А.П. Берже. — Тифлис, 1868-1878.
2. Дубровин, Н.Н. История войны и владычества русских на Кавказе в 6 томах. Т. IV, V, VI. / Н.Н. Дубровин. — Санкт-Петербург. 1886-1888.
3. Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1788-1808. Санкт-Петербург. 1908. — 297 с.
4. Мирза, Джамал Джаваншир Карабахский. История Карабаха. Баку: Изд.-во Академии наук АзССР, 1959. — 42 с.
5. Потто, В.А. Кавказская война в 5 томах. Том I. От древнейших времён до Ермолова. / В.А. Потто. — М.: Центрполиграф. 2006. — 527 с.
6. Потто, В.А. Кавказская война в 5 томах. Том III. Персидская война 1826-1828 г. / В. А. Потто. — Санкт-Петербург. 1888. — 793 с.
7. Тагирджанов, А.Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ. Том I. / А.Т. Тагирджанов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 514 с.
8. Atkin, M. Russia and Iran, 1780-1828. / M. Atkin. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. — 233 p.
9. The Cambridge History of Iran, Vol. 7. / Avery, P. [et al.] (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 2008. — 1164 p.

КАНГО КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО КИТАИЗАЦИИ ЯПОНСКОЙ ЛЕКСИКИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ

Ekaterina Kruglova

KANGO AS AN EVIDENCE OF SINICIZATION OF JAPANESE LEXICS IN A CULTURO-HISTORICAL CONTEXT OF INTERACTION OF CHINESE AND JAPANESE LANGUAGES

В данной статье представлено описание такого лингвистического феномена, как канго. Это японские слова китайского происхождения, которые составляют большую часть японского лексикона, и появились в результате влияния Китая на становление и развитие японского языка и общества с древних времен. Массивность данного лексического пласта позволила нам провести его системную классификацию и выделить подвиды канго, проанализировать их особенности и проиллюстрировать примерами.

The paper presents a description of a linguistic phenomenon „kango“. These are Japanese words of Chinese origin that form the large part of Japanese lexics. Kango have emerged as a result of China's influence on the formation and development of the Japanese language and society since ancient times. The massiveness kango allowed us to classify these words (kango with sino-japanese reading, kango with semantic reading, kango with both semantic and sino-japanese readings, wasei-kango), to analyze their features and to illustrate them with examples.

Ключевые слова: Китай, Япония, канго, китаизация, лексикология, заимствования

Key words: China, Japan, kango, sinicization, lexicology, loanwords

Китай как страна с большой территорией и многовековой культурой на протяжении многих столетий оказывала огромное влияние на язык и культуру своего ближайшего соседа — Японии. Одним из ключевых результатов данного влияния стало зарождение японской письменности и наполнение японского лексического аппарата китайскими заимствованиями. Их японский исследователь Масаёси Сибатани в монографии «The Languages of Japan» («Языки Японии») обозначает термином *kango*³⁹ или *sino-japanese vocabulary* и выделяет три основных этапа развития японского языка под влиянием китайского.

Первый этап относится к IV веку н.э., в течение которого происходило зарождение японской письменности на основе китайского иероглифического письма. Самая ранняя форма японской письменности называется *маньёганой*⁴⁰

³⁹ Русифицированный термин «канго» впервые в японоведческой лингвистике использовал В.М. Алпатов.

⁴⁰ Название «маньёгана» происходит от «Маньёсю» (万葉集, Собрание десяти тысяч листьев) — антологии японской поэзии периода Нара (710 — 794 гг.) и буквально означает «азбука Маньёсю».

万葉仮名, в ней слова записывались китайскими иероглифами *кандзи* 漢字, схожими по звучанию. Из маньчжэны возникли японские слоговые азбуки: хирагана и катакана, которые в совокупности сформировали *кану*. В этот период японский язык был почти лишен слогов иного рода и соответствие знака каны слогу было почти однозначным, то есть азбука уже тогда стала служить для фонетической передачи слогов. Кандзи, которые на начальном этапе наряду с хираганой и катаканой формировали *кану*, мало отличались от исконных китайских иероглифов. На этом этапе канго не сформировались как отдельный лексический пласт, но на основе китайских иероглифов появились *ваго* 和語 — исконно японские слова, которые пишутся смешанным письмом из каны и кандзи. Эти слова существуют и по сей день — мы встречаем их, когда сталкиваемся с японскими фамилиями и составными глаголами. Грамматические показатели записываются хираганой, а существительные, корни глаголов и прилагательных обычно записываются иероглифами.

На втором этапе, в течение IX-XIX веков, стали использовать систему *камбун* 漢文 (яп. 'китайское письмо') на основе древнекитайского языка *вэньяня* 文言, как языка официальной письменности. Сохранение китайского произношения было обязательным в процессе заимствования китайских слов. На данном этапе стали разделяться «обязанности» каны и кандзи — если первая так и продолжала исполнять свою фонетическую функцию, то китайские иероглифы стали использоваться для обозначения отдельных слов и составили основу камбуна. Этими словами и стали канго.

Третий этап, который продолжается с XIX век по настоящее время, начался с реформ реставрации Мэйдзи. Тогда камбун был отменен, китайское влияние на Японию постепенно ослабевало, количество употребляемых кандзи сокращалось. В это время канго составляли большую часть литературного языка *бунго* [Harada, 1966. С.85]. После японо-китайской войны 1894-1896, Япония сместила Китай в лидерстве в азиатском регионе, начала многое заимствовать у запада. Японский язык если и не становится полноправным донором для китайского языка, то на данном этапе начинается равноправный лингвокультурный обмен Китая и Японии. Несмотря на это, в конце XIX — начале XX века количество новых канго резко возросло, когда началось освоение европейской культуры, появлялось много новых понятий и шло активное калькирование лексики европейских языков. Средством образования культурной лексики, и особенно терминологии стали именно канго. Исконно японская лексика оказалась неудобной для этих целей по двум причинам. Первая — краткость китайских корней и легкость их присоединения друг к другу в любом количестве давали возможность образования любого нужного слова со структурой, понятной для людей, знающих иероглифику. Японские корни неудобны из-за их большей длины и из-за ограничений на число компонентов в сложном слове (обычно не больше двух). Вторая — китайские корни ассоциировались с китайской культурой, которая до XVI-XVII вв. была наиболее влиятельной, японские же корни обладали невысокой престижностью; авторитет канго был высок и потому, что они были связаны с

письменностью. Простая фонетическая структура китайских корней не может не вызывать омонимию, особенно в японском языке, где при заимствовании исчезли тоновые различия, характерные для китайского языка. Поэтому в устной речи стали заменять канго на новый тогда тип лексики — заимствования из западноевропейских языков — *гайрайго* 外来語.

В XX веке начались процессы, приведшие к более существенным различиям в использовании сокращенных вариантов иероглифов, ставших в Японии нормативными после реформы 1946 г.: упрощение иероглифов в Китае и Японии происходило независимо друг от друга. Еще более разошлись две иероглифические системы после введения в Японии иероглифического минимума, также не связанного с языковыми процессами в Китае. Однако наиболее значительные отличия между иероглифическими системами в Китае и Японии заключаются в их соотношении со звучанием.

В японском языке, в отличие от китайского, единственность чтения иероглифа — исключение, а не норма, большинство иероглифов имеют два-три, а иногда и до десятка чтений. Чтения иероглифов (т.е. звуковые единицы, им соответствующие) в японском языке делятся на так называемые *онные* 音読み (яп. ‘звуковое чтение’) и *кунные* 訓読み (яп. ‘семантическое чтение’). При заимствовании китайских иероглифов ими начали писать корни исконно японских слов — эти корни имеют онные чтения. Помимо этого, вместе с иероглифами заимствовались и их китайские чтения, фонетически изменившиеся в соответствии с произносительными навыками японцев; так и появились онные чтения, ставшие важным источником пополнения японской лексики. По этим причинам многие исследователи также переводят термин «онные чтения» как «китайско-японское чтение» (англ. *Sino-Japanese reading*).

Как мы видим, канго не только повлияли на становление японской письменности и формирование лексического аппарата представляют собой не только отдельный тип заимствований в японском языке, но и наряду с исконно японской лексикой ямаотокотоба и европейскими заимствованиями гайрайго, являются лексическим классом японского языка и имеют свои подтипы. Это атэдзи 宛字, васэй-канго 和制汉语, и гибридные слова 混种词. Охарактеризуем данные подтипы канго по порядку.

Атэдзи (яп. 当て字, 宛字, あてじ) — это сочетание иероглифов кандзи, используемое для записи слов японского языка, и учитывающее только их онное чтение [Вардуть, 1962. С.126]. В широком смысле к атэдзи причисляются также и сочетания, основанные на семантике. Такой способ записи происходит от средневековой манъёганы. При записи атэдзи одна морфема может быть передана несколькими иероглифами. Поскольку в японском письме не используются пробелы, для отделения одних слов от других используется система смешанного письма кандзи и каны, где иероглифами пишутся «корни» слов, а каной — частицы, суффиксы. В случае же атэдзи кана используется реже. Ранее атэдзи использовались для написания фонетических заимствований из европейских языков, теперь для этих целей

используется катакана. Атэдзи можно поделить на несколько типов. Во-первых, это названия стран, образованные исконно японскими сочетаниями. Иероглифы подобраны так, чтобы фонетическая запись слова была максимально приближена к оригиналу, при этом семантика иероглифа не соответствовала внутренней форме слова: 露西亜 Росия — Россия (яп. 露 «роса» + 西 «запад» + 亜 «Азия»), 独逸 Дойцу — Германия (яп. 独 «сам» + 逸 «отклоняться»), 白耳義 Бэруги — Бельгия (яп. 白 «белый» + 耳 «ухо» + 義 «справедливость»). Такой способ передачи названия иностранного слова был распространен и в китайском языке, он соответствует фонетическим заимствованиям. Во-вторых, это записанные иероглифами исконно японские слова, для которых обычно применяется запись каной. Например: 出鱈目 дэтарамэ ‘взор’, 滅茶苦茶 мэтякутя ‘путаный’, 珍紛漢紛 тимпункампун ‘тарабарщина’. В-третьих, иногда к атэдзи причисляются сочетания из нескольких кандзи, получившие кунное чтение. Такое употребление кандзи имеет название 熟字訓 дзюкудзикун. Например, выбранные для слов 今朝 кэса ‘это утро’, 土産 миягэ ‘подарок, сувенир’, 煙草 табако ‘табак’ кандзи не имеют фонетического сходства с данным чтением. В-четвертых, в буддистской японской литературе термины из санскрита также передают через атэдзи, не придавая семантике существенного значения. Так, понятия 般若波羅蜜多 ханья-харамита ‘совершенство мудрости’ и 三藐三菩提 саммакусанбодай, ‘полностью просветлённый’, заимствованные из буддийского трактата Сутры Сердца, передаются без учёта значения иероглифов. Иногда при выборе кандзи для атэдзи руководствуются и семантико-фонетическим принципом. Примером может служить слово 俱樂部 курабу ‘клуб’, использованные кандзи по-отдельности можно интерпретировать как 俱 ‘вместе’, 楽 ‘веселье’ и 部 ‘место’ — буквально ‘место, где все веселятся’. Другой пример — 合羽 каппа для португальского слова сара, подвида плаща-дождевика. Специально подобранные кандзи имеют значение «сложенные крылья», которые напоминает этот плащ, и здесь можно говорить не только о морфологической, но и графической адаптации слова.

Термином васэй-канго (англ. Wasei-kango, яп. 和製漢語, кит. 和制汉语) обозначают слова в японском языке, составленные из китайских графем, но относящиеся к исконно японским словам, а не заимствованиям из китайского языка. Дословно термин переводится как «изобретённые в Японии китайские слова» и употребляется для обозначения особой разновидности лексики китайского происхождения «канго», заново созданной или по-новому интерпретированной в японском языке. Такие понятия обычно пишутся с использованием кандзи, и будучи одним из видов канго, читаются в соответствии с правилами транскрипции онъёми (онные чтения). В.М. Алпатов использует для описания этого слоя лексики термин «вновь созданные канго» и отмечает, что со временем «канго» уже стали органичной частью японской лексики и явились весьма удобным средством для создания новых единиц, чему, по его мнению, способствовало два основных фактора. Первый заключается в огромном словообразовательном потенциале китайских

корней, так как в силу их краткости появляются безграничные возможности для комбинирования и создания из них сложных слов, значения которых зачастую прозрачны. Второй кроется в их культурно-стилистических особенностях. В отличие от исконно японских слов ваго, лексика китайского происхождения канго была традиционно связана с книжным стилем и с культурной сферой, поэтому новая научная, политическая и культурная лексика большей частью формировалась путем создания новых канго [Алпатов, 2008. С.26-27]. Китайский лингвист Чэнь Ливэй 陳力衛 предлагает классифицировать ее в зависимости от наличия или отсутствия данной лексики в китайских классических текстах. Так, с этой точки зрения он признаёт «васэй-канго» только те слова, которые отсутствуют в классической литературе Китая. Что касается лексики, которая присутствует в китайской классике, автор относит к васэй-канго прежде всего слова, отличные от оригинала по семантике или построенные по иной в сравнении с китайским языком словообразовательной модели [Chen, 2007. С.35]. Примечательно, что именно васэй-канго составляют самый широкий пласт от всех канго японского языка, которые стали появляться еще в древности и присутствуют в японском лексиконе в большом количестве и по сей день. В эволюции васэй-канго можно выделить два этапа — до реставрации Мэйдзи и после. Каждому этапу присуще доминирование отдельных способов образования васэй-канго.

На раннем этапе, главным способом было изменение чтения ваго. Например, архаичное название страны Японии 日の本 (ひのもと hinomoto), вытеснилось современным 日本 (にほん nihon). Аналогичный пример — чтение слова ‘японская редька’ 大根 поменялось с おおね ōne на だいこん daikon. Хотя подобные слова относятся к общей китайско-японской лексике, некоторые все же либо имеют другое значение в китайском языке, либо вообще в нем отсутствуют. Не менее распространенным было изменение кунного чтения на онное. Например, словосочетание на японском языке 心を配る когоро-о кубару посредством изменения чтения иероглифов с кунного на онное стало словом 心配 симпай. Созданные подобным образом слова внешне имеют форму канго, но сохраняют японскую семантику. Часто к этой же словообразовательной модели относят атэдзи. Также встречалась китайская синтаксическая модель, по которой глагол предшествует именному компоненту: 腹が立つ — 立腹 риппуку ‘гнев’, 札を改める — 改札 кайсацу ‘проверка билетов’. Наконец, можно выявить и такой способ, как изменение китайской семантики. Иногда для новых понятий использовались уже существовавшие в китайском языке слова, но японский язык адаптировал их для собственных нужд, и происходил семантический сдвиг. Например, термин из китаезычной буддологии 世界 shijie ‘провидение’ был заимствован в японский язык с современным значением ‘мир’ (яп. 世界 секаи).

На втором этапе, в период реставрации Мэйдзи, васэй-канго массово создавались японскими лингвистами для обозначения иностранных понятий, ранее не существовавших в языке и обществе Японии. В этот период преобладало три способа словообразования. Во-первых, калькирование

европейских понятий: ‘революция’ 革命 kakumei, ‘демократия’ 民主 minshu, ‘полиция’ 警察 keisatsu, ‘телефон’ 電話 denwa, ‘наука’ 科学 kagaku, ‘философия’ 哲学 tetsugaku. Японские чиновники заимствовали терминологию для номинации западных новинок, когда-то созданную китайцами и не прижившуюся в основном из китайско-английских словарей — наиболее широко использовали «Словарь китайского языка» («A Dictionary of the Chinese Language», 1822) и «Словарь и справочник китайского языка» («Vocabulary and Handbook» of the Chinese Language, 1872). Большинство этих терминов используется и по сей день не только в китайском и японском языках, но и в корейском и во вьетнамском [Chen, 2007. С.15]. Интересно, что к концу XIX века с поражением Китая в Японо-китайской войне (1894-1895), страна переориентировалась на прогрессивные идеи, поставила себе в пример быстро развивающуюся Японию, и у китайского языка и общества также появилась необходимость в номинации этих же явлений. Тогда эти слова стали активно заимствоваться китайским языком и благодаря тому, что состояли они из „родных“ китайскому языку графем, легко прижились практически в неизменном виде и даже с близкой к японской фонетической транскрипцией: 革命 géming ‘революция’, 民主 mínzhǔ ‘демократия’, 警察 jǐngchá ‘полиция’, 电话 diànhuà ‘телефон’, 科学 kēxué ‘наука’, 哲学 zhéxué ‘философия’. Эти слова не являются «васэй-канго» в строгом смысле слова, так как они не были созданы заново в рамках японского языка. По своей сути они являются подобранными и заимствованными из китайского языка словами, которые были призваны передать новые понятия и явления западной культуры, не имевшие эквивалента в японском языке. Чэнь Ли Вэй называет их 新漢語 синканго — «новые канго» [Chen 2012, 18]. Если рассматривать данный лексический пласт с точки зрения китайского языка, то новые канго тождественны обратным заимствованиям.

Во-вторых, васэй-канго образовывались путем усечения японского словосочетания. Например, 発売禁止 хацубайкинси — 発禁 хаккин ‘запрет на продажу’, 重要文化財 дзюёбункадзай — 重文 дзюбун ‘важное культурное наследие’. И, в третьих, также довольно распространенный способ — аффиксальный. Самые часто используемые суффиксы: 化 ‘превращаться, переходить в другую форму’: 近代化 ‘модернизация’, 國際化 ‘интернационализация’; 性 ‘характер’, ‘свойство’ 可能性 ‘возможность’, 必然性 ‘неизбежность’; 主義 ‘главный принцип’, ‘система’: 社会主義 ‘социализм’, 自然主義 ‘натурализм’.

Многие китайские исследователи, не говоря уже о среднестатистических носителях, считают эти созданные в Японии на основе китайской письменности слова исконно китайскими. Другие ставят под сомнение японскую природу васэй-канго, утверждая, что данный лексический пласт был создан китайскими и европейскими учеными. Японский лингвист Такано Сигэо в своей работе «Исчезнувшие васэй-канго» приходит к выводу, что большая часть канго исконно китайского происхождения до сих пор функционирует в японском языке, в то время как половина васэй-канго из него уже исчезла [Такано, 2005. С.12].

Исследователь приводит следующие причины подобной нежизнеспособности языковых единиц. Первая — большинство исчезнувших «васэй-канго» были построены не по модели «существительное + глагол», которая характерна для японского языка, а по противоположной, типичной для китайского языка, — «глагол + существительное». Второй причиной стали меры, связанные с ограничением набора употребляемых иероглифов и введением иероглифического минимума, в результате чего одни иероглифы в составе «васэй-канго» были заменены другими, более частотными знаками. Третья причина — вышли из употребления те васэй-канго, у которых имелись синонимы среди канго, появившихся ранее. Получилось так, что вновь созданная лексика не выдержала конкуренции с уже устоявшейся. Четвертая причина заключается в том, что созданные путем калькирования синканго исчезли из-за того, что в их составе присутствовали сложные иероглифы. Они были заменены заимствованиями из европейских языков (в подавляющем большинстве из английского), которые записываются азбукой катакана и, как следствие, проще читаются.

Таким образом, способы образования васэй-канго, описанные нами в данном исследовании, обуславливают особенности их словоупотребления в японском языке. Словообразовательные модели предопределяют их жизнеспособность, так как слова, построенные по нетипичному для японского языка способу, со временем исчезают из системы. Васэй-канго представляет собой особое явление межязыкового и межкультурного характера, а вопросы их функционирования в японском языке являются отражением интеграции китайского языка в структуру японского, а в дальнейшем и процесса освоения Японией западной культуры. Как указывалось выше, васэй-канго представляют собой сложные слова, образованные путем сложения заимствованных корней, записанных иероглифическими знаками. Несмотря на то, что чаще всего эта лексика создана путем простого сочетания китайских морфем, в китайском языке она неизвестна или появилась в нём в результате обратного заимствования из японского [Жанцанова, 2019. С.102].

Изучение канго не может не затронуть такой важный лексический феномен, как гибридная лексика. В словах этого типа некоторые знаки могут использовать онное китайское чтение, а другие в том же слове — кунное японское. В японской лексикографии для обозначения слов данного типа существуют термины 重箱 jūbako и 湯桶 yutō, которые сами являются примерами такого рода соединений.

Возможные комбинации чтений:

- Первый символ имеет онное чтение, а второй кунное: 重箱 jūbako ‘тяжелая коробка’, 金色 kin’iro ‘золотой’.
- Первый символ имеет кунное чтение, а второй онное: 湯桶 yutō ‘ванна’, 場所 basho ‘место’
- Кунное+онное+онное: 合気道 aikidō ‘боевое искусство айкидо’
- Онное+онное+катакана 高層ビル kōsōbiru ‘высотное здание’
- Кунное+катакана: 飯テロ meshitero ‘пищевой терроризм’

Несмотря на то, что кандзи сыграли большую роль в словообразовании подобных понятий, гибридные слова не распространены в самом китайском языке и в других языках с синоксеническими лексическими элементами, исключая японский язык. В нем данный вид лексем, как и способ их словообразования, является одной из отличительных черт, выделяющих язык на фоне других.

Переходя к выводам, отметим, что так как японская письменность зародилась на основе китайской, китайские иероглифические знаки (графемы) кандзи стали базой не только для ранних ее форм, но и послужили для образования исконно японских слов *яматокотоба* (*ваго*) и долгое время использовались для записи фонетических заимствований из европейских языков (*гайрайго*). И, естественным образом, такая важная роль кандзи в японском словообразовании обусловила присутствие в системе японского языка целого лексического массива *китаизмов*.

Китайские заимствованные слова (китайские заимствованные лексемы и графемы) в японской лексикографии отождествляются с *канго*. *Канго* включают в себя самые ранние иероглифические сочетания *атэдзи*, адаптированные японцами под собственную фонетическую систему, составленные из китайских графем *васэй-канго* и гибридную лексику. Одной из важнейших характеристик *китаизмов* в японском языке, в частности, *васэй-канго*, является совокупность определенных фонетических правил чтения *кандзи*, которые использовались японцами для заимствования европейских реалий, и позже переходили в китайский язык в виде вторичных или обратных заимствований. Данный факт является еще одним доказательством тесных межкультурных связей китайского и японского языков.

1. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество / В.М. Алпатов — М.: Муравей, 2003. — 208 с.
2. Вардуль, И.Ф. Институт народов Азии (Академия наук СССР). Японский язык: сборник статей. — Изд-во восточной литературы, 1963.
3. Жанцанова, М.Г. *Васэй-канго* — особый слой лексики японского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 99-102. ISSN 1997-2911.
4. Chen, H. A Study of Japanese Loanwords in Chinese: Chen Haijing. A Study of Japanese Loanwords in Chinese: Master's Thesis. — University of Oslo, 2014. — 113 p.
5. Shibatani, M. The Languages of Japan/Masayoshi Shibatani. — Cambridge University Press, 1990. — 411 p.
6. 陳力衛. 語詞的漂移: 近代以來中日之間的知識互動與共有, 學苑, — 2007. — 97 頁. (Чэнь Ли Вэй. Образование «васэй-канго» и их распространение. Токио: Кюкю сёин, 2001. 466 с.)
7. 高野繁男「消滅した和製漢語// 神奈川大学人文学会誌、2005、15 号、p.5-28. (Такано Сигэо. Исчезнувшие «васэй-канго» // Учёные записки общества по гуманитарным наукам университета Канагава. 2005. № 156. С. 5-28).

РУКОПИСЬ СБОРНИКА ОМОНИМИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ АБУ АЛ-ХАСАНА БЕН ЭЛЕЭЗАРА ИЗ СОБРАНИЯ РГБ (ГИНЦБУРГ 1305)

Kuznetsova Tatiana

THE MANUSCRIPT OF HOMONYM POETRY OF ABU AL-HASAN BEN ELEAZAR IN RSL (GUENZBURG 1305)

В данной статье исследуется сборник омонимической поэзии еврейского поэта Абу ал-Хасана бен Элеэзара, жившего, предположительно, в XII веке в мусульманской Испании. Это произведение сохранилось в единственном известном на настоящий момент экземпляре рукописи, который хранится под шифром Гинцбург 1305 в Российской государственной библиотеке в Москве. Исследование сопровождается полным кодикологическим описанием рукописи Гинцбург 1305.

The paper analyses a collection of homonym poetry composed by Jewish poet Abu al-Hasan Ben Eleazar, who presumably lived in the 12th century in al-Andalus. The only known manuscript of this collection is stored in the Russian State Library in Moscow under the code Guenzburg 1305. The study is accompanied by a complete codicological description of Guenzburg 1305 manuscript.

Ключевые слова: омонимическая поэзия; еврейская средневековая поэзия; еврейская кодикология; еврейские рукописи

Key words: Homonym Poetry; Hebrew Medieval Poetry; Hebrew Codicology; Hebrew Manuscripts

Коллекция еврейских рукописей Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) в Москве занимает видное место среди крупнейших мировых собраний наряду с фондами Российской национальной библиотеки и Института восточных рукописей в Петербурге. Основу коллекции РГБ составляют рукописи баронов Гинцбургов, национализированные после революции. Особый интерес для исследователей представляет рукопись под шифром Гинцбург 1305, являющаяся единственным известным на данный момент экземпляром омонимического сборника Абу ал-Хасана бен Элеэзара.

Омонимическая поэзия пришла в еврейскую литературу из арабской. Ее отличает использование в качестве рифмы омонимов (евр. «цимудим», араб. «теджнис») — одинаковых по написанию и звучанию, но разных по значению слов. Особое мастерство еврейских авторов, работавших с этой поэтической формой, проявлялось в употреблении омонимов и их значений, заимствованных исключительно из текста Писания.

Много внимания омонимической поэзии уделяли авторы периода Золотого века евреев в мусульманской Испании (ал-Андалус) в XI-XIII вв. Первопроходцем в этом направлении стал Моше Ибн Эзра (1055? -1135?), сочинивший сборник из нескольких сотен стихотворений под названием

«Сэфер ха-анак» (ספר הזנוק, «Книга ожерелья/великана») [Якерсон, 2016. С. 134-143]. Под впечатлением от «Книги ожерелья», вероятнее всего, и был создан омонимический сборник, ставший предметом данного исследования. Оказавшись в свое время, вероятно, в тени произведения предшественника, сборник из рукописи Гинцбург 1305 быстро забылся в широких читательских кругах и не оставил о себе почти никаких ранних упоминаний.

Рукопись сборника долгое время не включали в научный оборот, хоть источник и был известен еще в XIX веке. Краткие заметки о ней появились у Л. Дукеса, Ш. Дубно, Ш. Абрамсона, Х. Ширмана. Некоторые стихотворения из сборника опубликовал первый известный владелец рукописи Э. Кармоли, после смерти которого в 1875 г. ее приобрел барон Г.О. Гинцбург для своего сына Д.Г. Гинцбурга [Sachs, 1892. С. 97]. Самым полным исследованием, посвященным этой рукописи, стала статья Эзры Флейшера в сопровождении единственной на сегодняшний день публикации этого текста [Fleischer, 1999. С.211-270].

Ввиду того, что название сборника неизвестно⁴¹, единственным ориентиром для определения контекста этого произведения служит небольшая запись на иудео-арабском языке, называющая имя автора сборника — Абу ал-Хасан бен Элеэзар (л. 2б). Л. Дукес, первый исследователь рукописи, а также Ш. Закс, библиотекарь баронов Гинцбургов, пытались отождествить автора с испанским еврейским поэтом первой половины XIII в. Йаковом бен Элеэзаром, чье имя на тот момент уже было достаточно известно [Dukes, 1858. С.82-84; Sachs, 1892. С. 97]. Позднее Х. Ширман обнаружил упоминание еще о двух поэтах со схожими именами (один из них — Абу ал-Хасан бен Эзра ибн Элеэзар; другой — просто Абу ал-Хасан бен Элеэзар) в «Книге бесед и упоминаний» Моше ибн Эзры. Оба поэта были современниками последнего, т.е. жили на век раньше Йакова бен Элеэзара, но и сами относились к разным поколениям: один из них был старше Ибн Эзры, а другой младше. Им обоим Ибн Эзра, будучи уже достаточно пожилым и находясь в изгнании, писал дружеские стихотворения, но все же чаще обращался к более юному, хоть вместе с тем талантливому и мудрому, поэту Абу ал-Хасану бен Элеэзару, которого также назвал однажды именем Меир. В одном из стихотворений Моше ибн Эзра поздравил «ха-рофэ» (т.е. мудреца) Бен Элеэзара с завершением работы над книгой по естественным наукам. По мнению Х. Ширмана, все эти упоминания относятся к автору нашего омонимического сборника [Schirman, 1995. С.135, 138], в то время как Э. Флейшер из всех представленных примеров убедительным считает только отождествление с молодым Абу ал-Хасаном бен Элеэзаром из «Книги бесед и упоминаний», что, тем не менее, не умаляет достоинств и поэтического таланта автора этого исключительного по своим качествам омонимического сборника [Fleischer, 1999. С.216-217].

⁴¹ В редких случаях сборник упоминается под названием «Анак» («Великан/ожерелье»), появившимся либо в результате путаницы, либо благодаря сознательно проведенной аналогии с «Сэфер ха-анак» Ибн Эзры.

В редакции рукописи из РГБ произведение Абу ал-Хасана бен Элезара представляет собой самостоятельный сборник из 159 коротких стихотворений-эпиграмм⁴². Сборник имеет очень четкую структуру, схожую с «Книгой ожерелья» Моше ибн Эзры: короткие стихотворения, размером, как правило, не превышающие 2-4 байта⁴³ (ивр. פַּז, поэтическая строка), помещены в один из девяти разделов (ивр. פֶּתַח, евр.-ар. פתח, букв. «врата»), каждый из которых посвящен определенной традиционной для еврейской и арабской светской поэзии теме: восхваление покровителя (1-ый разд., 34 стих.), трагическая любовь (2-ой разд., 33 ст.), вакхическая поэзия (3-ий разд., 13 стих.), похвала великим творцам эпохи⁴⁴ (6-ой разд., 6 стих.), тщетность бытия, предательство близких и связанные с этим духовные поиски (разделы 4, 5, 7, 8, 70 стих.). Каждый из девяти разделов открывается заголовком на иудео-арабском языке, называющим общую тему стихотворений.

В отличие от своего предшественника Ибн Эзры, особо тяготевшего к жанрам развлекательной, подчеркнута светской поэзии, Бен Элезар быстрее приступает к серьезным этико-философским темам, создающим более сдержанный тон повествования. Тем не менее, в сборнике нашлось место и классическим образцам любовной, вакхической и природной лирики.

Пожалуй, наибольший интерес представляет последний раздел, озаглавленный как «Раздел девятый — дополнение к поэзии ха-морэ (учителя. — прим. авт.) Абу Харуна ибн Эзры, мир праху его» (3 стих.). Он напрямую связывает сборники обоих авторов: Бен Элезар помещает в этот раздел стихотворения, для которых ему удалось найти новые значения омонимов, уже использованных Моше ибн Эзрой, и с их помощью «дописать» стихотворения предшественника.

Несомненно, Бен Элезар можно назвать классическим автором, хорошо знакомым с теоретической базой стихосложения — сборнику присуще точное соблюдение просодических форм и ритма, характерных для метрической поэзии ал-Андалус, — даже если с этой базой он обращался более вольно, нежели Ибн Эзра: использовал больше омонимов со значениями имен

⁴² Доподлинно судить об истинных размере и составе сборника невозможно, так как рукопись может быть неполной. Основываясь на том, что последний раздел в рукописи Гинцбург 1305 состоит всего из трех стихотворений, Э. Флейшер полагает, что сборник не был переписан до конца. Учитывая специфику стихотворений данного раздела, о которой будет сказано ниже, изначально задуманный автором малый объем главы вполне допустим, однако переписчик мог действительно не закончить свою работу, или же конец книги был утрачен еще до создания рукописи. В таком случае на данный момент полной версии этого произведения не существует. Кроме того, более ранняя версия произведения могла иметь характерное для таких сочинений вступление на арабском или иудео-арабском языке, которого также нет в рукописи [Fleischer, 1999. С.218-219].

⁴³ Самое большое стихотворение сборника состоит из 10 байтов (ст. 35 с рифмой פַּז), однако его сложно назвать эталонным с точки зрения смысла и ритмики.

⁴⁴ Несмотря на заголовок, обещающий стихотворения во славу великих творцов эпохи, по сути в данном разделе Бен Элезар прославляет самого себя, не стесняясь амбициозных заявлений: «будут стыдиться они тому, что не смогут превзойти в искусстве поэзии» (ст. 139); «в час испытаний узнают разницу люди между хорошими рифмами и плохими» (ст. 142).

собственных и служебных слов; чаще прибегал к искусственным грамматическим формам и сложносоставным омонимическим сочетаниям.

В то же время от многих других «подражаний» «Книге ожерелья» сборник выгодно отличает и богатое разнообразие используемых стихотворных размеров — из традиционных видов отсутствуют только *ха-митпашет*, *ха-кал* и *ха-калуа*. Интересно отметить также единичные случаи модифицированных размеров (например, стих. 62, 76) [Fleischer, 1999. С.241-270; Schirmann, 1995, С. 719-737].

Абу ал-Хасан бен Элезар не указал полного имени покровителя, которому посвятил свое произведение, однако из первых же стихотворений можно выяснить, что его имя Авраам, он носил титул «наси»⁴⁵ и занимал высокое положение в обществе. В своих похвалах Бен Элезар особо заостряет внимание на мудрости этого человека, его любви к искусству, а также силе и бесстрашию перед врагом на войне (т.е. этот вельможа мог занимать пост военачальника). Возможно, Бен Элезар посвятил свой сборник севильскому чиновнику Аврааму ибн ал-Мухаджиру, которому посвящена и «Книга ожерелья» Ибн Эзры [Fleischer, 1999. С.224-225].

Чтобы лучше понять структуру омонимического стихотворения, предлагаю к ознакомлению разбор одного из стихотворений сборника — стихотворения 129 из 5-ого раздела, созданного в размере *ха-махир* и переписанного на л. 10б:

דבש מפי חכם לבב רדה נא / בעת תמצא ודייך אכול נא
ואל תהוש ותבהל לדבר / באיך מהשב ואל תתאו אכול נא

Перевод: Мед из уст мудрого сердцем извлеки *же*, / и, когда найдешь достаточно для себя, употреби *же*, // Не торопись и не спеши сказать, / не подумав, и не стремись съесть [его] *сырым*.

В этом стихотворении Абу ал-Хасан бен Элезар дает читателю житейский совет: повстречав на своем пути мудрого человека, старайся у него чему-то научиться, однако полученные знания не принимай бездумно, не осмыслив их критически.

В стихотворении автор обыгрывает два значения слова נא («на»):

- В первой строке это слово выступает в качестве усилительной глагольной частицы, которая часто трактуется выражением просьбы, либо подчеркивает тот факт, что просьба говорящего логически вытекает из вышесказанного им [Ламбдин, 1998. С. 267-268]. Данная частица характерна для древнееврейского языка и встречается в тексте Танаха повсеместно. Вероятно, чтобы улучшить понимание значения омонима, автор в этой строке повторяет его дважды.

⁴⁵ Какие именно задачи входили в сферу деятельности «наси», достоверно неизвестно. Зачастую «наси» (נָסִי) воспринимают как аналог должности визиря.

- Во второй строке слово употреблено в значении «сырой, не приготовленный на огне», которое можно обнаружить, например, в стихе Исх. 12:9: כִּי יֵשֶׁתְּ מִן הַבָּרֶזֶק לֹא-לֶחֶם «не ешьте от него сырым».

Кодикологическое описание рукописи Гинцбург 1305

Рукопись № 1305 находится в собрании фонда № 71 («Собрание рукописных книг Давида Гинцбурга») отдела рукописей Российской государственной библиотеки в Москве. В 1992 году она была микрофильмирована в рамках «Израильского проекта» (фильм № F 48397) и представлена в оцифрованном виде под системным номером 000130447-1 на сайте Национальной библиотеки Израиля. С 7 июня 2019 года также имеет свою страницу на платформе «Ktiv»⁴⁶.

Рукопись находится в позднем переплете из коричневого ледерина. На переднем форзаце сохранились надпись карандашом «Horace Ginzburg Paris» и экслибрис коллекции с гербом семьи Гинцбургов. На заднем форзаце — круглая печать отдела рукописей.

Из 39 листов рукописи стихотворения Бен Элеэзара занимают только 10 (лл. 3-12б). В состав единицы хранения также попала страница со стихотворениями Йехуды ха-Леви (л. 14б)⁴⁷; остальные листы (1, 2а, 13, 15-38) пустые.

Сохранность рукописи хорошая, заметны лишь небольшое количество пятен и повреждений жучком, не испортивших текст; по данным заверительного листа в 2017 году рукопись была осмотрена реставратором.

Бумага восточная, плотная и гладкая, без заметной шероховатости. Бумага лл. 13-14, где размещены стихотворения Йехуды ха-Леви, немного отличается: она также восточного происхождения, но более плотная и имеет более интенсивный желтоватый оттенок. Текст переписан полукурсивным письмом восточно-сефардского типа [Yardeni, 2002. P. 244-255; Beit-Arié, 2020. P. 410-426]. Характерно активное использование лигатур. Чернила темно-коричневого цвета, местами выцвели до более светлого оттенка.

Делая значительный промежуток между двумя полустишиями в строке, переписчик словно располагает текст в двух колонках для эстетически более гармоничного облика текста (иногда такие пропуски появляются и в середине полустиший). В среднем на странице располагается 18-20 строк текста, в каждой из которых 40 знаков. Заголовки переписчик располагает в центре страницы, не отделяя их от остального текста и не меняя размер и начертание букв.

⁴⁶ Страница рукописи на платформе «Ktiv» [Электронный ресурс] https://web.nli.org.il/sites/NLIS/en/ManuScript/Pages/Item.aspx?ItemID=PNX_MANUSCRIPTS000130447 (дата обращения: 11.11.2020)

⁴⁷ Имя автора сообщает заголовок страницы: «Ал-Хасану ха-Леви, благословенна его память, поплось мне любимое и древнее его произведение». Несмотря на это, одно из стихотворений Йехуде ха-Леви не принадлежит. Тип бумаги, характер письма и огласовки текста позволяют предполагать, что стихотворения ха-Леви и сборник Элеэзара были переписаны одним человеком.

Поэтический текст переписан аккуратно, с пониманием структуры сборника, и в то же время велико количество исправлений. Ошибки автор исправляет прямо в тексте, зачеркивая неверное и подписывая нужное сверху (например, л. 9, 10, 10б), или выносит верный вариант на поля (л. 4б, 7). Много ошибок допущено в словах из арабского языка — переписчик этим языком не владел [Fleischer, 1999. С. 218].

На лл. 4б, 5, 5б, 6, 7б, 8б, 9, 10 можно обнаружить пропущенные стихотворения, которые переписчик размещает вертикально или горизонтально на полях. Для некоторых особо крупных стихотворений переписчик также поместил объяснение омонимов: толкование слова, описание корня или ссылку на библейскую цитату (л. 5, 5б, 7, 9б, 10б). Заметки на полях сделаны более тонким каламом. Невозможно сказать точно, кому принадлежат эти пометки: самому ли переписчику, переписчику ли более ранней версии текста или автору.

На всех листах рукописи четко видна комбинированная разлиновка, сделанная с помощью восточного трафарета — мастары: пространство для текста выделено с четырех сторон полями, а также линией, делящей текстовое поле на две равные колонки. Текст стихотворений вписывается в границы текстового поля, однако строчки текста зачастую не согласуются с узкой построчной разлиновкой (27 на каждом листе).

Со стороны гесто в верхнем левом углу все листы, включая форзац, пронумерованы современными арабскими цифрами. Для некоторых страниц характерна двойная нумерация с помощью букв еврейского алфавита на границе внешних полей, сделанная либо только со стороны гесто (3-9, 13-14), либо с обеих сторон листа (10, 12). Производимая сквозная нумерация страниц, несмотря на изменение подхода, в целом не нарушается. Лишь в нумерации страницы 10б допущена интересная ошибка: вместо надлежащей нумерации ן"י (18) автор ошибочно написал несуществующую комбинацию букв ן"י". На лл. 1, 2, 15-38 данный способ нумерации отсутствует. Кроме того, в нижнем внутреннем углу стороны verso листы с текстом имеют кустоды, повторяющие, как правило, два первых слова со следующего листа. На лл. 10б, 12б кустоды нет, на л. 6б допущена ошибка, а на лл. 8б, 11б⁴⁸ она состоит из одного слова вместо двух.

Текст рукописи почти не огласован, за исключением отдельных слов для правильного чтения и понимания. Попытку огласовать текст совершил Э. Флейшер в своей публикации [Fleischer, 1999. С.241-270].

Рукопись не содержит авторских вступлений и колофона, но на л. 2б можно обнаружить надпись переписчика на иудео-арабском языке с именем поэта:

הדא מא קאלה אל חכים אבו אל חסן בן אלעזר / רד"י אללה ענה פי פן אל תגניס מן / אלשער אלכפיס
היי תסעה אבואב

⁴⁸ Переписчик допустил ошибку, начав переписывать слово со второй строки, после чего зачеркнул написанное, но оставшегося места хватило только на одно слово.

«Это то, что сказал мудрец Абу ал-Хасан бен Элезар, да будет доволен им Аллах, в виде омонимов, [состоит] из [драгоценных]⁴⁹ девяти разделов».

В настоящее время данная рукопись является единственным известным списком сборника омонимических стихотворений Бен Элезара. Внешние признаки (бумага, регулярная разлиновка, характер письма и использования еврейско-арабского языка) указывают на то, что рукопись была переписана на востоке, но под влиянием сефардской традиции. Исследователями Национальной библиотеки Израиля она датирована XVI в., Э. Флейшер же предполагает, что рукопись была переписана не позднее XV в. [Fleischer, 1999. С. 211-212].

1. Бен Элезар, Абу Ал-Хасан, Анак? [XV-XVI вв.?] // ОР РГБ. Ф. 71 (Д.Г. Гинцбург). Ед. хр. 1305. — 39 л.
2. Описание собрания рукописей Д. Гинцбурга, ф. 71. В 2-х томах. 1980 ед. хр. // ОР РГБ. Москва, 1957. — 582 л.
3. Ламбдин, Т.О. Учебник древнееврейского языка / Т. О. Ламбдин. — РБО, 1998. — 510 с.
4. Якерсон, С.М. От буквы к литере. Очерки по истории еврейской средневековой книги / С. М. Якерсон. — СПб.: Контраст, 2016. — 392 с.
5. Beit-Arié, M. Kodikologia ivrit. Tipologia shel melekhet ha-sefer ha-ivri ve-`itsuvo bi-yemei-ha-beinayim be-hebet histori ve-hashva`ati mitokh gishah kamutit u-meyusedet al ti`ud kitve-ha-yad betsiunei ta`arikh. [Электронный документ] / М. Beit-Arié — Jerusalem, 2020. — 538 p. — URL: <https://web.nli.org.il/sites/NLI/Hebrew/collections/manuscripts/hebrewcodicology/Documents/Hebrew-Codicology-continuously-updated-online-version.pdf> (Hebrew)
6. Dukes, L. Schire Schlomo: Hebrische Gedichte von Salomo ben Gabirol aus Malaga / L. Dukes. — Hannover, 1858, — 94 p. (Hebrew, German)
7. Fleischer, E. Kovets shirei tsimudim le-Abu al-Hasan (Meir) ben Eleazar / E. Fleischer // Tarbiz 68:2. — 1999. — 211-271 p. (Hebrew)
8. Sachs, Sh. Hidot rabbi Shlomo Gabirol / Sh. Sachs. Yaroslavl: Ozar ha-sifrut, 1892.
9. Schirmann, J. Toldot ha-shira ha-ivrit bi-Sfarad ha-muslemit [Edited, Supplemented and Annotated by Ezra Fleischer.] / J. Schirmann. — Jerusalem: Magnes 1995. (Hebrew)
10. Yardeni, A. The Book of Hebrew Script: History, Palaeography, Script Styles, Calligraphy & Design. / A. Yardeni. — The British Library and Oak Knoll Press, London, 2002. — 338 p.
11. Ktiv. The International Collection of Digitized Hebrew Manuscripts [Электронный ресурс]: The National Library of Israel, The Friedberg Jewish Manuscript Society, Ministry of Jerusalem and Heritage. URL: (<http://web.nli.org.il/sites/NLIS/he/ManuScript/>) Проверено 11.11.2020.

⁴⁹ Возможно, в неясном слове כפפ, которое должно служить рифмой к שאל («теджнис»), переписчик допустил ошибку, подразумевая слово שפפ («дорогой, имеющий большую ценность»).

ОТРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕНГАЛЬСКОЙ ПРОЗЕ НАЧАЛА XX В.

Lekareva Eva

REFLECTION OF THE PROTEST MOVEMENT IN THE BENGAL PROSE OF THE EARLY XX CENTURY

Статья посвящена анализу идеологического содержания трех знаковых романов (“Гора”, “Дом и мир” и “Четыре части”) известного индийского писателя Р. Тагора. Автор ставит себе целью определить, какое отражение различного рода протестные движения получили в художественной реальности вышеперечисленных повествований, и какое место подобная тематика занимает в творчестве писателя.

The article discusses the importance of the Indian protest movement theme and its reflection in three most impressive and remarkable novels (namely ‘Gora’, ‘The Home and the World’, ‘Four chapters’) among the works of the famous Indian writer R. Tagore.

Ключевые слова: Р. Тагор, протестное движение, литература Индии, роман

Key words: R. Tagore, the protest movement, Indian literature, novel

Протест в той или иной форме (неосознанной и целенаправленной) сопровождал человечество на протяжении всего его развития, ибо любое живое существо стремится отвергнуть вредоносное для него и добиться благоприятного — это желание заложено в нас природой. Часто протест становится своего рода двигателем перемен, причем не всегда положительных. Испокон веков жителям Индии приходилось сталкиваться с иностранным владычеством и всеми силами противостоять ему, поэтому понятие протеста в ее истории становится очень важным, особенно в период борьбы за независимость в первой половине XX в. Протест терзал страну и разрывал на части, но в то же время привел ее к освобождению и независимости. Он витал в воздухе, заполняя собой все вокруг, будоражил умы и не мог не увековечить себя в литературе. Нет никаких сомнений в том, что события национально-освободительного движения вызывали и продолжают вызывать живейший отклик у всех тех, кому не безразлична судьба и история родины, находя отражение во множестве художественных и научных работ. Наибольший интерес для нас будут представлять три повествования, теснейшим образом связанные с протестным движением и отразившие самую его суть, а именно “Гора” (по имени главного героя, 1910), “Дом и мир” (1915) и “Четыре части” (1934), вышедшие из-под пера крупнейшего индийского писателя и мыслителя — Рабиндраната Тагора (1861 – 1941 гг.), являвшегося свидетелем (а порой и участником) упорной и неравнозначной борьбы за рождение новой независимой страны.

Рассмотрим последовательно каждый из романов.

«Гора» представляет собой довольно ироничную историю об ирландце по происхождению Горе, выросшему, однако, в брахманской семье. Он яростно борется за чистоту индуизма и освобождение его от дурного западного влияния, свято чтит все индийское и горячо порицает тех, кто раболепствует перед колонизаторами-англичанами. Этому в значительной степени способствует и то, что приёмный отец Горы Кришнодоял решил на старости лет спасти душу после бурной молодости и обратился к ортодоксальному индуизму, правда, только к обрядовой его части, суть религии Кришнодояла по всей видимости не интересует. Но как ни горяча вера Горы в индуизм, она все равно не способна приблизить его к пониманию, где же искать ее, эту настоящую Индию. Прийти к этой истине ему помогает, как ни странно, знакомство с членом критикуемого им общества «Брахмо Самадж» Порешом-бабу и его любимыми дочерьми Шучоритой и Лолитой, которые с глубоким уважением относятся к собственной культуре и не разделяют пренебрежения к ней со стороны других членов общества. Новые друзья помогают Горе осознать, что религиозный фанатизм губителен, он лишь разобщает людей, создавая непреодолимые преграды между ними; высшие касты притесняют низшие, полагая, что это их законное право, а те, кто не принижают, продолжают равнодушно наблюдать за мучениями незащитных людей. Новость о том, что он не индеец по крови, позволяет Горе окончательно сбросить с себя путы религиозного фанатизма и обратиться к более плодотворным идеям.

Как видно даже из этого краткого описания сюжета, темы “конфликта” и “протеста” являются одними из ключевых в романе и бесспорно составляют его идейную основу.

Во-первых, в “Горе” яркое отражение получил *протест против традиции* (в первую очередь против косных традиций индуизма, вроде детских браков или обряда самосожжения вдов). Речь идёт о религиозном реформаторстве, которое в романе представлено на примере деятельности общества «Брахмо Самадж», основная задача которого — избавление индуизма от средневековых застойных традиций и его очищение путем признания и ассимиляции того хорошего, что было в других культурах, в том числе и западной. Однако все герои понимают эти преобразования по-разному: кто-то стремится отказаться от всего «своего» и перенять образцовое западное (вроде редактора газеты «Брахмо Самаджа» Харана-бабу), а кто-то дорожит собственной культурой, выступая лишь против наиболее рекреационных ее традиций и черт (Пореш-бабу и его дочери Шучорита и Лолита).

Помимо конфликта *внутри* самого общества “Брахмо Самадж”, писатель также метко изображает ту волну протеста, которая поднялась в обществе *в ответ на реформацию*. Это, главным образом, идеи неиндуизма, сторонники которого призывали очистить индуизм от наслоений, принадлежащих другим культурам, и строго следовать тем вековым догмам, чтобы не позволить своей религии исчезнуть. Ярким представителем этого течения в романе является сам Гора.

Во-вторых, неотъемлемой частью протеста против традиций стал *протест против господства англичан*. В “Горе” нет прямых призывов ни к восстанию, ни к свержению власти колонизаторов, однако общий посыл произведения оказывается предельно ясен.

Поэтому “Гора” является первым индийским романом той эпохи, в котором идея протеста и против традиции, и против господства англичан становится основой его идейного содержания. ““Гора” приближается к масштабам эпического произведения. В романе отразились все движения и тот подъем во время идеологической революции и первого пробуждения национального сознания, который был характерен для переходного периода истории Бенгалии” [Тагор, 1961. С. 37].

Что касается романа «Дом и мир», то он написан в форме чередующихся дневниковых записей главных действующих лиц — состоятельного помещика-заминдара⁵⁰ Никхилеша, его супруги Бимолы и лидера движения свадешി⁵¹ Шондипа.

Основное действие разворачивается в родовом имении Никхилеша. Счастливо живет он вместе со своей женой Бимолой в тихом уютном гнездышке, не зная печали, коротая время за беседами о будущем и размышлениями о человеке и его месте в этом мире. Размеренное течение их жизни нарушает вспыхнувшее во всех уголках Бенгалии движение свадеши. В деревню приезжает лидер свадеши и по совместительству старый друг Никхилеша — Шондип. Его горящий взор и вдохновляющие речи пленяют Бимолу, которая отныне твердо уверена, что нужна своей родине в это непростое время. Он становится для нее не просто вождем свадеши, но и героем Индии. Пользуясь гостеприимством Никхила и найдя в лице его супруги верного союзника, Шондип решает остаться в поместье и вести все свои дела оттуда. В то же время Никхилеш с тоской наблюдает, как отдаляется от него любимая женщина. Подталкиваемая Шондипом, она решается на отчаянный шаг — похищение денег из сейфа мужа. События достигают пика своего развития: Бимола, понявшая алчную и низкую природу Шондипа, разрывает с ним отношения; не намерен больше терпеть его в своем доме и Никхилеш, который, опасаясь обострения отношений между индусами и мусульманами, вызванного интригами Шондипа и его последователей, просит того покинуть поместье. Супруги мирятся и решают переехать в город. Однако перед самым отъездом происходит столкновение между жителями деревни. И пока Шондип малодушно сбегает от надвигающейся беды, Никхилеш пытается примирить враждующие стороны и получает в результате перестрелки тяжелое

⁵⁰ Заминдар - в государствах средневековой Индии в широком значении слова — феодальный наследственный держатель земли.

⁵¹ Движение свадеши — одна из форм индийского национально-освободительного движения, подразумевавшая достижение независимости от Британской империи и улучшение экономических условий в Индии. Стратегия свадеши заключалась в бойкотировании британских товаров и возрождении местного кустарного производства.

ранение. Р. Тагор оставляет финал “Дома и мира” открытым, предоставляя читателю право самому додумать судьбы героев.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что свадеши является не последней темой в романе “Дом и мир”. Основные черты этого протестного движения метко подмечены автором и перенесены в художественную реальность произведения.

Во-первых, это явный религиозный характер движения. Тот факт, что первое выступление Шондипа происходит в индусском храме, куда мусульманам вход закрыт, лишь подтверждает это. Тема взаимоотношений между индусами и мусульманами, которая неразрывно связана с образом Шондипа, является одной из самых важных в романе, поэтому Р. Тагор заканчивает повествование именно сценой столкновения в деревне, во время которого Шондип малодушно сбегает, боясь за свою жизнь, а Никхилеш, пытаясь уладить конфликт, получает тяжелые ранения и погибает [Тагор, 1956. С. 163].

Во-вторых, одобрение насилия. Неотъемлемой частью движения свадеши стала деятельность террористических групп, придерживающихся радикальных методов борьбы, основанных на применении силы и устранении негодных. Для Р. Тагора немислимы любые виды насилия, ибо сила, каким бы целям она ни служила, отравляет истину и не может служить во благо. Шондипа же мало трогает опасность вражды индусов и мусульман Индии, более того, он, должно быть, видит в разжигании ненависти одну из основных целей движения и считает, что мусульманам нужно показать “их место” [Тагор, 1956. С. 123].

В-третьих, несостоятельность некоторых лидеров движения. Движение свадеши объединило под своим знаменем людей разного толка, среди которых встречались и последние негодяи, по чистой случайности сумевшие найти сторонников, и достойные люди, положившие свои жизни на это дело и до последнего боровшиеся за то, во что свято верили. Шондип, вне всяких сомнений, относится к первой группе. Дело свадеши для него чуждо, он оказался вовлеченным в него по чистой случайности, но сразу же понял, какие личные выгоды можно извлечь, пользуясь положением “лидера”.

В-четвертых, отсутствие четкой программы, приведшее к возникновению пропасти между лидерами движения и массами, к которым они апеллировали. Класс интеллигенции (которая собственно и начала призывать людей к борьбе) в Индии рассматриваемого периода был сравнительно молод и только-только начал оформляться как самостоятельный и обособленный. Поднимая людей на борьбу, представители интеллигенции часто были не способны заявить инструментальные требования и выражали свой протест с помощью аллегорических обвинений, непонятных простым людям, поддержку которых они искали; у них не было четкой программы и плана действий, — все это обрекало возглавляемые ими движения на заведомый провал. Тагоровского Шондипа, кажется, вообще мало интересует идеологическая сторона движения свадеши, он едва ли задумывается о конструктивности своих идей и о том, разделяют ли его взгляды обычные люди.

Делая промежуточные выводы, отметим, что движение свадеши несомненно перенесено автором в художественную плоскость романа неслучайно. Описанию и раскрытию этой темы Р. Тагор уделяет большое внимание.

Повествование в “Четырех частях” завязано на душевных переживаниях Элы, которая растет и наблюдает, как натягивается, подобно струне, брак ее родителей, брак, в котором мать доминирует, а отец покорно уступает. Рано осиротев, она попадает под опеку дяди. В его доме девочка становится предметом необоснованной ревности тетки. После такого богатого “опыта” Эла осознает, что ей претит даже сама мысль о замужестве. Повзрослев и получив образование, молодая женщина хочет самостоятельно добывать себе средства к существованию. В это время она попадает под чары Индранатха — харизматичного лидера подпольной организации, призывающего к использованию террористических методов борьбы для достижения политических целей. Примкнув к его группе тайных активистов, Эла принимает обет безбрачия и клянется посвятить свою жизнь националистической борьбе. Однако случай, который стал роковым для нее, сводит Элу с Отиндро, сыном состоятельного заминдара, чья семья переживает не лучшие времена. Молодые люди влюбляются друг в друга, и Отиндро, повинувшись своим чувствам к возлюбленной, вступает в их организацию. Постепенно перед Элой и Отиндро раскрывается истинная сущность хладнокровного Индранатха, за красноречивыми призывами которого стоит лишь чувство неудовлетворенного самолюбия и желание отомстить своим обидчикам, закрывшим перед ним все двери (на карьере Индранатха был поставлен крест в свое время из-за подозрения на связь с политическим преступником). Видя, что ситуация выходит из-под контроля, Индранатх поручает Отиндро устранить Элу. Тот исполняет приказ наставника, хотя и не верит в идеалы, воспеваемые им, поскольку не в силах отказаться от своих политических обязательств. С особым трагизмом написана финальная сцена романа, во время которой Отиндро приходит к Эле, чтобы убить ее. Она сама просит любимого поскорее прекратить ее страдания. Звучит протяжный свисток полицейской группы захвата. На этом повествование обрывается.

“Четыре части” являют собой новый этап в формировании взглядов Тагора на насилие во имя национализма. Если в “Доме и мире” писатель отражает реакцию общественности на революционную политику и движение свадеши в целом, то в “Четырех частях” он пытается изобличить истинную сущность этого движения и показать, какое обесчеловечивание оно приносит с собой [Chakravatry, 2013. P. 136].

Во-первых, насилие всякого рода в отношении угнетателей *неизбежно поражает среду угнетенных*, восставших против своих мучителей [Mukherji, 2016. P. 60]. Трагическая судьба главных героев Элы и Отиндро, охваченных чувством ложного политического самопожертвования и патриотизма, яркое тому доказательство. При этом, тот факт, что они оказались вовлеченными в эту группировку обманом и были введены в заблуждение, несколько не умаляет их вины и ответственности за собственные поступки.

Во-вторых, власть в случайных руках приводит к ужасным последствиям. Так, руководитель террористической группировки Индранатх выражает не политический протест против господства находящихся у власти иноземцев-колонизаторов, а, скорее, бросает вызов всем своим обидчикам, из-за которых на его карьере был поставлен крест. В результате, столько безвинных жизней было положено не на борьбу за свободу, а для того, чтобы Индранатх мог заплатить сполна своим обидчикам.

В-третьих, религия и политика никогда не должны идти рука об руку. Безусловно, в Индии испокон веков политика оказывалась в той или иной степени связанной с религией. Еще в древних шастрах говорилось о том, что истинен тот правитель, который заботится о благе своего государства и о соблюдении дхармы в нем. Однако намеренно способствовать укреплению их связи, превращая религию в орудие политики и используя ее для оправдания тех или иных политических шагов, низко и аморально. Поведение Индранатха, с одной стороны, призывавшего отказаться от пут косных религиозных традиций, а с другой, использующего религиозные образы как безотказное средство манипуляции, глубоко противно Р.Тагору, который считал, что даже в политике есть место морали.

В то же время, несмотря на кажущуюся убежденность в том, что роман описывает политический протест, который нашел свое отражение в революционном терроре, в сущности, он (протест) таковым не является, хотя и очень на него похож и по форме, и по содержанию (террористические акции как конвенциональный способ выражения общественного недовольства; одобрение насилия, экспрессивность, наличие определенной стратегии, являющиеся неотъемлемыми составляющими протеста). Это даже не пример того, “как не надо”, а, скорее, описание того, как часто происходило: трудные времена порождают не только героев, но и негодяев, которые находят способы извлечь из сложившейся ситуации личную выгоду. Безусловно, Индранатха нельзя назвать негодяем, но он и не герой, да это и не имеет особого значения. Наибольшей важностью обладает идея об ошибочности применения насилия: его ничем не оправдать и ничем не искупить.

Политическая линия в романе “Четыре части” становится той незаменимой основой, благодаря которой автору удается обрамлять повествование собственными взглядами и отношением, в первую очередь, к революционному террору, ставшему особенно популярным в 30-е гг. XX в., как раз во время написания романа. Р. Тагор в нем обращается не только к своей родной многострадальной Индии, но и ко всему миру, чтобы в последний раз напомнить о тех опасностях, которые несут с собой агрессивные силы и власть в руках случайных людей: “С помощью нечестивых средств человек преуспевает, добивается того, что ему кажется желанным, но гибнет духовно” [Тагор, 1957. С. 420].

Таким образом, подробно изучив политическую линию в каждом из рассматриваемых романов, мы пришли к выводу о том, что понятие “протеста” становится ключевым в них: главные герои так или иначе выражают свой протест либо против традиции, либо против правящих властей, а иногда и тот,

и другой одновременно. Также нет никаких сомнений в том, что тема национально-освободительного движения в целом получила свое самое яркое отражение в художественной реальности всех трех повествований.

1. Тагор, Р. Гора / Р. Тагор Ред. В. Новикова. — Москва: Гослитиздат, 1956. — 479 с.
2. Тагор, Р. Дом и мир / Р. Тагор Ред. Е. Быкова. — Москва: Гослитиздат, 1956. — 319 с.
3. Тагор, Р. Собрание сочинений: в 8 томах / Гл. ред. Дж. Литтон. Пер., авт, примеч. С. Цырин. — Т. 8. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 423 с.
4. Тагор, Р. Собрание сочинений: в 12 томах / Ред. Е. Быкова, А. Гнатюк-Данильчук, В. Новикова. — Т. 1. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. — 580 с.
5. Chakravarty, R. *Novelist Tagore: Gender and Modernity in Selected Texts* / R. Chakravarty. — India: Routledge, 2013. — 170 p.
6. Tagore, R. *Four chapters* / R. Tagore. — Calcutta: Visva-Bharati, 1937. — 106 p.
7. Mukherji, G. *Gandhi and Tagore: Politics, truth and conscience* / G. Mukherji. — India: Routledge, 2016. — 258 p.

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ АККАДСКОГО ЗООНИМА ZIZĀNU В 5-Й ТАБЛИЦЕ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ

Lopatin Matvei

ON IDENTIFICATION OF AKKADIAN ZOONYM ZIZĀNU IN THE TABLET V OF THE EPIC OF GILGAMESH

В данной статье рассматривается вопрос об идентификации аккадского зоонима *zizānu* в контексте его упоминания в 5-й таблице стандартной версии Эпоса о Гильгамеше (VIII-VII вв. до н.э.). Автором статьи была сделана попытка на основе известных письменных упоминаний зоонима, в частности, в т. н. лексических списках, выделить конкретизирующие семы для этой лексемы и выяснить, какое место занимал зооним в таксономической системе и языковой картине мира носителей аккадского языка.

This article deals with the identification of Akkadian zoonym *zizānu* mentioned in the Tablet V of the Standard Epic of Gilgamesh (VIII-VII cent. BC). An attempt was made to define specifying semes for this lexeme, on the basis of known written mentions of the zoonym, in particular, in the so-called lexical lists, and to find out what role the zoonym had in the taxonomic system and in language world picture of the Akkadian speakers.

Ключевые слова: зоонимика; аккадский язык; цикады; сверчки; Эпос о Гильгамеше; лексические списки

Key words: zoonyms; Akkadian language; cicadas; crickets; Epic of Gilgamesh; lexical lists

*Старцы, уже не могучие в брани, но мужи совета,
Сильные словом, цикадам подобные, кои по роцам,
Сидя на ветвях дерев, разливают голос их звонкий
(Илиада, песнь 3, стк. 150-152, пер. Н.И. Гнедича)*

В начале 5-й таблицы младовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше приводится подробное художественное описание величественной Кедровой горы, куда прибывают главные герои Гильгамеш и Энкиду, чтобы сразиться со стражем леса ужасным Хумбабой. Основная часть данного описания стала известна благодаря опубликованному в 2014 г. списку MS ff. В этом списке 5-й таблицы (строки 17-26) сохранилась оживленная сцена «птичьего базара» с перечислением различных животных, обитающих во владениях Хумбабы, которые каждый день кричат, щебечут и стрекочат, развлекая своего господина (см. [Al-Rawi, George, 2014]).

Идентификация отдельных упомянутых в этом фрагменте аккадских зоонимов в ряде случаев затруднительна. Прежде всего, некоторые из них недостаточно хорошо засвидетельствованы в аккадском корпусе. Часто тот или иной термин встречается только в т. н. лексических списках (нем. *lexikalische Listen* / фр. *listes lexicales* / англ. *lexical lists*), в то время как в текстах другого

воспроизводил их в неизменном виде⁵⁵. С другой стороны, если на момент составления копии слово вышло из употребления, писец располагал достаточным количеством справочных материалов, чтобы уточнить его значение. С необходимостью изучать и копировать лексические списки писцы сталкивались уже на первых этапах своего образования. Важно отметить, что и лексические списки, самые полные версии которых были обнаружены среди табличек коллекции царя Ашшурбанипала, и литературные произведения могли составляться одними и теми же писцами [Van De Mieroop, 2016. С. 41, 49].

В настоящее время научная картина мира в вопросах таксономии вполне устоялась, однако научная терминология нередко не соотносится с существующей языковой картиной мира многих носителей. «Лексическое значение литературного наименования — это выборка сем из числа потенциально возможного регистра аспектов уточнения архисемы, который должен быть эксплицирован в дефинициях научных наименований одноименной терминосистемы» [Корнилов, 2003. С. 35]. Так, архисема лексико-семантической группы зоонимов может конкретизироваться лишь в ограниченном числе аспектов, как, например, отнесение к определенному разряду животных, форма тела или среда обитания. При этом «языковое знание не фиксирует все возможные семы», но действует в этом отношении избирательно [Корнилов, 2003. С. 35-37]. Таким образом, идентифицируя тот или иной аккадский зооним, следует в первую очередь попытаться определить его конкретизирующие семы. Приводимые же аналоги в современных языках и научной терминологии остаются достаточно условными, так как с научной терминологией может вступать в противоречие языковая картина мира не только аккадского, но и любого современного языка.

Далее будет рассмотрено то, какие конкретизирующие семы можно было бы выделить для встречающегося в 5-й таблице Эпоса о Гильгамеше зоонима *zizānu*.

В Кедровом лесу *zizānu*, как и другие животные, издает характерный звук: *zi-za-nu* [ʃi¹-si-tú¹ ú-na-'a-r[a]], иначе: *ú-na-'i¹* «*zizānu* звук издает» (SB V 19)⁵⁶. Далее в 5-й таблице *zizānu* упоминается в качестве одного из семи «сыновей», то есть, по всей видимости, мифических существ-приспешников Хумбабы: [u]-tu se-bet-ti-šú-nu DUMU.MEŠ-šú i-na-a-ru / [z]i-za-ni ... «после того как семерых его сыновей убили — *zizānu*, ...» (SB V 307-308) [Al-Rawi, George, 2014.С. 76, 82]. По всей видимости, тот же *zizānu* встречается в схожем пассаже в старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше, только, вероятно, уже среди не сыновей, но семи «отрядов» Хумбабы: *m[a-...]x* [ʔ⁷ki⁷-iṣ-ri ki-x-x ba x x [(x)

⁵⁵ Об этом свидетельствует наличие древних комментариев к ассиро-вавилонским литературным текстам, в частности, объясняющих для читателя ту или иную, иногда устаревшую на момент составления лексему (см. [Krecher, 1980-1983]).

⁵⁶ Ввиду того, что конец строки сохранился плохо, характер этого звука исходя из глагола установить проблематично.

(x)] / *zi-za-na-am* ... «[...] *семь отрядов* ... / *zizānu* ...»⁵⁷ (OB IM 12-13; см. [George, 2003. С. 268-270]).

В лексическом списке Hh. XIV 235-236 *zizānu* (= buru₅.gán.na/nu, досл. «полевая саранча»⁵⁸) и его лесной вид (buru₅.gán.(nu).tir.ra = MIN *qiš-tum/qil-te*) упоминаются среди животных, объединенных общим шумерским обозначением buru₅ («Саранчовые», Hh. XIV 226-244), представители которого перечисляются после водных животных (разновидности черепах и крабов в Hh. XIV 216-226) и перед другими насекомыми (например, гусеница в Hh. XIV 246; разновидности вшей в стк. 249 и далее). К «Саранчовым» в этом лексическом списке относятся, в частности, виды саранчи, богомолов, кузнечиков и сверчков. Перед *zizānu* указан зооним *kulīlu* (= buru₅.íd.da, досл. «речная саранча») «подёнка/однодневка»), ранее идентифицируемый как «стрекоза» (ср. араб. *klīl*-, см. [George, 2003. С. 875-876]). После лесного *zizānu* упоминается *ša-ši-ru* / *šar-ša-ru* (= buru₅.za.pa.ág, досл. «шумная саранча» / buru₅.zum.ág) «сверчок» (или его подвид)⁵⁹; в одной из копий списка непосредственно после *zizānu* следует богомол *šā'īlu* (= buru₅.EN.ME.LI) [MSL 8/2. С. 25-28].

В лексическом списке Uruanna III, стк. 189-235, также представлены «саранчовые» buru₅. Здесь *zizānu* и его лесной аналог⁶⁰ упомянуты после богомола *adudillu* и его полевого подвида⁶¹ и перед насекомыми *suḫšilu*, *ḫilammu* и *irgišu*⁶² [MSL 8/2. С. 57-58]. Однако, согласно «Ашшурскому Практическому Словарю», *zi-za-nu* = *su-uḫ-si-lu* (Practical Vocabulary of Assur 422i), после *ḫi-lim-mu* = *ir-gi-lu* (стк. 422g) и перед NIM.MEŠ = *zu-un-bu* (стк. 423, «мухи») [MSL 8/2. С. 70]. Сверчок *šaršaru* / *šaširu* в Uruanna III и в «Ашшурском Практическом Словаре» среди насекомых «отряда» buru₅ не упоминается.

Известно также упоминание *zizānu* в списке знаков Ea II 195: *zi-za-nu* KUR = ŠU «(читается как) *zi-za-nu* (знак) KUR, (означает) то же (что и *zizānu*)». Хотя в списке нет указаний на то, что это наименование некоего божественного существа, предшествующие ему *ša-ḫa-an* и *a-nu-bu* засвидетельствованы именно как божества. Сам же *zizānu* упоминается в списке богов An = *Anum*

⁵⁷ Плохая степень сохранности этих строк не позволяет, однако, однозначно отождествить *zizānu* из младоавилонской и старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше.

⁵⁸ Иначе: «саранча-“иди сюда”» («*come hither locust*»), см. [DCCLT Ura 14] и др.).

⁵⁹ Прасем. **šarša/ūr*, эбл. *ša-ša-ru₁₀-um* (= акк. *šaršaru*), евр. постбибл. *šaršūr* «сверчок», араб. *šaršar-*, *šuršur-*, *šuršūr* «сверчок», *šarrār* «ночной сверчок», и др. [SED II. С. 277-278]; ср., однако, араб. *šuršūr* «таракан» [Баранов, 2006 s.v.]. Вполне вероятно, что лексема имеет звукоподражательный характер, на что может указывать швед. *syrsa* «сверчок» [Hellquist, 1922. 929].

⁶⁰ Uruanna III 201: buru₅.gá.an.nu.um = BURU₅ *si-sa-nu* / *zi-za-nu* (BURU₅.BI) Á.DIR.GÚ.UGU ; Uruanna III 202: buru₅.min.(ki).tir.ra = BURU₅.BI Á.NU.DIR ; можно предположить, что уточнения Á.DIR.GÚ.UGU и Á.NU.DIR должны были указывать на особенности строения тела этих насекомых.

⁶¹ Uruanna III 199: buru₅.^(se-es-lam)EN.ME.LI = BURU₅ *a-du-di-lu* ;

Uruanna III 200: buru₅.EN.ME.LI.a.šá.ga = BURU₅ DUMU.SAL.SIPA .

⁶² Uruanna III 203: buru₅.ir.gi.lum = BURU₅ *su-uḫ-si-lu* (ср. евр. שִׁירָה *šarḡōl* в списке разрешенных в пищу видов насекомых, см. прим. 54 выше; про употребление *irgišu* в пищу согласно текстам из Мари см. [Lion, Michel, 1997.С. 719]; Uruanna III 204: buru₅.ir.gi.zum = BURU₅ *ḫi-la-mu* / *ir-gi-šu*.

(СТ 26 613): ⁴zi-za-nu KUR = DUMU a-ni [McEwan, 1983. С. 217, прим. 13]. В качестве имени бога *zizānu* упоминается в заклинании Šurpu VIII 22 (см. [CAD S. С. 321]). *zizānu* засвидетельствовано также в качестве имени собственного людей в документах староаккадского и старовавилонского периодов ([АНw. С. 1534]; см. также [AbB IX №206:4]; YOS VIII 98:6 [Козырева, 1988. С. 190]).

Примечательно упоминание *zizānu* в нескольких, по всей видимости, параллельных текстах-предсказаниях из серии SB *Alu* (все из коллекции Ашшурбанипала), где *tibūt* («нашествие») *zizāni* может чередоваться с *tibūt* BURU₅.H.A⁶³. При этом в одном случае *tibūt* BURU₅.H.A «поясняется» подстрочной глоссой *tibūt zizāni* (см. [Freedman, 1998.С. 67, прим. 28]).

Наблюдается расхождение в семантике, вероятно, родственных *zizānu* слов в других семитских языках. Так, в библейском корпусе дважды (кн. Псалмов) встречается сочетание זרזן זרזן *zīz šāday* «z. полей», собирательный термин, обозначающий насекомых или просто мелких животных, обитающих в поле⁶⁴ [HALoT s.v.]. Арабский термин زيزان *zīz-* (мн. ч. زيزان *zīzān-*) отождествляется с цикадой [SED II. С. 324].

Благодаря имеющимся данным можно выделить несколько конкретизирующих сем для аккадского зоонима *zizānu*: 1. его отнесли к «отряду» buru₅ («Саранчовые»); 2. как и другие зоонимы из этой группы, он обозначал насекомое достаточно крупных размеров; 3. *zizānu* обитает в полях и лесах; 4. громко стрекочет в лесу днем; 5. нашествие *zizānu* могло восприниматься как бедствие.

Таким образом, можно предположить, что зооним *zizānu* использовался для обозначения саранчи, кузнечиков, сверчков и/или цикад. Единственным упоминанием, благодаря которому этот круг можно было бы сузить до одной лишь цикады, является указание в Эпосе о Гильгамеше на то, что *zizānu* издает громкий (сравнимый по громкости с пением птиц) звук днем (но не ночью),

⁶³ K.3811+ 41-42 (СТ 39 31-33): DIŠ BURU₅.HABRUD.DA.MUŠEN GE₆ ina ŠÀ URU IGI ina ITI.BI AN.GE₆ GAR-an / NAM.BAD.MEŠ GÁL.MEŠ ZI.GA LÚ.KÚR ZI.GA (*tibūt*) BURU₅.H.A : ZI.GA zi-za-ni ZI.GA ša-bu : KÚR ina KUR GÁL-ši (*ibašši*) «если черную куропатку увидели в городе, в тот месяц будет затмение; / будет чума; нашествие саранчи (гlossа:) нашествие *zizānu*; нашествие армии (гlossа:) врага будет в стране». Sm. 230 3-4 (СТ 41 2): ZI (*tibūt*) KÚR : ZI BURU₅.H.A / ZI zi-za-ni ina KUR GÁL «нашествие врага; (гlossа:) нашествие саранчи; / нашествие *zizānu* будет в стране». K.6734 (СТ 41 2) + K.9605 (неопубликованный) 19: [...] zi-za-ni ina KUR GÁL : BAD [...] «[...] *zizānu* будет в стране; (гlossа:) чума [...]».

IM 64785 (неопубликованный) 25: DIŠ BURU₅.HABRUD.DA.MUŠEN GE₆ ina ŠÀ URU IGI ina ITI.BI AN.GE₆ BAD.ME ina KUR GÁL.MEŠ: ZI-ur BURU₅ ina KUR [...] «если черную куропатку увидели в городе, в тот месяц затмение, чума в стране будут; (гlossа:) нашествие саранчи в стране [...]». Все четыре пассажа, по всей видимости, являются параллельными SB *Alu* II 28.

⁶⁴ Ps. 50:11: וְיָדַעְתִּי כְּלִיטֵי הַרְיָנוֹת וְיָדַעְתִּי כְּלִיטֵי הַרְיָנוֹת: וְיָדַעְתִּי כְּלִיטֵי הַרְיָנוֹת: «ведь мои все животные чаши, твари на воловьих горах; я знаю всех горных птиц, и z. полей при мне»; Ps. 80:14: וְיָדַעְתִּי כְּלִיטֵי הַרְיָנוֹת וְיָדַעְתִּי כְּלִיטֵי הַרְיָנוֹת: «лесной кабан ест ее (виноградную лозу), и z. полей ее объедает» [BHS]. В то время как в первом контексте термин явно используется как собирательный, во втором, вполне вероятно, мог подразумеваться конкретный вид животного (в параллели к «кабану»). Примечательно также несогласованное определение «полей», по всей видимости, схожее с шум. gán.pa в лексических списках к акк. *zizānu*.

что в большей степени присуще цикадам [Шванвич, 1949. С. 470-473]⁶⁵. Вероятно, и упоминания *zizānu* в лексических списках среди насекомых, менее схожих с саранчой, кузнечиками или сверчками (после подёнки в Ҳ. XIV, богомола в Uguanna III и перед мухами в «Ашшурском Практическом Словаре»), указывают на особое положение *zizānu* среди стрекозущих представителей «отряда» *buru₅*. Подобное разделение может объясняться продолжительностью эпической и лексикографической традиции, развивавшейся со старовавилонского периода⁶⁶, в то время как к 1-му тыс. до н. э., вероятно, значение уже вышедшей из широкого употребления лексема стало менее определенным. По всей видимости, именно по этой причине в более позднем «Ашшурском Практическом Словаре»⁶⁷ в качестве толкования *zizānu* дается лексема для одного из видов саранчи, при этом сверчок *šaršaru* в лексических списках уже не упоминается среди зоонимов «отряда» *buru₅*. Тем не менее, писцы, как уже было упомянуто, все же имели доступ к более древним лексическим спискам. Вероятно, в связи с этим писцы, копировавшие предсказание из серии SB *Ālu*, сочли необходимым привести *zizānu* в качестве пояснительной глоссы к *BURU₅.Ҳ.А* (и наоборот). Аналогичную ситуацию можно допустить и в случае с Эпосом о Гильгамеше: вышедшая из широкого употребления и/или ставшая более расплывчатой в значении лексема могла, тем не менее, использоваться и сохранять свою «конкретность» благодаря существовавшей писцовой традиции.

1. Баранов, Х.К. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. / Х.К. Баранов. — 11-е изд., стереотип. — М.: Живой язык, 2006. — 456 с.
2. Иванов, В.П. Поведенческие реакции слепней рода *Nybomitra* (Diptera: Tabanidae) при облете прокормителя и поиске места для кровососания / В.П. Иванов // Паразитология. — 2003. — №37/5. — С. 381–386.
3. Козырева, Н.В. Древняя Ларса: очерки хозяйственной жизни / Н.В. Козырева. — М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — 206 с.
4. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
5. Попов, А.А. Мотивационная основа наименований слепня и овода в севернорусских говорах / А.А. Попов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Наука, 2008. — С. 327–330.
6. Шванвич, Б.Н. Курс общей энтомологии: введение в изучение строения и функций тела насекомых / Б.Н. Шванвич. — М.–Л.: «Советская наука», 1949. — 900 с.

⁶⁵ Эта интерпретация представлена в публикации списка MS ff 5-й таблицы Эпоса о Гильгамеше [Al-Rawi, George, 2014. С. 84].

⁶⁶ Ср. упоминание *zizānu* а) в старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше; б) в качестве личного имени только в староаккадских и старовавилонских источниках; в) в ассоциативном ряду с неким божеством и/или мифическим существом.

⁶⁷ Согласно А. Кавиньо, «Ашшурский Практический Словарь», составленный по тем же принципам, что и считающийся «классическим» список Ҳ., являлся его обновленной версией, адаптированной под нужды 1-го тыс. до н. э. и реалии ассирийского диалекта [Cavigneaux, 1980-1983. С. 631].

7. AbB IX: Stol M. Letters from Yale / Transliterated and translated by M. Stol. — Leiden: Brill, 1981. — xi, 170 p. — (Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung; Heft 9).
8. AHw: Akkadisches Handwörterbuch / Bearb. von W. von Soden; unter Benutzung des lexikalischen Nachlasses von B. Meissner. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1965–1974. — XVI, 1592, XV S.
9. Al-Rawi F. N. H. Back to the Cedar Forest: The beginning and end of Tablet V of the Standard Babylonian Epic of Gilgameš / F. N. H. Al-Rawi, A. R. George // Journal of Cuneiform Studies. — 2014. — №66. — P. 69–90.
10. BHS: Biblia Hebraica Stuttgartensia / Ed. K. Elliger, W. Rudolph. — editio quinta emendata opera A. Schenker. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. — LXIX, 1574 p.
11. CAD: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / The University of Chicago. — Chicago, 1956–2010. — Vol. A1–Z.
12. Cavigneaux, A. Lexikalische Listen / A. Cavigneaux // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Geschichte. Band 6. Klagesang — Libanon. — Berlin–New York: de Gruyter, 1980–1983. — S. 609–641.
13. DCCLT: Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts: [Электронный документ]. — URL: (<http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>). Проверено 15.11.2020 / DCCLT Project. — University of California, Berkeley, Near Eastern Studies, 2003–.
14. Freedman, S.M. If a City Is Set on a Height: The Akkadian Omen Series *Šumma Alu ina Mēlē Šakin*. Vol. 1: Tablets 1–21 / S. M. Freedman. — Philadelphia, PA, 1998. — vii, 361 p.
15. George, A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts / A. R. George. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — xxxv, 741 p., iii, 743–986 p., 147 pl. — Vol. 1–2.
16. HALoT: The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament: Vol. 1–2 / L. Kohler, W. Baumgartner; transl. and ed. under the supervision of M. E. J. Richardson; et al. — Leiden–New York–Boston–Köln: Brill, 1994–2001. — LXVII, 2010 p.
17. Hellquist, E. Svenskt Etymologisk Ordbok / E. Hellquist. — Lund: Gleerups, 1922. — [11], LXXIII, 1284 s.
18. Kelhoffer, J.A. The Diet of John the Baptist: “Locusts and Wild Honey” in Synoptic and Patristic Interpretation / J.A. Kelhoffer. — Tübingen: Siebeck, 2005. — xxiii, 256 p.
19. Krecher, J. Kommentare / J. Krecher // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Geschichte. Band 6. Klagesang — Libanon. — Berlin–New York: de Gruyter, 1980–1983. — S. 188 – 191.
20. Lion, B. Criquets et autres insectes à Mari / B. Lion, C. Michel // Mari Annales de Recherches Interdisciplinaires. — 1997. — №8. — P. 707–724.
21. LSJ: Greek-English Lexicon / H. G. Liddell, R. Scott; rev. and augmented throughout by Sir H. S. Jones, with the ass. of R. McKenzie. — Oxford: Clarendon Press, 1940: [Электронный документ]. — URL: (<https://logeion.uchicago.edu/>). Проверено 13.11.2020 / The University of Chicago.
22. McEwan, G. J. P. ⁴MUŠ and Related Matters / G. J. P. McEwan // Orientalia: Nova Series. — 1983. — №52/2. — P. 215–229.
23. MSL 8/2: The Fauna of Ancient Mesopotamia. Second Part. ḪAR-ra = *ḫubullu* Tablet XIV and XVIII / B. Landsberger, A. Draffkorn Kilmer — Rome: Pontificium Institutum, 1962. — V, 103 p.
24. Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.dwds.de/wb/etymwb/>). Проверено 15.11.2020 / W. Pfeifer, et al.,

digitalisierte und von W. Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache.

25. SED II: Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names / A. Militarev, L. Kogan; with contrib. by A. Arakelova, et al. — Münster: Ugarit-Verlag, 2005. — xci, 415 p.
26. Van De Mieroop M. Philosophy Before Greeks: The Pursuit of Truth in Ancient Babylonia / M. Van De Mieroop. — Princeton–Oxford: Princeton University Press, 2016. — viii, 297 p.

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В ЛИРИКЕ АХМАДА ШАМЛУ

Michanovich Sofïia-Aleksandra

TRADITION AND INNOVATIONS IN THE POETRY OF AHMAD SHAMLOU

Статья посвящена изучению лирики современного иранского поэта Ахмада Шамлу (1925 – 2000 гг.) на ее раннем этапе, который можно охарактеризовать как смешение традиционных и новаторских подходов в поэтическом творчестве. Объектом изучения стал стихотворный сборник "Свежий воздух" (havā-ye tāzeh), написанный в период с 1947 по 1956 гг. и являющийся ярким примером современного иранского поэтического течения, зародившегося в 1940-х гг. и известного как ше'р-е ноу ("Новая поэзия"). Ше'р-е ноу исследовалось нами на примере стихотворений сборника "Свежий воздух", который вобрал в себя самые различные произведения Шамлу, представляя синтез образцов классической персидской поэзии, верлибра и белого стиха.

The article is devoted to the study of the early poetic creativity of the modern Iranian poet Ahmad Shamlou (1925-2000). The object of research is the volume of poems "Fresh air" (Havā-ye tāzeh), written in the period from 1947 to 1956. This is a striking example of the modern Iranian poetic movement, which originated in the 1940s and is known as she'r-e nou ("The New Poetry"). She'r-e nou was analyzed by the example of poems taken from the collection "Fresh air", which incorporated a variety of works of Shamlou, representing a synthesis of examples of the classical Persian poetry, free verse and blank verse.

Ключевые слова: Ахмад Шамлу, А. Бамдад, А. Собх, Свежий воздух, Новая поэзия Ирана, современная иранская поэзия, ше'р-е ноу

Key words: Ahmad Shamlou, A. Bamdad, A. Sobh, Fresh air, The New Poetry of Iran, modern persian poetry, she'r-e nou

Ахмад Шамлу (1925 – 2000 гг.) — иранский поэт, писатель, переводчик, лексикограф, собиратель народного творчества Ирана. Шамлу стал одним из самых влиятельных представителей современной иранской поэзии, которые стояли у истоков зарождения нового поэтического течения, получившего название *ше'р-е ноу* («Новая поэзия»). Ахмад Шамлу — это поэт-новатор, привнесший в персидскую поэзию белый стих и язык улиц.

Статья посвящена поэтическому творчеству Ахмада Шамлу на его раннем этапе и анализу традиционного и новаторского начала в его поэзии. В 1940-е гг. Шамлу начинает сочинять стихи по канонам персидской классической поэзии. Но постепенно он отходит от традиционализма в стихосложении и становится последователем Нима Юшиджа⁶⁸, «отца *ше'р-е ноу*». Вскоре

⁶⁸ НимаЮшидж (1897-1960) – иранский поэт и критик, реформатор персидской поэзии и основатель течения *ше'р-е ноу*.

Шамлу избирает собственный путь развития поэзии, тем самым сильно повлияв на развитие поэтического течения *ше 'р-е ноу*.

В ходе изучения лирики Ахмада Шамлу первостепенную роль сыграли исследования Веры Борисовны Кляшториной. Ее книга «Новая поэзия в Иране» подробно осветила процесс формирования течения *ше 'р-е ноу*. По мере детализации анализа критической литературы о *ше 'р-е ноу* В.Б. Кляшторина приходит к выводу, что в 1950-е гг. иранская литературная критика не являлась высокопрофессиональной и зачастую грешила дилетантским подходом [Кляшторина, 1975. С.19] В. Б. Кляшторина в книге «Новая поэзия в Иране» пишет, что к авторитетным критико-литературным журналам того времени относился журнал «*Сохан*» («Слово»), главным редактором которого был Ахмад Шамлу [Кляшторина, 1975. С.22].

Предельно важной для нас является серия книг Мохаммада Хогуги «*Ше 'р-е замāн-е мā*» («Стих нашего времени»). В этих исследованиях рассматривается творчество самых выдающихся поэтов и на примере избранных стихов доказывается их неоспоримый вклад в персидскую поэзию. Также огромную работу по истории персидской поэзии и анализу поэтического наследия Шамлу проделал современный иранский критик, писатель и переводчик Абдлолали Дагтейб. Его научный труд под названием «Критический анализ творчества Ахмада Шамлу» – бесценный источник, в котором подробно рассмотрены все аспекты: от формы и художественных приемов до сути произведения.

Прекрасным образцом столкновения разных стилей и художественных приемов стал стихотворный сборник Шамлу «*hāvā-īe tāze*» («Свежий воздух»). Он стал четвертым по счету сборником стихов Ахмада Шамлу. Стихотворения сборника, ставшего поворотным моментом в творческой жизни Шамлу, сочинялись им в период с 1326 по 1335 (1947 – 1956 гг.). Как раз в эти годы новое поэтическое течение в Иране, которые мы знаем под названием *ше 'р-е ноу* («Новая поэзия»), только-только начинало доказывать иранскому читателю свою жизнеспособность наряду с общепризнанной персидской классикой. В Иране Новая поэзия появилась на рубеже 1940 – 1950-х гг. В последующие десятилетия новое поэтическое течение формировалось, приобретая характерные для него эстетические, тематические, стилистические черты. Появление течения *ше 'р-е ноу* буквально взволновало критиков, литераторов и, в целом, иранскую общественность, ведь для иранцев поэзия стоит на первом месте среди всех других видов искусства. С каждым годом появлялось все большее число критических и теоретических работ, рассматривающих новое течение. К 70-м годам XX века *ше 'р-е ноу* стало уже полноценным направлением в литературе Ирана. Ахмад Шамлу наряду с целой плеядой поэтов течения, как отец *ше 'р-е ноу* Нима Юшидж (1897 – 1960 гг.), Сохраб Сепехри (1928 – 1950 гг.), Форуг Фаррохзад (1934 – 1967 гг.), Мехди Ахаван Салес (1929 – 1990 гг.), Феридун Мошири (1926 – 2000 гг.), Надер Нудерпур (1929 – 2000 гг.), Сияваш Касрайи (1927 – 1996 гг.), выражал демократические идеи и чаяния народа.

Разумеется, иранская культура реагировала на общественные изменения и политическую ситуацию в стране, и, очевидно, поэзия переживала глобальное преобразование и переосмысливала свое предназначение. Этому способствовало динамичное развитие во всех сферах жизни Ирана 60-х гг. В 1963 шахом Мохаммадом Реза Пехлеви были предприняты экономические, социальные и аграрные реформы, получившее название «Белая революция». Вместе с тем в стране ужесточалась цензура и усиливалось проникновение западных представлений в культурную жизнь Ирана. На сознание иранцев и иранскую культуру также значительно повлияла потеря религией главенствующей роли в жизни страны.

Что касается Шамлу, то он глубоко ценил поэтическое наследие Ирана, однако утверждал, что предназначение современного поэта изменилось, и считал, что эпоха романтической, описательной и любовной поэзии закончилась: «Стих должен быть орудием борьбы в руках народа и поэта». ⁶⁹ Он не считал себя поэтом-пророком, однако называл себя посредником между тем голосом, который шепчет ему стихи, и народом, который внимает. В его творчестве можно найти множество образцов любовной лирики, особенно после встречи с его последней и самой любимой женой, Аидой, чьим именем названо несколько сборников стихов Шамлу. И все же, как говорит сама Аида, его самые проникновенные любовные стихи — самые социальные. ⁷⁰

Ахмад Шамлу составил сборник под названием «Свежий воздух», когда ему было около тридцати лет. Эти стихи приходили к поэту в тяжелые для иранского народа годы, как писал Мохаммад Хогуги, «в жестоком урагане и ужасном потопе; с гневом и бунтом». [Хогуги, 1368. С.85]. Для Шамлу этот сборник стал бунтом против устоев общества, незыблемых канонов классической поэзии и даже против самого стиха в общепринятом смысле. Среди интеллигенции царил атмосфера безысходности, а в 1954 году за критику политического режима Шамлу был заключен в тюрьму на срок более двух лет. Находясь в тюрьме, Шамлу сочинил мало стихов; основным его трудом того непростого времени стала «Грамматика персидского языка».

Семьдесят стихотворений сборника «Свежий воздух» не объединены одинаковой формой: одни приближены к классической структуре персидского стиха, другие представляют собой верлибр, третьи — белый стих. На страницах восьми тетрадей сборника соединились самые разные мотивы и методы построения стиха. Поэтому сборник «Свежий воздух» — это пора перемен и творческих поисков Ахмада Шамлу. Данный сборник можно считать точкой, где сошлись результаты его поэтических экспериментов. Поэт расположил стихотворения по восьми тетрадам не по хронологическому принципу, а по смысловому и организационному. То есть, некоторые из тетрадей объединены единым настроением, а другие — формой построения стиха.

Этот сборник не является идеальным образцом разработанного и отточенного стиля Ахмада Шамлу; напротив, он представляет собой

⁶⁹ По материалам фильма «The Final Word».

⁷⁰ Там же.

переходный период в творчестве поэта: от классического строя к белому стиху. В ходе анализа стихотворений сборника «Свежего воздуха» мы разделили их на четыре большие группы:

- а. Стихотворения с соблюдаемым размером, однако без фиксированной рифмы и без четких жанровых форм.
- б. Так называемый свободный аруз, именуемый *ше'р-е Нимаи*. Прослеживается классический размер, но длина строк и количество стоп не регламентированы, равно как и рифма. Сломанные строки идут лесенкой для акцентирования на каком-либо слове и для сохранения правильной интонации, заложенной автором.
- в. Белый стих, также получивший название *Шамлуйи*. Характеризуется отходом от всех признаков канонического стиха.
- г. Фольклористические стихотворения.

К первой категории относятся стихотворения всей первой тетради сборника и, частично, произведения из последующих дафтаров⁷¹, так как в них можно наблюдать использование Ахмадом Шамлу общепринятых в арабо-персидской метрике размеров и более часто встречающуюся рифму, чем в двух других группах. Так, стихотворения «*Бимār*» и «*Рандж-е дигар*» («Большой» и «Новая боль») написаны размером *мунсарих* (– UU – / – U – / – UU – / ~), состоящим из трех стоп. А в стихотворениях (так же из первой тетради сборника) «*Ше'р-е гомшод*» и «*Дидār-е вāпасйн*» («Потерянный стих» и «Последнее свидание») использован четырехстопный *музāри* со схемой – / – U – U / – UU – / – U – U / ~.⁷²

В первой тетради сборника помещены восемь стихотворений, объединенные по нескольким отличающим их от стихотворений других тетрадей признакам: все они написаны трехстопным и четырехстопным размером (*мунсарих*, *музāри*⁷³, *хазадж*, *мутакариб*); пессимистичное настроение. В первой тетради сборника «Свежий воздух» Шамлу практически везде следует форме четырехсложной строфы. И, как пишет В.Б. Кляшторина, «наиболее популярной в современной поэзии стала форма четверостишия, т.е. строфа (банд), состоящая из четырех строк (мисра)» [Кляшторина, 1975. С.41]. А Хогуги отмечает эмоциональную хрупкость в тех тюремных стихотворениях в строке за строкой: «Будто каждая мисра⁷³ – это дорога, которую нужно быстро пройти и достигнуть конца. Это строка, полная возмущения и гнева, борьбы и бунта» [Хогуги, 1368. С.86].

Далее мы перейдем ко второй группе стихотворений, а именно к *ше'р-е Нимаи*. По словам В.Б. Кляшториной, «от Нима Юшиджа А. Шамлу воспринял новую запись стиха — не по строфам, а по интонационному

⁷¹ *Дафтар* – перс. тетрадь.

⁷² Терминология арабо-персидского стихосложения и названия метров взяты из «Грамматики персидского языка» Е. Э. Бертельса.

⁷³ Структурная единица в классической арабо-персидской поэтике, эквивалентная одной стихотворной строке.

звучанию фразы. А. Шамлу вводит в поэзию язык улицы и прозаическую лексику, сталкивая ее с высокими понятиями и добиваясь неожиданного контраста» [Кляшторина, 2003. С.3]

Также в качестве объяснения процесса эволюции персидского стихосложения В.Б. Кляшторина приводит слова иранского ученого Парвиза Нателя Ханлари⁷⁴: «Писание таких стихов гораздо сложнее сочинения традиционных стихов на основе аруза. В старой поэзии есть прочная сложившаяся форма, и все усилия поэта, избравшего ее, заключаются в том, чтобы подобрать подходящие выражения и рифмующиеся слова, тогда как новый поэт должен нести ответственность за все. Он должен сделать все, чтобы читатель ощутил: для выражения этой идеи не может быть лучшего размера и ритма, нежели избранные поэтом. Именно потому каждое произведение, написанное свободным арузом, должно нести в себе ощущение долга и ответственности автора перед своей целью» [Кляшторина, 1975. С.42-43].

Можно заметить, что Шамлу, хотя и использует приемы Нима Юшиджа, все же находится не только под его влиянием. Сборник «Свежий воздух» тем и замечателен, что в нем сочетаются совершенно различные образцы. На его страницах можно отыскать примеры, созвучные Маяковскому, Элюару, Лорке. Этим поэтов и художников из разных стран объединяли идеи справедливости и гуманизма. И, как пишет В.Б. Кляшторина, «ощущалась острая необходимость осмысления и объяснения послевоенной поэзии и поэзии 50-х годов, отмеченной распространением настроений потерянности и усталости, а также тяготением к свободному стиху и фольклорным формам» [Кляшторина, 1975. С.22].

Остановимся же на образцах свободного аруза в сборнике Ахмада Шамлу «Свежий воздух». К таким можно отнести стихотворение «Будан» («Бытие») из третьей тетради сборника. Оно довольно короткое — всего шесть строк — и разделено на две равные строфы. Первые строки каждой из двух строф имеют одинаковое количество стоп, равно как и вторые, и третьи, соответственным образом. Тем самым создается визуальная симметричная схема. В обеих строфах используется обрамляющая рифма. Первые и вторые строки строф начинаются одинаково, соответственно. Первые предложения отличаются лишь последним словом, а вторые начинаются одинаковой грамматической конструкцией.

گر بدین‌سان زیست باید پست

من چه بی‌شرمم اگر فانوس عمرم را به رسوایی نیاوریم

بر بلند کاج خشک کوچه‌ی بن‌بست.

گر بدین‌سان زیست باید پاک

من چه ناپاکم اگر نشانم از ایمان خود، چون کوه

یادگاری جاودانه، بر تراز بی‌بقای خاک.

⁷⁴ Парвиз Натель Ханлари – профессор Тегеранского университета – в 1962 году в упомянутом нами ранее журнале «Сохан» опубликовал статью о течении ше'r-e ноу. Цит. по: Кляшторина В. Б. Новая поэзия в Иране. С. 39.

*Если следовало бы жить таким низким образом,
То я каким бы бессовестным был, если фонарь своей жизни не повесил бы
На высокой сухой сосне на тупиковой улице на [всеобщий] позор.
Если следовало бы жить так праведно,
То каким не чистым я бы был, если не водрузил бы вечное воспоминание
[о себе на пьедестал],
Словно на гору, над поверхностью брэнной земли.*

В этом стихотворении Ахмада Шамлу русский читатель может с легкостью ассоциировать «воспоминание», водруженное на «пьедестал горы» и оставшегося навечно на бумаге, с одой Горация «Eхegi monumentum» и «Памятниками» А.С. Пушкина и Г.Р. Державина. Вместе с тем, «Бытие» является глубоко-философским произведением Шамлу.

Шамлу свободно обращается с формой стиха, удлиняя и укорачивая строки по примеру Нима. При сохранении размера часть мисра¹ просто переносится на следующую или предыдущую строку для достижения нужной автору интонации и смыслового акцента. В качестве примера такой структуры приведем строки из стихотворения «Немйрақсанам-ат чун дуд-и аби ранг» («Я не заставлю тебя танцевать, как голубые клубы дыма») из второго дафтара сборника:

شب پائیز می لرزد به روی بستر خاکستر سیراب ابر سرد
سحر، با لحظه های دیرمانش، می کشاند انتظار صبح را
در خویش...

*Ночью осень дрожит, лежа на сером ложе холодной тучи,
На рассвете в томных, долгих мгновениях она ожидает утро
В себе...*

Иранский критик М. Хогуги отмечает стихотворение «Meh» («Туман») как одно из лучших поэтических экспериментов Шамлу в сборнике «Свежий воздух». В данном произведении, находящемся во второй тетради, мы видим коренные отличия его построения от структуры стихов первой тетради. Строки разные по длине и написаны лесенкой. Стихотворные строчки идут ступеньками, и некоторые из них содержат всего лишь одно или два слова. Вместе с тем, стихотворение наполнено нарочито удлиненными строчками, в которых автор дает целые цепочки эпитетов. Поэт часто использует повторы слов и применяет детальную пунктуацию.

«د بیابان را سراسر مه گرفتہست. (می گوید به خود،
عابر)
سگان قریہ خاموشند.

Степь целиком охватил туман. (думает,

Прохожий)

Молчат собаки в деревне.

Примечателен тот факт, что Шамлу часто использует прямую речь в своих произведениях, будь то воспоминания автора или слова, звучащие в данный момент, или подразумеваемые в будущем. Именно в этом коротком отрывке мы можем увидеть и сложную пунктуацию, и разную длину строк, и одиночное положение слова на строке, притом, что это подлежащее, отделенное от своего сказуемого запятой. Далее мы можем заметить, что Шамлу применяет повтор первого предложения из отрывка выше в следующей строфе:

«بیابان را سراسر مه گرفته‌ست... با خود فکر می
کردم که مه گر همچنان تا
صبح می‌پایید مردان جسور از خفیه‌گاه خود به دیدار
عزیزان باز می‌گشتند» .

«Степь целиком охватил туман... я раз-

Мышлял, если бы до

*Утра [он] задержался, под защитой тумана или бы отважные мужчины
ради*

Свидания с любимыми».

По словам Хогуги, стихотворение «Парийā» («Пери», во мн.ч.) из пятой тетради относится к самым ярким примерам фольклористического стихотворения во всем творчестве Шамлу [Хогуги, 1368. С.69-70]. Пери — это мифологическое существо из персидских сказаний в облике прекрасной неземной девы. Стихотворение занимает пятнадцать страниц. Шамлу начинает стихотворение как зачин народной сказки:

یکی بود یکی نبود
زیر گنبد کی بود
لخت و عور تنگ غروب سه تا پری نشسته بود

Было или не было,

Под голубым куполом [неба]

На закате [дня] совсем нагие сидели три пери.

А заканчивает его традиционной для детских сказок концовкой:

Вот и сказочка к концу подошла,

А ворона до своего дома еще не дошла.

Однако это стихотворение не предполагается как детское чтение. Ахмад Шамлу написал огромное количество сказок для детей, но в данном случае посредством фольклорных форм и приемов, которые человек невольно запоминает с детства и проносит через всю жизнь, Шамлу призывает народ поменять свою многострадальную жизнь к лучшему.

Стихотворение «Пери» пестрит разговорной лексикой и простыми грамматическими конструкциями:

زار و زار گریه می کردن پریا

مٹ ابرای باہار گریه می کردن پریا

Навзрыд пери плачут,

Как весенние тучки плачут

В данном отрывке мы также можем видеть рифму (zār — bāhār), а после рифмующихся слов — эпифору. Шамлу выносит в отдельную строфу череду вопросов лирического героя к пери, которые также написаны стилем *bāzāri*:

О пери! Проголодались?

О пери! Хотите пить?

О пери! Вы устали?

Как птичка, сложившая крылья?

Что вы рыдаете,

Ваш плач — просто звук?

Помимо разговорных конструкций, Шамлу использует здесь звукоподражание:

سیل می شن: شر شر شر!

آتیش می شن: گر گر گر!

Потоп наступает: бр-бр-бр!

Огонь разгорается: пыш-пыш-пыш!

⁷⁵ Данное написание слова мы считаем диалектальным, так как, согласно персидско-русскому словарю Ю.А. Рубинчика, слово «ворона» на классическом персидском языке пишется через первую «к», а не «г».

В тот момент, когда лирический герой попытался коснуться фантастических пери, они вдруг оживились и перестали плакать. Автор описывает их динамичные действия цепочкой глаголов:

*Пери взвизгнули, вскрикнули, были волшебством и испарились, наверх
Поднялись, стали темными, спустились вниз
Обосновались, постарели, поплакали. Помолодели, улыбнулись,
Стали петушьей головой, стали фруктом, стали косточкой,
Стали неочищенным гранатом,
Стали надеждой, стали отчаянием, стали несчастливой звездой.*

По поводу данного стихотворения Дастгейб цитирует Мехди Ахаван Салеса: «Шамлу позаимствовал эту ритмическую форму у народного творчества и часто ее использовал» [Дастгейб, 1373. С.93]. Об этой форме под названием *tarāne* Ахмад Шамлу пишет, что в «Пери» он использовал одну из разновидностей *tarāne* — *таркиб*, характеризующийся повторением строф в виде куплетов и силлабическим принципом стихосложения [Дастгейб, 1373. С.94].

«Свежий воздух» — это книга стихов, хотя и не представляющая сформировавшийся в полной мере стиль Ахмада Шамлу, однако занимающая особое место в его творчестве. Стихотворения содержат не только привычные для поэзии слова, но и совершенно неожиданные. Поэтому он оказал огромное влияние на современную персидскую поэзию, привнеся новую форму организации стиха и новое содержание.

Ахмад Шамлу уже на раннем этапе своего творчества выделялся на фоне других поэтов тем, что он не только варьировал форму стиха. Он не изменял каноны ради изменений, а хранил наследие многовековой иранской поэзии. Его творчество привлекало не только взыскательную публику, но и простых людей, к которым поэт обращался в первую очередь. Шамлу стал голосом иранского народа, не желая молчать и закрывать глаза на несправедливость и неравенство в обществе. Посредством стихов поэт влиял на политическую психологию и культуру иранцев. За неиссякаемую любовь к правде он стал считаться символом народной борьбы.

1. Балар, Ф. Изучение и анализ критических статей, посвященных поэзии Ахмада Шамлу / فرزند بالار. بررسی و تحلیل نقد های مربوط به شعر احمد شاملو / Сенендедж, 1393 (2014). — 28 с.
2. Бертельс, Е.Э. Грамматика персидского языка. — Л. : Издание Института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе, 1926. — 126 с.
3. Дастгейб, А. Нақд-е āsār-е Ахмад-е Шамлу. — Тегеран, 1373. — 210 с.
4. Кляшторина, В. Б. Новая поэзия в Иране. — Москва : Наука, 1975. — 255 с.
5. Кляшторина, В. Б. Шаги тихой воды : две волны вестернизации в персидской поэзии XX века / В. Б. Кляшторина // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 4. —

- URL: (<https://magazines.gorky.media/nlo/2003/4/shagi-tihoj-vody-dve-volny-vesternizaczii-v-persidskoj-poezii-xx-veka.html>) Проверено 30.01.2020.
6. Mansouri, Molsem. The Final Word / Независимое кино. — 2009. — URL: (<https://www.youtube.com/watch?v=6zH0RqiP1kM>) Проверено 02.04.2020.
 7. Хогуги, М. Ахмад-е Шамлу : ше 'р-е Шамлу аз ағāз tā эмруз / Мохаммад Хогуги // Ше 'р-е замāн-е мā. — Тегеран : Negāh, 1368. — 332 с.
 8. Шамлу, А. هواى تازه Свежий воздух. — Тегеран, 1964. — 296 с.
 9. Обсуждение поэзии Ахмада Шамлу с иранскими студентами Калифорнийского университета в Беркли. جلسه پرسش و پاسخ احمد شاملو با دانشجویان دانشگاه برکلی. — URL: (https://www.youtube.com/watch?v=eOSBjTre-_M&t=2029s) Проверено 17.05.2020.

ДОЛЯ ДОЧЕРИ В СЕМЕЙНОМ ИМУЩЕСТВЕ ПО БРАЧНЫМ КОНТРАКТАМ ИЗ ЮЖНОЙ МЕСОПОТАМИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2 ТЫС. ДО Н.Э.

Tatiana Nikolaeva

DAUGHTER'S SHARE IN FAMILY PROPERTY ACCORDING TO MARRIAGE CONTRACTS FROM SOUTHERN MESOPOTAMIA IN THE EARLY 2ND MILLENNIUM BC

В статье на материале двух брачных контрактов из Южной Месопотамии старовавилонского периода (первая половина 2 тыс. до н.э.) проанализированы данные о составе приданого как доли дочери в семейном имуществе. Приданое рассматривается в бытовом контексте повседневной жизни городской семьи, что позволяет составить некоторое представление о домашней обстановке старовавилонского жилого дома.

The paper deals with the possible composition of the dowry as a daughter's share in the family property basing on two marriage contracts originating from southern Mesopotamia and dating back to the Old Babylonian period. The dowry is considered in the everyday context of an urban family, which allows us to partly reconstruct the home furnishings of an Old Babylonian residential house.

Ключевые слова: Месопотамия; старовавилонский период; клинописные тексты; брачные контракты; приданое; жилой дом

Key words: Mesopotamia; Old Babylonian period; cuneiform texts; marriage contracts; dowry; residential house

В старовавилонский (далее стВ) период (20-16 вв. до н.э.) в Южной Месопотамии как сыновья, так и дочери имели право на долю в семейном имуществе. Доля дочери, как правило, выделялась ее отцом или другим старшим родственником не после смерти владельца имущества, а когда дочь покидала дом отца, т.е. при вступлении в брак или же при посвящении в жреческий сан. Наиболее распространенной формой предоставления дочери ее доли в семейном имуществе было приданое [Westbrook, 2003. С. 397-398]. Состав приданого мог очень сильно варьироваться в зависимости от финансовых возможностей семьи невесты.

Приданое должно было помочь девушке обустроиться на новом месте (в доме мужа или храме) и включало предметы быта, необходимые для повседневной жизни. Таким образом, при изучении описания приданого в документах можно частично воссоздать черты домашней обстановки нуклеарной семьи. Это особенно ценно потому, что тростниковые и деревянные предметы домашней обстановки не сохранились в климатических условиях Южной Месопотамии.

Брачный контракт СТ 48 50

Брачный контракт СТ 48 50 происходит из города Сиппар, он записан на помещенной в конверт глиняной табличке, которая повреждена в верхней части реверса (строки 21-28) и имеет сколы в нижней (строки 34-37) [СТ 48. С. 3]. Этот брачный контракт был опубликован С. Даллей [Dalley, 1980. С. 57-59]. Поскольку размер статьи ограничен, построчный перевод не приводится.

Транслитерация

¹ m₃ša-bi-tum DUMU.MUNUS ib-ba-tum ² m₃ib-ba-tum a-bu-ša ³ a-na E₂ DINGIR-
šū-ib-ni e-mi-šu ⁴ a-na IR₃-ku-bi ma-ri-šu ⁵ a-na aš-šu-tim id-di-iš-šī¹⁶ ² gis^sNA₂ 2
GU.ZA ⁷ 1 gis^sBANŠUR 2 gis^sPISAN ⁸ 1 na⁴ḪAR 1 na⁴MIN¹ ZI₃.GU⁹ 1 gis^sBAN₂ ¹⁰ 1
dugŠAGAN re-eq-tum ¹¹ mi-im-ma an-nu-um ¹² ša ib-ba-tum a-na ša-bi-tum ma-ar-ti-
šu ¹³ id-di-nu-ma a-na E₂ DINGIR-šū-ib-ni ¹⁴ e-mi-šu u₂-še-ri-<bu>¹⁵ ¹⁰ GIN₂
KUG.BABBAR ter-ḫa-as-sa₂ ¹⁶ m₃ib-ba-tum im-ḫu-ur iš-ši-iq-ma ¹⁷ i-na si-si-si-ik-ti
¹⁸ m₃ša-bi-tum ma-ar-ti-šu ¹⁹ ir-ku-us₂ a-na IR₃-ku-bi ²⁰ tu-u₂-ur ²¹ m₃ša-bi-tum a-na IR₃-
[ku-bi mu-ti-ša] ²² u₂-ul mu-ti i-qa₂-ab-[bi-ma] ²³ i-ḫa-[aš-šu-šī¹-ma] a-na me-e ²⁴ i-
na-ad-[du-u₂]-šī²⁵ u₃IR₃-ku-bi a-na ša-bi-tum DAM.A.NI ²⁶ u₂-[ul aš-ša]-ti ²⁷ i-qa₂-
ab-bi-ma ²⁸ 1/3 MA.NA [KUG.BABBAR u₂-zu]-ub-ba-ša I₃.LA₂.E ²⁹ m₃e-mu-uq-^dIM
a-bu-ša ³⁰ a-na a-wa-ti-ša iz-za-a-az ³¹ IGI ^dEN.ZU-e-ri-ba-am UGULA MAR.TU ³²
IGI i-din-PA.BIL₂.SAG DUMU ta-ri-bu-um ³³ IGI e-mu-uq-^dIM DUMU DINGIR-
šil-li ŠEM²³⁴ [IGI] il-lum DUMU ^dEN.[ZU]-up-pa-[...] ³⁵ [IGI i₃]-li₂-^dIM DUB.SAR
³⁶ [ITI ...] U₄.15.KAM ³⁷ [MU am-]mi-di-ta-na LUGAL.E ³⁸ NUN
MAS.SU₂IGI.GAL₂.LA ³⁹ DINGIR TUK.A

Содержание

Человек по имени *Ibbatum* выдает свою дочь, *Šabītum*, замуж. Он заключает брачный контракт с *Ilšu-ibni*, предположительно, своим тестем, отцом жениха, *Warad-kubi*. В брачном контракте перечислено приданое, которое *Ibbatum* дал своей дочери и доставил в дом *Ilšu-ibni*: 2 кровати, 2 табурета, 1 стол, 2 корзины, 1 зернотерку, 1 (зернотерку для) гороховой муки, 1 десятилитровую корзину, 1 пустой сосуд для масла.

Затем указан размер выплаты за невесту (*terḫatu*), который уплатил *Ilšu-ibni*: 10 сиклей серебра. Вероятно, *Ibbatum* включил сумму выплаты-*terḫatu* в состав приданого своей дочери.

В случае нарушения брачного контракта, заключенного их родителями, если нарушительницей будет *Šabītum*, то она может быть утоплена (связана и брошена в воду), а если *Warad-kubi*, то он должен будет уплатить 1/3 мины серебра «отступных».

В договоре указано, что ответственность за нарушение договора со стороны невесты несет не отец невесты, а некий *Emūq-Adad*, названный в тексте ее отцом, вероятно, старший родственник семьи невесты или глава крупного хозяйства, в состав которого входит семья невесты. Возможно, он же упоминается в списке свидетелей: *Emūq-Adad*, сын *Ilī-šillī*.

Контракт был заключен в период правления царя Аммититаны (1683-1647 гг. до н.э), в присутствии пяти свидетелей.

Брачный контракт СТ 48 55

Брачный контракт СТ 48 55 происходит из города Сиппар, он записан на обожженной табличке, которая повреждена в верхней части обверса (строки 1-9) и у которой отсутствует нижняя часть реверса (строки 36-...) [СТ 48. С. 3]. Этот брачный контракт был опубликован С. Даллей [Dalley, 1980. С. 57-59]. Поскольку размер статьи ограничен, построчный перевод не приводится.

Транслитерация

¹ 1SAG.[GEME₂ ...] ² 1 gišNA₂³ 2 gišGU.ZA ⁴ 1 gišBANŠUR ⁵ 1 giPISAN ⁶ 1 dugŠAGAN ša [5 SILA₂] ⁷ mi-im-ma an-[nu-um] ⁸ ša li-pi₂-it-^dIM [...] ⁹ a-na e-ri-iš-ti-[E₂-UL.MAŠ] ¹⁰ DUMU.MUNUS.NI id-di-nu-ma ¹¹ a-na E₂^dEN.ZU-TUKUL-ti-šu e-mi-ša ¹² a-[na]^dbu-ne-ne-i-din-nam DUMU.NI ¹³ mu-ti-ša ¹⁴ u₂-še-ri-bu ¹⁵ 5 GIN₂ KUG.BABBAR ter-ḥa-as-sa₂ ¹⁶ mⁱli-pi₂-it-^dIM a-bu-ša ¹⁷ ma-ḥi-ir ¹⁸ md^dbu-ne-ne-i-din-nam ¹⁹ a-na e-ri-iš-ti-E₂-UL.MAŠ aš-ša-ti-šu ²⁰ u₂-ul aš-ša-ti at-ti i-qa₂-ab-bi-ma ²¹ ½ MA.NA KUG.BABBAR I₃.LA₂.E ²² u₃ e-ri-iš-ti-E₂-UL.MAŠ²³ a-na ^dbu-ne-ne-i-din-nam ²⁴ mu-[ti-ša] ²⁵ u₂-ul mu-ti at-[ta i-qa₂-ab-bi]-ma ²⁶ i-ka-as-su₂-ši-i-ma ²⁷ a-na me-e i-na-ad-du-ši ²⁸ mⁱdi-n^dna-na-a ²⁹ DUMU gi-mil-lum ³⁰ a-bu-ša ³¹ a-na a-wa-ti-ša i_z-za-az ³² MU ^dUTU ^da-a ^dAMAR.UTU ³³ u₃ am-mi-di-ta-na LUGAL ³⁴ IN.PAD₃.DE₂.MEŠ ³⁵ IGI ib-ni-^dAMAR.UTU DUMU da-da-a ³⁶ IGI [...] DUMU A-MAR.TU-ia¹ ³⁷ IGI[...] DUMU i-bi-^dUTU ³⁸ [IGI ...DUB].SAR

Содержание

Человек по имени *Lipit-Adad* выдает свою дочь, *Erišti-bīt-Ulmaš*, замуж. Он заключает брачный контракт с *Sin-tukultī*, отцом жениха, *Bunene-iddinam*. В брачном контракте перечислено приданое, которое *Lipit-Adad* дал своей дочери и доставил в дом *Sin-tukultī*: 1 рабыня, 1 кровать, 2 стула, 1 стол, 1 корзина, 1 сосуд для масла объемом 5 литров.

Затем указан размер выплата-*terḥatu*, который *Lipit-Adad* получил за свою дочь: 5 сиклей серебра.

В случае нарушения брачного контракта, заключенного их родителями, если нарушительницей будет *Erišti-bīt-Ulmaš*, то она может быть утоплена (связана и брошена в воду), а если *Bunene-iddinam*, то он должен будет уплатить ½ мины серебра (прибл. 250 г) «отступных» за развод.

В договоре указано, что ответственность за нарушение договора со стороны невесты несет некий *Iddin-Nanna*, названный в тексте ее отцом, вероятно, старший родственник семьи невесты или глава крупного хозяйства, в состав которого входит семья невесты.

Предположительно, брачный контракт был заключен в период правления царя Аммититаны (1683-1647 гг. до н.э) в присутствии четырех свидетелей.

Сравнение приданого, упомянутого в брачных контрактах СТ 48 50, СТ 48 55

Состав приданого, упомянутого в брачных контрактах СТ 48 50 и СТ 48 55 включает ряд бытовых предметов, составлявших, вероятно, основу домашней обстановки в стВ период.

Условно состав приданого можно разделить на три категории: мебель и кухонная утварь, которые предоставлялись девушкам, чтобы помочь им обустроить свое хозяйство на новом месте, и личные вещи и рабы, необходимые самим девушкам для повседневной жизни. Также можно отдельно выделить, что приданое могло включать определенную денежную сумму в серебре. Для сравнения состава приданого, упомянутого в этих текстах, его можно представить в форме следующей таблицы:

Документы	Мебель	Кухонная утварь	Личные вещи и слуги	Серебро
СТ 48 50, брачный контракт	2 кровати, 2 табурета, 1 стол	2 корзины, 1 корзина (емкостью) 1 бан (10 л), 1 зернотерка, 1 другая (зернотерка для) гороховой муки	1 пустой сосуд для масла	10 сиклей серебра (выплата- <i>terḫatu</i> за невесту)
СТ 48 55, брачный контракт	1 кровать, 2 табурета, 1 стол,	1 корзина	1 рабыня, 1 сосуд для масла емкостью 5 литров	

Мебель

Кровать

^{gis}NA₂ (акк. *eršum*) может обозначать как кровать на высоких ножках, так и тростниковый матрас, набитый шерстью или соломой, просто тростниковую циновку, либо даже шерстяное или льняное одеяло [CAD E. C. 315-316]. К сожалению, поскольку дерево и тростник плохо сохраняются в климатических условиях южной Месопотамии, до наших дней не дошло образцов тростниковой или деревянной мебели. Основываясь на данных клинописных текстов и иконографии, можно предположить, что в стВ период кровати на высоких ножках для обычных жилых домов были нехарактерны. Это была своего рода «элитная мебель», которую богато украшали и устанавливали во дворцах. Примеры подобной мебели можно увидеть на многочисленных рельефах [Bertman, 2003. С. 287]. Также, судя по иконографическим данным, тростниковая кровать на высоких ножках нередко использовалась повитухами для принятия родов [Otto, 2016. С. 135-137].

Однако кровать на высоких ножках, по всей вероятности, не была неотъемлемым предметом домашней обстановки. Исходя из археологических

данных, горизонт помещения в стВ домах был низкий, и мебели в комнатах было немного. Как правило, она ограничивалась встроенными в стены кирпичными скамьями, табуретами и низкими столиками, изготовленными из пальмового дерева, а также тростниковыми циновками или шерстяными коврами [Bertman, 2003. С. 287].

Эти археологические и письменные свидетельства позволяют предположить, что домашняя обстановка в стВ период была во многом схожа с современными жилищами болотных арабов. В частности, горизонт помещения в их домах по-прежнему низкий, а значит и ковры или матрасы куда более распространены, чем кровати на ножках [Ochsenschlager, 2004. С. 4]. Таким образом, можно предположить, что и в рассматриваемых брачных контрактах в качестве приданого девушки получили кровать на низких ножках, матрас или циновку.

Табурет

^{gis}GU.ZA (акк. *kussû*) подразумевает практически любой предмет, на котором можно сидеть: табуретка, стул, кресло, трон, носилки и даже седло. Вероятно, наиболее распространены в быту были небольшие табуреточки: сиденья на низких деревянных или тростниковых ножках, сплетенные из тростника, шерстяных шнуров или кожи. Табуреты различались по размеру в зависимости от того, кому принадлежали: как правило, женские были меньше мужских; также существовали маленькие табуреты для детей [RIA 8. С. 327-328]. Можно предположить, что эти табуреточки были не только частью домашней обстановки, их могли брать с собой при посещении храма, а также в случае, если надолго покидали дом, так *kussû ša ħarrāni* (“дорожный табурет”) брали торговцы в дальнее путешествие [RIA 8. С. 328]. В целом, можно предположить, что табурет-*kussûm* должен был представлять собой достаточно небольшую, легкую мебель, удобную для транспортировки.

Как кровати, так и табуреты часто упоминаются в составе приданого и как часть доли наследства сыновей [RIA 8. С. 327]. Можно предположить, что они составляли основу домашней обстановки, достаточно ценную, чтобы быть упомянутой в документах, в отличие от плетеной тростниковой, а также глиняной домашней утвари [Козырева, 1988. С. 113].

Стол

Для обозначения стола использовалась шумерограмма ^{gis}BANŠUR (акк. *paššûrum*). Как правило, столы изготавливались из тростника или древесины, однако также могли отделываться золотом, серебром или другими металлами, украшаться резьбой или обтягиваться кожей. В отличие от кроватей и табуретов столы не были обычной частью домашней обстановки: даже самые простые тростниковые столики, как правило, были только в достаточно зажиточных семьях. Именно поэтому упоминания о столах часто встречаются в документах о разделе имущества (наследства), а также в брачных контрактах [RIA 8. С. 329].

Кухонная утварь

Корзина

Шумерограммы ^{gi}PISAN (акк. *pisannum/pišannum*) обозначают тростниковую плетеную корзину, как правило обмазанную битумом, для хранения и транспортировки зерна, серебра и других предметов [CAD P. С. 421]. Безусловно, до наших дней такого рода корзины не сохранились, поскольку тростник не сохраняется в условиях Южной Месопотамии, однако можно получить представление о том, как они выглядели и использовались, поскольку подобные коробы до сих пор используют проживающие на юге Ирака болотные арабы [Ochsenschlager, 2004. С. 129].

По всей видимости, эти корзины использовались в домашнем хозяйстве в первую очередь для хранения зерна или уже готовой еды. Вероятно, подобные корзины были широко распространены в хозяйстве и являлись важной частью домашней утвари.

Зернотерка

Хлеб составлял основу ежедневного рациона жителей Южной Месопотамии в стВ период [Bottero, 1995. С. 189]. Причем помолом зерна в муку при помощи специальных зернотерок (ручных каменных жерновов) занимались в первую очередь женщины [Lion, Michel, 2016. С. 3]. Подобная зернотерка была неотъемлемой частью кухонной утвари каждого хозяйства, однако это отнюдь не означает, что она должна была быть у каждой малой, нуклеарной семьи. Вероятно, в случаях, когда несколько семей делили общую кухню, зернотерки были также общей собственностью, которой владели несколько семей [Restelli, 2016. С. 42, 44]. С другой стороны, если финансовое положение семьи мужа позволяло молодым поселиться отдельно, зернотерка для молодой семьи была предметом первой необходимости для ведения отдельного хозяйства.

Личные вещи и слуги

Сосуд для масла

Шумерограмма ^{du}ŠAGAN (акк. *šikkatum*), как правило, использовалась для обозначения сосуда для масла или благовоний. Этот сосуд нередко встречается в перечнях женского имущества вместе с другими туалетными принадлежностями, такими как расческа или головные уборы. Масло, наливаемое в сосуд, по всей видимости, имело в первую очередь косметическое назначение и использовалось для умачения тела. Нередко масло специальным образом настаивалось с различными травами, превращаясь в своего рода благовония. Вероятно, использование подобного рода смесей, а не масла в чистом виде было весьма распространено, сохранились клинописные таблички с различными рецептами для приготовления подобных косметических масел [Cousin, 2016. С. 512-513].

Как правило, емкость сосуда для масла-*šikkatum* был четыре или пять SILA₃ (акк. *qû*, пригл. 4-5 л), как и в анализируемом брачном контракте. Возможно, это связано с тем, что четыре литра масла считалось нормой «прожиточного минимума» на год в рассматриваемый период [Козырева, 2016. С. 383].

Рабы

Личные рабы часто упоминаются как часть приданого дочери или же доли наследства сына. Вероятно, предоставление рабынь в качестве приданого богатыми семьями своим дочерям связано с тем, что они должны были помогать им вести домашнее хозяйство. В первую очередь это касалось работы на кухне, такой, например, как помол зерна, поскольку это было очень тяжелой физической работой. Также домашние рабыни часто помогали в уходе за детьми, что было еще одной причиной, почему рабыни часто включались именно в состав приданого [Seri, 2010. С. 50, 55].

Серебро

Серебро упомянуто в составе приданого в брачном контракте СТ 48 50: отец невесты включил сумму выплаты-*terḫatum* за свою дочь (10 сиклей серебра) в состав ее приданого.

Возможно, выплата-*terḫatum* представляла собой не только плату за невесту, но и нередко являлась вкладом семьи жениха в покупку домашней утвари, предоставляемой молодым в качестве приданого семьей невесты, что и по сей день распространено в обществах, в которых брачный обряд включает как уплату калыма (платы за невесту), так и предоставление дочерям приданого [Harrell, Dickey, 1985. С. 105-106]. Эту традицию, к сожалению, невозможно проследить непосредственно по документам о предоставлении приданого, однако практика включения денежной суммы выплаты-*terḫatum* в состав приданого предполагает определенную вероятность подобной практики. С другой стороны, она могла включаться только номинально, чтобы при разводе или в случае смерти мужа эта сумма была обеспечением жены и детей.

Выводы

Приданое, упомянутое в приведенных выше брачных контрактах, состояло, главным образом, из предметов первой необходимости, которые должны были помочь девушке наладить ежедневный быт в составе новой семьи. Это были предметы мебели, кухонной утвари и наиболее ценные личные вещи. Можно предположить, что повседневная одежда невесты, большая часть дешевой кухонной утвари, особенно глиняной, просто не упоминались в документах. Девушки из более богатых семей могли получить в приданое раба или рабыню, которые помогали им по хозяйству. Изучение брачных контрактов дает возможность составить некоторое представление о домашней обстановке и быте нуклеарной семьи в Южной Месопотамии первой половины 2 тыс. до н.э.

1. Козырева, Н.В. Древняя Ларса (Очерки хозяйственной жизни) / Н.В. Козырева. М., 1988. — 206 с.
2. Козырева, Н.В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.) / Н. В. Козырева. СПб, 2016. — 552 с.

3. A history of ancient Near Eastern law / R. Westbrook. Leiden, 2003. — 1240 p.
4. Bertman, S. Handbook to life in ancient Mesopotamia / S. Bertman. New York, 2003. — 416 p.
5. Bottero, J. Textes Culinaires Mesopotamiens / J. Bottero. Winona Lake, 1995. — 272 p.
6. Cousin, L. Beauty Experts: Female perfume-makers in the 1st millennium BC / L. Cousin // Lion B., Michel C. (eds.) *The Role of Women in Work and Society in the Ancient Near East* / B. Lion, C. Michel. Berlin, 2016. — P. 512-525.
7. Dalley, S. Old Babylonian Dowries / S. Dalley // *Iraq*, Vol. 42, No. 1 (Spring, 1980). — P. 53-74.
8. Finkelstein, J.J. Old Babylonian Legal Documents / J.J. Finkelstein // *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*. Vol. 48. London, 1968.
9. Harrell, S. Dowry Systems in Complex Societies / S. Harrell, S.A. Dickey // *Ethnology* Vol. 24, No. 2 (Apr., 1985). — P. 105-120.
10. Lion, B., Michel C. Women and Work in the Ancient Near East: an introduction / B. Lion, C. Michel // Lion B., Michel C. (eds.) *The Role of Women in Work and Society in the Ancient Near East* / B. Lion, C. Michel. Berlin, 2016. — P. 1-7.
11. Ochsenschlager E.L. Iraq's Marsh Arabs in the Garden of Eden / E.L. Ochsenschlager. Philadelphia, 2004. — 264 p.
12. Otto, A. Professional Women and Women at Work in Mesopotamia and Syria (3rd and early 2nd millennia BC): The (rare) information from visual images/ A. Otto // Lion B., Michel C. (eds.) *The Role of Women in Work and Society in the Ancient Near East* / B. Lion, C. Michel. Berlin, 2016. — P. 112-148.
13. *Reallexikon Assyriologie (RLA)*. Vol. 1-14 / E. Ebeling, B. Meissner (eds.). Berlin-Leipzig, 1928-2017.
14. Restelli, F.B. Bread, baking and related cooking techniques in the Ancient Near East F.B. Restelli // *Food and History*, Vol. 12, No. 3 (2014). — P. 39-56.
15. Seri, A. Domestic Female Slaves during the Old Babylonian Period / A. Seri // Culbertson L (Ed.). *Slaves and Households in the Near East* / L. Culbertson. Chicago, 2010. — P. 49-70.
16. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago (CAD)*. Vol. A-Z. Chicago: The University of Chicago Press, 1956–2010.

ЭВФЕМИЗАЦИЯ В КИТАЕЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Anna V. Pan

EUPHEMIZATION IN CHINESE-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Данная статья посвящена феномену эвфемизации в дискурсе китайоязычных средств массовой информации. В статье приведены результаты компаративного анализа частотности использования эвфемизмов в китайоязычных СМИ на материале актуальных новостных повесток, а также определена роль эвфемизации в языковых стратегиях СМИ с различными политическими позициями.

This paper will examine the phenomenon of euphemization in Chinese-language media discourse. The paper contains the results of a comparative analysis of recurrent usage of euphemisms in media's coverage of major topical news. The research also attempts to determine the precise role euphemisms play in the language strategies of different media outlets with conflicting political opinions.

Ключевые слова: китайский язык; эвфемизмы; эвфемизация; медиадискурс; политический дискурс

Keywords: Chinese language; euphemisms; euphemization; media discourse; political discourse

Эвфемизация — процесс, характерный для современного медиадискурса. Использование эвфемизмов преследует несколько целей: во-первых, они по-прежнему служат заменой тех слов и выражений, употребление которых неприемлемо по морально-этическим причинам; во-вторых, такие слова и выражения являются эффективным инструментом языковой манипуляции и позволяют представить предмет повествования в том свете, который выгоден коммуникатору.

В статье мы рассмотрим цели использования эвфемизмов в СМИ материкового Китая, Гонконга, Тайваня, Сингапура, а также китайоязычных изданиях Европы и США, представим результаты проведенного компаративного анализа частотности использования этих единиц и сделаем выводы об их роли в языковых стратегиях СМИ.

Для исследования были выбраны темы, затрагивающие как материковый Китай, так и другие исследуемые регионы — протестные движения в Гонконге, «лагеря перевоспитания» в Синьцзяне, торговая война КНР и США, а также глобальная эпидемия COVID-19. В рамках исследования по каждой из тем мы выделили специфичные для нее лексические единицы, часть из которых является эвфемизмами. В ходе компаративного анализа нами учитывалась политическая позиция, история издания, а также целый ряд политических, экономических и социальных факторов, обусловивших появление рассматриваемых проблемных ситуаций и связанного с ними дискурса СМИ.

Эмпирическим материалом исследования послужили тексты статей изданий материкового Китая 人民日报 (англ. People's Daily) [8], 新浪新闻 (англ. Sina News, новостной агрегатор, включающий в себя статьи одного из крупнейших новостных изданий 新华网 англ. Xinhua net) [9]; основные издания Гонконга — 明报 (англ. *Ming Pao*) [6], 苹果日报 (англ. Apple Daily) [7]; Тайвань — 自由时报 (англ. Liberty Times) [11], 联合报 (англ. United Daily News) [3]; Сингапура — 早报 (англ. Morning Paper) [10]; а также китайязычные версии западных СМИ — BBC 中文[1], Reuters (路透社) [4], Deutsche Welle (德国之声) [2], Voice of America (美国之声) [5].

Протесты в Гонконге

История протестных движений специального административного района Сянган насчитывает уже не одно десятилетие — вспышки недовольства населения в отношении расширяющегося влияния материковой администрации наблюдаются со дня передачи Великобританией Гонконга под управление КНР (1997). Одной из значимых волн протеста последних лет было движение против закона об экстрадиции в Китай (2019) и последовавшее за ним движение против закона о защите национальной безопасности в Гонконге (2020).

В 2019 году сотни тысяч гонконгцев вышли на улицы города в знак протеста против предложенных администрацией поправок к закону об экстрадиции⁷⁶, принятие которых позволило бы властям выдавать лиц, находящихся в розыске на территориях, не указанных в каких-либо соглашениях Гонконга об экстрадиции (например, в КНР и на Тайване). Проект поправок вызвал широкий резонанс в административных и правовых кругах, а также протест населения Гонконга, воспринявшего проект как попытку КНР нарушить независимость судопроизводственной системы города и новый шаг в процессе подчинения административного района пекинским властям.

В нашем исследовании мы рассмотрели лексические единицы, появившиеся в дискурсе СМИ в связи с протестами 2019 года. В гонконгской прессе движение получило название 反送中运动 *fǎnsòng Zhōng yùndòng* ‘движение против выдачи [властям] в Китай’, отражающее основные опасения протестующих — возможность выдачи правонарушителей под юрисдикцию материкового Китая, имеющего достаточно непрозрачную систему судебных разбирательств и исполнения наказаний. Пресса материкового Китая, в свою очередь, пользуется лексемой с обобщенной семантикой 反修例运动 *fǎnxiūlì yùndòng* ‘движение против поправок’, таким образом создавая впечатление противозаконности протеста и обобщая его цели. Материковое правительство

⁷⁶ 《2019年逃犯及刑事事宜相互法律协助法例(修订)条例草案》2019 niántáofàn jí xíngshì shìyìxiānghù fǎlǚ xiézhù fǎlì (xiūdìng) tiáolì cǎo'àn ‘Проект Положения о поправках [к Закону об экстрадиции] о беглых преступниках и взаимной правовой помощи по уголовным делам’

не стало прямо отрицать свои намерения по расширению правового контроля над Гонконгом, однако в используемом материковой прессой термине сглаживается противопоставление Гонконга и материка, а, следовательно, смещается и акцент в существующей проблеме.

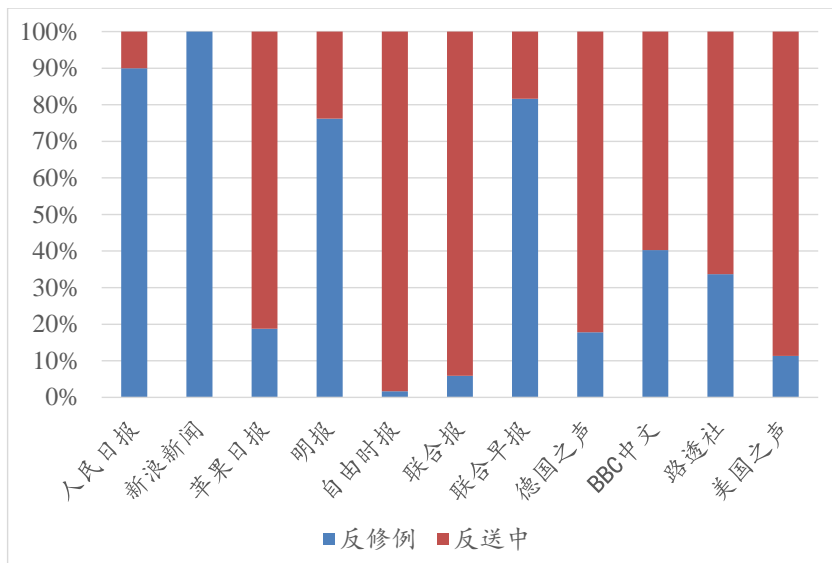

Рисунок 1. Соотношение частотности употребления терминов 反修例运动 и 反送中运动

При сопоставлении частотности использования обоих терминов во всех исследуемых нами изданиях были отмечены следующие наблюдения:

1. В материковой прессе в абсолютном большинстве новостных публикаций употребляется словосочетание 'движение против поправок', в то время как СМИ Гонконга, Тайваня и западные издания ожидаемо отдают предпочтение термину 'движение против выдачи в Китай'.
2. Отдельного внимания заслуживают показатели гонконгского издания 明报 (англ. *Ming Pao*), а также на сингапурской 联合早报 (англ. *United Morning Paper*) — они имеют практически одинаковый процентный перевес в пользу «материкового» термина, что указывает на их

возможную самоцензуру в данной повестке и политическую ориентацию в сложившейся ситуации на позицию пекинских властей.

Стоит отметить, что 明报 (англ. *Ming Pao*) считается одним из наиболее достоверных и надежных медиа в Гонконге, поэтому его самоцензура, несомненно, является свидетельством расширяющегося экономического и политического влияния Пекина.

«Лагеря перевоспитания» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе

С начала 2018 года внимание мировой прессы привлекли так называемые «лагеря перевоспитания» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, и сам факт существования подобного рода учреждений возмутил международную общественность как жестокое нарушение прав человека. Китай в ответ на обвинения заявил, что созданные им учреждения, а именно центры профессионально-технического образования, направлены на помощь малограмотному, не имеющему специального образования населению в социальной адаптации и получению определенной профессии, которая позволит им улучшить свое благосостояние. Стоит отметить, что подавляющая масса подопечных в таких центрах — представители одного из национальных меньшинств Китая, а именно уйгуры. Этнос имеет свой язык, большинство исповедует ислам суннитского толка. Принимая во внимание активную политику Китая по противодействию терроризму и экстремизму на территории страны, можно понять, что концентрация мусульманского населения в отдаленном приграничном регионе ощущается как внушительная угроза, а потому региональное правительство не гнушается использованием подобных методов для установления контроля над населением.

На сегодняшний день в статьях, посвященных данной теме, употребляются следующие термины: 职业技能教育培训中心 *zhíyè jìnéng jiàoyù zhōngxīn* ‘центр профессионально-технического образования’, 再教育营 *zàijiàoyù yíng* ‘лагерь перевоспитания’, 新疆集中营 *Xīnjiāng jízhōngyíng* ‘синьцзянский концентрационный лагерь’. Первый является новым собственно-китайским политическим эвфемизмом, другие два — чаще используются в западной прессе, а также СМИ Гонконга и Тайваня.

Стоит отметить, что термин 再教育营 *zàijiàoyù yíng* ‘лагерь перевоспитания’ использовался прессой и раньше. Его появление можно связать с различными событиями, происходившими как в Китае, так и в странах Юго-Восточной Азии во второй половине XX века.

Во-первых, система ‘воспитания трудом’ (劳动教养 *láodòng jiàoyǎng*) и обеспечивающие её исполнения структуры появились в КНР еще в 50-х годах в ходе первых идеологических кампаний Мао Цзэдуна. После окончания войны во Вьетнаме (1955 – 1975 гг.) коммунистическое правительство севера Вьетнама также развернуло систему лагерей для идеологического

перевоспитания офицеров, чиновников, а также рядовых граждан юга страны. Подобные структуры существовали и в Лаосе, официально они преследовали аналогичную цель — перевоспитание части населения страны после гражданской войны. В англоязычной прессе данный тип исправительных учреждений называется ‘re-education camps’. Однако принимая во внимание специфику политических режимов стран, развернувших на своей территории подобные учреждения, не приходится сомневаться в их истинном предназначении — «лагеря перевоспитания» всегда были и остаются местом принудительного заключения, причем их узниками в большинстве случаев являются конкретные люди или целые группы населения, неугодные правительству.

Возможно, на начальном этапе своего существования термин «лагерь перевоспитания» был политическим эвфемизмом, однако в настоящее время, ввиду его богатой истории, говорить о каком-либо эвфемистическом эффекте не приходится. По этой причине пресса и официальные власти материкового Китая если и используют данный термин, то лишь будучи вынужденными отвечать на вопросы со стороны западных СМИ.

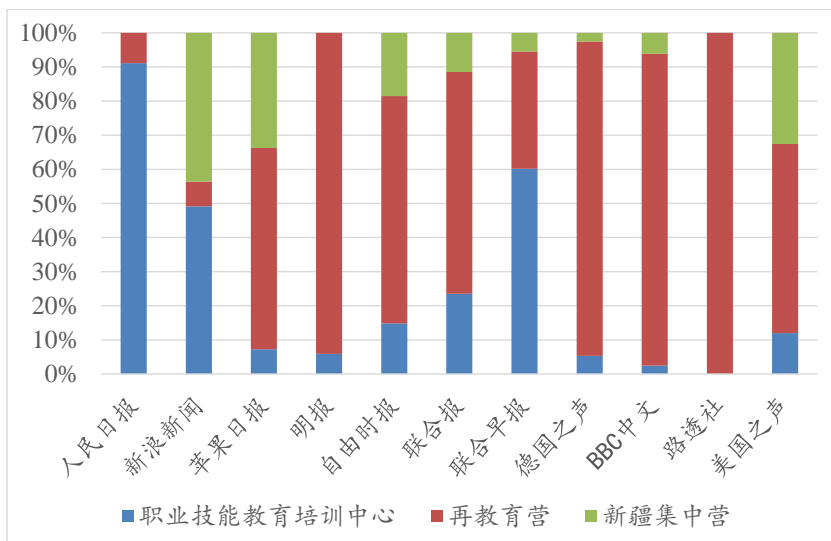

Рисунок 2. Соотношение частотности употребления терминов
职业技能教育培训中心, 再教育营, 新疆集中营

На основе анализа частоты использования приведенных терминов были сделаны следующие выводы:

1. Официальный термин-эвфемизм ожидаемо используется в основном в материковых СМИ, а также в сингапурской *联合早报* (англ. *United Morning Paper*). Несмотря на то, что издание *明报* (англ. *Ming Pao*) в случае с протестами в Гонконге отражало скорее позицию пекинских властей, в данном вопросе явных признаков самоцензуры не наблюдается, и газета, как и локальный таблоид *苹果日报* (англ. *Apple Daily*), отдает предпочтение термину «лагерь перевоспитания». В целом, именно второй термин наиболее прочно закрепился в дискурсе СМИ, благодаря своей богатой истории, и в данном случае мы можем говорить о выраженной деэвфемизации лексической единицы.
2. Максимальную частотность употребления термина ‘синьцзянский концлагерь’ можно закономерно увидеть в гонконгском таблоиде и в американском *Voice of America*. Значительное количество упоминаний в материковом *新浪新闻* (англ. *Sina News*), однако, требует пояснений. Оно обусловлено, во-первых, повторяемостью статей, во-вторых, тем, что во всех статьях термин взят в кавычки как заимствованный и недостоверный.
3. Термин материковой прессы *职业技能教育培训中心 zhíyè jìnéng jiàoyù zhōngxīn* ‘центр профессионально-технического образования’, несомненно, представляет собой политический эвфемизм, однако нельзя сказать, что он выполняет свою функцию, поскольку проигрывает лексическим «соперникам» в лаконичности и емкости. В данном случае китайская пресса пошла по пути терминологизации выражения, и используемая ею единица не имеет положительной коннотации, не внушает читателю позитивных ассоциаций, а потому не представляется состоятельным прикрытием для истинной сути созданных в Синьцзяне учреждений.

Торговая война КНР и США

Противостояние Китая и США в экономической сфере назревало в течение долгого времени, получив в 2018 году статус «торговой войны». Для нашего исследования освещение данной темы в СМИ представляется интересным по нескольким причинам. Во-первых, отношение властей материкового Китая к данному конфликту неоднократно менялось. Во-вторых, любопытной представляется реакция других китайязычных изданий на противостояние материкового Китая и США.

Основными понятиями, фигурирующими в статьях на данную тему, являются *中美贸易战 zhōngměi màoùyì zhàn* ‘китайско-американская торговая война’ и *中美贸易摩擦 zhōngměi màoùyì móscā* ‘китайско-американские торговые трения’. Очевидно, что в данном случае в качестве эвфемистического

приема имеет место генерализация значения — лексема «война» с ярко выраженной негативной коннотацией заменяется более нейтральной единицей.

В данном кейсе мы рассматривали частотность употребления терминов как в синхронии (по состоянию на май 2020 г.), так и в диахронии — число упоминаний по месяцам на протяжении всего конфликта (выборка СМИ была сужена до трех изданий — 人民日报 (англ. People's Daily, материковый Китай), 自由时报 (англ. Liberty Times, Тайвань) и 美国之声 (англ. Voice of America, США)).

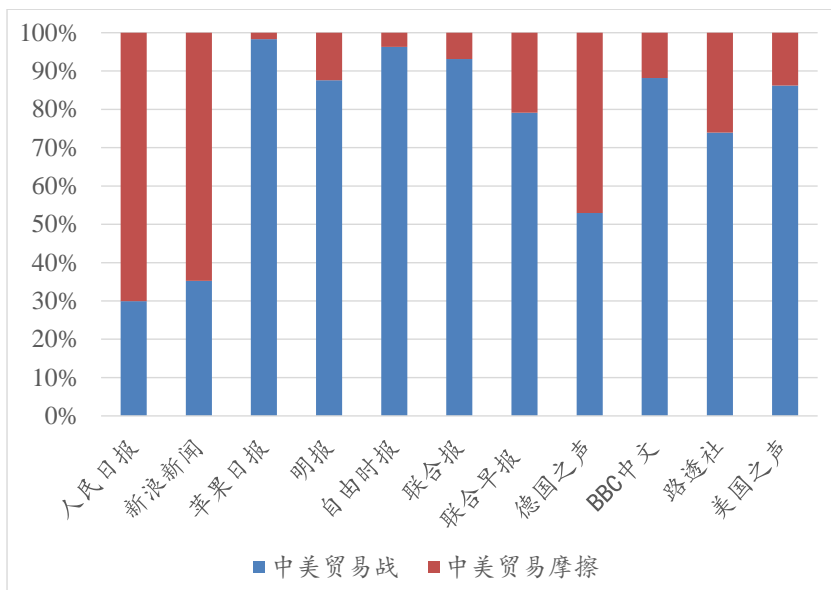

Рисунок 3. Соотношение частотности употребления терминов 中美贸易战 и 中美贸易摩擦

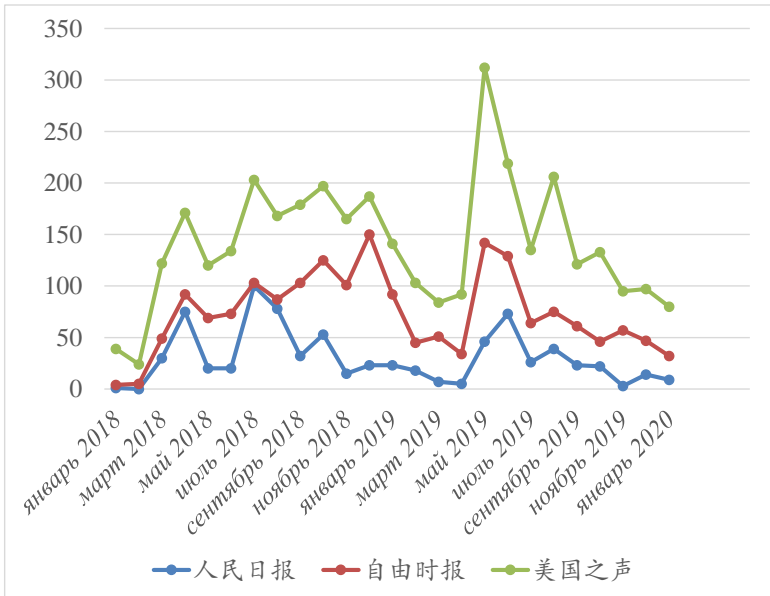

Рисунок 4. Частотность использования термина 中美贸易战 в период с января 2018 г. по январь 2020 г.

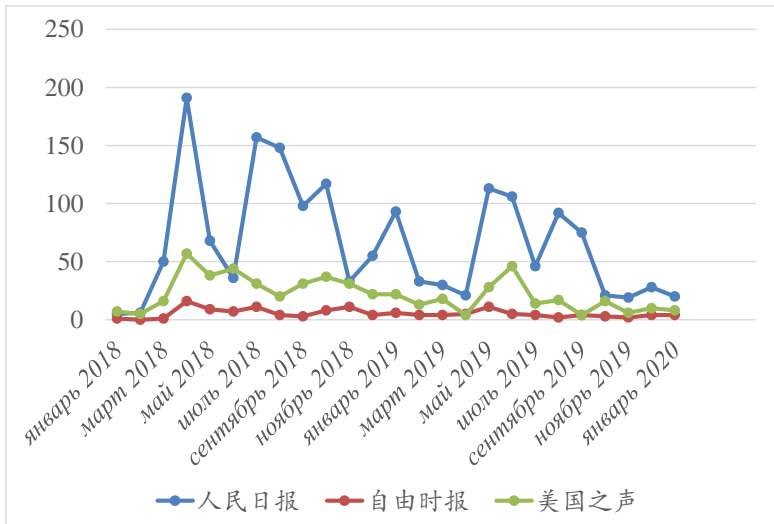

Рисунок 5. Частотность использования термина 中美贸易摩擦 в период с января 2018 г. по январь 2020 г.

Исходя из полученных нами данных, можно сделать следующие выводы:

1. Материковые СМИ достаточно сдержанны в своей риторике на тему торгового противостояния с США и предпочитают чаще употреблять политический эвфемизм ‘торговые трения’, избегая упоминания прямой конфронтации. СМИ Гонконга, Тайваня и западные издания же, напротив, в разы чаще используют словосочетание ‘торговая война’. Наиболее активно данный термин, как в количественном, так и в процентном соотношении, использует гонконгский таблоид 苹果日报 (англ. Apple Daily).
2. Осенью 2018 года с началом переговоров сторон по урегулированию торговых разногласий материковое издание стало в разы меньше использовать термин ‘торговая война’, а количество употреблений термина ‘торговые трения’, напротив, сильно возросло. Поскольку издание 人民日报 (англ. People’s Daily) является прямым транслятором позиции официальных властей КНР, частое употребление слова ‘война’ в условиях начавшихся переговоров могло оказать негативное влияние на их исход.

Эпидемия коронавируса нового типа (COVID-19)

В декабре 2019 года в г. Ухане, административном центре провинции Хубэй, КНР, началось распространение коронавируса нового типа, быстро переросшее в эпидемию сначала всекитайского, а затем и всемирного масштаба. Важно отметить, что пандемия стала вызовом не только для системы здравоохранения страны, но также для международной репутации КНР. Одними из ключевых терминов в медиадискурсе о коронавирусе нового типа в 2020 году стали 新冠病毒肺炎 *xīn guānbìngdú fèiyán* ‘пневмония, вызванная коронавирусом нового типа’ и 武汉肺炎 *Wūhàn fèiyán* ‘уханьская пневмония’.

На первый взгляд, оба термина корректны: один объясняет биологическое происхождение заболевания, другой — географическое. Однако если мы посмотрим на частотность употребления этих лексем, то увидим явную диспропорцию — результат разительно отличается от тех, что были приведены в разделах о протестах в Гонконге и «лагерях перевоспитания»:

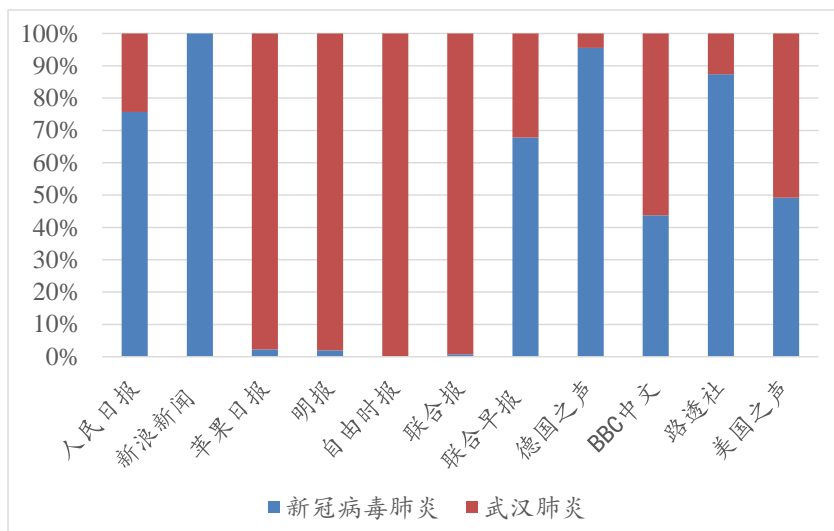

Рисунок 6. Соотношение частотности употребления терминов
新型冠状病毒肺炎 и 武汉肺炎

1. Перевес в пользу 新型冠状病毒肺炎 *xīn guānbìngdú fèiyán* ‘пневмония, вызванная коронавирусом нового типа’ присутствует не только в изданиях материкового Китая и Сингапура, но и в большинстве западных СМИ, единства с которыми у материковых изданий ранее не наблюдалось. При этом ни один из рассматриваемых нами терминов нельзя назвать эвфемизмом, по крайней мере, на первый взгляд.

Основной причиной подобной пропорции, наблюдаемой в СМИ Гонконга и Тайваня, можно назвать стремление западных СМИ избежать возникновения в общественном сознании «отчуждения», ассоциации определенного негативного явления с социальной группой.

Термин ‘уханьская пневмония’, с точки зрения логики, вполне корректен, как и прочая медицинская терминология, связанная с географическими названиями — ‘испанский грипп’, ‘лихорадка Западного Нила’. Однако в то же время в период прогрессирующей глобальной пандемии использование термина, способного заставить реципиента ассоциировать болезнь с представителями определенного государства или нации (Китай, китайцы) или жителями определенной местности (г. Ухань), а также провоцировать на агрессию по отношению к ним, может рассматриваться как действие не только неполиткорректное, но и потенциально опасное. Принимая во внимание численность крупных китайских диаспор в Европе, Великобритании и США, анализируемые нами западные СМИ отдали предпочтение более научному термину, который в данном случае стал функционально частично эквивалентен

эвфемизму, поскольку позволяет избежать дискриминации определенной группы населения.

2. Стоит обратить особое внимание и на значительную диспропорцию, которая наблюдается в данных по гонконгским и тайваньским СМИ. Все издания в абсолютном большинстве случаев используют термин 武汉肺炎 ‘уханьская пневмония’, и среди причин здесь может быть названо стремление к тому самому «отчуждению», которого стараются избегать западные СМИ. Самоопределение жителей Гонконга и Тайваня основывается на противопоставлении себя «другим», «чужим» жителям материкового Китая. Кроме того, во время вспышки атипичной пневмонии в 2002 – 2003 гг. Гонконг пострадал больше других регионов, лишь немного «уступив» материку. В то время город, в котором плотность населения признана одной из самых высоких в Азии, был охвачен страхом перед неизвестной болезнью и бездействием властей. Вспышка SARS-сов, унесшая около 800 жизней горожан, стала одной из основных причин глубочайшего недоверия населения Гонконга как к властям материка, так и к своей собственной администрации.

На основании результатов проведенного исследования можно сделать некоторые общие выводы. Во-первых, использование эвфемизмов характерно для СМИ, подчиненных гибридным или авторитарным политическим режимам. Все рассмотренные нами примеры политических эвфемизмов являются окказиональными, индивидуально-контекстными единицами. Именно этот тип эвфемизмов отличается широким манипулятивным потенциалом, поскольку реципиент не владеет полной информацией о соответствующем явлении или объекте действительности и не воспринимает термин как эвфемизм.

Во-вторых, эвфемизация безусловно является значимой частью языковой политики как в материковом Китае, так и в китаеязычном медиадискурсе Запада. Несмотря на то, что европейские и американские СМИ менее склонны к манипулированию фактами путем использования эвфемизмов, когда дело касается спорных повесток, связанных с материковым Китаем, однако в случае с ‘уханьской пневмонией’ китаеязычная пресса Запада отразила общемировую тенденцию.

В-третьих, несмотря на очевидную популярность эвфемизации в медиадискурсе материкового Китая, эффективность использования данной стратегии не всегда высока. В теме торговой войны Китая и США материковые СМИ успешно заменили термин с явной негативной коннотацией генерализованной нейтральной единицей, что позволило снизить уровень тревожности аудитории, вызванной затяжным экономическим противостоянием двух держав, и избежать навязывания Китаю роли агрессора в сложившейся ситуации. В то же время анализ частотности употребления материковыми СМИ номинативной единицы для исправительных учреждений в Синьцзяне демонстрирует пример неудачной манипулятивной стратегии, поскольку даже в некоторых материковых изданиях частота употребления официального термина примерно равна частотности деэвфемизированной заимствованной единицы.

1. BBC 中文 *BBC Zhōngwén* – URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp>
2. 德国之声 *Déguó zhī shēng* (нем. Deutsche Welle) – URL: <https://www.dw.com/zh/>
3. 联合报 *Liánhé bào* (англ. United Daily News) – URL: <https://udn.com/news/index>
4. 路透社 *Lùtòu shè* (англ. Reuters) – URL: <https://cn.reuters.com>
5. 美国之声 *Měiguó zhī shēng* (англ. Voice of America) – URL: <https://www.voachinese.com>
6. 明报 *Míng bào* (англ. Ming Pao) – URL: <https://news.mingpao.com/>
7. 苹果日报 *Píngguǒ rìbào* (англ. Apple Daily) – URL: <https://hk.appledaily.com>
8. 人民网 *Rénmín wǎng* (англ. People's Daily) – URL: <http://www.people.com.cn>
9. 新浪新闻 *Xīnlàng xīnwén* (англ. Sina News) – URL: <https://news.sina.com.cn>
10. 早报 *Zǎo bào* (англ. Morning Paper) – URL: <https://www.zaobao.com.sg>
11. 自由时报 *Zìyóu shíbào* (англ. Liberty Times) – URL: <https://www.ltn.com.tw>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИРАНА И РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 21 ВЕКЕ

Rogozhina Kristina

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN IRAN AND THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS IN THE 21ST CENTURY

В статье предпринимается попытка оценить торгово-экономические связи Исламской Республики Иран с Таджикистаном, Узбекистаном, Казахстаном, Туркменистаном и Кыргызстаном в 21 веке. Рассматриваются экономические интересы Тегерана в регионе. На основе статистики определяется роль и место Ирана во внешней торговле каждой центральноазиатской республики. Сотрудничество Ирана с Казахстаном и Туркменистаном в нефтегазовом секторе не рассматривается.

The author tries to assess trade and economic relations between the Islamic Republic of Iran and Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyzstan in the 21st century. The paper deals with the economic interests of Tehran in the region. Based on statistics, the role and place of Iran in the foreign trade of each Central Asian republic is determined, Iran's cooperation with Kazakhstan and Turkmenistan in the oil and gas sector is not discussed.

Ключевые слова: торгово-экономические связи; внешняя торговля; Иран; Центральная Азия; транспортные проекты

Key words: trade and economic relations; foreign trade; Iran; Central Asia; transport projects

Для Ирана представляет интерес богатая ресурсообеспеченность Центральной Азии, помимо этого Иран посредством отношений с центральноазиатскими республиками пытается добиться выхода из международной изоляции, которая возникла из-за санкций со стороны США. В свою очередь, Иран помогает решать ЦА энергетические и транзитные проблемы, предоставляет технологии, ведет активное инвестирование.

Таджикистан

Исходя из статистики, в 2019 году товарооборот Ирана и Таджикистана составил 64,4 млн долл. США. Удельный вес Ирана в товарообороте страны равен 1,4 %. Обратим внимание на значения экспорта и импорта: экспорт составил 18,1 млн долл. США, импорт — 46,2 млн долл. США. В соответствии с данной статистикой, можно сделать вывод, что торговое сальдо с Ираном — отрицательное. Доля Ирана в экспорте республики равна 1,5 %, тогда как доля импорта — 1,4 %.

Таджикистан экспортирует в Иран хлопковое волокно, хлопчатобумажную пряжу, сушеные плоды и алюминиевую проволоку. Иран, в свою очередь,

экспортирует в Таджикистан продовольствие, машины и оборудование, строительные материалы [Торговый портал Таджикистана. Торговые партнеры Республики Таджикистан].

В 2014 с помощью Ирана окончательно введена в эксплуатацию Сангтудинская ГЭС-2, которая расположена в 120 км на юго-восток от столицы Таджикистана. Она представляет собой совместный таджикско-иранский проект. Стоит заметить, что доля участия Таджикистана в проекте составляет 40 млн долл. США, тогда как доля Ирана — 180 млн долл. США. В соответствии с этим доходы от работы ГЭС в течение 12,5 лет будет получать Иран, а уже затем Сангтудинская ГЭС-2 перейдет в собственность Таджикистана [Энергетический совет СНГ. Электроэнергетика Республики Таджикистан].

В Таджикистане было открыто много небольших иранских предприятий в энергетике, строительстве, сельском хозяйстве, транспорте. Инвесторы Ирана вложили свои средства в создание и техническое оснащение швейных цехов [Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан].

При поддержке Ирана построен тоннель «Истиклол», который находится на трассе Душанбе — Худжанд и соединяет южную область и центр Таджикистана с северной Согдийской областью. Иран вложил в строительство тоннеля более 60 млн долл. США и выполнил основные работы за три года. «Истиклол» был сдан в эксплуатацию еще в 2006 году, но до сих пор в нем не закончены технические работы (отвод грунтовых вод, система вентиляции, освещение). В 2019 Иран и Таджикистан договорились вложить 8 млн долл. США в достройку тоннеля «Истиклол».

Согласно официальной статистике, за последние пять лет объем двустороннего таджикско-иранского товарооборота сильно сократился: с 295 млн долл. США в 2013 году до 64 млн долл. США в 2019 году [Торговый портал Таджикистана. Торговые партнеры Республики Таджикистан].

Однако в начале 2019 года были назначены новые главы дипломатических миссий обеих стран [МИД Республики Таджикистан]. Это способствовало улучшению политических и экономических отношений Ирана и Таджикистана. Были достигнуты договоренности о финансовом обмене между Ираном и Таджикистаном в национальных валютах в ближайшем будущем [Press TV. Iran, Tajikistan to use local currencies for bilateral trade: Minister]. Иран предложил свои морские порты для поставок товаров из Таджикистана [МИД Республики Таджикистан. Встреча Посла Таджикистана с Министром транспорта и градостроительства Ирана]. Порт Чабахар, который расположен на юго-востоке Ирана, позволит сократить Таджикистану расходы на экспорт.

Узбекистан

Исходя из статистики, в 2019 (январь-сентябрь) товарооборот Ирана и Узбекистана составил 303,9 млн долл. США. Удельный вес Ирана в товарообороте страны равен 1 %. Обратим внимание на значения экспорта и

импорта: экспорт составил 155 млн долл. США, импорт — 148,9 млн долл. США. В соответствии с данной статистикой можно сделать вывод, что торговое сальдо с Ираном — положительное (6,1 млн. долл. США). Доля Ирана в экспорте республики составила 1,1% (8-е место), тогда как доля импорта — 0,8% (16-е место).

Узбекистан поставляет в Иран: энергоносители, плодоовощную продукцию, продовольственные товары, текстильную продукцию. На момент 2017 Узбекистан являлся основным экспортером в Иран шелка-сырца (9,3 млн долл. США) [Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан]. В свою очередь, Иран поставляет в Узбекистан плодоовощную продукцию, нефтяную продукцию, строительные материалы (цемент).

Одним из основных направлений сотрудничества являются транспортные проекты. В 2011 в Ашхабаде было подписано Соглашение о налаживании транспортного железнодорожного коридора Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман. В мае 2020 г. Узбекистан и Туркменистан заявили о своих намерениях активизировать работу над Ашхабадским соглашением со всеми участниками транспортного коридора [Министерство транспорта Республики Узбекистан. Обсуждены вопросы развития сотрудничества Узбекистана и Туркменистана в сфере транспорта].

Идет работа и над трансафганскими транспортными коридорами. Они берут свое начало с железнодорожной линии от Термеза, который находится на границе с Афганистаном, до Мазари-Шарифа, расположенного на севере Афганистана.

В дальнейшем планируется довести маршрут до Герата, откуда он будет разветвляться на три коридора: первый соединится с морским портом Ирана — Бандар-Аббас, второй дойдет до иранского порта Чабахар, третий — в иранский порт Базарган, который находится на границе с Турцией и дает возможность выхода к Черному морю. Благодаря этому транзитному коридору Иран сможет предоставить обширные возможности для транспортировки товаров из Узбекистана [Там же].

Также ведется сотрудничество Ирана и Узбекистана в текстильной, аграрной и нефтяной промышленности. В 2018 в Узбекистане было насчитано 120 совместных предприятий с участием иранских инвесторов. Из них 15 полностью основаны на иранском капитале. С помощью Ирана осуществляется экономический подъем депрессивных районов Узбекистана, значительная часть инвестиций поступает в Самарканд [МИД Республики Узбекистан. Сотрудничество Республики Узбекистан со странами Среднего, Ближнего Востока и Африки].

Казахстан

Исходя из статистики, в 2018 году товарооборот Ирана и Казахстана составил 218,4 млн долл. США. Удельный вес Ирана в товарообороте страны

равен 0,35 %. Обратим внимание на значения экспорта и импорта: экспорт составил 87 млн долл. США, импорт 131,4 млн долл. США. В соответствии с данной статистикой, можно сделать вывод, что торговое сальдо с Ираном — отрицательное. Доля Ирана в экспорте республики составила 0,5 %, тогда как доля импорта — 0,21 %.

Казахстан экспортирует в Иран злаки, мясо и металлы. Иран, в свою очередь, экспортирует в Казахстан строительные материалы и плодоовощную продукцию [МНЭ РК Комитет по статистике. Внешнеторговый оборот].

Осуществлялись поставки нефти по своповой системе с 2005 года по 2010 года, когда они прекратились по причине низкой доходности. Однако есть вероятность, что основной причиной стали санкции по отношению к Исламской Республике со стороны США и ЕС.

Иран может предоставить Казахстану транзитные услуги на европейском и ближневосточном направлениях. В конце 2017 были подписаны соглашения в сфере транспорта [МИД РК]. Транзитные перевозки начали осуществляться посредством железной дороги «Казахстан-Туркменистан-Иран». Грузоперевозки осуществляются и посредством порта Актау в Казахстане.

Страны успешно реализуют проекты в сферах сельского хозяйства, туризма, здравоохранения. Иран является активным инвестором в Казахстане. В период 2005 – 2017 гг. валовой приток прямых иностранных инвестиций из Ирана в экономику Казахстана составил 123 млн долл. США [TradingEconomics]. Торговые отношения между республиками в основном охватывают сельскохозяйственную продукцию (пшеница, мясо, различные семена). В Казахстане на 2019 год действовало около 520 компаний с иранским капиталом, в том числе Empire Food и Kaz-Ir AGRO [МНЭ РК].

Однако и в иранской экономике присутствует инвестиционная деятельность Казахстана. К примеру, компания «Евразия Голд» инвестировала в одно из горнорудных месторождений Ирана около 70 млн. долл. США, что стало самой крупной иностранной инвестицией в экономику Ирана за период санкций [Там же].

В конце октября 2019 года вступило в силу временное соглашение об образовании зоны свободной торговли между Ираном и ЕАЭС, в состав которого в том числе входят Казахстан и Кыргызстан [Евразийская экономическая комиссия. Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном].

Туркменистан

Исходя из статистики, в 2018 году товарооборот Ирана и Туркменистана составил 409,1 млн долл. США. Удельный вес Ирана в товарообороте страны равен 16 %. Обратим внимание на значения экспорта и импорта: экспорт составил 9,2 млн. долл. США, импорт — 399,9 млн. долл. США. В соответствии с данной статистикой, можно сделать вывод, что торговое сальдо с Ираном — отрицательное. Доля Ирана в экспорте республики составила

9,8 %, тогда как доля импорта — 5,4 %. На территории Туркменистана построено около 150 предприятий с помощью иранского капитала [TradingEconomics].

Туркменистан экспортирует в Иран текстильную продукцию, овощную продукцию, нефть, электроэнергию. Исламская Республика, в свою очередь, поставляет в Туркменистан продовольствие, скот, пластик, строительные материалы [Там же].

Взаимоотношения Ирана и Туркменистана обусловлены экономической необходимостью. Сотрудничеству благоприятствуют протяженная общая граница, наличие на севере Ирана туркменского населения.

Страны связаны железнодорожной линией Теджен–Серахс–Мешхед. Имеется соединяющая линия электропередачи Балканабад–Алиабад, между странами налажена опτικο-волоконная коммуникация. Транзит газа осуществляется через газопровод «Корпедже–Курт–Куи» и «Довлетабад–Серахс–Хангеран».

В последнее время стороны прикладывают много усилий, чтобы наладить отношения, обсуждаются вопросы сотрудничества в сфере сельского хозяйства. Уделяется внимание потенциалу химической отрасли Туркменистана, вполне возможным будет увеличение импорта Ираном химической продукции.

Кыргызстан

Исходя из статистики, в 2018 году товарооборот Ирана и Кыргызстана составил 46,1 млн долл. США. Удельный вес Ирана в товарообороте страны был 0,65 %. Обратим внимание на значения экспорта и импорта: экспорт составил 11,3 млн долл. США, импорт — 33,7 млн. долл. США. В соответствии с данной статистикой, можно сделать вывод, что торговое saldo с Ираном — отрицательное. Доля Ирана в экспорте республики составила 0,76 %, тогда как доля импорта — 0,26 %. На данный момент на территории Кыргызстана действуют 180 промышленных единиц с участием иранского капитала [Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики в 2018 году].

Кыргызстан экспортирует в Иран мясо, плодоовощную продукцию. Ожидается, что в ближайшие несколько лет Кыргызстан продолжит экспорт продукции животноводства, в частности баранины, на иранский рынок. Иран, в свою очередь, экспортирует в Кыргызстан продовольствие, машины и оборудование, строительные материалы, пластик, стекло [Там же].

Для торговли между Ираном и Кыргызстаном характерны небольшие объемы. Объясняется это двумя причинами: в целом малыми объемами кыргызской экономики и ориентированностью Кыргызстана на рынки РФ и КНР.

В последние два года Иран и Кыргызстан проявляют желание сотрудничать, намечается улучшение дипломатических отношений. В феврале

2020 в Кыргызстан прибыл первый за 12 лет прямой рейс из Ирана [TIN news. اولین پرواز مستقیم تهران-بیشکک امروز پس از ۱۲ سال انجام شد]. Это один из шагов стран навстречу друг другу, прямое авиасообщение поможет сэкономить гражданам обеих республик время и финансы.

Ранее, когда речь шла о сотрудничестве Казахстана и Ирана, мы уже упоминали, что в октябре 2019 вступило в силу Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ между ЕАЭС и Ираном. Предположительно договор о ЗСТ направлен на замедление спада товарооборота, вызванного санкциями США в отношении Ирана и компаний, которые осуществляют с этой страной торговую деятельность.

В декабре 2019 г. между Кыргызстаном и Ираном были подписаны соглашения о сотрудничестве в сферах транспорта, торговли, инвестиций, промышленности, сельского хозяйства, межрегионального сотрудничества [MoJ news. حجم مبادلات ایران و قرقیزستان در حال حاضر ۲۲ میلیون دلار است].

Незадолго до этого страны обсуждали необходимость создания благоприятных условий для транзита грузов и товаров по территории Ирана, а также развития транспортно-транзитных коридоров в интересах расширения торговли Кыргызстана со странами Ближнего Востока [Акчабар. КР заинтересована в развитии транспортно-транзитных коридоров с Ираном].

Выводы

В 21 веке центральноазиатские республики оказались на периферии иранских экономических интересов. Также и для ЦА Иран в качестве экономического партнера не представляет серьезного интереса.

Согласно официальным статистическим данным в последние годы объем товарооборота Ирана с центральноазиатскими республиками сокращается. Причиной этому могут послужить санкции по отношению к Ирану со стороны запада и США.

Однако сотрудничество до сих пор представляется актуальным. Иран благодаря своему географическому положению предоставляет республикам ЦА транзитные услуги. В силу того, что центральноазиатские государства не имеют выхода к открытому морю, осуществление транзита через иранские территории на мировые рынки — значимый аспект сотрудничества этих стран.

1. Акчабар. КР заинтересована в развитии транспортно-транзитных коридоров с Ираном: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.akchabar.kg/ru/news/Kyrgyzstan-zainteresovan-v-razvitiit-transportno-tranzitnykh-koridorov-s-Iranom/>). Проверено 20.04.2020.
2. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан: [Электронный документ]. — URL: (<https://stat.uz/ru>). Проверено 20.04.2020.
3. Евразийская экономическая комиссия. Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном: [Электронный

- документ]. — URL: (<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx>). Проверено 29.05.2020.
4. МИД Республики Таджикистан. Встреча Посла Таджикистана с Министром транспорта и градостроительства Ирана: [Электронный документ]. — URL: (<https://mfa.tj/ru/main/view/4414/vstrecha-posla-tadzhikistana-s-ministrom-transporta-i-gradostroitelstva-irana>). Проверено 15.04.2020.
 5. МИД Республики Таджикистан: [Электронный документ]. — URL: (<https://mfa.tj/ru>). Проверено 15.04.2020.
 6. МИД Республики Узбекистан. Сотрудничество Республики Узбекистан со странами Среднего, Ближнего Востока и Африки: [Электронный документ]. — URL: (<https://mfa.uz/ru>). Проверено 20.04.2020.
 7. МИД РК: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa?lang=ru>). Проверено 29.05.2020.
 8. Министерство транспорта Республики Узбекистан. Обсуждены вопросы развития сотрудничества Узбекистана и Туркменистана в сфере транспорта: [Электронный документ]. — URL: (<https://mintrans.uz/ru/news/o-zbekiston-va-turkmaniston-o-rtasida-transport-sohasidagi-hamkorlikni-rivojlantirish-masalalari-muhokama-qilindi>). Проверено 25.05.2020.
 9. Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан: [Электронный документ]. — URL: (<http://medt.tj/ru>). Проверено 15.04.2020.
 10. МНЭ РК Комитет по статистике. Внешнеторговый оборот: [Электронный документ]. — URL: (<https://stat.gov.kz/>). Проверено 25.04.2020.
 11. МНЭ РК: [Электронный документ]. — URL: (<http://economy.gov.kz/ru>). Проверено 25.04.2020.
 12. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики в 2018 году: [Электронный документ]. — URL: (<http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-vneshnyaya-torgovlya-kyrgyzskoj-respubliki/>). Проверено 20.04.2020.
 13. Торговый портал Таджикистана. Торговые партнеры Республики Таджикистан: [Электронный документ]. — URL: (<https://tajtrade.tj/menu/28?l=ru>). Проверено 15.04.2020.
 14. Энергетический совет СНГ. Электроэнергетика Республики Таджикистан: [Электронный документ]. — URL: (<http://energo-cis.ru/tadjikistan/>). Проверено 15.04.2020.
 15. Mojnews. حجم مبادلات ايران و قرقيزستان در حال حاضر ۴۴ ميليون دلار است: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.mojnews.com/>). Проверено 20.04.2020.
 16. Press TV. Iran, Tajikistan to use local currencies for bilateral trade: Minister: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.presstv.com/Detail/2019/12/03/612746/Iran-Tajikistan-trade-local-currencies-energy-cooperation>). Проверено 15.04.2020.
 17. TIN news. اولین پرواز مستقیم تهران-بیشکک امروز پس از ۱۲ سال انجام شد: [Электронный документ]. — URL: (<https://www.tinn.ir/>). Проверено 20.04.2020.
 18. TradingEconomics: [Электронный документ]. — URL: (<https://tradingeconomics.com>) Проверено 17.04.2020.

**КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ГОСУДАРСТВО:
ИЗМЕНЕНИЕ ВЕКТОРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В НАЧАЛЕ 1990-х гг.**

Mariia Sabelkis

**CHINESE INTELLECTUALS AND THE STATE: SHIFTING THE
PATTERNS OF INTERACTION IN THE EARLY 1990s**

Данная статья рассматривает основные причины изменения взглядов китайской интеллигенции на роль государства и КПК в начале 1990-х годов. Выявлены основные причины смены общественных настроений с оппозиционных на патриотические, проанализирован ряд изменений, отличающий этот период от предыдущего десятилетия, изучено влияние изменений в политике КПК на интеллигенцию, ее финансовое положение и столь распространенные в конце 1980-х гг. идеи о демократизации общества.

This article seeks to analyse the underlying reasons behind the change in Chinese intellectuals' perspectives on the role of the government and the CCP in the early 1990s. Grounds for the shift of mainstream intellectual thought from oppositional towards patriotic — including reasons such as financial self-interest and dismay at the results of reforms in the USSR — are investigated. A number of factors are identified that distinguish this period from previous decades. Changes in academics' stance towards democratic reform are also traced.

Ключевые слова: КНР, КПК, китайская интеллигенция, политика реформ и открытости, модернизация

Keywords: PRC, CPC, Chinese intellectuals, Chinese economic reform, modernization

В десятилетие, последовавшее за политическими потрясениями 1980-х годов, Китай вступил в длительный период стабильности: результат, который удивил многих наблюдателей, особенно диссидентов, бежавших из Китая после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Кроме волны студенческих демонстраций, вызванных бомбежкой НАТО китайского посольства в Югославии, фактически никаких массовых выступлений в Китае не было.

Если в 1980-х годах у интеллектуальной элиты не было большого доверия к государству, то в начале 1990-х годов ситуация изменилась. Во-первых, после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 года самые радикальные представители интеллигенции бежали на Запад, а оставшаяся часть была вынуждена молчать. Тем не менее, в 1990-х, несмотря на то, что мероприятия и движения, которые могли представлять хоть какую-то угрозу режиму, все еще были под запретом, государство стало меньше вмешиваться в культурную жизнь [Zhao, 2004. P.337]. Большая часть кампаний 1980-х годов, например, кампания «борьбы с духовным загрязнением» 1983 года и кампания против

«буржуазной либерализации» 1986-87 годов, были направлены на противодействие тем культурным мероприятиям, которые, согласно доктринам ортодоксального марксизма, считались «буржуазными». Такие кампании настроили многих представителей интеллигенции против государства и подтолкнули их к радикализму [Kelliher, 1993. P.384]. Однако в 1990-х подобных кампаний не проводилось. По большому счету, причина была в том, что нужды в таких кампаниях и не было — интеллигенция более не хотела радикальным образом воздействовать на режим [Tsou, 1991. P.289].

В 1980-х годах китайская интеллигенция с интересом и восхищением наблюдала за смелыми реформами, проводившимися в Советском Союзе, при этом критически относилась к реформам Дэн Сяопина под лозунгом «переходя реку, ощупываем камни». Однако в начале нового десятилетия хаос во внутренней политике России, отсутствие видимых успехов в экономике, нежелание западных стран оказывать помощь в болезненных для страны реформах, их заинтересованность в ослаблении международных позиций России — все это вызвало растущее разочарование китайских наблюдателей [Zhao, 2004. P.338]. Более того, несмотря на то, что интеллигенция понимала, что в начале 1990-х Китаю еще было куда стремиться, она была более, чем удовлетворена результатами текущих изменений. Помимо этого, китайская общественность стала разочаровываться в США из-за того негативного тона, в котором американские СМИ освещали происходящее в Китае [Zhao, 2004. P.338]. Подход времен холодной войны, который был распространен среди некоторых американских политиков и международных журналистов, по иронии судьбы, помог стабилизировать китайский режим и сплотить интеллигенцию против нового «оппонента» в лице США. На этом фоне Центральный Комитет КПК продолжал расширять реформы науки, образования и культуры, повышая энтузиазм общества по поводу будущего страны; содействовал созданию возможностей карьерного роста представителей интеллигенции, тем самым способствуя быстрому экономическому развитию [Го, 2014. С.147]. Если основные настроения среди интеллигенции 1980-х годов можно охарактеризовать как «прозападные», то с начала 1990-х в Китае начался стремительный подъем национализма в кругах интеллектуальной элиты [Zhao, 1997. P.731]. Велась широкая кампания патриотической агитации, продолжающаяся по сей день. Так, например, Си Цзиньпин, говоря об интеллигенции, заявляет, что эта группа населения самая идеологически активная, особенно молодая ее часть; если ее система ценностей и политическая ориентация не будут должным образом наблюдаться и направляться, они могут поставить под угрозу идеологическую целостность общества и негативно повлиять на национальное развитие [Чжао, 2020. С.53].

Важным фактором, оказавшим влияние на политическую стабильность в Китае, стали большие перемены, произошедшие в благосостоянии интеллигенции после 1989 года. На начало 1990-х годов пришелся резкий рост экономических показателей. Экономический бум заставил китайскую интеллигенцию изменить свою позицию по многим вопросам. В 1980-х годах

ее представители считали коммунистические идеи одним из основных факторов неудач реформ и «торможения» общества в целом, а идеи альтернативных путей развития черпали в западных концепциях демократии и рыночной экономики. По этой причине столь интенсивными были дебаты об идеологической основе режима и поисках альтернативного пути развития. В начале 1990-х же интеллигенция стала более коммерчески мотивирована [Zhao, 2004. P.337]. Как правило, она более не была заинтересована в том, чтобы напрямую бросать вызов режиму, а сосредоточилась на действиях, которые способствовали усилению плюрализма в обществе, развитию разных точек зрения на действительность, избегая, однако, затрагивать темы, «чувствительные» для власти.

На протяжении 1980-х годов рыночная экономика Китая все еще находилась на ранней стадии развития. В областях общественного производства применялись технологии несложные, не требующие особых навыков, частный бизнес часто и вовсе находился в руках людей без образования [Zhao, 2004. P.85]; к тому же, существовало очень мало крупных, высокотехнологичных совместных предприятий и иностранных фирм. Возможности для образованного класса применить свои знания были ограничены. В 1990-х годах, напротив, возникло много средних и крупных коллективных и частных предприятий. Количество больших иностранных предприятий на территории КНР тоже стало больше. «Белые воротнички» с высоким доходом стали обычным явлением в крупных городах [Zhao, 2001. P.429]. Экономический бум начала 1990-х принес богатство огромному числу представителей интеллигенции и обычных людей. Возрастали инвестиции в культуру, образование, науку и здравоохранение. В Китае появлялось все больше обеспеченных людей, которые могли себе позволить вкладывать все больше и больше денег в образование и потребление различных культурных продуктов. Литература тоже становилась более коммерческой вследствие, во-первых, желания самих авторов увеличить свои доходы, во-вторых, роста благосостояния населения и повышения спроса на книги по разным тематикам и возможностей их покупать [Чжоу, 2015. С.187]. Будучи бенефициаром этих реформ, интеллигенция более оптимистично смотрела на ситуацию в стране [Guo, 2003. P.128]. Более того, с появлением все большего числа частных предприятий и компаний, которые контролировались и принадлежали образованным людям, в руки интеллигенции начали попадать огромные суммы денег через пожертвования, спонсорства и фонды [Ли, 1996. С.12].

Китайская интеллектуальная элита, значительная часть которой вступила в партию, быстро переориентировалась на поддержку правительства. Подобно обычному населению и бюрократической элите, ее представители в целом согласились с тем, что единство, стабильность, процветание и демократия Китая могут быть достигнуты лишь благодаря партийному руководству. Они считали, что на данном этапе Китай не может принять западную парламентскую систему с активными политическими партиями и выборами, поэтому ориентация на Запад бесперспективна и не обоснована. Будучи патриотически настроенными, они полагали, что должны внести свой вклад в

повышение благосостояния общества, вместо того чтобы стремиться к недостижимой мгновенной демократизации.

Вместе с тем, интеллигенция стала очень осторожна в отношении того, что она говорит на публике. Ученым, которые стремились к большей академической свободе и автономии, ясно указали на границы, установленные правительством, и те крайне редко пытались их пересечь. За публичные заявления многие теряли свое положение в официальных и учебных учреждениях. Те, кто пытался организовать политические партии или научные конференции с участием писателей-диссидентов, были задержаны или отправлены в заключение [Guo, 2003. P.125]. Однако несмотря на то, что ряд ученых получил предупреждения правительства или потерял работу за выражение чрезмерно радикальных идей, такие действия властей в глазах интеллигенции были шадящими по сравнению с тем, как к ней относились в эпоху Мао Цзэдуна. Множество новых негосударственных организаций, специализирующихся на широком круге социальных, экологических и интеллектуальных вопросов, стали появляться в начале 1990-х годов, однако они оставались на плаву только в том случае, если держались в стороне от острых политических тем [Goldman, 1999. P.16].

Становилось все меньше представителей интеллигенции, которые бы искренне считали, что Китай может обойтись без руководства со стороны КПК. Хотя они критичнее относились к коррупции среди официальных лиц и были более озабочены ходом проведения политических реформ, чем другие социальные группы, они поддерживали партию не менее, чем остальные [Guo, 2003. P.126]. «Если произойдет восстание, кто будет править страной? Кто может делать это лучше, чем КПК?» — спросил Мао Юши, глава института экономики «Юнирул»⁷⁷, на симпозиуме в Сиане в 2000 году [Guo, 2003. P.126]. Представители интеллигенции пришли к согласию, что на том этапе развития Китая достичь демократии в ближайшей перспективе не представлялось возможным. Вместо этого следует отдавать приоритет стабильности, сосредоточиться на рыночных реформах и проводить политические преобразования осторожно и постепенно.

Таким образом, идея о том, что демократическое развитие, процветание и успех Китая зависит от партийного руководства, стала доминирующей точкой зрения китайской интеллигенции. Предпринимаемые КПК успешные меры по стабилизации экономики и политики заставили многих представителей интеллигенции, молодых и старых, прийти к выводу, что Китаю нужен авторитарный режим для быстрого и стабильного развития [Zheng, 1994.

⁷⁷ Институт экономики «Юнирул» – 天则经济研究所 – научный и аналитический центр в Китае, основанный в июле 1993 года пятью экономистами из Академии общественных наук Китая, которые проводили независимые экономические исследования и политические консультации. Цель института – продвижение современной экономики Китая, проведение конференций в экономических областях. В 1996 году он начал официально консультировать Азиатский банк развития, а в 1997 году – Африканский банк развития. По сообщениям ряда СМИ, таких как *Time* и *BusinessChina*, «Юнирул» стал одним из самых престижных аналитических центров в Китае.

P.236]. Все больше представителей интеллигенции смотрело на будущее Китая с оптимизмом. Они предвидели высокие темпы экономического роста и процветания страны, и основная заслуга в этом принадлежала партии.

1. Goldman, M. The paradox of China's post-Mao reforms / M. Goldman. — Cambridge: Harvard University Press, 1999. — 470 p.
2. Guo, X. State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development / X. Guo. — London: Routledge, 2003. — 284 p.
3. Kelliher, D. Keeping democracy safe from the masses: intellectuals and elitism in the Chinese protest movement / D. Kelliher // Comparative Politics. — 1993. — Vol. 25., №4. — p. 379-396.
4. Tsou, T. The Tiananmen tragedy: the state-society relationship, choices, and mechanisms in historical perspective / T. Tsou // Contemporary Chinese Politics in Historical Perspective. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — p. 265-328.
5. Zhao, D. China's Prolonged Stability and Political Future: Same political system, different policies and methods / D. Zhao // Journal of Contemporary China, 2001. — Vol. 10. — №. 28. — p. 427-444.
6. Zhao, D. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement / D. Zhao. — Chicago: University of Chicago Press, 2004. — 468 p.
7. Zhao, S. Chinese Intellectuals' Quest for National Greatness and Nationalistic Writing in the 1990s / S. Zhao // The China Quarterly. — 1997. — Vol. 152. — p. 725-745.
8. Zheng, Y. Development and democracy: are they compatible in China? / Y. Zhao // Political Science Quarterly. — 1994. — Vol. 109., №. 2. — p. 235-259.
9. ГоВэй. 1978-1992 няньЧжунгунчаньданчжишифэньцзычжэнцэдэяньцзю (郭炜. 1978-1992 年中国共产党知识分子政策的研究. Исследование политики КПК в отношении интеллигенции в 1978-1992 гг.) // Чжунгунчжуньянданся, 2014. — с. 140-151.
10. ЛиЦян. Наотидаогауйвогоцзинцишичанфачжяньдэлянгэцзедуань (李强. 脑体倒挂与我国市场经济发展的两个阶段. Преобладание оплаты физического труда над умственными два этапа развития рыночной экономики) // Шэхуэйсюэяньцзю, 1996. — №6. — с. 10-18.
11. ЧжаоВэньсинь. СиЦзиньпингуаньюйчжишифэньцзыгунцзочжуньяюлуньшудэ «Саньгэтунь» (赵文心. 习近平关于知识分子工作重要论述的«三个统一». «Триединства» СиЦзиньпина в работе с интеллигенцией) // Хэяньшэхуэйкэсюэ, 2020. — с. 51-57.
12. ЧжоуХунли. Чжишифэньцзыциншэньшэнтайюйсаньвэньвэньтилюбянь [1976-2010] (周红莉. 知识分子精神生态与散文文体流变 [1976-2010]. Изменение системы ценностей интеллигенции жанров прозаических произведений в период 1976-2010 годов) // СучжоуДасюэ, 2015. — 203 с.

ОБЗОР СБОРНИКА “РАЗРОЗНЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ” ГОЛИ ТАРАККИ

Salnikova Ekaterina

SURVEY OF THE “SCATTERED MEMORIES” COLLECTION BY GOLI TARAGHI

В статье проводится обзор автобиографических рассказов из сборника “Разрозненные воспоминания” известной современной иранской писательницы Голи Таракки. Статья состоит из четырех разделов, в которых приведен анализ персонажей, мест действий и особенностей стиля данного автора. Предпринята попытка объяснить влияние событий, произошедших в жизни писательницы, на ее творчество.

This paper contains a survey of autobiographical stories from the “Scattered Memories” collection written by a famous contemporary Iranian writer Goli Taraghi. The paper consists of four chapters, which analyze the characters, scenes and locations, and special style features of Goli Taraghi. The author of the paper also tries to explain the influence of the writer’s life on her creative activities.

Ключевые слова: Иран, Голи Таракки, современная иранская литература, короткий рассказ, сборник рассказов, автобиографические рассказы

Key words: Iran, Goli Taraghi, modern Iranian literature, short story, collection of short stories, autobiographical stories

Современная иранская литература, учитывая определённую политическую обособленность Ирана после революции 1979 года, существующую и сегодня, отличается от европейской, поэтому ее изучение представляет особый интерес. В литературе часто отражаются культура и менталитет той страны, которая является родной для автора, что познавательно и для обычных читателей, и для исследователей.

В данной статье будет произведен обзор сборника «Разрозненные воспоминания» (خاطرههای پراکنده; *xāterehā-ye parākānde*) Голи Таракки (1939 г.р.) — иранского автора, пишущей преимущественно в жанре короткого рассказа, а также сценариста и переводчика. Она является одной из популярных современных иранских писательниц. Ее творчество примечательно тем, что большинство ее произведений относятся к литературе изгнания — отдельному виду литературы, созданной авторами, вынужденными покинуть родину по политическим, национальным или религиозным причинам. Голи Таракки, эмигрировавшая после Исламской революции 1979 – 1980 гг., уже больше сорока лет живет за границей, но продолжает печататься в Иране, где она начала свой творческий путь.

В настоящее время существуют обзорные работы по истории персидской литературы XX века, в которых рассматривается творчество Голи Таракки. Ее

произведения изучали и переводили и иранские, и зарубежные исследователи, например, Фаридун Фаррох, Норузи Махназ, Френсин Тимати-Махак, Пригарина Н.И.

Сборник «Разрозненные воспоминания» впервые был опубликован в 1994 году, в него вошли 8 рассказов: «Шамиранский автобус» (اتوبوس شميران; otobus-e šamiran), «Маленький друг» (دوست کوچک; dust-e kuček), «Дом бабушки» (خانهای مادر بزرگ; xāne-ye mādar-bozorg), «Отец» (پدر; pedar), «Прислуга» (خدمتکار; xedmatkār), «Мадам Горге» (مادم گرگه; mādam gorge), «Дом в небесах» (خانه ای در آسمان; xāne-yi dar āsemān) и «Странные привычки господина А. на чужбине» (عاداتهای غریب آقای الف در غربت; 'ādathā-ye qarib-e āqā-ye alef dar qorbat). Шесть первых историй основаны на воспоминаниях писательницы, причем четыре из них — на событиях из детства, следующие два описывают случаи из жизни взрослой Голи Тараки. Эти истории представляют собой сочетание воспоминаний и вымысла. Далее мы сосредоточимся на рассказах, связанных, собственно, с жизнью писательницы.

Что любопытно, все шесть первых рассказов образуют почти непрерывный цикл жизни писательницы, однако поскольку нет единого линейного развития событий, между историями из детства и историями из взрослой жизни лежит пропасть: подростковый период, который должен служить мостом между ними, опущен. Таким образом, читатель видит резкий скачок в развитии событий в историях, где в начале повествования автор еще ребенок, который неожиданно при прочтении превращается во взрослую женщину.

Язык историй простой и легкий для восприятия.

Описание персонажей

Поскольку повествование ведется от первого лица, персонажей Голи Тараки читатели воспринимают сквозь призму чувств рассказчика, непосредственно взаимодействующего с героями. Их можно разделить на две группы: тех, кто появляются только в одном рассказе (назовём их персонажами специальной группы), и тех, кто присутствуют в двух и более историях (персонажи универсальной группы). Мы не будем разбирать персонажа самой Голи Тараки, вместо этого поговорим о ней в четвертом разделе под названием «Мир глазами ребенка».

К специальной группе можно отнести Азиз-агу из «Шамиранского автобуса», маленького друга и Светлану из «Маленького друга», двух безымянных дядюшек и жену младшего дяди из «Дома бабушки», мистера Газни из «Отца», Зейнаб из «Прислуги» и мадам Горге из одноимённого рассказа. Ниже мы постараемся описать каждого из упомянутых героев.

Азиз-ага — главный персонаж «Шамиранского автобуса», одного из самых популярных рассказов, когда-либо написанных Голи Тараки. Азиз-ага — водитель автобуса, на котором автор ездит в школу. Это крупный, грозной внешности мужчина, с черными усами и множеством татуировок, одна из которых тянется толстой полосой от уха до уха, «словно кто-то хотел отрезать

ему голову» [Таракки, 1373. С.16]. Тем не менее, за суровым образом прячется привязанность к маленькой девочке, удивляющая своей ребяческой стороной. Азиз-ага проявляет, в некоторой степени, материнскую заботу о девочке в момент наибольшего эмоционального напряжения рассказа, когда автор описывает, как долго и тяжело болеет, и Азиз-ага, прождав своего друга много дней, приходит к ней домой, чтобы справиться о ее самочувствии.

В рассказе «Маленький друг» есть два необычных персонажа: маленький друг — девочка, имя которой не упоминается, и иностранка Светлана. Автор применяет разные подходы к описанию этих героев: Светлану она описывает через ее внешность, а маленького друга — через поступки. Из-за того, что девочка-рассказчик почти не взаимодействует со Светланой, и, напротив, проводит много времени с маленьким другом, мы можем судить о характере маленького друга, в то время как о первой почти ничего не знаем, кроме ее облика: «У нее длинные золотистые волосы и большие небесно-голубые глаза» [Таракки, 1373. С.39].

Маленький друг заботливая, смелая, решительная и по натуре бунтарь, что вызвано практически полным отсутствием контроля со стороны взрослых родственников.

В «Доме бабушки» три уникальных персонажа: жена одного из младших дядюшек и два дяди по матери. Поскольку имена последних не упоминаются, мы будем называть их первым и вторым. Первый дядя — один из самых загадочных персонажей во всем сборнике. Он упоминается лишь пару раз, но является ключевой фигурой в изменении сюжета.

Второй дядя вспыльчивый, ревнивый человек, его история любви заставила юную рассказчицу бояться, что она превратится в такого же человека, когда влюбится: «Может быть, однажды я полюблю кого-нибудь... стану ревнивой и сумасшедшей...» [Таракки, 1373. С.77].

Жена младшего дяди — колоритный персонаж, выделяющийся своей абсурдной любовью к рукоделю: она вяжет «дома, по дороге на улице, во время разговора» [Таракки, 1373. С.62].

Мистер Газни, выходец из Индии, один из второстепенных героев рассказа «Отец», некоторое время был учителем английского в семье Таракки. Поначалу настроженный, он постепенно открывается новым людям и отлично вписывается в большую, состоящую еще и из прислуги, семью. Он рассказывает интересные истории из прошлого, но почти ничего — о своей жизни сейчас.

Молодая героиня из «Прислуги» Зейнаб совершенно отличается от других персонажей сборника. Это привлекательная девушка, которую рассказчица (уже не девочка, но взрослая женщина) нанимает по совету знакомого для ухода за своей матерью, поскольку все слуги ушли от них после победы Исламской революции, а сама она собирается переехать во Францию. Автор относится к Зейнаб неоднозначно: поведение последней часто сбивает с толку и ее, и читателя, заставляя гадать до самого конца истории: она большая выдумщица или просто сумасшедшая?

Все предыдущие рассказы описывали происходящее в Иране, однако история «Мадам Горге» переносит нас в Париж, куда автор переехала вместе с двумя маленькими детьми после революции. Здесь Голи Таракки рассказывает о тоске по дому, о трудностях, одной из причин которых была соседка с нижнего этажа, мадам Горге, как ее прозвали дети (с перс. «волк» گرگ, gorg). Эта женщина диктует иранской семье, как жить, пока Голи Таракки не даст отпор, а соседка теряет всю храбрость. Интересно описание облика мадам Горге: «...я думала, что она старая ведьма, что у нее даже есть рога, борода и шерсть на теле...» [Таракки, 1373. С.171].

Персонажей универсальной группы много, они часто участвуют в отдельных эпизодах, поэтому далее мы постараемся описать тех, которые появляются в сборнике чаще других.

Папе посвящён целый рассказ — «Отец», и основные сведения мы черпаем именно из него. Это один из самых важных людей в жизни девочки, рассказывающей о своём детстве. Он предстаёт перед нами как уверенный и уважаемый другими людьми человек, привыкший бороться с трудностями: «Я — сталь, а сталь никогда не ржавеет» [Таракки, 1373. С.93].

Мама — одна из самых близких людей для Голи Таракки, мы видим ее во всех первых шести рассказах сборника. Ее образ пропитан добротой и любовью, однако примечательно, что автор намеренно обращает внимание на то, что мама не идеальна: «...у меня болит сердце, когда я вижу, что мама временами становится злой и говорит неправду... что мама не знает многих вещей, например, названия столиц большинства стран или простых правил счета» [Таракки, 1373. С.20].

Повар, много лет прослуживший в семье Таракки — Хасан-ага, персонаж, о котором нам известно гораздо больше, чем о других. Это бережливый, суеверный, в некоторой степени трусоватый человек: несмотря на то, что он легко может отрубить курицам головы и поджечь живых вредителей-мышей, он начинает паниковать, когда за окном темнеет: «Хасан-ага боится и зовёт меня из другого конца автобуса. Я знаю, что через несколько минут у него потекут слезы» [Таракки, 1373. С.18].

Туба-ханум — прислуга в доме Таракки. Это толстая женщина в годах, которая «знает толк к магии и колдовстве... водит дружбу с джиннами и феями» [Таракки, 1373. С.44]. Она любит быть в курсе чужих дел, и хотя автор иногда говорит, что Туба-ханум лживая и злой, она все равно доверяет ей, потому что та заботится о девочке и помогает ей.

Напоследок хотелось бы упомянуть таких героев: бабушка, Биби-джан, тетушка Азар и Гоухар-тадж-ханум. Бабушка, хотя она и строгая, любит возиться с детьми. Биби-джан — пожилая женщина, она плохо слышит и путает людей, принимая автора за ее брата, «брата за одного из сыновей дяди со стороны матери, сына дяди — за соседа» [Таракки, 1373. С.9]. О тетушке Азар мы узнаем от всеведущей Тубы-ханум, которая рассказывает, что та влюбляется по разу в месяц, что у нее муж — начальник управления и что он ворует у собственных работников [Таракки, 1373. С.73]. Гоухар-тадж-ханум,

как и бабушка, очень любит детей, кроме того, у нее самой «дюжина детей» [Таракки, 1373. С.78].

Время и место действия

Все шесть рассказов-воспоминаний можно поделить на детские и взрослые. В детских речь идёт о событиях, происходящих, как очевидно из названия, в детстве Голи Таракки, в шахском Иране. Взрослые рассказывают о событиях послереволюционного периода, когда автор уже взрослая женщина. К первой группе относятся «Шамиранский автобус», «Маленький друг», «Дом бабушки» и «Отец», ко второй — «Прислуга», «Мадам Горге».

Интересна следующая деталь: в «Шамиранском автобусе» и «Маленьком друге» повествование начинается в послереволюционное время, однако после определенного знака или события (в «Шамиранском автобусе» — снег, а в «Маленьком друге» — встреча со Светланой) автор переносится в далекие воспоминания, из которых позже возвращается в реальность. В «Доме бабушки», «Отце» и «Мадам Горге» повествование начинается сразу с прошлого, но заканчивается настоящим, где мы узнаем, что случилось спустя много лет.

Мест действия во всех рассказах несколько. Было бы сложно классифицировать истории по этому признаку, поскольку во многих из них основные действия происходят в одном месте — доме в Шамиране. Сюда можно включить рассказы «Шамиранский автобус», «Маленький друг», «Отец» и «Прислуга».

Шамиран — один из престижных районов столицы Ирана, он располагается на севере Тегерана. Большой дом семьи Голи Таракки, который находился здесь, навсегда остался теплым воспоминанием, связанным с ее детством. И дом, и сад при нем отличаются великолепием, а в последнем происходит много важных событий: отдых семьи, детские игры, клятва Голи Таракки и маленького друга в вечной дружбе. Если опираться на сведения из рассказа «Отец», спустя долгие годы, после революции, дом в Шамиране был снесен. Об этом говорится, когда взрослая автор обнаруживает себя «...в том самом месте, где когда-то был шамиранский дом, тот дом, который теперь стал ровной дорогой для незнакомцев, машин, телег, повозок и ослов, проходящих прямо через комнаты...» [Таракки, 1373. С.110]. В этих словах чувствуется тоска по месту, в котором были проведены ранние годы писательницы в окружении крепкой, любящей семьи. Дом в Шамиране — это символ не только навеки потерянного детства, но и шахского правления, свергнутого в результате революции 1979 года.

Второе место действия — автобус, на котором Голи Таракки вместе с Хасан-агой добиралась от школы до дома в рассказе «Шамиранский автобус». Его нельзя не упомянуть, так как именно здесь раскрывается характер водителя Азиз-аги и его дружба с маленькой девочкой. Шамиранский автобус старый, с разбитым стеклом, через которое зимой в салон проникает морозный ветер.

В рассказе «Маленький друг», помимо дома в Шамиране, есть еще одно место действия — школа Фирузкухи, где учатся маленький друг и автор. Именно здесь лучшие подруги впервые оказались разделены — когда в класс пришла русская Светлана, и ее посадили рядом с маленьким другом, заставив юную Голи Таракки пересесть. До этого события школа предстает перед нами в особом мистическом свете, когда маленький друг и автор, нарушив правило, решают прогуляться по школе после окончания занятий: «...коридоры кажутся длиннее, лестницы — более закрученными, их захватывают странные тени и повергающий в ужас шепот. Тишина классов заставляет задуматься о злодеяниях... из погруженных во мрак шкафов вырывается наружу странный запах» [Таракки, 1373. С.37]. Все это — впечатления девочки, выросшей в мире, где у каждой вещи есть свое место, девочки, которая не привыкла идти наперекор правилам. Такая школа одновременно завораживает и пугает ее.

Дом бабушки — это семейное гнездо, в котором собирается вся большая иранская семья, это удивительное, волшебное место. «Одна его половина светлая, радостная и привычная, а другая — темная, грустная, загадочная» [Таракки, 1373. С.62]. К плохой половине дома и внутреннего двора относится комната над бойлерной, «окна которой всегда закрыты, а шторы задернуты. Все двери и стены этой комнаты увиты зелеными листьями и вьюнком. Она похожа на какой-нибудь дом чародеев, тех, что едят детей» [Таракки, 1373. С.65]. В доме бабушки, как и в шамиранском доме, прошло детство автора, она с грустью и теплотой вспоминает о нем, и мы понимаем: она по-настоящему любит это место. Дом бабушки изображён идеальным местом, домом в духовном смысле, куда можно вернуться и избавиться от тревог и волнений.

Совершенным особняком стоит рассказ «Мадам Горге»: события здесь происходят в другой стране, в самом сердце Франции — ее столице. После свержения монархии в 1979 году Голи Таракки, вынужденная покинуть родину, поселяется в небольшой квартире в Париже вместе со своими детьми. «Мадам Горге» отличается очень высокой концентрацией ностальгии: ощущая себя чужой, автор ищет знакомую обстановку, которая могла бы перенести ее в навсегда потерянный для нее родной дом. Описание квартиры, ее обстановки, чтение писем с родины погружает нас вместе с автором в щемлящую тоску по дому.

Около дома писательницы в Париже разбит старый парк, служащий «местом встреч для старушек района и прислуги-арабов. Поздними вечерами здесь собираются пьяные попрошайки и делят между собой деньги» [Таракки, 1373. С.166]. Голи Таракки ненавидит этот парк, и когда она приходит сюда с детьми, чтобы меньше бывать дома по требованию мадам Горге, открыто признается в этом: «...в моем сердце оседает грусть всего мира» [Таракки, 1373. С.166].

Топонимика в рассказах «Разрозненных воспоминаний»

Данный раздел тесно связан с предыдущим. Истории Голи Таракки отличаются удивительной достоверностью: читатель легко бы поверил, что события в рассказах действительно происходили, даже если бы автор не написала их на основе своих воспоминаний. Добиться такого эффекта помогает не только живой язык историй, но и описание реально существующих мест. Мы уделим внимание тем из них, о которых имеем больше информации из этого сборника.

Стамбульская улица (خیابان اسلامبول; *xiyābān-e eslāmbul*), или Шахская улица (خیابان شاه; *xiyābān-e šāh*), расположена на северо-востоке Тегерана. При династии Пехлеви застраивалась зданиями в европейском стиле. После Исламской революции была переименована в улицу Исламской республики (خیابان جمهوری اسلامی; *xiyābān-e jomhuri-ye eslāmi*). В сборнике она упоминается в нескольких рассказах, и по описанию мы понимаем, что автор испытывает теплые чувства к этому месту: «Я влюблена в Стамбульскую улицу. Когда запах рыбы, кофе и жареных семечек, аромат европейских духов и пудры попадают мне в нос, меня клонит в сон, и я становлюсь тёплой и вялой» [Таракки, 1373. С.74].

Улица Кавам ас-Салтане (خیابان قوام السلطنه; *xiyābān-e qavām as-saltane*), получила свое название в честь иранского государственного деятеля Ахмад Кавама, пять раз занимавшего пост премьер-министра Ирана. После революции улицу переименовали в улицу Тридцати стрел (تیر خیابان سی; *xiāban-e si tir*). Здесь располагается швейная мастерская армянки мадам Анны, куда отправляются героини «Дома бабушки» за нарядной одеждой по случаю помолвки одной из родственниц.

Улица Лалезар (لاله زار خیابان; *xiyābān-e lālezār*) — одна из старейших улиц Тегерана. В конце правления Каджарской династии и начале правления монархов Пехлеви считалась символом модернизма в Иране и получила прозвище «Елисейские поля Тегерана». Здесь располагались театры, рестораны, кинотеатры и известные магазины Ирана.

На улице Пахлави (خیابان پهلوی; *xiyābān-e pahlavi*) в Шамиране когда-то стоял дом семьи Таракки. Ее построили по приказу Реза-шаха Пехлеви. И по сей день на этой оживленной улице находится много магазинов, ресторанов, парков и культурных центров. После Исламской революции ее переименовали сначала в улицу Моссадыка, знаменитого иранского политического деятеля, а затем в улицу Валиаср (ولی عصر خیابان; *xiyābān-e vali'asr*).

Кроме того, упоминаются школы, в которых училась автор: начальная школа Фирузкухи (فیروزکوهی; *firuzkuhi*) и средняя школа Ануширвана Дадгара (انوشیروان دادگار; *anušīrvān-e dādgar*).

Помимо иранских наименований, нам встречается и парижский Люксембургский сад (باغ لوکزمبورگ; *bāq-e luqzemburg*). Из «Мадам Горге» мы узнаем, что Голи Таракки любит прогуливаться по парку, несмотря на то, что он находится далеко от их квартиры. Очевидно, это связано с тем, что когда-то

сад принадлежал французской короне, что напоминает Голи Таракки о прошлом своей страны — когда Иран был монархией.

Мир глазами ребенка

Особую живость историям Голи Таракки придает восприятие ситуации глазами ребенка. В четырех рассказах из сборника описывается детство писательницы от лица маленькой девочки, которая видит мир своим взглядом, отличным от взрослого, когда у человека появляется значительный жизненный опыт. Таким образом, читатель погружается в мир детства и видит его так же, как сама героиня.

Для детей весь мир и все, что в нем есть — живое. Десятилетняя автор описывает, как она играет с деревьями в саду шамиранского дома, рассказывает им истории, а если они смеются над ней — пинает ногами. Она общается с ними, как если бы они были людьми.

«Дом бабушки» и «Отец» — отдельная ветвь повествования, в котором ребенок сталкивается с непонятным и страшным миром взрослых.

У Голи Таракки мир глазами ребенка — идеальное место, где царит волшебство, оживляющее все вокруг. Это мир прошлого, где все прекрасно, в него легко влюбиться и с ним тяжело расстаться, даже когда человек все-таки вырастает.

В заключение хотелось бы отметить, в сборнике «Разрозненные воспоминания» Голи Таракки заметны мотивы тоски по Ирану, ностальгии по прошлому, что является отличительной чертой ее произведений. Кроме того, для многих работ, написанных на основе личной жизни автора, характерно идеалистичное изображение реальности.

1. Pourjafari, Fatemeh. The Bewitching Maze of the Past: The Study of Nostalgia in GoliTaraghi's Short Fiction / Pourjafari, Fatemeh // *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 4, No. 2, 2014. — p. 320-326. — [El. resource]. — URL: <http://www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol04/02/13.pdf>
2. Махназ, Норузи. Женская проза в современной персидской литературе: имена и тенденции / НорузиМахназ // *Азия и Африка сегодня*. — 2011. — № 12. — с. 73-74. хāterehā-yeparākande / golitaraqqi. — Tehran: = گلی کرکی، 3. خاطرهای پراکنده. entešārāt-e baq-e āyne, 1373. — 251 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В ЯЗЫКЕ ГВАНДАРА И ИДИОМЕ НИМБИЯ

Sviridov Vsevolod

ANTROPOLOGICAL AND LINGUISTIC FEATURES OF KINSHIP TERMS IN GWANDARA LANGUAGE AND IN NIMBIA LECT

В статье исследуются антропологические и лингвистические особенности терминов родства в гвандара — языке, наиболее близкородственном хауса — самому распространенному языку чадской группы. Также изучается система терминов родства в идиоме нимбия, поднимается вопрос о положении нимбия в современной классификации западночадских языков. Проводится анализ грамматических особенностей функционирования терминов и их морфемного состава. Сделана попытка классифицировать систему терминов родства языка гвандара и идиома нимбия.

The paper deals with anthropological and linguistic features of kinship terms in Gwandara language — the one most closely related to Hausa. Kinship terms in Nimbria lect are also discussed; issue of the current position of Nimbria in the classification of West Chadic languages is raised. It explores grammatical features of kin terms and their morphemic composition. The author also tries to classify kinship system of Gwandara language and Nimbria lect.

Ключевые слова: термины родства; гвандара; нимбия; хауса; Нигерия; социолингвистика; компаративистика

Key words: kinship terms; Gwandara language; Nimbria; Hausa; Nigeria; sociolinguistics; comparative linguistics

Гвандара — этническая группа, проживающая в Центральной Нигерии, преимущественно в штатах Нигер, Насарава и в ФСТ (Федеральная столичная территория Абуджа). Говорят представители этноса на языке гвандара, который, по мнению большинства исследователей, представляет «креолизованный» под воздействием языков нигеро-конголезской макросемьи хауса. Язык и культура гвандара по сей день остаются малоисследованными — последний раз серьёзную попытку изучения предпринимал японский исследователь Мацусита Суджи в 1970 – 1990-х гг.

Согласно одной из наиболее распространённых теорий, гвандара — группа хауса, которые, отказавшись принимать ислам, покинули Кано, датировка «исхода» варьируется от XIV до XVII вв.

О противниках принятия ислама среди жителей Кано сообщается и в «Хронике Кано» [Palmer 1908:70] — одном из письменных источников об истории Северной Нигерии. Так, во время правления Усмана Замнагавы (1343 – 1349 гг., Osumanu Zamnagawa) магузава (maguzawa, хауса-язычники,

сейчас используется для противопоставления мусульман и немусульман) покинули Кано и отправились в Фонгуи⁷⁸ (Fongui). Также стоит отметить, что Замнагава первый царь Кано с мусульманским именем. В правление следующего царя — Яджи (Yaji, 1349 – 1385 гг.) — немусульмане разрушили городскую мечеть. А царь Бугая (Bugaya, 1385 – 1390 гг.) приказал магузава покинуть Фонгуи.

Напрямую в «Хронике Кано» магузава не связываются с гвандара, однако предполагается крайне вероятным, что именно этот комплекс социально-политических противоречий, возникших в Кано в XIV в. из-за введения ислама, вынудил гвандара покинуть город.

Происхождение этнонима гвандара (*gwandara*) — самими гвандара связывается с выражением *gwanda rawa da sallah*, что дословно с хауса означает «лучше танцевать, чем молиться (на исламский манер)» и таким образом подчёркивает основной способ самоидентификации этноса — по религиозному принципу. Другая версия происхождения этнонима — это имя младшего брата царя Кано, который возглавил покинувших город людей. Такую точку зрения изложил автору хаусаговорящий информант, также её можно встретить в интернете.

До сих пор гвандара придерживаются традиционных верований, занимаются сельским хозяйством. В 1970-х гг. численность носителей языка оценивалась в 50 тыс. человек, сейчас варьируется от 30 тыс. до 40 тыс., однако, очевидно, нуждается в более точной оценке.

В работе «Сравнительный словарь диалектов гвандара» [Matsushita: 1974] японский исследователь Мацусита Суджи отмечает, что носители гвандара выделяют 6 разновидностей языка — карши (другие названия гаде, гвандара), канкара (кьянкьяра), тони, гитата, коро и нимбия. Мацусита объединял карши, тони и коро в общий диалект. О нимбия отдельно, см. ниже.

В этой же работе приведена география распространения гвандара: основной лингвистический ареал был сосредоточен в «треугольнике» между Карши (Федеральная столичная территория), Гитата (ТМУ⁷⁹ Кару, штат Насарава) и Гараку (ТМУ Кокона, штат Насарава) — в каждом поселении были распространены одноимённые варианты гвандара, за исключением Гараку — где говорили на идиоме тона.

Вероятно, Карши — политический центр гвандара, что косвенно подтверждает одно из самоназваний идиома гвандара, на котором говорят в данном поселении, — карши/гвандара. Согласно «Заметкам о племенах, провинциях, эмиратах и государствах северных провинций Нигерии» [Temple 1919:511], поселение Карши было основано человеком по имени Карши, одним из вождей язычников, покинувших Кано. Глава Карши (Sarkin Karshi) согласовывал назначение глав Кару и Курафи, которые платили ему дань.

⁷⁸ Современное расположение Фонгуи неизвестно.

⁷⁹ Территория местного управления (LGA, local government area) – административно-территориальная единица второго порядка, в Российской Федерации соответствует району.

После экспансии фульбе под предводительством Ямусы Убан Магиджи (*Yamusa uban Magiji*) государства стали выплачивать дань Зарии⁸⁰.

Несмотря на то, что изначально гвандара противопоставили себя исламизированному населению Кано, на данный момент представляется, что существенная часть носителей языка придерживаются ислама — ещё в 1970-х имена и титулы информантов Мацуситы — мусульманские: Муса, Мохаммед и маллам. Одним из факторов исламизации в прошлом мог послужить джихад фульбе (XIX в). Сегодня же, учитывая усиление роли ислама в Центральной и Северной Нигерии за последние 30 лет, количество верующих в пророка среди гвандара могло увеличиться ещё больше.

Территория, на которой проживали гвандара в 1970-х гг. попала под расселение во время строительства новой столицы Нигерии — Абуджи — часть из них переселилась на территорию соседних штатов — в т.ч. Насарава и Нигер. Так, бывшие жители Вузе⁸¹ основали поселение Сабо Вузе (Новый Вузе, *Sabo Wuse*) на территории штата Нигер (ТМУ Тафа), что на юге граничит с Федеральной столичной территорией. А жители Карши основали в штате Насарава Новый Карши (*New Karshi*, ТМУ Капу).

На данный момент единственный доступный словарь языка гвандара (английский-гвандара) был составлен японским исследователем Мацуситой Суджи в 1972 г. В открытом доступе данной публикации нет.

В словнике гвандара из 393 слов [Matsushita 1974] Мацусита приводит неполный список терминов родства (без кросс- и ортокузенов).

Типологическая классификация терминов родства в языке гвандара

Система терминов родства языка гвандара представляет особый исследовательский интерес — гвандара, при том, что это наиболее близкородственный хауса язык, на протяжении 7 веков существовал в относительной изоляции от «родственников» и других афроазиатских (чадских) языков в окружении языков нигеро-конголезской макросемьи — наиболее распространённых в регионе Плато — в т.ч., гвари, ньянкапа.

Более того, анализ терминов родства хауса показывает два пласта заимствований — из фула и канури. Это позволяет говорить о том, что лексический состав терминов родства претерпел существенные изменения под воздействием языков соседних с хауса этнических групп. Учитывая то, что хауса заимствовал из соседних языков именно термины для обозначения сиблингов родителей одного с ними пола (MoSi и FaBr), можно предположить, что изменился не только лексический состав, но и сама система терминов (бифуркативно-сливающую на бифуркативно-коллатеральную). Этот аспект

⁸⁰ Зария (Заззау) — традиционное политическое образование (эмират) на территории современного штата Кадуна.

⁸¹ Сейчас Вузе — муниципалитет в составе Абуджи.

подчёркивает актуальность изучение системы терминов родства в гвандара, как языка, который в силу исторических событий отделился от хауса и мог сохранить более архаичную систему терминов родства.

Термины родства поколения родителей в языке гвандара позволяют говорить об ирокезской системе родства (отсутствие в словнике терминов для обозначения кросс- и ортокузенов не позволяет определить точнее — кроу или омаха), где сиблинги родителей того же пола кодируются одним и тем же термином: *jika* (*zika* в тони) (MoBr) — *ama* (MoSi) — *ama* (Mo) — *ada* (Fa) — *ada* (FaBr) — *aday* (*adey* в тони) (FaSi).

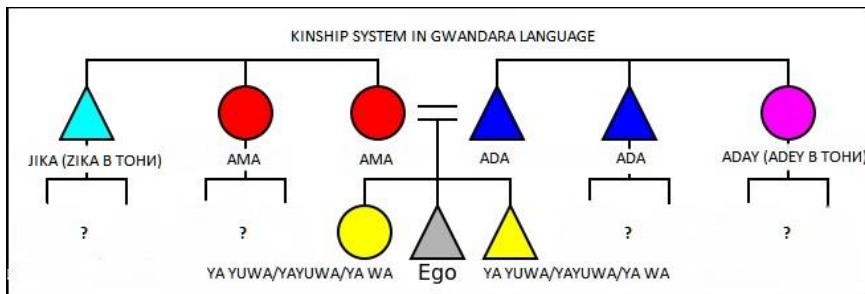

Рисунок 1.

В поколении Ego, как уже было сказано выше, в словнике Суджи отсутствуют термины для кросс- и ортокузенов, термин для обозначения сиблинга в зависимости от идиома — *ya uwa*, *ya uwa*, *ya wa*, вероятно происходит от хаусанского *yaruwa* и не обладает половой дифференциацией, таким образом переводится как «сиблинг». (эквивалент в хауса — *danuwa* (Br) и *yaruwa* (Si)). Модель словообразования аналогична с хауса — лексема, обозначающая «сын/дочь» присоединяется к термину «мать». Однако в гвандара хаусанским *da* (сын) и *ya* (дочь) соответствует *ya*, лишённое дифференциации по полу.

Грамматические и лексические особенности терминов родства в языке гвандара

Чередование в термине для MoBr — *jika-zika* (карши-тони) — объясняется нерегулярным замещением аффрикативных согласных *j* и *s* [tʃ] в тони на фрикативные *z* и *s* — ср. *anci-ansi* (нос), *jini-zini* (кровь), но: *jijiya-jijiya* (вена).

В идиомах гвандара, как и в хауса, существуют термины для различения возраста сиблингов, однако в отличие от терминов родства поколений родителей и Ego в зависимости от идиома они могут варьироваться. Так, в диалектах карши, коро и канкара для обозначения старшего сиблинга

используется термин *muntoro*, в гитата — *əkuntoro*. Для младшего сиблинга в карши, коро и канкара общий термин — *munde*.

При сопоставлении данных лексем выделяются две морфемы: *mun* — для старшего и младшего сиблинга и *toro* для старшего сиблинга. Хотя отдельно слов *mun* и *toro* в словнике Суджи нет (в хауса они употребляются в значении далёком от терминологии родства), можно предположить, что *mun* отвечает за семантику сестринства/братства, тогда как *toro* — за возрастное старшинство, ср. *ada toro* в карши (дедушка), *toro mace* в коро (старая женщина).

Термин для старшего сиблинга в тони существенно отличается от терминов в других идиомах — *osome* (м.), *onume* (ф.) — это единственный термин родства в группе гвандара, связанный с сиблингами, который маркирует гендер. Установить его происхождение на данный момент невозможно.

Лексема *dānde* встречается и в других идиомах гвандара, но в составном слове: *ya dānde* (pl. *yayu dānde*) — ребёнок, остаётся предположить, что *dānde* — антоним *toro*, таким образом, *munde* это усечённая форма от *mun dānde*.

В гитата термин для старшего сиблинга — *əkuntoro* — состоит из знакомого *toro* и, вероятно, заимствованного *əkun*. Для младшего сиблинга используется термин *zima*.

Как отмечает Суджи, множественное число в гвандара образуется при помощи префикса *osu* (имеющий, ср. в хауса *mai/masu*⁸²), таким образом, множественное число от слова *mesi* (змея) будет *mesi osu yewa* (змея, обладающая числом). В хауса такая стратегия используется только для образования прилагательных (в квалитативной функции) — *mai kuau* (красивый), *mai tsada* (дорогой).

Исключение из этого правила составляют слова: муж — *miji* (pl. *maja*) в карши и *miji (maza)* в коро, женщина/жена — *mace* (pl. *mata*) и сын/дочь — *ya* (pl. *yaya*). Все эти слова имеют аналоги в хауса — ср. *miji* (pl. *maza*), *mace* (pl. *mata*), *yá* (pl. *yáyá*, дочь).

Нимбия

На данный момент классифицировать нимбия именно как диалект гвандара нельзя. В 1990-х Суджи [Matsushita 1992] провёл глоттохронологическое исследование по стословнику Сводеша, согласно которому группа, говорящая на диалекте нимбия, отделилась от хауса 12 веков назад, тогда как один из идиомов гвандара — карши — лишь 6-7 веков назад, (что подтверждает анализ историографических источников). Фактически, это позволяет говорить о возможном расширении группы хауса за счёт включения в неё нимбия как отдельного языка, наравне с гвандара и хауса.

⁸² Одна из стратегий образования прилагательных в языке хауса – прибавление префиксов *mai* (sg.) и *masu* (pl.) к существительному – *mai/masu* + сущ., например, *mai kuau* – красивый, где *kuau* – существительное м. р. – красота. Также *mai* переводится владделец, обладатель.

В качестве другого доказательства того, что нимбия отделилась от хауса раньше, чем гвандара, Суджи приводит сохранение в нимбия низкотонового окончания у местоименного предикативного показателя (МПП). В прото-хауса, по данным реконструкции Ньюмана и Шуа, у МПП также было низкотоновое окончание, тогда как у современного хауса и гвандара окончания высокотоновые.

В работе исследователя Дж. Скиортино «Провинция Насарава, претензия на родство между племенами карши и гвандара» [Sciortino 1914] приводится свидетельство, что в XVIII в. группа гвандара из-за борьбы за власть покинула традиционный ареал обитания и переселилась в район города Джемаа (штат Кадуна) и основала поселение Фадан Карше (Fadan Karshe). В 6 км к северу от Фадан Карше расположена Нимбия (ТМУ Джемаа).

В IV томе «Географического справочника Северных провинций Нигерии» под названием «Высокогорные вожества» [Ames 1932] указывается, что основная часть гвандара проживает в районе Кеффи, тогда как менее 2 тысяч человек проживают в небольших деревнях в Эмирате Джемаа (основан в 1810 г.). Все они пришли из Кеффи, некоторые до основания эмирата, некоторые уже после 1850-х. У носителей нимбия никогда не было единого государства, дань они платили эмиру Джемаа.

Суджи, с опорой на лингвистические данные, оспаривает приведённую выше информацию, утверждая, что переселение гвандара в XVIII в. стало лишь второй волной, а нимбия проживали в регионе задолго до этого. Устная же традиция была изменена, чтобы связать нимбия с гвандара, чей политический статус был выше.

В работе «Заметки о провинции Насарава» Скиортино [Sciortino 1920] отмечает, что некоторые этнические группы называют Нимбией территорию в районе западной оконечности плато. Также он указал, что название нимбия могли дать переселившиеся племена тем, кто проживал на этих территориях ранее.

Типологическая классификация терминов родства в языке нимбия

На данный момент из-за недостатка материала не представляется возможным провести относительно подробный анализ терминов родства в нимбия — этому препятствует недостаток (ещё больший, чем в случае с гвандара) грамматического и лексического материала.

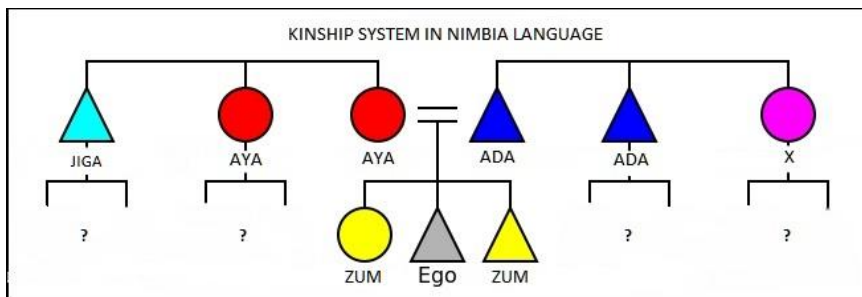

Рисунок 2.

В поколении Ego для обозначения сиблинга используется термин *zum* (без рода, pl. *zume*). В хауса слово *zum* (pl. *zumai*) переводится как «друг мужского пола (того же возраста)» и «мужчина, который живёт в том же доме», другое слово с тем же корнем — *zumunci* — означает «родство по крови/браку» и «клановое чувство», (которое испытывают два человека с общей родиной, когда встречаются вдали от дома). Согласно словнику Суджи, в нимбия отсутствует возрастное разграничение сиблингов — для них используется тот же термин *zum*.

В словнике нимбия Суджи не указаны термины для кросс- и ортокузенов и для сестры отца. Однако можно предположить, что в поколении родителей бифуркативно-сливающая система, то родитель и его сиблинг одного с ним пола объединяются общим термином: *jiga* (MoBr) — *aya* (MoSi) — *aya* (Mo) — *ada/baba* (Fa) — *ada/baba* (FaBr) — *X* (FaSi). Для обозначения термина отца наравне с *ada* используется и *baba* (параллельный термин для Fa в хауса).

Выводы

Анализ терминов родства в гвандара и нимбия показал существенные различия между ними и хауса (несмотря на близкое лингвистическое родство), как с точки зрения систем родства, так и с точки зрения лингвистического состава.

Бифуркативно-сливающая система терминов родства, зафиксированная в гвандара и нимбия, позволяет предположить, что и в хауса ранее также была та же система родства. Подтверждением этому служат исторические источники — в случае с гвандара, и данные лексикостатистики — в случае с нимбия, которые показывают, что группы предков нынешних носителей гвандара и нимбия отделились от хауса ещё до того, как хауса вступили в активное взаимодействие с канури и фульбе.

Конечно, без более подробного и обширного анализа систем терминов родства западночадской ветви (а шире и всех чадских) невозможно с уверенностью проследить эволюцию системы родства в чадских.

В процессе сбора данных и их систематизации было отмечено наличие обширного запаса лексического материала, накопленного предыдущими исследователями, который зачастую носит бессистемный, а иногда и противоречивый характер. Составлены матрицы систем родства для гwandара и нимбия. К сожалению, во всех системах пока сохраняются лакуны.

В заключении необходимо отметить, что исследование терминов родства в данной работе было проведено с опорой на источники, подготовленные другими исследователями, и могут отражать устаревшие данные. К сожалению, эту проблему возможно решить только экспедиционным форматом исследования со сбором материала непосредственно у носителей языка и анализ его на базе современной и устоявшейся в науке методологии.

1. Matsushita, S., Tomikawa M. (Eds) (1975) A Comparative Vocabulary of Gwandara Dialects // African Languages and Ethnography. Vol.2. P.1-182.
2. Matsushita, S. (1992) When did Gwandara Split from Hausa? // African Urban Studies. Vol.2. P.43-53.
3. Matsushita, S. (1993) Two Early Vocabularies of the Gwandara Language // African Urban Studies. Vol.3. P.1-27.
4. Matsushita, S. (1998) Decimal vs. Duodecimal: An interaction between two Systems of Numeration. // Paper presented at the 2nd Meeting of the AFLANG, October 1998, Tokyo
5. Palmer, H.R. (1908) The Kano Chronicle. Translated, with an Introduction, by H.R.Palmer // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol.38. P.58-99.
6. Sciortino, J.C. (1920) Notes on Nassarawa Province Nigeria. London: Waterlow&Sons Limited.
7. Temple, O., Temple C.L. (Eds) (1919) Notes on the Tribes, Provinces, Emirates and States of the Northern Provinces of Nigeria. Cape Town: The Argus Printing&Publishing Company Limited.

РОМАН КИРАН ДЕСАИ “НАСЛЕДСТВО РАЗОРЕННЫХ”: ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПАФОС

Simutina Daria

“THE INHERITANCE OF LOSS” BY KIRAN DESAI: MESSAGE AND PATHOS

В статье совершается попытка выявить основную идею романа “Наследство разоренных”, определить центральные темы романа, а также проанализировать читательскую реакцию на роман, как на западе, так и в Индии и Непале.

The author attempts to reveal the main idea of the novel “The Inheritance of Loss” by Kiran Desai, to define the central themes of the novel and analyze western readers’ reaction as well as the reaction of Indian and Nepali readers.

Ключевые слова: Наследство разоренных, пост-колониализм, столкновение культур, борьба за независимость, психологический роман

Key words: The Inheritance of Loss, post-colonialism, cultural clash, struggle for independence, psychological novel

Роман “Наследство разоренных” — второй роман индийской писательницы Киран Десаи. Автору потребовалось семь лет, чтобы написать этот роман, который в 2006 г. удостоился самой престижной литературной награды англоязычного литературного мира — Букеровской премии. Роман получил мировую огласку, но одновременно вызвал резонанс и неодобрение среди непальского населения Индии. “Наследство разоренных” также послужил поводом к широкой дискуссии о постколониальных проблемах в современном мире среди западных критиков и читателей.

Местом действия романа выступает Калимпонг, небольшой город в Восточных Гималаях, где расположено имение Чо-Ойю, принадлежащее одному из главных героев романа, отставному судье Джемумбхай или Джемю, привыкшему жить там в одиночестве. Из живых существ в его окружении только слуга-повар, который работает на него всю жизнь, а также любимая собака судьи — Шамка. В молодости родители отправили Джемю на обучение в Англию, где он вначале сильно стыдился своей национальности, а затем и вовсе возненавидел её, считая, что должен стать англичанином. Вернувшись в Индию, он начал работать в должности судьи и жить с выбранной для него родителями женой, воспитанной по индийским обычаям и ведущей себя согласно традиции.

За это Джемумбхай ненавидел свою жену: выгнал её из дома и не принял обратно, даже когда она родила ему дочку. После того как, не выдержав жестокости мужа, женщина покончила с собой, судья долгие годы жил один, пока к нему неожиданно не приехала его осиротевшая внучка Саи. Хотя свою

дочь Джемумбхаи никогда не видел, он принимает внучку и даже заботится об её воспитании. До приезда в Чо-ойю Саи обучалась в католическом монастыре, теперь её обучают пожилые соседки судьи, сестры Лола и Нонни, а затем дед нанимает для нее учителя, студента-непальца Джиана.

Саи и Джиан влюбляются друг в друга. В это время в Калимпонге начинается восстание непальцев, которые борются за независимость от Индии. Дом судьи грабят повстанцы. Саи узнает, что повстанцы обнаружили имение по наводке Джиана, который незадолго до ограбления примкнул к движению освобождения. Между Саи и Джианом происходит ссора. В это же время полиция, к которой обратился судья, находит какого-то пьяницу и обвиняет его в ограблении. За это семья пьяницы похищает любимицу судьи Шамку. В конце романа неожиданно для повара в Калимпонг возвращается его сын Бiju. Он три года работал в Америке и ненавидел свою жизнь в этой стране из-за тяжелого неблагодарного труда и отношения к приезжим со стороны коренных американцев. Восстание стало поводом его возвращения домой, в Индию. Но по пути до Калимпонга Бiju также грабят повстанцы, отобрав все то небольшое, что он заработал.

В романе раскрыты такие важные темы для постколониального времени, как тема столкновения культур, тема борьбы за независимость отдельного народа, дискриминации. *Тема столкновения культур* становится центральной темой “Наследства разоренных”. При этом под культурой понимаются не только объекты материальной и духовной деятельности человека, но и обычаи, традиции, история, способы познания и восприятия действительности, характерные для какой-либо нации; совокупность всего того, что отличает эту нацию от всех остальных [Леви-Стросс, 1985. С.315].

В романе Киран Десаи показывает разные причины, почему человек вынужден не только жить в рамках своей собственной, родной культуры, но и адаптироваться, воспринимать чужую, вовсе не похожую на свою культуру. Главной из них является вынужденная миграция, вызванная тяжелой экономической ситуацией в стране, среди прочих следует упомянуть воспитание человека согласно принципам чужой культуры, отличной от национальной, и наконец, последствия завоевания одной страны другой, в результате которого у определенной прослойки подчиненного народа появляется отвращение к своей культуре и мнение, будто бы завоевавшая их культура “более развита”, “лучше” их собственной. Но, что более важно, в романе показано то, как *столкновение культур* влияет на жизнь отдельных людей.

На примере каждого персонажа автор совершенно по-разному раскрывает проблему жизни между двумя культурами. Так, на примере судьи автор показывает, к чему приводит попытка отречься от родной культуры и стать “иностранцем в своей стране” [Десаи, 2007. С.47]. Судья стал приверженцем английской культуры, не потому, что полагал, что она лучше, а просто потому, что в жизни молодого человека она заняла место индийской — его родной культуры, с которой его болезненно разлучили в совсем юном возрасте, отправив учиться в чужую, незнакомую ему страну.

Следующий тип отношения к родной и европейской культуре раскрыт на примере трех героев — Лолы, Нони и повара. Хотя эти герои являются представителями разных слоев общества — Лола и Нони живут в поместье, имеют несколько слуг, ездят в Англию, а у повара “самый бедный дом в деревне” [Десаи, 2007. С.32], — отношение их к культуре своей страны и культуре запада очень схожее. Это отношение можно охарактеризовать как слепое восхищение всем западным и уверенность в том, что здесь, в Индии, всё плохо и лучше никогда не станет. Притом, нужно отметить, что таким поверхностным пониманием культуры, как своей страны, так и той, которой они восхищаются, наделены плоские, нераскрытые в романе персонажи: Лола и Нона — второстепенные герои, о жизни которых мы узнаем лишь несколько фактов за весь роман. Также и повар, хотя этот персонаж и играет определенную роль в развитии сюжета романа, даже имя его читатель никогда не узнает.

Интересно проследить раскрытие основной темы романа на примере сюжетной линии Саи и Джiana. Ни у Саи, ни у Джiana еще до конца не сформировалось отношение ни к родной индийской, ни к европейской культуре, на протяжении романа это отношение постоянно меняется, эволюционирует. Это можно объяснить как их юным возрастом, так и тем, что они родились и выросли уже в постколониальную эпоху, т.е. в эпоху, когда влияние европейской культуры очень сильно, но в то же время эта культура больше не представляет собой “культуру господ”. Именно эти обстоятельства позволяют автору в полной мере продемонстрировать на их примере последствия жизни между двумя культурами.

Саи никогда не была за пределами Индии. Она провела детство в монастыре Святого Августина в Дехрадуне. Но, несмотря на то, что Саи выросла в Индии, она мало что знала об индийской жизни и культуре, впрочем, как и о европейской. Саи живет на стыке двух культур, воспитанная по европейскому образцу девочка проживает в индийской реальности. Героиня не испытывает каких-либо негативных чувств ни к европейской, ни к индийской культуре. Обе она воспринимает как близкие и выбирает из них то, что ей нравится, а не то, что считается правильным или лучшим по чьим-то представлениям. Когда Джiana, побывавший на демонстрации непальского движения, вызывающе спрашивает у Саи: “Почему ты празднуешь рождество?” [Десаи, 2007. С.228], Саи задумывается. Но после слов Джiana: “Вы как рабы, слепо подражаете Западу, насилуете себя”, Саи понимает: “потому что мне нравится праздновать рождество. Если мне не нравится праздновать Дивали, я его и не отмечаю. Рождество — такой же индийский праздник, как и любой другой” [Десаи, 2007. С. 228].

Джiana сложнее переживает необходимость жить на стыке нескольких культур. Он непалец, а значит, ему нужно приспособиться не только к влиянию европейской культуры, но и к влиянию неродной для него индийской культуры. В те моменты, когда герой честен с собой, он понимает, как глупо ему, желающему уехать из Индии в Европу или Америку ради лучшей жизни, бороться за независимость непальцев, и только “что-то захватывающие,

славное, зажигательное” в борьбе за независимость и побудило его вступить в ряды повстанцев [Десаи, 2007. С.221]. Но как только сила первого впечатления от массовости, грандиозности движения спадает, как только он остается один, без товарищей, хвалясь перед которыми нужно кричать о важности национальной идеи — Джиан сразу же понимает, что он вовсе не борец, и нет у него каких-либо принципов или идей, в которые он действительно верит и которые ему нужно отстаивать. Так, на примере Джиана, писательница по-новому раскрывает проблему столкновения культур и показывает, как стремление бороться за независимость, чистоту культуры может быть вызвано не убеждениями человека и его верой в идею, а честолюбивыми помыслами, стремлением стать частью истории.

Сын повара Бижу так же, как и Саи с Джином, находится в совсем юном возрасте, когда впервые не просто испытывает влияние иной культуры, но и сталкивается с необходимостью жить в другой стране. На примере этого персонажа автор не столько раскрывает проблему столкновения культур, сколько показывает, что часто неудачи в жизни человека связаны не с внешней проблемой, например, необходимостью жизни в другой стране, а со слабостью его собственного характера. Жизнь Бижу в Америке, несомненно, тяжела, но вместе с тем многие другие персонажи, с которыми встречается Бижу, проходят через эти трудности и добиваются благополучия вне родины. Бижу же свою слабость оправдывает тем, что скучает по Индии и не признает американскую культуру.

Еще одна сквозная тема в романе, которая сильно влияет на судьбы всех персонажей — *тема борьбы за независимость индийских непальцев*. Автор создает комичный образ участников движения. Писательница называет их “сопляками”, “пацанами” или иронично “доблестными воинами” [Десаи, 2007. С.15]. Эти “доблестные воины” “гогочут”, “нагло смотрят”, за столом “чавкают, сопят, утирают носы ладонями, хлюпают”, а перед уходом они “нагадят в туалете и оставят испражнения вонять” [Десаи, 2007. С.18].

Такие описания участников движения за освобождение вовсе не означают, что в своем романе Киран Десаи пыталась осудить идеи непальского движения или выставить всех непальцев глупыми, невоспитанными и трусливыми. Цель автора — осудить человеческие пороки, высмеять глупость, невежество и лицемерие. О том, что автор не пыталась рассмотреть идеологическую сторону этого политического конфликта и не стремилась углубиться в политику и историю Индии, выясняя, кто прав, а кто виноват, говорит описание второй стороны этого конфликта — полицейских, пытающихся подавить восстание. Так же, как трусость и глупость повстанцев, автор высмеивает трусость и глупость противостоящих им индийских полицейских: “Лола и Нони, укрывающие бунтовщиков, впустили трех полицейских. — Наша полиция нас бережет! — презрительно кривит губы Лола” [Десаи, 2007. С. 372]. “Матушка, не выдавайте нас. Мы для вас все сделаем. Мы вам сыновьями будем” — “лепечет” один полицейский, совсем недавно выгнавший Лолу из участка, когда та попросила полицию о защите от беспредела повстанцев [Десаи, 2007. С. 372].

Роман Киран Десаи глубоко психологичен, и его основным замыслом является не анализ исторических событий с целью их оценки или восстановления исторической справедливости, а описание тех переживаний, которые испытывали герои, являясь непосредственными участниками описываемых событий. Все основные темы романа писательница раскрывает в произведении с точки зрения того, как отдельный человек с ними справляется. Сюжет романа в целом выстраивается не вокруг политических событий, а вокруг жизни каждого отдельного героя.

То, что основная идея романа заключается в *раскрытии судьбы и переживаний отдельного человека* на фоне истории страны, подтверждают развитие и сюжетных линий каждого из главных героев, и мир художественного произведения в целом. Кульминацией в истории персонажей становятся события никак не привязанные к конкретному месту и времени или определенному политическому событию. Герои переживают, страдают и действуют не из-за восстания непальцев и не из-за того, что представители другой культуры относятся к ним, как к “меньшим” людям. Фокус в сюжетной линии каждого из главных персонажей направлен на их глубоко личные переживания, на их чувства и мысли.

Так, в сюжетной линии судьбы поворотным событием становится не его пребывание в Англии и определившее его характер на всю дальнейшую жизнь отношение к нему окружающих, а расставание со своими родными из-за решения отца, который мечтал, чтобы его сын получил английское образование. Так же и для Бижу его решение уехать из Америки связано скорее не с отношением к нему американцев, а с тем, что он скучает по дому, и даже более с его характером, не способным преодолеть столь сложные проблемы, связанные с самоидентификацией мигранта в чужой стране. В истории Джигана кульминационным событием становится не его участие в движении борьбы за независимость, а осознание, что к движению он безразличен и что единственное, что его по-настоящему интересует, это примирение с Саи.

Как уже отмечалось выше, на Западе роман восприняли как символ антиколониализма, в то время как непальское население Индии считало роман, напротив, крайне колониальным и предубежденным против жителей бывших колоний. В большей части рецензий, посвященных роману Киран Десаи и опубликованных в западных журналах и газетах, выражается одна и та же идея: “Наследство разоренных” — роман, насквозь пропитанный идеологией, в нем освещаются такие злободневные темы как глобализация, столкновение культур и проблема миграции, основной целью автора и главной идеей романа является обсуждение и критика постколониальных проблем.

При этом авторы рецензий не углубляются в специфику индийской действительности, чаще всего основные темы романа просто перечисляются через запятую. Так в рецензии, опубликованной в “Нью-Йорк Таймс” говорится, что “в романе затрагиваются почти все современные международные вопросы: глобализация, мультикультурализм, экономическое неравенство, фундаментализм и терроризм” [Pankaj, 2006]. В статье в Энциклопедии Британника, посвященной биографии Киран Десаи, о романе

также говорится лишь то, что в нем содержится глубокий и насыщенный анализ проблем глобализации, терроризма и иммиграции [Luebering, 2008].

Непальские читатели, в особенности, проживающие в Индии, в Дарджилинге, где происходит действие романа, встретили книгу менее благосклонно. Так, на одном из форумов читатель, “родившийся и выросший в часе езды от Калимпонга”, критикует Киран Десаи за неточности в изображении жизни этого региона [Mullan, 2009]. “Ни одна другая книга, прочитанная за последнее время, не злила меня так сильно” — пишет он, “непальские слова, не существующие в непальском языке, полагаю, были использованы для экзотики” [Ibid].

Самый большой поток критики в адрес автора и книги вызвало другое. В Непале книгу Киран Десаи охарактеризовали как “восхваляющую колониализм и предубежденную против непальского населения” [Inheritance irks Nepali readers, 2006]. Резко выступил против книги писатель и педагог Д.Б. Гурунг в рецензии “Наследство”, опубликованной в газете “Катманду Пост”. Гурунг утверждает, что Киран Десаи изобразила непальцев как “несправедливых, одуроченных и лживых низких людей” [Ibid], хотя на самом деле проживающим в Индии непальцам, несмотря на все сложности, удалось сохранить не только свой язык и культуру, но и собственное достоинство. Гурунг даже обращается в своей статье к комитету Букеровской премии с просьбой пересмотреть решение: “роман, который все восхваляют за любовь к человеку, за гуманизм, на самом деле — клевета и наглое нападение на непальцев и их достоинство” [Ibid].

Действительно, в романе, как не раз отмечалось, затрагивается много тем, касающихся постколониального времени, но анализ или критика этих тем не становятся основной задумкой автора и не являются основной идеей романа. В романе “Наследство разоренных” действие происходит в постколониальное время, вскоре после обретения Индией независимости. Приняв решение поместить действие романа в 70-е годы XX в., Киран Десаи не могла не затронуть эти темы. Вместе с тем современные им исторические события являются лишь частью жизни героев, на судьбах которых и фокусируется произведение.

В своем романе Киран Десаи показывает, как отдельный человек справляется с определенными обстоятельствами и трудностями, приспосабливается ко времени и месту, в которых родился. Подтверждают это и слова самой Киран Десаи: «История с большой буквы лишь часть истории жизни отдельного человека, политические события, безусловно, влияют на жизнь человека, но в то же время в “истории его жизни” они становятся лишь фоном» [Mullan, 2008]. Именно изображение жизни частного человека, его переживаний и попыток справиться с обстоятельствами и является идеей этого романа. Тем не менее, такая бурная реакция читателей на роман еще раз указывает на значимость контекста, в котором читается и воспримется роман, а также на то, что раны, нанесенные колониализмом, еще не зажили, и даже упоминание этой темы вызывает бурную реакцию в странах бывших колониях.

1. Десаи, К. Наследство разоренных / К. Десаи; пер. с англ. Ю. А. Балаяна. — СПб.: Амфора, 2007. — с. 427
2. Леви-Стросс, К. Структурная Антропология / К. Леви-Стросс. пер. с фр. Иванов В. В. — М.: Наука, 1985. — с. 536
3. Luebering, J.E.. Kiran Desai (Biography, books and facts) // Encyclopaedia Britannica. — 23 Nov. 2008[Электронный документ]. — URL: <https://www.britannica.com/biography/Kiran-Desai#accordion-article-history> Проверено 01.11.2020
4. Pankaj M. Review: The Inheritance Of Loss // The New York Times. — N.Y., 2006. — 9 February. [Электронный документ]. — URL: <https://www.nytimes.com/2006/02/09/arts/review-the-inheritance-of-loss.html>. Проверено 01.11.2020
5. Mullan, John. Readers' responses to The Inheritance of Loss by Kiran Desai // The Guardian. — 21 Nov. 2009. [Электронный ресурс]. — URL: (<https://www.theguardian.com/books/2009/nov/21/inheritance-loss-kiran-desai-mullan>). Проверено 01.11. 2020
6. Mullan, John. Kiran Desai on writing The Inheritance of Loss.// The Guardian. — 13 Nov. 2008 [Электронныйресурс]. — URL: (<https://www.theguardian.com/books/2009/nov/14/inheritance-loss-desai-book-club>). Проверено 01.11. 2020
7. Inheritance irks Nepali readers // Hindustantimes. — 4 Dec. 2006. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hindustantimes.com/india/inheritance-irks-nepali-readers/story-KwzmG7VPG38kDPCT72hn5L.html>. Проверено 01.11.2020

ПОЛИЦИЯ В НИДЕРЛАНДСКОЙ ИНДИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ АРМИЕЙ И ПОЛИЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИИ

Travkin Pavel

THE POLICE IN THE DUTCH EAST INDIES AND HISTORICAL REASONS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONFLICT BETWEEN THE ARMY AND THE POLICE IN MODERN INDONESIA

В статье рассматривается история создания полиции в Нидерландской Индии, а также взаимоотношения колониальной полиции и колониальной армии. Предпринята попытка проследить исторические причины конфликта между полицией и армией в современной Индонезии.

The paper deals with the history of the formation of the police in the Dutch East Indies and relations between the colonial police and the colonial army. The author tried to trace the historical reasons for the conflict between the police and the army in modern Indonesia.

Ключевые слова: колониальная полиция, Нидерландская Индия, КНИЛ, Индонезия.

Key words: colonial police, Dutch East Indies, KNIL, Indonesia.

Национальная Армия Индонезия (ТНИ, индонез. *Tentara Nasional Indonesia*) всегда была опорой суверенитета страны. При этом большой вклад в защиту и укрепление индонезийской независимости внесла и полиция Индонезии (Полри, индонез. *Polri*). В период «Нового Порядка» Полри стала частью Вооруженных Сил Республики Индонезия (АВРИ, индонез. *Angkatan Bersenjata Republik Indonesia*). После крушения режима Сухарто наступил период Реформации (индонез. *Reformasi*), и полиция была отделена от армии, однако по некоторым причинам разделение полиции и вооруженных сил провалилось. Сейчас между двумя силовыми структурами существует достаточно серьезный конфликт, корни которого следует искать в истории развития колониальной полиции времен Нидерландской Индии, а не в результатах неудачного отделения полиции от вооруженных сил во времена Реформации. Данный конфликт может привести к открытому противостоянию и, в итоге, распаду страны. В его основе лежат глубокие исторические предпосылки, которые необходимо проанализировать, чтобы понимать истоки этого долгого и взрывоопасного конфликта.

Согласно официальной историографии полиция впервые была создана во времена средневековой империи Маджапахит и называлась «Бхаянгкара» (индонез. *Bhayangkara*), что означает «страж порядка, личный телохранитель»

[Website Resmi Polri]. Создание «полиции» эпохи Маджапахита приписывают знаменитому мапатиху (первому министру) империи ГаджаМаде [Lina Satya, 2020.]. В функции Бхаянгкары входила охрана правителя и порядка в стране. Сейчас версия того, что полиция была создана именно во времена Маджапахита, является официальной и поддерживается командованием Полри. Полиция же современного типа была создана во времена Нидерландской Индии. Однако данная версия не вписывается в парадигму, господствующую в индонезийской историографии, согласно которой колонизаторы занимались исключительно эксплуатацией ресурсов и населения колонии.

Когда голландцы колонизировали Индонезию в конце XVIII в. — начале XIX в., перед ними встала проблема контроля обширных территорий с разным этническим и религиозным составом. Против власти голландцев часто вспыхивали восстания и войны в разных частях архипелага. Одним из таких выступлений стала война принца Дипонегоро (1825 – 1830 гг.) [Мовчанюк, 1969. С.59-61]. Именно после этой разрушительной для колонии войны голландское правительство сделало ставку на создание армии в колонии, а не на доставку войск из метрополии. Для оперативного подавления крупных восстаний и победы над воюющими повстанцами правительство Нидерландской Индии в 1830 г. создало Королевскую Армию Нидерландской Индии — КНИЛ (нидерл. *Koninklijk Nederlands Indisch Leger*).

Однако положение внутри контролируемых голландцами районов было нестабильным. Часты были мелкие беспорядки и стычки местного населения в городах и деревне. Для преодоления этого колониальное правительство должно было создать отряды колониальной полиции, чтобы, как говорил знаменитый английский писатель Джордж Оруэлл, который сам служил в колониальной полиции Британской Индии, «делать за империю ее грязную работу» [George Orwell, 2011. С. 17-24].

Первые попытки создать полицию в Нидерландской Индии относятся к 1816 г. [Lina Satya, 2020.]. Однако тогда колониальная полиция не имела той структуры, которая будет создана позже. Также эти полицейские отряды были малочисленны, поэтому голландцы продолжали надеяться в основном на армию, доставляемую из метрополии.

В 1867 г. в Семаранге местные европейцы создали формирование из 78 туземцев для защиты порядка в городе и жителей европейского происхождения [A.Wahyurudhnato, 2013. С.104]. До 1897 г. у полиции не было никаких полномочий, кроме защиты европейского населения колонии [LinaSatya, 2020]. Окончательно полиция приобрела свой современный вид в период 1897 – 1920 гг. и делилась на следующие подразделения: *veldpolitie* (полевая полиция), *stadspolitie* (городская полиция), *rechtspolitie* (полиция, защищавшая туземных жителей), *cultuurpolitie* (полиция, следившая за порядком сбора урожая «принудительных культур» [Бандиленко, 1992. С.180]), *bestuurspolitie* (подразделение полиции, защищавшее туземный и европейский административный аппарат) и т.д. [A.Wahyurudhnato, 2013. С.104]. Также голландцы создали жандармерию (индонез. *Marsose*), которая

должна была заниматься политическим сыском и арестами неугодных колониальному режиму личностей из числа деятелей индонезийского движения за независимость [Faris, 2014.], и «полицию нравов», которой надлежало искоренять гомосексуализм, проституцию, педофилию и продажу женщин и детей в публичные дома [Marieke Bloembergen, 2011. С.128].

Отдельно стоит упомянуть отряды полевой полиции. Несмотря на название, в задачи данного подразделения входило быстрое реагирование на беспорядки в городах и деревнях [Dany, 2014]. Отряды этого подразделения полиции участвовали наравне с армией в подавлении многочисленных анти-голландских выступлений. Более того, на основе данного подразделения после обретения Индонезией независимости была создана Мобильная Бригада полиции (индонез. *Brigade Mobil*, сокр. *Brimob*), выполнявшая те же самые функции [Ibid].

Различные полицейские подразделения принимали участие в подавлении восстания крестьян в Бантене в 1888 г. [Lina Satya, 2020.], многочисленных китайских беспорядков в 1900 – 1910-х гг. и в разгроме коммунистического сопротивления на Яве в 1926 – 1927 гг. [Dany, 2014.]. Также жандармерия вела слежку за китайской общиной и деятелями национального движения, например, за лидерами организации «Сарекат Ислам» [Marieke Bloembergen, 2007. С.121]. Однако, как правило, жандармы не могли установить слежку и каким-то образом подорвать деятельность тех или иных сил в Нидерландской Индии [Marieke Bloembergen, 2007. С.149].

Все подразделения полиции возглавлялись голландскими офицерами. Предпочтение в наборе кандидатов на службу отдавалось выходцам из христианских областей архипелага (Манато (север о. Сулавеси), о. Амбон, некоторые районы о. Суматры) [A.Wahyurudhnato, 2013. С.106]. Как правило, служащие колониальной полиции из христианских районов проходили службу на Яве и Мадуре и не имели связей с местными обычаями, исламом и анти-голландским сопротивлением [Панченко, 1994. С.22-23]. Для колонизаторов это делало особенно выгодным использование полиции в подавлении любого сопротивления режиму в Нидерландской Индии.

В 1930-х гг. в полиции колонии служило около 54 тысяч человек, 96 процентов из которых были выходцами с архипелага [A.Wahyurudhnato, 2013. С.105]. Исключением было подразделение «полиции нравов», где служили почти одни голландцы. Все туземные служащие колониальной полиции получали необходимое образование. Однако условия службы были тяжелыми, туземные полицейские работали по двенадцать часов в день и получали меньшую зарплату, чем служащие в колониальной армии индонезийцы [Marieke Bloembergen, 2007. С.133]. Данный фактор стал одним из важных элементов формирования «комплекса неполноценности», сложившегося у полицейских по отношению к военным и играющим большую роль в отношениях армии и полиции до сих пор.

Несмотря на то, что создание полиции колониальными властями имело в своей основе благие намерения (за исключением подавления неугодных властям сил), вскоре в полиции появились проблемы, характерные и для

современного этапа развития Полри: насилие, изнасилования и разбой стали носить постоянный характер. «Полиция нравов» часто уличалась в совершении преступлений, против которых была призвана бороться [Eneng Susanti, 2016]. Большое количество преступлений со стороны туземных стражей закона совершалось в отношении этнических китайцев. В результате местное население испытывало постоянный страх перед рядовыми служащими колониальной полиции [A.Wahyurudhnato, 2013. С.104].

Более того, начались первые стычки между полицейскими и солдатами колониальной армией — КНИЛ [Dick van der Meij, 2011. С. 181]. Рядовой состав КНИЛ в основном, как и рядовой состав полиции, состоял из туземных жителей. Между служащими двух организаций постоянно возникали конфликты на этнической и религиозной почве, хотя большую часть солдат-индонезийцев в вооруженных силах также составляли христиане, выходцы из тех же регионов, что и многие полицейские. Часто конфликты происходили без каких-либо явных причин и иногда приводили даже к перестрелкам и, как следствие, к большим потерям с двух сторон. Таким образом, рядовые служащие полиции, начиная уже с колониальных времен, были заклятыми врагами солдат колониальной армии [A.Wahyurudhnato, 2013. С.105].

Кроме этого, полиция была одной из самых коррумпированных структур колониальной Индонезии. Она занималась взяточничеством, рэкетом и покрывательством опиумных курилен, борделей и мест азартных игр [Petrik Matanasi, 2017]. Правительство Нидерландской Индии решило побороть коррупцию в рядах полиции и вскоре заменило практически все ее руководство, в том числе и на местах, на офицеров армии [Ibid]. Военные же, в свою очередь, приложили достаточные усилия по борьбе с рэкетом и взяточничеством в рядах полиции и тем самым лишили многих полицейских привычного им дополнительного заработка, который для них был крайне необходим из-за низкой оплаты труда. Это вызвало недовольство среди полицейских. Как следствие, конфликт между колониальной полицией и КНИЛ разгорелся с новой силой, а в самой структуре полиции стал складываться комплекс неполноценности из-за невозможности противостоять власти военных, занимавших высокие должности в структуре полиции [A.Wahyurudhnato, 2013. С.104].

В период японской оккупации (1942 – 1945 гг.) полиция была сохранена японцами почти в неизменном виде [Suhendra, 2019]. Японские офицеры были назначены только на те должности, которые раньше занимали голландцы.

Хотя полиция служила японскому оккупационному режиму, но после провозглашения независимости Индонезии 17.08.1945 полиция сразу же, в отличие от армии, [Ibid.] включилась в борьбу за сохранение недавно приобретенного суверенитета страны [Ibid]. Например, Полри была первой силой, принявшей удар английских и голландских войск в Сурабае в 1945 г. [Ibid].

Полиция продолжала быть одной из основных сил, боровшихся против голландцев за независимость в 1945 – 1949 гг. [Ibid]. Хотя некоторые служащие полиции вернулись на службу к колонизаторам и влились в про-

голландские отряды, воюющие против республиканских войск, большинство бывших служащих колониальной полиции остались на стороне борцов за независимость Индонезии.

Полри оставалась важным элементом обеспечения политической стабильности режима президента Сукарно в 1945 – 1967 гг. Стоит сказать, что полиция безоговорочно поддерживала Сукарно во время трагических событий переворота 30.09.1965. После отстранения президента Сукарно от власти в 1967 г. полиция стала частью вооруженных сил, во главе которых стоял президент Сухарто [Ibid].

Таким образом, можно сделать вывод, что корни конфликта между армией и полицией следует искать отнюдь не во времена Реформации, а еще в более ранний период — период колониального правления. Коррупция и другие преступления стали обыденной частью службы в полиции, что негативно отразилось на ее образе в глазах местного населения. Более того, полиция, начиная со времен колониального правления, оставалась главным инструментом подавления любой оппозиции действующему режиму, как при голландцах, так и в независимой Индонезии.

Начиная с колониальных времен, военные и полицейские активно соперничают за влияние в различных сферах жизни — политике и бизнесе, часто нарушая законы и нормы морали, что лишь создает предпосылки для новых эпизодов этого конфликта, длящегося уже более двухсот лет. До сих пор противоречия между полицией и армией не разрешены и часто перерастают в перестрелки с жертвами с обеих сторон, что вкупе с высокой степенью коррумпированности создает серьезную опасность для внутренней стабильности государства.

1. Бандиленко, Г.Г., Гневушева Е.И., Деопик Д.В., Цыганов В.А. История Индонезии. Ч.1: Учебник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. — 352 С.
2. Мовчанюк, П.М. Яванская народная война 1825-1830 гг. — М. Издательство «Наука» главная редакция восточной литературы, 1969. — 192 С.
3. Панченко, Л.П. Армия и модернизация общества (опыт Индонезии).- М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 200 С.
4. Wahyurudhanto, A. Belajar Dasar-dasar Polisi Modern dari Sejarah Polisi Zaman Kolonial. Jurnal Studi Kepolisian. Edisi 079, 2013. — P. 103-106.
5. Dick van der Meij. Book review: Marieke Bloembergen “De geschiedenis van de politie in Nederlands-Indie; Uitzorg en angst”. Wacana Vol 13 № 2, 2011.– P. 381-385.
6. George, Orwell "Shooting an Elephant," in Orwell and Politics: Animal Farm in the Context of Essays, Reviews, and Letters Selected from the Complete Works of George Orwell, ed. Peter Davison (London: Penguin Books, 1929; 2001).- P. 17-21.
7. Marieke, Bloembergen. Being clean is being strong Policing cleanliness and gay vices in the Netherlands Indies in the 1930s. Cleanliness and Culture. Vol 272. 2011. — P. 117-145.
8. Marieke Bloembergen. The Dirty Work of Empire: Modern Policing and Public Order in Surabaya, 1911-1919. Cornell University Press; Southeast Asia Program Publications at Cornell University. Indonesia, 2007, № 83 (Apr., 2007). — P.119-150.

9. LinaSetya. MelihatSejarahBhayangkara di HUT Polri 74. URL: <https://smol.id/2020/07/01/melihat-sejarah-bhayangkara-di-hut-polri-74/>. Проверено 22.10.2020.
10. Suhendra.PolriBerevolusi di Tengah Hitam-PutihnyaSejarah. URL: <https://tirto.id/polri-berevolusi-di-tengah-hitam-putihnya-sejarah-republik-edmC>. Проверено 22.10.2020.
11. Faris. PolriDalamSejarah: Era PenjajahanHindiaBelanda (1800-1942). URL: <https://ntmcpolri.info/polri-dalam-sejarah-era-penjajahan-hindia-belanda-1800-1942>. Проверено 22.10.2020
12. PetrikMatanasi. PolisiKorupHindiaBelanda. URL: <https://tirto.id/polisi-korup-hindia-belanda-cmwT>. Проверено 22.10.2020.
13. EnengSusanti. 'PolisiSusila', PolisiSyariahalaHindiaBelanda. URL: <https://www.islampos.com/polisi-susila-polisi-syariah-ala-hindia-belanda-3852/>. Проверено 22.10.2020.
14. Dany. Veldtpolitie, PolisiAndalanKolonialBelandauntukMeredamKerusuhan di Masyarakat. URL: <https://www.boombastis.com/fakta-veldtpolitie-polisi-kolonial-belanda/261190>. Проверено 22.10.2020.
15. WebsiteResmiPolri. URL: <https://www.polri.go.id/tentang-sejarah>. Проверено 22.10.2020.

ПОИСКИ БЛАГА В «РАЗГОВОРЕ ГОСПОДИНА С РАБОМ» И КНИГЕ ЭККЛЕЗИАСТ

Fedorova Elizaveta

THE SEARCH FOR GOOD IN «THE DIALOGUE BETWEEN A MASTER AND HIS SLAVE» AND THE BOOK OF ECCLESIASTES

Статья посвящена представлениям о благе, заключённым в вавилонском «Разговоре господина с рабом» и библейской Книге Экклесиаст. В статье проводится сопоставление обоих текстов с такими произведениями литературы древнего Ближнего Востока, как Эпос о Гильгамеше, «Поэма о невинном страдальце» и «Вавилонская теодицея». Противоположность двух пониманий блага рассматривается в свете функциональных различий между текстами и особенностей их исторического контекста.

The article deals with the concept of “good” as presented in the Babylonian “Dialogue between a Master and His Slave” and the biblical Book of Ecclesiastes. The article involves a comparison of both texts with other works of Ancient Near Eastern literature, such as The Epic of Gilgamesh, “The Poem of the Righteous Sufferer” and “The Babylonian Theodicy”. The polarity of the two authors’ perceptions of “good” is discussed in the light of the functional differences between the texts and the specifics of their historical contexts.

Ключевые слова: Разговор господина с рабом, Экклесиаст, теодицея, литература Древнего Ближнего Востока, Эпос о Гильгамеше

Key Words: The Dialogue between a Master and His Slave, Ecclesiastes, theodicy, Ancient Near Eastern literature, Epic of Gilgamesh

«Разговор господина с рабом» — небольшое по объёму произведение вавилонской литературы, созданное на аккадском языке на рубеже II и I тыс. до н.э. «Разговор» может быть разделён на десять частей, построенных по принципу семантико-синтаксического параллелизма. Каждая часть представляет собой короткий диалог господина и его раба, посвящённый тому или иному делу. Господин подзывает к себе раба и приказывает ему соглашаться. Он сообщает рабу о некоем своём намерении, получая одобрение и рациональные доводы в пользу задуманного действия. Тем не менее, каждый раз господин спонтанно отказывается от своей идеи, после чего раб с прежним энтузиазмом доказывает справедливость нового решения. Риторический акцент всегда оказывается на последнем аргументе раба, предостерегающем от негативных последствий, которые в далекой перспективе может повлечь за собой то или иное действие. Поездка во дворец, обед, вольная жизнь в степи, создание семьи, мятеж, любовь к женщине, жертвоприношение богам, ростовщичество, благодеяние для страны — всё это может навредить господину, а то и вовсе привести к его гибели. Убедённый рабом, господин

из раза в раз утверждается в своем решении ничего не предпринимать. Заключительная часть диалога гласит:

- «Раб, соглашайся со мной!» — «Да, господин мой, да!»
- «Что же теперь благо?»
- «Шею мою, шею твою сломать,
В реку бросить — благо!
Кто столь высок, чтобы подняться в небо,
Кто столь широк, чтобы объять землю?»
- «Нет, раб, я тебя убью и перед собою отправлю!»
- «А господин мой хоть три дня после меня проживёт?» [Lambert, 1996. С. 148]

Оказывается, всё это время господин с рабом занимались поисками блага. Но почему благом является смерть? Кажущаяся абсурдность такой развязки приводила многих исследователей к поспешным выводам о том, что заключительная часть диалога носит юмористический характер [Bottéro, 1992. С. 260; Samet, 2008. С. 130]. Прояснить ситуацию помогает сопоставление с Эпосом о Гильгамеше, своеобразной пародией которого является «Разговор». В образе импульсивного господина просматривается Гильгамеш, а в образе верного раба-советчика — Энкиду. В «Разговоре» присутствует немало других аллюзий и реминисценций Эпоса. В большинстве случаев заимствованные из Эпоса элементы приобретают в новом контексте такую мрачную и негативную окраску, какой они не обладали в оригинале. Некоторые цитаты подвергаются намеренному искажению, наполняясь циничным и пессимистическим содержанием при сохранении узнаваемой формы. Риторический вопрос «Кто столь высок, чтобы подняться в небо, кто столь широк, чтобы объять землю?» также является изменённой цитатой, на этот раз из шумерской эпической песни «Бильгамес и Хувава» (в которой, к слову, Энкиду называется рабом Гильгамеша). В шумерском тексте эти слова принадлежат Бильгамесу [Gilgameš and Ħuwawa A, 28-29]. Свесив голову с городской стены, он видит трупы, плывущие по реке, и с ужасом думает: с ним будет точно так же [Gilgameš and Ħuwawa A, 25-27; Емельянов, 2003. С. 187]. Исходный контекст цитаты позволяет нам понять, почему раб предлагает сбросить трупы в реку [Емельянов, 2015. С. 58]. Примечательно, что в предпоследней части диалога раб советует господину подняться на «древние холмы» и посмотреть на черепа:

- Поднимись на древние холмы, пройдишь,
Посмотри на черепа живших позже и раньше:
Кто злодей, кто благодетель? [Lambert, 1996. С. 148]

Здесь автор отсылает нас к аккадскому Эпосу о Гильгамеше, в I таблице которого рассказчик предлагает подняться на стену Урука, пройтись,

посмотреть на основание и ощупать кирпичи. Автор «Разговора» высмеивает прославляющий тон I таблицы Эпоса: стена Урука, усердно превозносимая рассказчиком, становится здесь всего лишь древними холмами, а героический пафос сводится на нет напоминанием о неизбежности смерти и забвения для всех людей. Цитируя в заключительной части диалога шумерский эпос, автор ещё раз подчёркивает мысль о том, что человек не может уподобиться богам в бессмертии. Однако, подобно Гильгамешу, господин не хочет примириться со своей человеческой природой. Осознавая свою смертность, он всё равно хочет отправиться на поиски вечной жизни. В отличие от Энкиду, раб из «Разговора» останавливает своего господина от тщетных поисков. На предложение господина заменить свою смерть смертью раба (подобно тому, как Энкиду расплачивается своей жизнью за прегрешения неприкосновенного Гильгамеша) раб отвечает ещё одним риторическим вопросом. Суть последней реплики сводится к следующему: даже если раб умрёт первым, господину всё равно не избежать смерти. Смерть Энкиду предвещает смерть самого Гильгамеша, то же самое происходит и в диалоге. И Гильгамеш, и господин жаждут бессмертия и терпят поражение. Таким образом, автор высмеивает традицию прославлять заведомо бессмысленные поиски вечной жизни. Отважный герой Гильгамеш, не боящийся говорить о себе «я», становится в диалоге безмянным и бездеятельным господином. Пародируя Эпос о Гильгамеше, автор «Разговора» сталкивает старое понимание блага (благо бессмертия) с новым пониманием блага (благо небытия) [Емельянов, 2003. С. 187]. Однако не только поиски бессмертия кажутся автору диалога бессмысленными. Наслаждение жизнью, будь то обед или любовь к женщине, также не является благом. Из аргументов раба становится ясно, что подобные радости недолговечны, а зачастую даже губительны. Не исключено, что таким образом автор вступает в спор с мудрой кабатчицей Сидури, советующей Гильгамешу получать удовольствие от простой человеческой жизни [George, 2003. С. 278-279]. Автор диалога убеждён: что бы человек ни предпринял, его труды рано или поздно пропадут зря. Негативные последствия в будущем возобладают над сиюминутной выгодой, а смерть и вовсе всё обесценит. В таком случае лучше всего умереть как можно раньше, избавив себя от ненужных рисков и страданий. Отличие авторского мировоззрения от общепринятого становится очевидным и при сопоставлении «Разговора» с такими произведениями, как «Вавилонская теодицея» и «Поэма о невинном страдальце». Все три текста сходятся на том, что воля богов непостижима. Однако, в отличие от авторов теодицей, автор «Разговора» не призывает к усердной молитве в надежде на божественную милость. Вместо этого он заявляет, что бога нельзя научить ходить за собой, «подобно собаке», следовательно, стараться задобрить его — занятие бессмысленное [Lambert, 1996. С. 146-148].

Книга Экклезиаст справедливо считается одной из самых малопонятных и противоречивых библейских книг. Человек, от лица которого ведётся повествование, называет себя $לְהֵלֵךְ$ (qoheleṯ — активное причастие женского рода, образованное от корня со значением «собирать»). Это слово,

переведённое на греческий язык как Ἐκκλησιαστής, до сих пор не имеет однозначной интерпретации. Кроме того, в книге практически отсутствует структура, что затрудняет понимание и без того неоднозначного текста. Наличие противоречащих друг другу цитат ставило под вопрос включение данной книги в число канонических. Книга Экклезиаст стала частью еврейской Библии лишь благодаря традиции приписывать сочинения назидательного характера царю Соломону. Эпиграф книги гласит: «Слова Экклезиаста, сына Давида, царя в Иерусалиме» (Еккл 1:1) [Elliger, Rudolph, 1997. С. 1336]. Тем не менее, подобная атрибуция далека от реального положения дел. Основываясь на лингвистических данных, мы можем с уверенностью отнести создание книги ко второй половине I тыс. до н.э. [Collins, 2014. С. 538]. Красной нитью через всё повествование проходит тема смерти. Неизбежность смерти для всех людей независимо от их дел при жизни обесценивает труды человека. Древние евреи не имели представлений о загробном воздаянии. Как следствие, Экклезиаст приходит к выводу, что всё «суета сует, суета сует — всё суета!» (Еккл 1:2) [Elliger, Rudolph, 1997. С. 1336]. Именно эта фраза открывает и завершает основную часть книги, создавая кольцевую композицию, подчёркивающую тщетность всех человеческих усилий. Так как все рано или поздно умрут, ни неистовое стремление к славе и роскоши, ни чрезмерная мудрость и праведность не имеют смысла, являясь «погоней за ветром». Книга Экклезиаст жанрово близка к теодицеям [Емельянов, 2015. С. 190-192]. Все несправедливости, творящиеся в мире, Экклезиаст объясняет тем, что человек не способен понять божественный замысел в силу своей ограниченности. «Бог на небе, а ты на земле», — говорит Экклезиаст (Еккл 5:1) [Elliger, Rudolph, 1997. С. 1343]. Бог установил всему своё время, так что человек не в силах повлиять на свою судьбу. А значит, строить планы и продумывать наперёд бессмысленно. Тем не менее, человек должен бояться Бога и надеяться на его милость, ведь у праведников больше шансов уцелеть, чем у нечестивцев. Итак, человек не может распоряжаться своей жизнью и неминуемо умрёт. Что же в таком случае является благом? Экклезиаст не даёт определённого ответа на этот вопрос. В одном случае он ставит вопрос риторически, отрицая возможность найти благо:

Ибо кто знает, что есть благо человеку в жизни, в считанные дни его суетной жизни, которые он проводит, как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем? (Еккл 6:12) [Elliger, Rudolph, 1997. С. 1345]

Здесь мы имеем дело с чрезвычайно распространённым в библейской литературе стилистическим приёмом — параллелизмом. Обе части стиха излагают одну и ту же мысль разными словами, причем вторая часть дополняет и уточняет мысль из первой части. Учитывая эту особенность древнееврейской поэтики, мы можем предположить, что под благом в данном контексте подразумевается нечто, способное оставить память о человеке после его смерти. В таком случае благо недостижимо, ведь всех людей ожидает забвение. Тем не менее, основной вывод книги можно считать если не благом, то, по крайней мере, его альтернативой, достойным способом примириться с безвыходностью положения. В чём же заключается этот вывод? Вместо того

чтобы посвящать себя какому-то великому делу, Экклезиаст советует находить радость в повседневных заботах и принимать наслаждение, когда Бог дарует его:

Вот что я увидел благого: что прекрасно есть и пить, и видеть благо во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем в считанные дни жизни своей, которые дал ему Бог, ибо это его доля. (Еккл 5:17) [Elliger, Rudolph, 1997. С. 1344].

Все остальные занятия стоит оставить Богу, решающему судьбы и устанавливающему времена. Эта мысль становится логическим заключением всех рассуждений автора, повторяясь в тексте около десяти раз. Накопление богатства представлено в книге страшным преступлением. Человек должен жить настоящим, а не откладывать на будущее.

Как и «Разговор господина с рабом», Книга Экклезиаст имеет общие черты с Эпосом о Гильгамеше. Кольцевая композиция, переосмысление образа полубогатного царя, обеспокоенность конечностью человеческой жизни — лишь самые очевидные из всех мотивов, объединяющих эти тексты. Совет наслаждаться жизнью, содержащийся в 7 - 9 стихах 9 главы Книги Экклезиаст, напоминает монолог Сидури из старовавилонской версии Эпоса о Гильгамеше. Совпадает даже последовательность деталей: еда, чистая одежда, чистые волосы, семейная жизнь, заключение о человеческой доле [Samet, 2015. С. 378]. Книгу Экклезиаст можно сопоставить и с «Поэмой о невинном страдальце». В обоих произведениях важную роль играет идея о непостижимости божественного замысла. Подобно страдальцу из поэмы, Экклезиаст отказывается от попыток найти объяснение царящей кругом несправедливости, не теряя при этом веры в существование такого объяснения. В обоих случаях решением проблемы становится надежда на божественную милость и смиренное послушание. Как и страдалец из «Вавилонской теодицеи», Экклезиаст замечает, что в мире отсутствует порядок, вследствие чего нечестивцы торжествуют, а праведники терпят страдания. Оба автора выражают надежду на то, что виновные понесут за свои поступки наказание при жизни, а праведные будут награждены, ведь без бога можно добиться только временного успеха.

Вероятнее всего, связь между вавилонским «Разговором господина с рабом» и библейской книгой Экклезиаст является типологической. Ввиду отсутствия текстуальных совпадений доказать генетическое родство двух произведений практически невозможно. Тем не менее, тематическая общность и принадлежность к общей ближневосточной традиции делает сопоставление данных текстов возможным. Неизбежность смерти и забвения, ограниченность человеческого познания, противоречивость мира, непостижимость божественной воли — каждая из вышеперечисленных тем в той или иной мере представлена в обоих текстах. Действительно, вавилонский и библейский авторы задаются одними и теми же вопросами, но ответы они дают прямо противоположные. Несовместимость двух мировоззрений ярче всего проявляется в том, как авторы отвечают на вопрос о благе, поставленный в обоих текстах. Вавилонский автор убежден, что благо заключается в смерти, в

то время как библейский автор считает благом наслаждение жизнью. Библейский автор оказывается гораздо ближе к тем произведениям, с идейным содержанием которых вавилонский автор пытается спорить. Чем можно объяснить такую полярность суждений? Во-первых, свою роль сыграл исторический контекст создания произведений. Конец II — начало I тысячелетия было временем тяжелых потрясений и катаклизмов, не обошедших стороной и Вавилонию. К началу I тыс. до н.э. Вавилония находилась в состоянии глубокого экономического и политического упадка, вызванного бесконечными войнами с Эламом, вторжением племён арамеев и халдеев, ухудшением климатических условий, голодом, разрывом торговых и дипломатических отношений между странами Ближнего Востока. События катастрофы бронзового века привели к упадку вавилонской цивилизации, давая ход необратимым культурным и литературным процессам. Как верно заметил Т. Якобсен, «по мере старения цивилизации её основные ценности рискуют потерять своё значение для принадлежащих к этой цивилизации людей» [Frankfort, et al., 2013. С. 216]. В духовную культуру Вавилонии начинает проникать скептицизм, и традиционные ценности ставятся под сомнение. «Разговор господина с рабом», резко противопоставляющий себя господствующей литературной традиции, является ярким примером этого духовного кризиса и упадка. Точное время создания Книги Экклесиаст неизвестно. Большинство исследователей сходится на том, что книгу можно датировать временем между V и II вв. до н.э. Бесспорно, эпоха персидского владычества в Иудее была связана не только с новыми надеждами, но и с разочарованиями. Обещания, данные вернувшимся из вавилонского плена иудеям, зачастую оказывались далёкими от реальности и не спешили воплощаться в жизнь. Тем не менее, этот период характеризуется небывалым подъемом национального самосознания иудейской общины, приведшим к расцвету культуры в целом и литературной деятельности в частности. Ранний эллинистический период также не нарушил внутреннего порядка иудейской общины. Со времени завоевания Александра Македонского (332 г. до н.э.) и до первых попыток эллинизации Иерусалима (174 г. до н.э.) череда эллинистических правителей осуществляла контроль над Иудеей без серьезных инцидентов и попыток насильственного вмешательства в религиозную и культурную жизнь иудеев [Carr, 2010. С. 247]. Итак, несмотря на то, что жизнь иудеев в персидский и эллинистический период (какую датировку текста мы бы ни выбрали) не была лишена трудностей, на долю библейского автора не выпало таких масштабных катаклизмов, с какими, судя по всему, пришлось столкнуться автору «Разговора». Возможно, именно поэтому библейский автор не дошёл до той стадии отрицания всех ценностей, на которой находится «Разговор господина с рабом». Не исключено, что важную роль здесь сыграл также религиозный фактор. В силу особенностей своей религии автор Книги Экклесиаст не мог прийти к выводам о бессмысленности почитания Бога, как не мог и представить самоубийство решением проблемы [Lambert, 1995. С. 37].

Вторым возможным объяснением полярности суждений можно считать различную функциональность произведений. Книга Экклезиаст носит очевидно дидактический характер. Некоторые из её частей написаны в форме наставлений некоему юноше. Соответственно, автор нёс ответственность за советы, которые он давал в своём произведении. Не исключено, что автор хотел помочь своим единоверцам справиться с душевными сомнениями, терзавшими их в борьбе за выживание и процветание общины. Призывы верить в справедливость Бога, не впадать в крайности, не задаваться лишними вопросами и довольствоваться малым кажутся вполне актуальными в таком контексте. Дидактический характер «Разговора господина с рабом» далеко не так очевиден. Воодушевление соотечественников также едва ли могло быть целью вавилонского автора. «Разговор» заостряет внимание на неразрешимых проблемах человеческого бытия, но не призывает игнорировать их, предаваясь мимолётным радостям. Вавилонский диалог является в гораздо большей степени рефлексивным произведением, чем нравоучительным. Автор «Разговора» стремился высмеять наивность центральных произведений своей литературной традиции, показав, насколько заключённые в них воззрения абсурдны и непрактичны в условиях современной ему реальности. В отличие от библейского автора, писавшего от лица легендарного мудреца Соломона, вавилонский автор мог высказывать самые дерзкие мысли, вкладывая их в уста раба. Он не был ограничен ни религиозными, ни жанровыми условностями, определившими ход мысли в Книге Экклезиаст.

1. Емельянов, В.В. Гильгамеш. Биография легенды / В.В. Емельянов. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 358 с.
2. Емельянов, В.В. Ритуал в Древней Месопотамии / В.В. Емельянов. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. — 320 с.
3. Bottéro, J. Mesopotamia: Writing, Reasoning, and the Gods / J. Bottéro, trans. by Z. Bahrani and M. Van De Mieroop. — Chicago: The University of Chicago Press, 1992. — 311 p.
4. Carr, D.M. An Introduction to the Old Testament: Sacred Texts and Empirical Contexts of the Hebrew Bible / D.M. Carr. — Wiley-Blackwell, 2010. — 296 p.
5. Collins, J.J. Introduction to the Hebrew Bible / J.J. Collins. — Minneapolis: Fortress Press, 2014. — 622 p.
6. Elliger, K. (ed.) Biblia Hebraica Stuttgartensia / K. Elliger, W. Rudolph (ed.). — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. — 1574 p.
7. Frankfort, H. The Intellectual Adventure of Ancient Man: An Essay of Speculative Thought in the Ancient Near East / H. Frankfort, H.A. Frankfort, J.A. Wilson, T. Jacobsen, W.A. Irwin. — Chicago: University of Chicago Press, 2013. — 401 p.
8. George, A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts / A.R. George. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — 986 p.
9. Gilgameš and Ҳуwawa. Version A. — <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.1.8.1.5> (дата обращения: 11.11.2020)
10. Lambert, W.G. Babylonian Wisdom Literature / W.G. Lambert. — Winona Lake: Eisenbrauns, 1996. — 358 p.

11. Lambert, W.G. Some new Babylonian wisdom literature / W.G. Lambert // *Wisdom in Ancient Israel: Essays in honour of J.A. Emerton.* / ed. By J. Day, R.P. Gordon, H.G.M. Williamson. — New York: Cambridge University Press, 1995. — P. 30-42.
12. Samet, N. The Babylonian Dialogue between a Master and His Slave — a New Literary Analysis (in Hebrew) / N. Samet // *Shnaton: An Annual for Biblical and Near Eastern Studies.* — 2008. — № 23 — P. 99-130.
13. Samet, N. The Gilgamesh Epic and the Book of Qohelet: A New Look / N. Samet // *Biblica.* — 2015. — № 96(3) — P. 375-390.

КАЗАХСКАЯ ЖЕНЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МАДИНЫ ОМАРОВОЙ)

Khanipova Diana

KAZAKH WOMAN IN MODERN LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF MADINA OMAROVA'S WORKS)

В статье на примере произведений казахской писательницы XXI века М. Омаровой (“Гульнара и Нуржамал”, “Квартиранты”, “Моя деревня”, “Бабушка”) рассматривается образ казахской женщины, который сложился в современном обществе. С помощью своих героинь писательница передает женский облик, который изменялся вместе с изменением вектора развития общества. Переводы выдержек из произведений являются авторскими и были выполнены в ходе написания работы.

The article uses the example of the works of the Kazakh writer of the XXI century M. Omarova (“Gulnara and Nurzhamal”, “Lodgers”, “My village”, “Grandmother”) to consider the image of a Kazakh woman that has developed in modern society. With the help of her heroines, the writer conveys the female image, which changed along with the change in the vector of development of society. Translations of extracts from the works are copyrighted and were made during the writing of the work.

Ключевые слова: женский образ; современная казахская литература; литература на казахском языке; современность; «женская проблема»

Key words: the female image; the modern Kazakh literature; literature in the Kazakh language; modernity; “women's issue”

В традиционном обществе образ женщины связан с домашним очагом и построением семейного счастья, а в современном мире женщина все больше стремится быть более независимой и заниматься своей карьерой. В казахском же обществе она [женщина] изначально считалась не только хранительницей дома, но и степной воительницей.

Нормы поведения и положение женщины в Центральной Азии определялось адатом (обычным правом) и шариатом, а в XIX-XX веках еще законами Российской империи, которые затем сменились советским законодательством. Стоит заметить, что адат защищал казахскую женщину и облегчал ее положение в тех случаях, когда нормы шариата принимались в качестве основного закона. С введением новых норм и правовых систем, которые теперь сосуществовали с традиционной правовой системой, изменялось положение казахской женщины в обществе. Например, в XX веке были упразднены традиционные институты — кун (выкуп за убийство), калым (выкуп за невесту), полигамия, левират (каз. әменгерлік, брачный обычай, в соответствии с которым вдова обязана или имеет право вступить в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа). Таким образом, раньше

юридическое и экономическое положение женщины не было столь же свободным, как и ее бытовое положение [Стасевич, 2011. С.190-192].

В XX веке “женская тема” не так часто затрагивалась и чаще всего была сопряжена с общей идеологией государства, где женщин стали воспринимать наравне с мужчинами. В литературе того времени появляется феномен “советская женщина”. Теперь женщина рассматривалась не только, как мать, но и как работница, которая будет повышать трудовую производительность. Этот период породил парадокс того, что само государство стремится к модернизации, но при этом в обществе еще существуют некоторые пережитки прошлого и стремление к сохранению традиций. Данный парадокс сохранился и в настоящее время, так как в современном Казахстане происходит архаизация общества, несмотря на то, что женщины активно борются с его устоями, которые связаны в первую очередь с обычным правом (адатом), поэтому в последнее время возрос интерес к «женской проблеме». Безусловно, XX век наделил ее многими правами и свободами, позволяя ей осознать свое место и свою значимость в обществе. Но в то же время это привело к противоречиям, которые и создают неоднозначную оценку положения женщины и ее образа.

В культуре и в истории казахского народа сложился определенный образ казахской женщины — это свободная и сильная девушка, заботливая и любящая жена и мать, которая играет большую роль, как в своей семье, так и во всем обществе. К тому же, она считается хранительницей домашнего очага, поддержкой и опорой для своего мужа. В нынешних условиях складывается своеобразный дуализм женской натуры, который повлек за собой и иное отношение к ней. От женщины требуют вовлеченность во все сферы ее жизни, начиная с быта и заканчивая карьерой. Не случайно у казахов есть пословица “Әйел бір қолымен бесікті, екінші қолымен әлемді тербетеді” [“Женщина одной рукой качает колыбель, другой весь мир”] [Тасибеков, 2015. С.28]. Конечно, в современном обществе уже успели сложиться различные установки насчет того, какой должна быть современная казашка. И литературные произведения Мадины Омаровой как нельзя кстати подхватили нынешние тенденции общества. В таких произведениях, как “Гүлнәр мен Нұржамал” [“Гульнара и Нуржамал”], “Квартиранттар” [“Квартиранты”] и реалистичные рассказы “Менің ауылым” [“Моя деревня”] и “Әже” [“Бабушка”], писательница старалась ясно осветить «женскую проблему» и показать те тенденции, которые сложились в современном казахском обществе.

В трагикомедии «Гульнара и Нуржамал» М.Омарова рассказывает о двух пожилых женщинах в возрасте 60-лет. Сам сюжет пьесы разворачивается в однокомнатной квартире. Гульнара и Нуржамал — это две разные героини, которых судьба свела вместе. Гульнара предстает перед нами бойкой, живой, довольно смелой подругой, которая может поддержать в трудную минуту. Она довольно эмоциональна и от нее можно было услышать такие слова, междометия и фразы, как, например, “атаңа нәлет!” [“проклятый!”], “ойбай!” [“ой-ой-ой”] и “құдай-ау” [“о, Боже!”].

О Нуржамал мы узнаем то, что у нее проблемы с алкоголем вот уже на протяжении двадцати лет. Всю жизнь она работала в архиве, но сейчас

получает маленькую пенсию, которую едва хватает на еду. Ее муж, который бросил ее, с самого начала не нравился Гульнаре. Затем Нуржамал рождает Даурена, к которому относится с теплотой и заботой. Как признается сама Нуржамал, если бы не Гульнара, то ей бы пришлось очень тяжело.

Гульнара считает свою подругу вполне наивной и изумительно красивой:

Оның әдемілігін құдай маған берсе ғой, онда мен... Наташа Ростоваға ұқсап балға барушы едім.[Омарова, редакционный вариант. С.4].

[Ах, если бы Бог наградил меня такое же красотой, я бы тогда...Я бы была похожа на Наташу Ростову и ходила бы на балы.]

В своих бедах Нуржамал винит свою подругу и даже замахивается на нее топором. Она считает, что та виновата в том, что муж бросил ее, и что у нее ничего не сложилось в жизни, и теперь она вынуждена прятаться от собственного сына, чтобы не мешать его семейному счастью. Наступает кульминационный момент, который приводит к следующей развязке: Нуржамал в ходе рассуждения понимает, что она очень сильно погорячилась. Гульнара начинает просить у нее прощения и уже готовится принять свою участь. А Нуржамал бросает топор и признается Гульнаре в том, что она позвала ее только для того, чтобы убить ее и потом покончить с собой.

Как же в голове Нуржамал зародилась идея убить свою подругу? Возможно, та внутренняя трагедия, которую она переживала, и заставила ее думать об этом. Однако, на протяжении чуть ли не всей пьесы она находится в смятении и вряд ли могла бы решиться даже взяться за топор, не то что убить. В данном случае катализатором ее действий стал выпитый ею алкоголь, который и прибавил ей смелости.

Но даже в этот кульминационный момент она пыталась разрешить свой внутренний конфликт, который буквально пожирал ее изнутри. Она хотела бы иметь крепкую семью и занять свою нишу в обществе. И она поняла, что все это время, пока она была в поисках себя, ее поддерживала Гульнара, для которой она была, возможно, единственным родным человеком.

В самих их именах заложены те качества, которыми и должна обладать казахская девушка: Нуржамал — “нур” — луч света, а “жамал” — красота; Гульнара — “цветок гранатового дерева” или “подобная цветку”. Исходя из этого, следует полагать, что девушка должна быть изящна, красива, мудра, стремиться к рождению детей и созданию семьи (гранат, как символ супружества и плодородия). Такой “правильной” казашкой и пытается быть Нуржамал, что и привело ее к терзаниям и смятениям. Она понимает, что не оправдала свои надежды и не совсем подходит под тот образ казашки, который ей диктует общество. Именно эти внутренние переживания и проблемы, скорее всего, и привели ее к тому, что она начала пить. В конечном счете она понимает, что важно жить так, как хочет она и не стараться подвести свою жизнь под стандарты общества, в котором она живет. Смелая

и свободолюбивая Гульнара доказывает ей это на своем примере, живя для себя и не слушая мнение других людей, которое может только ей навредить.

Нуржамал стала жертвой собственных предрассудков и ожиданий. Она забывает о своих желаниях и потребностях и делает все в угоду другим людям, считая, что так будет правильно. Ей казалось, что очень важно удачно выйти замуж, создать свою семью и укреплять традиции. Однако ее мир рухнул, словно картонный домик, как только из ее жизни ушел муж, бросив ее на произвол судьбы вместе с ребенком. Она терзается и не знает, что ей делать, ведь такой исход событий не предусмотрен в традиционном обществе. И теперь ей приходится справляться самой со своими проблемами. И свое утешение она находит в алкоголе. Гульнара понимает ее и помогает выбраться из тяжелой ситуации.

Два разных женских образа, две героини, которые и показывают ту ситуацию, которая сложилась в наше время, когда казахская девушка порой вынуждена разрываться между двумя мирами: один очень традиционный и требует сохранения старого порядка, а второй более современный и меняет ценностные ориентиры, открывая новые возможности.

В отличие от пьесы “Гульнара и Нуржамал”, в пьесе “Квартиранты” читатель уже наблюдает за взаимоотношениями между мужчиной и женщиной, встретившихся друг с другом волею судьбы. Но это пьеса не столько об этих взаимоотношениях, сколько о внутренней драме главной героини Гульсимы. Писательница изобразила Гульсим как искреннюю, серьезную, в тоже время эмоциональную и вспыльчивую женщину, которая за словом в карман не полезет. И как было принято в обществе, она вышла замуж за своего старого знакомого, когда ей еще не было двадцати лет, и родила четырех детей. К тому же она заведует своим магазинчиком различных товаров, которые привозит из Бишкека, а раньше она работала учителем. Казалось бы, она вписывается в идеальную картину того мира, в котором она живет. Но за всей этой “идеальностью” скрываются определенные проблемы: мужа уволили с работы, он начал пить, денег стало не хватать, нужно заниматься воспитанием детей и искать хорошую квартиру в спокойном районе, выполнять дела по дому и работать. И все эти тяготы не могут не терзать Гульсим.

Возможно, ей не хватает поддержки и заботы, которые ей предлагает Есимбек. Из их диалога читатель узнает о том, что у него есть дочь, которая живет в другой стране со своей семьей. А сам он, простой писатель, был женат и прожил со своей женой всего лишь два года, так как понял, что какой бы хорошей она ни была, он все-таки ее не любил. Гульсим же стала для него своего рода лучом света. Он уважительно обращается к ней, называя ее “карындас” (форма вежливого обращения мужчины (старшего по возрасту) к женщине), пытается поддержать и показать, что она может изменить свою жизнь к лучшему. Она не уверена в своих решениях, в себе и даже в любви:

Жүргенде катал тұрмыс илеуінде,

Білмеймін, сүйдім бе мен, сүймедім бе [Омарова, редакционный вариант. С.10].

[В суровости жизни,
Я не знаю, влюбилась я или нет.]

Но Гульсим боится каких-либо изменений, ведь они могут повлечь за собой осуждение ее жизни со стороны других людей. Ни искренность Есимбека в своих чувствах, ни его открытость и готовность к участию в жизни Гульсим и жизни ее детей, не смогут переубедить ее перешагнуть через правила, которые существуют в обществе. Она готова жертвовать своим женским счастьем ради детей и ради сохранения репутации.

В пьесе есть одна деталь, которая не может не привлечь внимание читателя. Этой деталью является частая игра героев в шахматы. Шахматы — это символ того, что все уже предreshено и в жизни людей действуют строгие правила, которые им нельзя нарушать. И социальное положение каждого человека сопоставляется с определенно шахматной фигурой. Так, в пьесе герои очень часто используют пешки, что указывает на их положение, когда судьба решает все за них. Они лишь простые люди, которых судьба легко свела вместе и так же легко развела в разные стороны, будто они никогда и не встречались.

Гульсим идет на поводу у традиций общества и стремится во всем угодить своему окружению. Она все для кого-то, но не для себя. Ее непоколебимый и свободный дух “ломается” под гнетом людского одобрения или осуждения. Ее может не устраивать нынешнее положение дел, ее муж или то, что она нелюбима, но она просто боится выйти из своей зоны комфорта и потерять все, чего она достигла на данном этапе своей жизни, пусть порой и против ее воли.

Хотелось бы также обратить внимание на разговорные слова и выражения старшего поколения, которыми изобилует речь героев:

“Мәссаған!” [“Вот тебе на!”];
“Астапыралла!” [“Прости, господи!”];
“Алла жар болсын Сізге” [“Да пребудет с вами Бог”];
“Кұдайға тәубе” [“Слава богу”, “К счастью”];
“Кұдай көп көрмесін!” [“Не дай бог!”];
“Масқара!” [“Ужас!”].

Эти слова и выражения, несмотря на их религиозный подтекст, все еще употребляются в речи, хотя религия стала больше восприниматься в современном обществе как отголосок прошлого и ассоциироваться больше со старшим поколением, нежели чем с младшим.

А вот уже в рассказе «Моя деревня» главной героиней является сильная, непоколебимая, терпеливая и трудолюбивая старушка. Именно такой ее и представляет казахское общество. Кажется, что она работала всю свою жизнь.

“Саусақтары жуан, икемге көнбейтін тарамыс. Өмір бойы қара жұмыс істегені, аянбай істегені көрініп тұр. Суалған жанарымен қара жолға демін ішіне тартып телміреді.” [Омарова, редакционный вариант. С.9]

[“Ее пальцы толстые, сухожилия выпирают. Очевидно, что она всю жизнь выполняла черную работу, не жалея своих сил. Потухшим взглядом, и тяжело дыша она глядела на большую дорогу.”]

Этот образ существовал давно и лишь сильнее укрепился в сознании тех людей, которые стараются сохранить традиции и обычаи, забывая о том, что некоторые из них уже устарели. Женщина, по мнению этой группы людей, вынуждена крутиться, как белка в колесе, чтобы одновременно строить крепкую семью, заботиться о ней и всегда помнить, что семья должна быть на первом месте.

Но те люди, которые признают общемировые тенденции развития, признают и существование новых моделей поведения женщины. Они признают ее право на то, чтобы она строила карьеру, была успешной в профессиональной деятельности, конечно, не забывая о семейных ценностях, которые еще долго будут сохранять в обществе приоритет.

Она, как и многие сельские жительницы, была вынуждена больше времени уделять домашнему хозяйству и заботиться о семье, забывая о своих желаниях и потребностях. И вот на старости лет она живет с чужими детьми, которые хоть как-то скрашивают ее одинокую жизнь, ведь ее сын постоянно пропадает на работе. Она чувствует себя одиноко, а ведь не такую старость она себе представляла, стараясь вписаться в традиционные рамки.

Как ни странно, имя старушки неизвестно читателю, что говорит об обобщенности и собирательности ее образа. Это также указывает на то, что сохранилось большое количество приверженцев традиций, особенно среди старшего поколения, которые диктуют нормы поведения и нравственный облик женщины, давно сложившийся в их обществе. В отличие от других героев анализируемых мною произведений эта женщина не чувствует на себе давление со стороны окружающих ее людей, ведь ее жизнь вписывается в рамки, установленные уже давно. Но все же этот традиционный образ жизни не сделал ее счастливой, а лишь закалил ее характер и превратил ее жизнь в череду серых будней.

В другом рассказе «Бабушка» М.Омарова описывает короткий эпизод из жизни бабушки и ее внучки, который поначалу может показаться весьма незначительным. Девушка собиралась отправиться в библиотеку, как ее неожиданно остановила бабушка. Писательница обращает внимание читателя на особенность этой женщины, которая была присуща ей:

– Қайда барасың?

Әжесінің дауысы зілді шықты. Ешқашан дауыс көтермейтін ол айкайды ауыр зілмен ауыстыра білетін. [Омарова, редакционный вариант. С.15].

[—Куда идешь?

Голос бабушки был хриплым. Не повышая свой голос, она могла заменить крик на резкий упрек.]

Бабушка убедилась в том, что ее внучка направляется именно в библиотеку, попросив показать сумку. И, увидев в сумке только одну книгу, просит вернуться домой не позже шести часов вечера. Затем она следит за внучкой из окна и говорит о том, что та совсем исхудала и пошла “голой”, видимо, девушка была одета не так, как того хотела ее бабушка. Но писательница не указывает то, во что она была одета. Героиня спокойно допивает свой чай, пока за окном дует ветер и начинается дождь. Потом она, не спеша и с небольшим трудом направляется в свою комнату, ложится в кровать и погружается в глубокий сон.

В данном рассказе мир такого человека старой закалки, как бабушка, сталкивается с миром юной, и, как подчеркнула писательница, незамужней женщины, бойжеткен. Бабушка жалеет ее, называя “сормандай” и “бейшара” (оба слова переводятся, как “бедняжка”). На первый взгляд может показаться, что она держит все в ежовых рукавицах, но на самом деле она старается уберечь внучку от ошибок и необдуманных поступков.

Портрет бабушки дополняют такие фразы, как “Мәссаған!” [“Вот те на!”], “Жаратқан ием, сақтай көр” [“Господи, спаси меня”]. Чаще всего их можно услышать от старшего поколения людей, порой так ревностно борющихся за сохранение традиционных устоев общества. На протяжении всего повествования она держит пиалу с чаем и даже идет с ней в спальню. В данном случае пиала выступает носителем и хранителем национальной культуры казахов, которая так же, как и изображение казахской женщины, претерпевает изменения. В рассказе же на эти изменения указывает погода, которая очень быстро сменилась с ясной на дождливую и пасмурную.

Наступает пора обновления устаревших ценностей и традиций. Молодые девушки, в отличие от пожилых женщин, готовы ко всему новому и неизученному. Но в целом общество еще не совсем готово подстраиваться под новые обстоятельства и менять свои идеалы, которые оно создавало годами. Из-за этого возникают противоречия, что не может не отразиться на самих людях, в особенности, на женщинах. Их роль и социальный статус, а также восприятия их обществом не может не подвергнуться трансформации, которая еще не до конца и не совсем точно позволяет представить себе образ современной казахской женщины. Это приводит к внутренним конфликтам, с которыми сталкивается женщина, и к недопониманию между разными поколениями людей.

Каждое из произведений М.Омаровой (две пьесы “Гүлнәр мен Нұржамал” [“Гульнара и Нуржамал”], “Квартиранттар” [“Квартиранты”] и реалистичные рассказы “Менің ауылым” [“Моя деревня”] и “Әже” [“Бабушка”]) содержит в себе тот женский образ, который и определяет современную казахскую женщину. Удивительно то, что все они разные и лишь иной раз доказывают,

что в наше время еще не до конца сформировался портрет современной казашки. Но это обращает наше внимание на то, какое место в жизни как казахского, так и любого другого народа занимает женщина. Сохранившиеся среди казахского народа традиции и обычаи накладывают определенный шаблон поведения и создают определенный образ, которому должна соответствовать любая казашка. Общество диктует ей то, какой она должна быть, при этом не учитывается ее желание вести себя так, как хочется ей. Современная казашка — это девушка, женщина, бабушка, которая пытается связать два разных полюса. Она независима, стремится к реализации себя, но вместе с тем она сохраняет любовь к дому и семье, уважает старших и своего мужа, чтит традиции.

Вместе с изменениями, которые претерпевает общество и сознание людей, остается неизменный нравственный облик казахской женщины. Ее образ многогранен. Она являет собой олицетворение свободы духа, независимости, стойкости, трудолюбия, терпения, воспитанности, мудрости и талантливости. Даже если у нее мог меняться социальный статус, роль и сам образ, то эти качества могли характеризовать казашку на протяжении всей истории казахского общества.

1. Стасевич, И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность/ И.В. Стасевич. — СПб.: Наука, 2011. — 199 с.
2. Омарова, М. “Гүлнәр мен Нұржамал”: редакционный вариант. — 10 с.
3. Омарова, М. “Квартиранттар”: редакционный вариант. — 19 с.
4. Омарова, М.:1) “Менінауылым”. с. 9; 2) “Әже”. с. 15-16 //Әнгімелер:редакционный вариант. с. 22
5. Тасибеков, К. Ситуативный казахский (мир казахов) / К. Тасибеков. — Алматы: ИП “Такеева А.Б.”, 2015. — 270 с.

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ПРИВЕТСТВИИ РУБЕЖА III-II тыс. до н. э.

Khaprova Anna

ON ONE ANCIENT EGYPTIAN EPISTOLARY GREETING OF THE TURN OF THE 2nd MILLENIUM BC

Статья посвящена анализу использования фразы *iw hr.t=k mj 'nh hh n.j sp* («Состояние твое — как у живущего миллион раз!») в древнеегипетских «Письмах к мертвым» «древней традиции», а также письмах к живым Первого переходного периода и начала Среднего царства (XXII–XX вв. до н. э.). Центральным вопросом, на который пытается ответить автор, является то, как данное клише, зафиксированное в книге «Кемит», функционирует в двух названных типах писем, и как оно адаптируется для включения в текст «Писем к мертвым» в связи с их своеобразным использованием.

This paper is dedicated to the analysis of how the phrase *iw hr.t=k mj 'nh hh n.j sp* ('Your condition is like (one) of a (person who) lives a million times!') is used in the Ancient Egyptian Letters to the Dead of the ancient tradition, as well as in the letters to the living of the First Intermediate Period and the beginning of the Middle Kingdom (XXII–XX centuries BC). The main question the author tries to answer is how this cliché, also attested in the book of Kemit, functions in these two types of letters and how it was adapted for the Letters to the Dead due to their peculiar nature.

Ключевые слова: древнеегипетские письма; «Письма к мертвым»; эпистолярные клише; книга «Кемит»; Первый переходный период; Среднее царство

Key words: Ancient Egyptian letters; Letters to the Dead; epistolary clichés; book of Kemit; First Intermediate Period; Middle Kingdom

«Письма к мертвым» — корпус древнеегипетских текстов, представляющих собой письма, обращенные к умершим родственникам. Как правило, к их написанию прибегали не просто чтобы, как выразились А. Гардинер и К. Зете, связаться с родным, отправившимся на прекрасный Запад [Gardiner, 1928. P. 10], но обратиться к нему с куда более практической целью. В них адресант зывал к «благословенному» умершему⁸³ из числа его предков, с тем, чтобы он помог ему в той или иной беде, постигшей пишущего или его домочадцев [Gunn, 1930. P. 147]. Дело в том, что, согласно верованиям египтян, враждебно настроенный дух умершего мог действовать против живых — насылая, например, болезни или другие несчастья. Но как остановить и наказать такого духа, особенно если неясно, кто именно действует против тебя? Следует написать и попросить заступничества у одного из своих родственников, который уже находится «по ту сторону» и может помочь поквитаться с неприятелем [Ibid.].

⁸³ Такого умершего называли «ахом» (*3h*) [Wb, I. 13:9].

Точное количество текстов, которые можно отнести к корпусу «Писем к мертвым» на данный момент, определить затруднительно, но это число точно не превышает 20. Хотя оно может показаться довольно скромным, как отмечают А. Гардинер и К. Зете, их число сопоставимо с количеством дошедших до нас иератических документов эпохи Старого и Среднего царств, а значит, мы имеем дело с некогда широко распространенным обычаем [Gardiner, 1928. pp. 9–10].

Большинство «Писем к мертвым» писались иератикой (т. е. скорописью) на предметах, которые могли пригодиться умершему (сосуды, ткань, магические фигурки), или на традиционном писчем материале того времени — папирусе. Что касается датировки, то самое раннее из писем относят к концу Старого царства (XXII в. до н. э.), позднее — VII в. до н. э. [Donnat, 2014. P. 21], [Miniaci, 2016. P. 90], но следует отметить, что значительная их часть (11 писем «древней традиции», учитываемых в данной статье) относится к сравнительно небольшому промежутку времени с конца Старого до начала Среднего царства (порядка 200–250 лет).

В трех «Письмах к мертвым» «древней традиции» встречается фраза *iw hr.t=k mj ʿnh hh n.j sp*, что можно перевести как «Состояние твое — как у живущего (того, кто может прожить) миллион раз!»). Два из них, Каирский текст на льняной ткани⁸⁴ и письмо на чаше из Лувра⁸⁵, можно отнести к этому корпусу с уверенностью, принадлежность же третьего, неопубликованной надписи на деревянной дощечке из Эрмитажа, остается под вопросом. Помимо «Писем к мертвым», эта фраза засвидетельствована 28 раз: известно 22 примера из книги «Кемит»⁸⁶ (отрывки дошли до нас преимущественно на острака и известны лишь по спискам гораздо более позднего времени), а также 6 — из писем, обращенным к живым⁸⁷. Как в письмах к живым, так и в письмах к мертвым функционирует данная формула сходным образом: она используется в качестве приветствия, с явным оттенком благопожелания,

⁸⁴ Каирский музей, JE 25975 (письмо Ирты и Ии покойному Санхенптаху). Перечень публикаций: [Gardiner, 1928. pp. 1–3, 13–16. pls. I, IA], [Anonymous, 1928. pp. 117–119], [Gunn, 1930. pp. 148–150], [Guilmot, 1966. pp. 9–11], [Wente, 1990. P. 211, No. 340], [Willems, 1991. pp. 183–191], [Donnat, 2009. pp. 61–93], [Miniaci, 2014a. pp. 41–44], [Miniaci, 2014b. pp. 27–45], [Donnat, 2014. pp. 29–35].

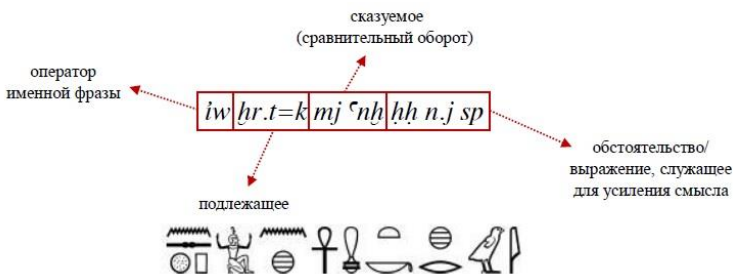
⁸⁵ Париж, Louvre E6134 (письмо Мерери от его матери Мерти). [Piankoff, 1934. pp. 157–169], [Guilmot, 1966. pp. 11–13], [Wente, 1990. P. 214, No. 347], [Donnat, 2012. P. 237], [Miniaci, 2014a. pp. 63–65], [Donnat, 2014. pp. 58–61].

⁸⁶ O IFAO 1123, O IFAO 1122, O IFAO 1120, O IFAO 1114, O IFAO 1113, O IFAO 1119, O IFAO 1111, O IFAO 1110, O IFAO 1118, O Br E3208, O MMA 35144, TC [Posener, 1951. Pl. 3], oDM 1830 vo, oDM 1852, oDM 1853, oDM 1856, oCGT 57060, oBM EA 5640, oMich. 32, oBNU H. 137, oDANhier. 5, oEmeryhier. 1 [Petersmarck, 2012. pp. 122–123].

⁸⁷ III письмо Хеканакта, XI династия, правление Ментухотепа II [Wente, 1990. No. 70, pp. 62–63], [James, 1962. pp. 45–50, pls. 8, 8a], [Allen, 2002. P. 18, pls. 12–13], письмо Мекетра [P. Meketre], конец XI династии [Wente, 1990. No. 72, pp. 63–64], [James, 1962. pp. 80–83, pl. 21], письмо Нахта [P. Saïro 91061], конец XI династии [Wente, 1990. No. 73, P. 64], [James, 1962. pp. 92–94, pls. 26–27], папирус Хаун [P. Haun, No. 1], конец XI династии [Wente, 1990. No. 74, pp. 64–65], [Frandsen, 1978], письмо Нехси (P. BM 10549), конец XI–начало XII династии [Wente, 1990. No. 75, P. 65], [James, 1962. pp. 89–92, pls. 24–25], письмо Санхуира (P. BM 10567), конец XI–начало XII династии [Wente, 1990. No. 76, pp. 65–66], [James, 1962. pp. 94–97, pls. 28].

однако есть и различия в том, в связке с какими формулами она употребляется и имена каких божеств перечисляются в ней. На этих различиях мы остановимся позднее.

Для начала обратим наше внимание на саму фразу и рассмотрим ее структуру, варианты написания, а также озвученные ранее предложения по поводу перевода и понимания данного клише. Если говорить о ее грамматической характеристике, то это именное предложение, вводимое оператором *iw* [Edel, 1955. P.466, § 919]. Подлежащим при этом является *hr.t=š* местоименной клиткой 2-го лица м. р., а в роли сказуемого выступает сравнительный оборот *mj ʕnh*. За ним следует выражение *hh n.j sp*, которое можно толковать двояко: либо как обстоятельство, которое мы понимаем, в таком случае, буквально, либо как выражение, служащее для эмпазы, т. е. усиления смысла высказывания, аналогично чрезвычайно распространенному выражению *sp šnw* (букв. «два раза»). Автор предпочел отразить в переводопервый вариант, так как в контексте писем, обращенных к живым, он оказывается более логичным.

Хотя в плане грамматики рассматриваемое клише не вызывает никаких затруднений, особенности лексики и то, как исследователь понимает завершающий оборот, дают определенный простор для вариаций в переводах. Автор предлагает переводить данную фразу как «Состояние твое — как у живущего миллион раз!». Сходным образом понимает ее, например, Э. Венте [Wente, 1990. P. 15], как и Э. Петерсмарк: «Твое состояние — словно жить миллион раз» (*‘Dein Befinden ist wie zu leben Millionen Mal’*) [Petersmarck, 2012. P. 20, §IIIa]. А. Гардинер и К. Зете передали ее смысл так: «Твое состояние подобно (состоянию того, кто воистину) жив — миллион раз (это можно сказать)!» (*‘Thy condition is like (that of) one who (truly) lives — a million times (be it said)’*) [Gardiner, 1928. P. 1]. А. Е. Демидчик предложил понимать здесь *ʕnh* как «полный жизненных сил», «здоровый», «свежий», «молодой» и перевел фразу как «Твое самочувствие — (самочувствие человека) полного жизненных сил, и миллион раз!» [Демидчик, 2008. С. 4]. В любом случае, ясно, что смысл фразы благопожелательный, но, как видно из разнообразия предложенных вариантов перевода, понимать ее можно по-разному.

Что касается написания фразы, то оно в это время устойчиво (значительно более поздние острака с фрагментами книги «Кемит» мы в данном случае не рассматриваем), и встречаются, в основном, лишь несущественные

графические вариации. Например, у слова *hr.t* может не выписываться окончание *.t*, как мы видим в тексте на эрмитажной дощечке и в письме Нахта (см. ниже). Иногда после знака *hh* (C11) может выписываться знак единичности (Z1) (дощечка из Эрмитажа, Шписьмо Хеканахта, письмо Мекетра и др.).

Ниже представлены примеры написания фразы из «Писем к мертвым» и писем к живым⁸⁸.

«Письма к мертвым»

1. Каирский текст на льняной ткани

2. Чаша из Лувра

3. Дощечка из Эрмитажа

Письма к живым

1. Ш письмо Хеканахта

2. Письмо Мекетра

3. Письмо Нахта

4. Папирус Хаун

5. Письмо Нехси

6. Письмо Санхуира

⁸⁸ Примеры ее написания на остраке и прочих фрагментах книги «Кемит» см. [Posener, 1951. Pl. III], [Petersmarck, 2012. pp. 122–123, § IIIa].

Теперь кратко рассмотрим то, как формула представлена в книге «Кемит», а затем остановимся подробнее на случаях ее употребления в письмах к живым и примерах из трех вышеупомянутых «Писем к мертвым».

Если учитывать те острака, где фраза сохранилась фрагментарно, то она встречается на 22-х источниках, соотносимых с так называемой книгой «Кемит» — своего рода справочным руководством для писцов, содержащим различные клише, составленным предположительно во второй половине Первого переходного периода или начале Среднего царства [Wente, 1990. P. 15]. Первым, кто предпринял попытку реконструировать текст книги из отдельных фрагментов, встречающихся преимущественно на более поздних острака, был Ж. Позенер [Posener, 1951]. Из дальнейших публикаций следует отметить монографию Э. Петерсмарк, дополнившей труд французского исследователя рядом новых источников и проанализировавшей их [Petersmarck, 2012].

Отдельные фразы и формулы оказываются гораздо старше рубежа Первого переходного периода и Среднего царства и были отождествлены, например, еще в надписях VI династии [Wente, 1990. P. 15]. Э. Венте, вполне резонно поместивший английский перевод книги «Кемит» в свою монографию «Письма Древнего Египта», отмечал, что по содержанию ее можно разделить на три условные части: эпистолярные приветственные клише, небольшое повествование о человеке по имени Ау, завершающееся его письмом жене, и, наконец, фразы из идеальной гробничной автобиографии и поучений, превозносящих профессию писца [Wente, 1990. P. 15]. Интересующее нас выражение относится, соответственно, к первому разделу [Posener, 1951. P. 3], [Petersmarck, 2012. P. 20, § IIIa]. Эта фраза является частью довольно пространныго набора фраз для эпистолярного приветствия-благопожелания — так называемой «мемфисской формулы» [Демидчик, 2008. С. 3]:

«Слуга говорит перед своим господином, которому он желает жить, процветать и быть здоровым вечно-вековечно (букв. на длину вечности-вековечности), как этого желает (твой) покорный слуга. Да будешь ты правогласным перед ба («душами»/«силами») Гелиополя и перед всеми богами. Пусть они дадут тебе жизнь твою и сотворят для тебя всякую прекрасную вещь каждый день, как желает (твой) покорный слуга.

Состояние твое — как у живущего миллион раз! (Пусть) содействует тебе Монт, владыка Фив, как желает (твой) покорный слуга. (Пусть) усладит твое сердце (т. е. порадует тебя) Птах, к-югу-от-стены-его, жизнью великой, старостью прекрасной и тем, что станешь ты имахом («просветленным»). Да будешь ты имахом прекрасным перед ка («двойником») Монта, владыки Фив, как желает (твой) покорный слуга. В очень хорошем мире/довольствии!»

Из богов в этом отрывке упомянуты ба Гелиополя (по-видимому, имеется в виду эннеада, девятка гелиопольских богов [Wilkinson, 2003. P. 17]) и Монт, то есть божества фиванские. Как отмечал А. Е. Демидчик, «мемфисская эпистолярная формула» служила благопожеланием адресату от божеств того места, где проживал царь, и набор упоминаемых божеств менялся соответственно переносам столицы [Демидчик, 2008. С. 3]. «Мемфисской» она названа по той причине, что в письмах Старого царства в ней назывался покровитель Мемфиса Птах (иногда к нему добавлялись также местные божества), а после перемещения столицы вместе с ним стали упоминать богов нового царского местожительства — сначала Гераклеополя, потом Фив [Там же, с. 3–4] [Pillon, 2017. P. 124–125]. Поскольку в скомпилированной Ж. Позенером редакции фигурирует покровитель Фив Монт, большинство исследователей относят создание книги «Кемит» ко времени непродолжительного правления XI династии [Wente, 1990. P. 15], однако А. Е. Демидчик вслед за О. Д. Берлевым весьма убедительно доказал, что исходная редакция, вероятно, была создана при X династии, столицей которой сначала был Гераклеополь, а затем Мемфис [Демидчик, 2008. с. 3–5]. В третьем письме Хеканахта, которое будет рассмотрено ниже, наряду с Птахом как раз упоминается Херишеф, владыка Гераклеополя.

В качестве примера из писем к живым можно рассмотреть фрагмент из третьего письма Хеканахта, датируемого одним из первых правлений XII династии Среднего царства [Allen, 2002. P. XV]. Письмо адресовано Херунеферу, начальнику Севера/дельты (*im.j-r' mhw*) и носит хозяйственный характер. В нем Хеканахт, после пространныго эпистолярного приветствия, сообщает, что послал за зерном к Херунефру двоих своих человек — Нахта, сына Хети, и Санебниута — и просит, чтобы тот его собрал, не перемешивая, и оставил в своем хозяйстве до прихода посланников [James, 1962. P. 46], [Allen, 2002. P. 18]. В самом начале письма Хеканахт обозначает адресата и называется сам, после чего идет вышеупомянутая «мемфисская формула»:

«Начальнику Севера Херунеферу: “Слуга Дома Вечности, жрец-ка Хеканахт говорит: «Состояние твоё — как у живущего миллион раз! (Пусть) содействуют тебе Херишеф, владыка Гераклеополя, и все боги [что на небе и на земле]. (Пусть) усладит твоё сердце (т. е. порадует тебя) Птах, к-югу-от-стены-его, жизнью великой, старостью [прекрасной]. Да будешь ты имахом прекрасным перед ка Херишефа, владыки Гераклеополя!”»

Эту же формулу мы встречаем практически во всех остальных письмах к живым, в которых используется фраза «Состояние твоё...», как и упоминания Птаха и Херишефа (например, письмо Мекетра, письмо Нахта). В тексте папируса Хаун помимо Птаха, чье имя там восстанавливается, упомянут Монт, владыка Фиванского нома, как и в письме Нехси. В письме Санхуира также упоминаются Собек, Хор и Хатхор. Таким образом, в связке с интересующим

нас клише, влетаемым в «мемфисскую формулу», перечисляются, в основном, «столичные» божества, боги царского местожительства.

Теперь рассмотрим три «Письма к мертвым», в которых присутствует интересующая нас фраза. Первое из них — Каирский текст на льняной ткани, датируемый еще концом Старого царства. В нем жена приветствует покойного супруга так:

«Состояние твое — как у живущего миллион раз! Да будет содействовать тебе Ха, владыка Запада, как он желает! Да будет содействовать тебе Анубис, хозяин погребения, как ему угодно!»

Что любопытно, здесь упоминаются Анубис и Ха — бог западной пустыни [Wilkinson, 2003. P. 106] — то есть божества, ассоциировавшиеся с Западом и умершими [Pillon, 2017. pp. 124–125].

Второй пример использования фразы в числе рассматриваемых «Писем к мертвым» — текст на чаше из Лувра. В нем к адресату письма, Мерери, обращаются так:

«О Мерери, рожденный Мерти! (Пусть) содействует тебе Осирис, Хентиментни, миллион лет, давая воздух носу твоему, давая тебе хлеб и пиво, рядом с Хатхор, владычицей горизонта. Состояние твое — как у живущего миллион раз, по приказу богов, что на небе и на земле.»

Интересующая нас фраза идет после так называемой «абидосской формулы» — набора благопожеланий, связанных с Осирисом, — а Хатхор здесь фигурирует в качестве «владычицы горизонта», то есть как божество, связанное с погребальным культом.

Наконец, последний пример — текст на стеле из Эрмитажа. Мать, вероятно, пишущая покойной дочери, приветствует ее так:

«Состояние твое — как у живущего миллион раз! Содействуют тебе Город и Хатхор, владычица Дендеры...»

Здесь мы снова видим упоминание Хатхор, но в этот раз уже в роли «владычицы Дендеры». Далее в тексте упоминается «владыка Двух Богов» — вероятно, эпитет Мина, почитавшегося в Коптосе. Очевидно, здесь они выступают в роли местных богов.

Таким образом, в то время как в письмах к живым рассматриваемая фраза, как правило, функционирует в связке с «мемфисской формулой», где перечисляются преимущественно боги царского местожительства, в «Письмах к мертвым» ее может заменять «абидосская формула». Хотя примеры очень немногочисленны, можно сказать, что называемые божества либо так или иначе связаны с Западом, либо являются божествами местными, а не «столичными». Эта особенность отвечает природе тех и других писем: если

адресат жив, имеет смысл при благопожелании обращаться к могущественным божествам царской резиденции, если же он уже отправился на «прекрасный Запад» — апеллировать следует в первую очередь к богам, связанным с заупокойным культом.

1. Демидчик, А. Е. О времени создания древнеегипетского учебного пособия «Кемит» / А. Е. Демидчик // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2008. — Т. 7, вып. 4: Востоковедение.
2. Allen, J. P. *The Heqanakht Papyri* / J. P. Allen. — New York: The Metropolitan Museum of Art, 2002. — 386 p.
3. Anonymous Missives aux morts / Anonymous // *Chronique d'Égypte*; Bulletin périodique de la Fondation Égyptologique Reine Élisabeth. — 1928. — №7 (Volume 4, Issue 7). — pp. 112–122.
4. Donnat, S. Le rite comme seul référent dans les lettres aux morts. Nouvelle interprétation du début du Cairo Text on Linen / S. Donnat // *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale (Cairo)*. — 2009. — № 109 — pp. 61–93.
5. Edel, E. *Altägyptische Grammatik I, II* / E. Edel // *Analecta orientalia*. — Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1955. — № 34. — 625 S.
6. Frandsen, P. T. A Fragmentary Letter of the Early Middle Kingdom / P. T. Frandsen // *Journal of the American Research Center in Egypt*. — 1978. — Vol. 15. — pp. 25–31.
7. Gardiner, A. H. *Egyptian Letters to the Dead, Mainly from the Old and Middle Kingdoms* / A. H. Gardiner, K. Sethe. — London: at the offices of the Egypt Exploration Society, 1928. — 56 p.
8. Guilmot, M. Les Lettres aux morts dans l'Égypte ancienne / M. Guilmot // *Revue de l'Histoire de Religions*. — 1966. — № 170. — pp. 1–27.
9. Gunn, B. Notices of Recent Publications: Egyptian Letters to the Dead, mainly from the Old and Middle Kingdoms. Copied, translated and edited by Alan H. Gardiner and Kurt Sethe / B. Gunn // *Journal of Egyptian Archaeology*. — 1930. — Vol. 16, №. 1/2. — pp. 147–155.
10. James, T. G. H. *The Heqanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents* / T. G. H. James // *Publications of the Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition*. — New York: 1962. — Vol. XIX. — 386 p.
11. Miniaci, G. Le Lettere ai Morti nell'Antico Egitto e altre storie di fantasmi / G. Miniaci // *Testi del Vicino Oriente antico I*. — Brescia: Paideia Editrice, 2014 (a). — № 8. — pp. 321–324.
12. Miniaci, G. The *msk3* as “child’s inheritance” (?) in the context of the Old Kingdom Seankhenptah’s letter to the dead, Cairo JE 25975 / G. Miniaci // *Egitto e Vicino Oriente: Rivista della sezione orientalistica dell'Istituto di Storia Antica*. — 2014 (b). — № 37. — pp. 27–45.
13. Petersmarck, E. Die Kemit: Ostraka, Schreiftafel und ein Papyrus / E. Petersmarck // *Göttinger Miszellen*. — 2012. — Beihefte № 12. — Göttingen: Seminar für Ägyptologie und Koptologie der Universität Göttingen. — 164 p.
14. Piankoff, A. A letter to the dead on a bowl in the Louvre / A. Piankoff, J. J. Clère // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. — 1934. — № 20. — pp. 157–169.
15. Pillon, A. Satiset Khnoum Maîtres d'Éléphantine: une lettre savante de la fin de l'Ancien Empire (Papyrus Brooklyn 47.218.18) / A. Pillon // *Revue d'Égyptologie*. — 2017. — № 68. — pp. 109–139, pls. IV–V.

16. Posener, G. Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir el Médineh: II (Nos 1109 à 1167) / G. Posener // Documents de fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale. — Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1951. — № 18 (1). — 146 p.
17. Wb Wörterbuch der Aegyptischen Sprache / A. Erman, H. Grapow. — Berlin: Akademie Verlag, 1955. — Bände I–V.
18. Wente, E. F. Letters from Ancient Egypt. Writings from the Ancient World 1 / E. F. Wente. — Atlanta: Scholars Press, 1990. — 271 p.
19. Willems, H. The end of Seankhenptah's Household (Letter to the Dead Cairo JDE 25975) / H. Willems // Journal of Near Eastern Studies. — 1991. — № 50/3. — pp. 183–191.
20. Wilkinson, R. H. The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt / R. H. Wilkinson. — Thames & Hudson, 2003. — 257 p.

ЕГИПЕТСКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

Tsvetkova Elena Vladimirovna

EGYPTIAN PROVERBS AND SAYINGS WITH THE NAMES OF ANIMALS

В статье анализируются зооморфные образы в 47 египетских народных поговорках, содержащих компонент-зооним, из сборника Ахмада Теймура. В египетском фольклоре встречаются образы диких и домашних животных, традиционно населявших этот регион: верблюды, ослы, львы, вороны, коты, собаки, обезьяны, скорпионы, змеи и пр. В результате лингвокультурного анализа, с одной стороны, было определено восприятие египтянами того или иного животного, с другой стороны, — видение характера человека через его повадки.

The paper is devoted to the study of 47 zoomorphic images in Egyptian proverbs and sayings from the collection of Ahmad Teymur. In Egyptian folklore, there are images of wild and domestic animals that traditionally inhabited this region such as camels, donkeys, lions, crows, cats, dogs, monkeys, scorpions, snakes, etc. The author tries to analyze these words of wisdom from a linguocultural point of view to understand the perception of the each animal and a vision of a person's character through it.

Ключевые слова: Египет, поговорка, анимализм, зооморфный образ, фольклор

Key words: Egypt, proverbs, sayings, zoomorphic image, folklore

В составе паремиологического фонда любого языка непременно присутствуют устойчивые языковые единицы с компонентом-зоонимом: «Тесная органичная связь человека с миром животных... издавна приводила к тому, что человек постоянно проводил аналогии между собой и животными» [Иванова, 2006. С.67]. Под зоонимом мы понимаем наименование животного в прямом значении. Для обозначения переносных употреблений зоонимов мы используем термин «зоометафора» [Бичер, 2016. С.12]. В поговорках, содержащих зоометафоры, используется принцип антропометричности, согласно которому «человек — мера всех вещей» [Серебренников, 1988. С.174]. Отражая наблюдения людей за повадками животных и их внешним обликом, они метафорически характеризуют внутренние качества, поведение и поступки человека. Помимо этого, зоопоговорки могут затрагивать отношение человека к другим людям, к себе и к вещам. Таким образом, компонент-зооним является семантическим центром поговорки, так как в нем скрыт ключевой метафорический смысл.

Целью данной работы является исследование особенностей поговорок с зоокомпонентом, составляющих часть паремиологического фонда египетского диалекта. В качестве объекта исследования выступают поговорки, содержащие названия диких и домашних животных. Предметом исследования

являются структурно-семантические особенности паремиологических единиц египетского диалекта с компонентом-зоонимом. Основными методами исследования стали метод сплошной выборки, метод статистического анализа, метод структурного и семантического анализа материала. Материалом для исследования послужили 213 египетских устойчивых языковых выражений из сборника «Al-'amṭāl al-'āmiya» («Народные пословицы и поговорки») Ахмада Теймура.

Диаграмма 1.

То, какие именно зоонимы встречаются в паремиях того или иного народа, связано с географическими условиями его жизни, особенностями флоры и фауны [Джамиль, 2015. С.255]. Таким образом, для египетских паремий характерен следующий «зоологический» состав: верблюд, лев, волк, собака, обезьяна, газель, ворон, кошка, корова, скорпион, навозный жук, коршун и др.

Приведенная выше диаграмма позволяет наглядно продемонстрировать количественное соотношение трех зоогрупп в египетских паремиях, а именно: 1) млекопитающие, пресмыкающиеся, рыбы; 2) птицы; 3) насекомые. Из диаграммы видно, что абсолютное большинство принадлежит паремиям с компонентом *млекопитающие, пресмыкающиеся, рыбы*: их доля составила 161 единицы из 213. Стоит отметить, что были обнаружены паремии, содержащие двойную зоометафору. То есть в одном устойчивом языковом выражении упоминается два компонента-зоонима. Группы *птицы* и *насекомые* значительно меньше: их доля составляет 36 и 29 единиц соответственно из 213 проанализированных паремий.

В каждой из групп можно выделить наиболее частотные номинации. Например, для паремий с компонентами *млекопитающие, пресмыкающиеся, рыбы* таковыми являются номинации *осёл* (35 единиц), *собака* (28 единиц), *верблюд* (19 единиц), *кошка* (19 единиц), *обезьяна* (11 единиц). В группе

«птицы») чаще всего встречались следующие животные: курица (9 единиц), ворон (6 единиц). Что касается последней группы «насекомые», то наиболее частотными номинациями стали навозный жук (5 единиц), скорпион (5 единиц).

Ниже мы дадим некоторые примеры семантического анализа 47 паремий с наиболее частотными компонентами из каждой группы. Мы приведем оригиналы устойчивых языковых выражений (в латинской транскрипции, с учетом особенностей произношения египетского диалекта арабского языка), их перевод на русский язык с комментариями, показывающими, как в локальной культуре истолковывается данная паремия. К некоторым паремиям указаны возможные русские эквиваленты для сравнения.

Наиболее частотный зооним «осёл» в египетских паремиях ассоциируется с такой антропохарактеристикой как «упрямство»: /il-ḥumār fī rāsu šōt mā yirtāḥ 'illā 'an za'a'u / = Если осёл хочет реветь, то он не успокоится, пока не заревет. Сравните с русской паремией «Упрямому хоть кол на голове теши». Наравне с этим качеством, животному приписывают дурной нрав, который обрекает его на тяжелейшую работу и жестокое обращение: /il-ḥumār in-nigis yī'a' fī 'angasī t-talālēs/ = Дурной осёл тащит самые тяжелые мешки; /zayī l-ḥumār mā yigīs 'illā bi-n-naḥs/ = Как осёл: подчиняется только кнуту. Выражение /zayī ḥimēr il-'inb tišēlu wilā tidū'u/ = Как осёл: несет виноград и не ест его употребляется в адрес человека, которого используют и эксплуатируют. Сам он не извлекает никакой выгоды и ничего не получает в результате своих трудов.

Рассмотрим и другие красноречивые паремии, в которых нам встретился образ этого животного:

1. /lammā yišba' il-ḥumār yiba'za' 'al'f'u/ = Когда осёл насытится, он раскидывает сено. О человеке, который довольствуется чем-либо, а когда утолит свою потребность, грубо избавляется от этого.
2. /kutr it-tikrār yī'allim il-ḥumār/ = Повторение научит и осла. То есть повторение пройденного поможет закрепить его в памяти. Рус.: «Повторение — мать учения».
3. /il-ḥumār il-hādī mantūf dēlu/ = У спокойного осла опципанный хвост. О том, кто не может защитить себя, и поэтому страдает от издевательств со стороны окружающих.

Как можно увидеть, во всех приведенных паремиях осёл предстает как упрямое животное, которое не пользуется уважением со стороны людей.

Паремии с образом собаки отражают в целом крайне негативное отношение к собакам. Мусульмане относятся к ним как к существам низким и нечистым, поскольку их слюна, шерсть и отпечатки лап оскорвляют человека. Этот зооним олицетворяет следующие антропохарактеристики: низкий (по происхождению), позорный, презираемый, уродливый: /'a'mil ḥāgatī bi'tdī wilā 'a'ūl li l-kalb yā sidī/ = Делаю свое дело своими руками и не говорю собаке «мой господин»; /il-'abyaḍ fī l-kilāb nigis/ = Все собаки грязные, даже белые; /il-kalb kalb wilaw kān tū'u dahab/ = Собака есть собака, даже если на ней золотой

ошейник. Последние два выражения говорят о том, что ни одна положительная черта не красит человека уродливого внешне и внутренне.

Эта номинация также может реализовывать антропохарактеристику *трусость*: /kalb yinbaḥ mā yī'uddiš/ = *Собака, которая лает, не кусает*; /zaūi l-kalb, yīḥāf wiyīḥawwif/ = *Как собака: боится и пугает*. Эта паремия говорится в адрес трусливого человека, который пытается запугать другого, хотя на самом деле сам боится и никакого вреда не причинит. Рус.: «*Не всяка собака кусает, которая лает*».

Также говорят /dēl il-kalb 'umru mā yin'idil/ = *Хвост собаки не выпрямляется никогда*. Паремия об укоренившихся недостатках или странностях в характере человека, которые уже невозможно исправить. Как хвост собаки всегда будет закручиваться, сколько его ни выпрямляй, так и невозможно искоренить недостатки в характере человеке. Рус.: «*Горбатого могила исправит*». О человеке, который ответил неблагодарностью на внимание, заботу и любовь, говорят: /ḡabbēt kalb w'indār 'a'arnī/ = *Я вырастил собаку, она повернулась и укусила меня*. Рус.: «*Пригреть змею на груди*». Таким образом, собака символизирует *невежество, невоспитанность, агрессивность и незначительность*.

Не представляется удивительным, что обе эти номинации, обладающие негативной коннотацией, встречаются в обшечной египетской лексике. Например, словосочетания /wilād kilāb/ = *собачьи дети*; /ibn il-ḡumār/ = *сын осла* считаются довольно грубыми и соотносятся с аналогичным по смыслу русским ругательством «*сукин сын*».

Также нам встретились паремии с двойной метафорой «*собака — лев*»: /kalb ḡayū ḡēr min sab' maūyit/ = *Живая собака лучше мертвого льва*; /kalb sāyib wilā sab' marbūt/ = *Бесхозная собака лучше связанного льва*. Поскольку живая собака может принести какую-либо пользу, в отличие от мертвого льва. Устойчивое выражение /il-kalb fī bētu sab'/ = *Собака в своем доме лев* говорит о том, что любой человек имеет вес, значение только в своем деле, в привычном для него месте. Рус.: «*Всяк кулик на своем болоте велик*». В широком смысле в данной двойной метафоре реализовано противопоставление слабого, низкого по происхождению или по моральным качествам человека человеку сильному, благородному и уважаемому в обществе.

Верблюд по праву считается одним из самых выносливых животных: он способен преодолевать огромные расстояния и переносить на себе неподъемные тяжести: /illī yī'mil ḡamal mā yib'ab'š min il-'amal/ = *Тот, кто работает, как верблюд, не жалуется на работу*. Эта паремия говорит о человеке, который по собственному желанию выбрал крайне тяжелую и сложную работу, а поэтому он не жалуется на нее. Рус.: «*Назвался груздем — полезай в кузов*».

Номинация «*верблюд*» встречается и в ином контексте: /il-ḡamal 'in baṣṣ Iṣṣanatu kān 'aṭamu/ = *Если бы верблюд увидел свой горб, то отрезал бы его*. Данное выражение употребляется по отношению к людям, которые осуждают

других людей за их недостатки, но не замечают своих собственных. Рус.: «Верблюд не видит своего горба».

Образ обезьяны в египетском национальном сознании ассоциируется с безобразностью, распущенным нравом: /dawwar il-'ird fi dafātiru māl'ās 'illā šafātīru wiḏawāfiru/ = *Искала обезьяна в тетрадах и не нашла ничего, кроме ее толстых губ и ногтей*; /'ālū li-l-'irda: 'itbar'a'ī. 'ālit: dā wiš w'āḥid 'a il-fiḏīḥa/ = *Сказали обезьяне: «Закрой лицо [покрывалом]!» Ответила: «Это лицо привыкло к стыду».*

Широко известна паремия с двойной метафорой: /il-'irdfī 'ēn'ummigazāl/ = *Обезьяна в глазах матери — газель*. Оппозиция «обезьяна — газель» соответствует противопоставлению «уродство — красота». Надо отметить, что арабы отождествляют обезьяну с такими негативными качествами, как *подлость* и *низость*, а газель — это *воплощение грациозности* [Кухарева, 2011. С.70].

Во второй группе, содержащей названия птиц, мы рассмотрим в качестве иллюстраций компоненты «ворон» и «курица».

В египетских паремиях образ *ворона* имеет негативную коннотацию. Он ассоциируется с потусторонним миром и считается посредником между ним и этим миром: /'awwilbēḏali-l-ḡurāb/ = *Первое яйцо ворону*. Так говорят в качестве утешения родителям, которые потеряли первого ребенка.

Данный зооним также символизирует реализует сему «жестокость»: /'ālū li-l-ḡurāb: lē bitisra' iṣ-šābūn? 'āl: il'aḏīya ṭab'/ = *Спросили ворона: «Зачем ты украл мыло?» Ответил: «В привычке причинять боль».* В данном случае подразумевается человек, который причиняет вред другим людям и не может иначе, даже если он не получает никакой пользы от этого. Рус.: «Привычка — вторая натура». /farḥa mā tammit ḥadhā il-ḡurāb wiṭār/ = *Не успела закончиться радость, как схватил ее ворон и улетел так образно говорят о кратковременной радости по какому-либо поводу.*

Номинация «курица» обличает как положительные, так и негативные человеческие качества. Сравните:

1. /zayī l-firāḥ riz'u taḥt riḡlē/ = *Как у курицы: пропитание под ногами*.
Употребляется в адрес человека, которому легко удастся то или иное дело, стоит ему только начать.
2. /il-farḥa dāymān tinbiš wilaw 'alā šalībit ḡalla/ = *Курица всегда роет, даже если на куче [лежит] зерно*. О силе привычек, которой человек не может противостоять. Рус.: «Привычка — вторая натура».

Этот образ также встретился в контексте бесплодных усилий: /zayī l-firāḥ tibēḏ wiṭiḥza' li-t-tāḡir/ = *Как курица: несет яйца и кудахчет торговцу*. Эта паремия говорит о человеке, который усердно трудится, но плоды его стараний достаются другому.

В качестве примера из третьей группы, содержащей названия насекомых, мы рассмотрим компоненты «муравей», «навозный жук» и «скорпион».

В египетском диалекте зооним «муравей» используется в качестве образа трудолюбивого человека: /zayī n-naml yišēl 'akbar minnu/ = *Как муравей: несет*

тяжелее себя. Речь идет о том, кто способен выполнить задачу, не соотносимую с его силами. Рус.: «Муравей не велик, а горы копает».

«Навозный жук» символизирует маленького, незначимого человека, который имеет значение только в окружении родных и близких: /'abū gu 'rān fī bētū sultān/ = *Навозный жук в своем доме султан* (Рус: «*Всяк кулик на своем болоте велик*»); /il-ḥunfisa 'and 'ummihā 'arūsa/ = *Навозный жук для матери — жених*. О том, кто не может справиться даже с самым простым делом, говорит следующая поговорка: /zayī l-ḥunfis yitka 'bil fī l-miṣā' / = *Как навозный жук: спотыкается в льняном порошке*.

В египетских поговорках образ «скорпиона» несет отрицательную коннотацию:

1. /zayī l-'a'raba 'araṣithā wi-l-'abr/ = *Как скорпион: ужалит — смерть* [могила];
2. /zayī l-'a'raba yu'ruṣ wiyilbad/ = *Как скорпион: ужалит и притаится*;

Эти устойчивые выражения употребляются в адрес человека, который причиняет зло другим людям, порой даже исподтишка. Стоит отметить, что он может сравниваться не только со скорпионом, но и со змеей.

3. /il-'a'raba 'uḥt il-ḥayya/ = *Скорпион — брат змеи*. О тех, кто очень похож друг на друга. Рус.: «*Одного поля ягоды*».

Поговорка /il-ḥamā ḥumma wi'uḥt il-gōz 'a'raba ṣamma/ = *Свекровь — лихорадка, сестра мужа — глухой скорпион* затрагивает сложные взаимоотношения жены с родственниками мужа. В традиционной семье она должна во всем подчиняться свекрови. Та, в свою очередь, может не любить сноху и может обращаться с ней крайне жестоко. Не всегда невестка может найти понимание и у сестры супруга. В египетском диалекте нет четких границ между лексемами «теща» и «свекровь», которые заменяются одной общей — /ḥamā/.

В ходе анализа паремиологического материала мы также сделали следующее наблюдение. В тех поговорках, в которых прослеживается метафора «животное — человек», обнаруживается и четкая оценочная коннотация. В качестве иллюстрации этого явления выступают устойчивые выражения, приведенные выше. Если зоометафора относится к предмету или явлению, то оценка отсутствует:

1. /is-surūḥ bi-l-ba'ara wilā is-saḥb bi-l-bakara/ = *Пасти корову, а не брать воду из колодца*. О ситуации, когда человек предпочитает выбрать тяжелую работу, а не легкую.
2. /sikitnā lu daḥal biḥmāra/ = *Мы молчали, он привел свою ослицу*. О ситуации, когда человек проявил доброту к другому, а тот стал пользоваться этой помощью.
3. /il- ḡazzāla tiḡzil birigl ḥumār/ = *Ткачиха придет и ногой осла*. О ловком и талантливом в работе человеке, который хорошо делает ее вне зависимости от условий, даже если они совершенно не подходят для ее выполнения.

4. /'in 'iši't 'i'si' 'amar w'in sara't 'isra' gamal/ = *Влюбляться — так в луну, красть — так верблюда*. Здесь отражено представление арабов о том, что отчаянная смелость и благородство всегда сочетаются с широтой души и размахом действий.

Среди египетских паремий нам встретились устойчивые выражения, которые встречаются в других диалектах или даже в АЛЯ. Такие устойчивые выражения не являются исконно египетскими, а являются общими для жителей всех арабских стран.

1. /il-'irdfi'ēn'ummiġazāl/ = *Обезьяна в глазах матери — газель*;
2. /ġābil-'uṭaṭ 'il'ib yā fār/ = *Кота нет — развлекайся, мышшь*. О человеке, который расслабляется, когда ощущает безнаказанность. Стоит уйти тому, кто ограничивает его свободу, как подчинённый ему человек чувствует вседозволенность и позволяет себе лишнее. Рус.: *Кот из дома — мышши в пляс*.
3. /law šāf il-gamal ḥadabtu lawi'i' wi'inkasarit ra'abatu/ = *Если бы верблюд увидел свой горб, он упал бы и свернул себе шею*;
4. /lammā 'anā 'amīr w'inta 'amīr mēn yusō' il-ḥimēr/ = *Я эмир, и ты эмир. Кто же погонит ослов?* О человеке, который гнушается примитивной работы, считая, что достоин лучшей. Однако, если все будут начальниками, кто будет заниматься другой не менее важной работой? Рус.: *«Ты сударь, и я сударь, а кто же присударивать станет?»*

Мы также сделали следующее наблюдение: сравнение является наиболее распространенным стилистическим приемом, что нам не представляется удивительным, поскольку зоометафора подразумевает сравнение человека с животным и наоборот.

1. В качестве инструмента сравнения может выступать именная лексема /zaui/ = *подобный*, которая равнозначна лексемам /mitl/и /šibh/ в АЛЯ: /zaui ṭ-ṭāwūs yit'āġib birēšu/ = *Как павлин: восторгается своими перьями*.
2. Также сравнение может осуществляться путем противопоставления. В качестве инструмента используется союз «и» + частица отрицания /wilā/: /ġarāda fī l-kaf wilā 'alf fī l-hawā/ = *Лучше саранча в руке, а не тысяча в воздухе*. Рус.: *«Лучше синица в руке, чем журавль в небе»*.
3. В качестве третьего инструмента мы можем также назвать относительное местоимение/illī/ = *который, которая, которые*: /illī yāḥud il-bēda yāḥud il-farḥa/ = *Тот, кто крадет яйцо, крадет и курицу*. Если человек совершил мелкую кражу, то решится и на крупную. Рус.: *«Кто украл яйцо, украдет и курицу»*.

Итак, при анализе компонентов коннотативных значений, образованных на различных ассоциациях с тем или иным животным, можно обнаружить национально-культурные черты египетского народа. Различная интерпретация тех или иных зооморфных образов предполагает различные эмоциональные реакции, которые они вызывают о носителей египетского диалекта. С одной стороны, мы определили восприятие египтянами того или

иного животного, с другой стороны, — видение характера того или иного человека через его повадки.

1. Бичер, О. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. кан. фил. наук. — Смоленск, 2016. — 24 с.
2. Джамиль, Я.Ю. Образ животных в арабских пословицах и поговорках / Я.Ю. Джамиль // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков: сб. ст. — Казань: Фолиант, 2015. — С. 253-259.
3. Жигулев, А.М. Русские народные пословицы и поговорки / А.М. Жигулев. — М.: Московский рабочий, 1965. — 359 с.
4. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. — М.: Рус. яз., 1991. — 538 с.
5. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах: учебное пособие / Е.В. Иванова. — СПб.: Изд-во СПбУ; Филол. ф-т СПбГУ, 2006. — 280 с.
6. Кухарева, Е.В. Национальный менталитет в зеркале арабских пословиц / Е.В. Кухарева. — М.: LAP, 2011. — 272 с.
7. Серебrenников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
8. Badawi, El-S., Hinds M. A dictionary of Egyptian Arabic / El-S. Badawi, M. Hinds. — Beirut: Librairie du Liban, 1986. — 981 p.
9. أحمد تيمور باشا. الأمثال العامية. — القاهرة: هنداوي, ٢٠١٤. — ٤٩٢ ص.

БЕТА ИЗРАИЛЬ В НАСЛЕДСТВЕ Й.М. ФЛАДА: ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО МИССИОНЕРСТВА В ЭФИОПИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Shvarts Elizaveta

BETA ISRAEL IN THE HERITAGE OF J.M. FLAD: FEATURES OF EUROPEAN MISSIONARY WORK IN ETHIOPIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

В статье проводится критический анализ труда, написанного проводшим около шестидесяти лет в миссии среди эфиопских иудеев Йоханном Мартином Фладом, на предмет объективности и возможности использования в качестве достоверного этнографического источника по культуре Бета Израиль. Кроме того, статья знакомит читателей с новым видом миссионерской деятельности, разработанной Самуэлем Гобатом.

This paper deals with the critical analysis of the work written by Johann Martin Flad, which spent about sixty years for the mission among the Ethiopian Jews, to prove its objectivity and the possibility of using it as a reliable ethnographic source on the culture of Beta Israel. In addition, this article introduces readers to a new type of missionary work developed by Samuel Gobat.

Ключевые слова: Бета Израиль, эфиопские иудеи, Лондонское Еврейское Миссионерское Общество, миссионерская деятельность в Эфиопии, Флад.

Key words: Beta Israel, Ethiopian Jews, The London Society for Promoting Christianity Amongst the Jews, missionary work in Ethiopia, Flad.

Происхождение эфиопских иудеев неоднозначно и послужило поводом для дискуссий и нескольких противоречивых трактовок [Gamst 2007; 303]. Среди них: миграция древних израильтян и их последующая ассимиляция с местным населением, образование в 14-м веке религиозной секты, отделяющейся от общей массы эфиопских христиан в силу различных социальных и политических факторов [Kaplan, 2003. С. 552]. Эфиопских иудеев ассоциировали также с кругом приближенных к Царице Савской лиц [Flad, 1922. С. 11].

Гамст отмечает, что как еврейские, так и христианские организации на протяжении всей истории исследования Бета Израиль⁸⁹ (далее Б.И.) были заинтересованы в признании их еврейской идентичности, которая окончательно закрепилась за ними после того, как израильский парламент наделил их правом репатриации [Gamst, 2007. С. 306]. Миссионеры из Лондонского Еврейского Миссионерского Общества (далее ЛЕМО) первыми

⁸⁹ Самоназвание эфиопских иудеев

стали идентифицировать Б.И. с носителями той же культуры, что и европейские иудеи [Kaplan, 2003. С. 555].

Одним из миссионеров ЛЕМО был Йоханн Мартин Флад, в миссии среди Б.И. он провел около шестидесяти лет (с 1854-о года вплоть до самой смерти в 1915-м году), и на его работы ссылаются такие специалисты, как Аббинк [Abbink, 1983], Каплан [Kaplan, 2003] и другие.

Каплан видит значение миссии не в количестве новообращенных, а в установлении контакта между эфиопскими иудеями и европо-американскими [Kaplan, 2003. С. 555], и действительно, протестантская миссия среди Б.И. вызвала противоположную по смыслу миссию Якоба Фейтловича, направленную на иудейское просвещение Б.И.

Задачами этой работы являются рассмотрение автобиографического труда Йоханна Мартина Флада в качестве этнографического источника по быту и культуре Б.И., оценка значения его миссии, а также критическое описание нового вида миссионерской деятельности, в которую был вовлечен Флад.

Несмотря на то, что Флад не являлся профессиональным этнографом, его труд представляет ценность прежде всего, потому что он напрямую контактировал с Б.И. и является первоисточником для вышеназванных авторов. Именно поэтому важно рассмотреть объективность его описаний, в том числе и через призму личных и профессиональных мотивов и предубеждений касательно иудеев и неевропейских народов.

Для начала стоит упомянуть, что связать жизнь с миссионерской деятельностью Флад, по его словам, решил еще в детстве под влиянием отца и дядюродного дедушки [Flad, 1922. С. 25, 30]. Первый раз он отправил в Кришону, миссионерское общество в Швейцарии, письмо, в котором изъявил желание стать миссионером, в 18 лет, однако из-за юного возраста ему отказали [Flad, 1922. С. 33]. Тогда он решил провести несколько лет в странствии, а в 1850-м году прибыл в Базель лично и стал членом Кришоны на правах воспитанника церкви [Flad, 1922. С. 35].

Начальный курс амхарского языка воспитанники получили уже в Базеле [Flad, 1922. С. 37]. В 1852-м году из Иерусалима приехал Самуэль Гобат, планировавший претворить в жизнь новый вид миссионерства. Для этого он выбрал четверых воспитанников, в т.ч. Флада, которых в 1853-м году отправили в Иерусалим, чтобы они еще год обучались там арабскому и амхарскому [Flad, 1922. С. 37].

Когда Флад только начинал миссию, двумя важнейшими личностями Эфиопии были ее светский глава Теводрос, коронованный в феврале 1855-о года, и патриарх Абуна Селяма. Взойдя на престол, царь собирался совершить направленные на модернизацию страны реформы [Aren, 1978. С. 85]. Согласно Фладу, Теводрос был прежде всего заинтересован в техническом прогрессе [Flad, 1922. С. 86], поэтому он сильно обрадовался письму Гобата с обещанием прислать европейских работников, о чем и сообщил Фладу и Крапфу на приеме, подчеркивая ответственность Абуны Селяма за церковные дела страны и свою отстраненность от них [Flad, 1922. С. 60]. Флад никак не

комментирует заведомо ложное письмо Гобата, хотя он точно знал о том, что в Эфиопию под видом ремесленников направляются миссионеры.

В воспоминаниях Флада обман Теводроса и планы Гобата по разработке нового вида ведения миссионерской деятельности подробно не рассматриваются, поэтому мы обращаемся к книге Густава Арена в качестве дополнительного источника информации. Согласно Арену, Самуэль Гобат стал англиканским епископом в Иерусалиме в 1846-м году. По его собственному утверждению правители двух областей Эфиопии, Бегемдера и Тигре, верили Гобату покровительство над эфиопскими монахами в Иерусалиме. Он также утверждал, что сам Теводрос просил его защищать эфиопское монашеское движение в Святом городе. Монахи, в свою очередь, докладывали Гобату о ситуации в Эфиопии. Приехав в 1852-м году в Базель для обсуждения проекта о новом виде миссионерской деятельности с господином Шпиттлером, Гобат предложил отправить молодых ремесленников в Эфиопию для того, чтобы те стали жить там наравне с местным населением, оказывая ему техническую помощь. Миссионерская деятельность хоть и являлась целью данного проекта, не должна была стать основным каждодневным занятием миссионеров. Влиять на эфиопов духовно они должны были в процессе сожительства и совместного освоения ремесел [Aren, 1978. С. 87, 88]. Флад же описал эту историю несколько иначе: именно господин Шпиттлер поручил Гобату отправить некоторых воспитанников в Эфиопию за его счет, чтобы воскресить «абиссинскую мертвую церковь» [Flad, 1922. С. 37]. О том, что задача будущих миссионеров заключается не только в духовной, но и технической помощи, Флад не говорит ни слова. Видимо, миссионер не считал подобный обман чем-то значимым.

Ссылаясь уже на Крапфа, Арен передает слова Абуны Селяма о том, что Теводрос и сам думал выписать европейских ремесленников. Абуна Селяма также говорит о том, что не имеет никаких возражений по поводу миссионерской деятельности, если она не повлечет за собой церковный раскол в Эфиопии [Aren, 1978. С. 89]. Флад передал слова Абуны Селямы несколько иначе: Абуна Селяма поощрил распространение Библии, однако рассказал о негативном опыте прошлых католических миссий, настроивших народ против него [Flad, 1922. С. 59].

Стоит отметить, что к моменту отправки всех четырех миссионеров в Эфиопию, ни один из них не имел ожидаемых Теводросом технических навыков. [Aren, 1978. С. 90]. Неизвестно точно, обучались ли трое остальных во время отсутствия Флада в принципе какому-либо ремеслу, но вероятнее всего, нет. Спустя год пребывания миссионеров-ремесленников в Эфиопии Теводрос был ими разочарован и лишил их рабочих мест. При этом иностранцам запрещалось владеть землей [Aren, 1978. С. 90]. Описывая эту ситуацию, Флад упоминает о замыслах купить землю для возделывания. При этом в качестве работников на так называемых плантациях должны были выступать не сами миссионеры, а местное население. Этим планам, разумеется, не суждено было сбыться из-за запрета на владение земли иностранцами, поэтому они открыли небольшую школу, посещаемую

в основном детьми Б. И. [Flad, 1922. С. 94]. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, Гобат был все же плохо осведомлен о ситуации в Эфиопии и ее законах, потому что о запрете на владение землей миссионеры узнали, только уже находясь в стране. Кроме того, остается неясным, как он планировал скрыть от Теодроса неумелость миссионеров. Во-вторых, явное нежелание Флада рассказывать об обмане. Возможно, это связано с тем, что миссия Флада среди Б.И. шла несколько «параллельно» с деятельностью других миссионеров-ремесленников [Арен, 1978. С. 99]. Однако многие аспекты, не касающиеся напрямую Б.И., тем не менее находят место в повествовании Флада. Так, например, он много внимания уделяет описанию дороги, рынков рабов и многим отдельным личностям, повстречавшимся ему на пути, но никак не связанных с его миссией.

Флад лишь вкратце затрагивает тему ремесленных работ, однако описывает он ее с совершенно иной стороны: согласно ему, миссионеры (кроме него) вынуждены были служить правителю и помогать в строительстве, только потому что высылаемых Гобатом денег не хватало даже на еду. Кроме того, из описаний Флада следует вывод, что миссионеры сами додумались до того, чтобы пойти в услужение королю и завоевать таким образом его доверие, а также просветить в истинную веру эфиопских коллег во время совместной работы над дорогами [Flad, 1922. С. 102]. В этом случае повествование Арена, опирающегося на другие источники, кажется более логичным, тем более, что Флад не отрицает наличие именно у Гобата такого плана действий и передает содержание его письма к Теодросу.

В описании Флада всплывает еще один недостаток плана Гобата. Воспитанникам Кришоны только на первых порах удавалось совмещать ремесленную работу с миссионерством среди эфиопов, затем требования Теодроса становились все жестче, работа отнимала все больше времени, поэтому на ведение какой бы то ни было сопутствующей деятельности у них не хватало ресурсов [Flad, 1922. С. 102]. Ужесточение требований Флад связывает не с тем, что прибывшие европейцы были изначально заявлены в качестве ремесленников, а с ухудшением душевного состояния царя [Flad, 1922. С. 102].

Изначально Флад не планировал проповедовать именно Б.И. и собирался «оживлять абиссинскую христианскую веру» [Flad, 1922. С. 37]. Кроме того, его отношение к европейским иудеям было крайне отрицательным [Flad, 1922. С. 80, 89]. В Б.И. намного больше был заинтересован сам Гобат. В 1858-м году Флад должен был предоставить ему доклад о Б.И., который тот направил уже в ЛЕМО, откуда в Эфиопию были направлены два миссионера: Штерн и Бронкхорст. Оба амхарским не владели, поэтому Флад изначально был нанят ими в качестве переводчика [Flad, 1922. С. 107]. По возвращении Штерна в Англию Флад с Бронкхорстом основали первую миссионерскую станцию для Б.И. в провинции Дэмбия [Flad, 1922. С. 273]. По инициативе Штерна Флад вступил на временный пост при ЛЕМО, а после того, как Гобат снял его с поста миссионера-ремесленника, стал постоянным членом ЛЕМО вплоть до самой смерти [Flad, 1922. С.115].

На проведение миссии среди Б.И. Штерн получил официальное разрешение как у царя, так и у Абуны Селямы. Единственным условием было поставлено то, что прозелиты должны быть крещены по эфиопскому образцу, из-за чего впоследствии возникло немало трудностей [Flad, 1922. С. 108]. Однако Арен, ссылаясь на Штерна, утверждает, что в это соглашение была включена поправка, способная повлечь за собой недопонимания: крещеных Б.И. не должны были обязывать следовать всем обычаям Эфиопской Православной Церкви, давая им некую свободу вероисповедания без угрозы анафемы. Флад описывает, что данная поправка привела к бесконечным диспутам между прозелитами и эфиопскими священниками [Aren, 1978. С. 100]. Возможно, странности соглашения вызваны были тем, что Штерн не владел амхарским, так и тем, что Штерн вел себе непочтительно и вызывающе по отношению к местному населению и обычаям, за что впоследствии был осужден Теводросом [Aren, 1978. С. 102].

Описания быта и культуры Б.И. в труде Флада крайне скудны. Флад оправдывает это тем, что все его дневники и записки были утеряны во время плена [Flad, 1922. С. 118, 119], так как жена предусмотрительно сожгла их, что впоследствии избавило Флада от суда [Flad, 1922. С. 137-139].

Согласно Фладу, разговорным языком Б.И. служил амхарский, но читать и писать на нем мало кто умел [Flad, 1922. С. 362], и хотя в каждой деревне имелся полный Ветхий Завет, написанный на геэзе, практически никто из простого населения не понимал его. Кроме того, Флад отмечает, что во время служб читались в основном псалмы, и пророкам уделялось значительно меньше внимания [Flad, 1922. С. 110]. Б.И. занимались в основном ремеслами, прежде всего ткачеством [Flad, 1922. С. 313].

В Б.И. Флад, с его слов, нашел внимательных слушателей. Он отмечает, что подавляющее большинство прихожан действительно хотело понять Библию и было поражено осведомленностью Флада и Бронкхорста, особенно в сравнении с их местными духовными лидерами. Согласно Фладу, вскоре некоторые Б.И. принялись всерьез стыдить своих монахов за невежество, за что те подвергли посетителей миссионерской станции изгнанию, однако, испугавшись диспутов с Теводросом, вынуждены были вскоре отменить наказание. Кроме того, Б.И. были удивлены способностью миссионеров писать и читать на амхарском, поэтому активно отправляли детей в миссионерские школы [Flad, 1922. С. 116]. Даже взрослые приходили к миссионерам, чтобы научиться грамоте [Flad, 1922. С. 117].

Стоит также отметить, что, организуя проповеди среди Б.И., Флад шел на хитрость, делая акценты на определенных нарративах Ветхого Завета, и не обозначал христианство как принципиально новую и отличную от иудаизма религию. Скорее, он делал упор на том, что христианство — логичное продолжение иудейской веры и что положения Нового Завета вытекают из Ветхого [Flad, 1922. С. 111, 116, 117]. Подобная работа дала свои плоды. Уже спустя шесть месяцев во время субботней молитвы в синагоге почитаемый среди общины Бери публично заявил о принятии христианства. За ним последовал еще 21 член общины. Однако закончилась эта акция

беспорядками: монахи наказали выкрестов изгнанием. Более того, родственники и друзья прозелитов отказались от них [Flad, 1922. С. 117].

Два отличия религии Б.И. от канонического иудаизма, также отмеченные Ареном, заключаются в монашеском движении и жертвоприношении. Против последнего активно выступал Флад, что повлекло за собой недовольства среди эфиопских иудеев и жалобы Теводросу на миссионера. В итоге Теводрос принял сторону Флада [Flad, 1922. С. 119, 120, 121], и жертвоприношения среди Б.И. были официально запрещены, что вызвало последующие недовольства [Flad, 1922. С. 129].

Хотя Флад это отрицает, но судя по жалобам, преследованием прозелитов со стороны родственников и низкому числу новообращенных, отношения с Б.И. у Флада были явно напряженными. Это подтверждается Ареном [Aren, 1978. С. 100, 101].

Однако прозелиты, особенно Бери и Михаэль Аргави, явно любили миссионера. О чем свидетельствуют трогательная сцена прощания Флада [Flad, 1922. С. 207] и тот факт, что Бери прошел 40 дней пешком до Монкулло⁹⁰, чтобы увидеться с Фладом [Flad, 1922. С. 402].

Но не только скудные сведения делают труд Флада ненадежным этнографическим источником. Во-первых, в описании Флад бывает не последователен, часто возвращается к уже названным событиям, но с новыми подробностями. Из-за этой особенности повествования и отсутствия четких временных указателей в тексте бывает сложно сопоставить и хронологизировать описываемые события. Так, например, из текста до конца не ясно, навещал Аргави Флада в Европе один раз или дважды. Флад не указывает источники своих исторических и географических познаний, ровно как и оригиналы документов, на которые ссылается, приводя их исключительно в собственном переводе на немецкий язык. Исключение составляет письмо царя Йоханнеса, адресованное миссионеру. Флад также не всегда точен в передаче деталей и иногда указывает противоречивые сведения. Так, в автобиографии говорится о 17 тысячах прозелитов за почти 60 лет миссии [Flad, 1922. С. 425], однако такое большое число вызывает сомнения. Так, например, за 1877-й год Флад упоминает только 5 крещений [Flad, 1922. С. 308]. Кроме того, однозначного числа проживающих на момент второй половины девятнадцатого века в Эфиопии Б.И. тоже нет [Aren, 1978. С. 91].

Что до непосредственно этнографических сведений, то они крайне скудны, как в описании эфиопских иудеев, так и в описании других народов. Флад, подобно многим людям своего времени, концентрируется в основном на своем негативном отношении к чужим обычаям, подкрепляя таким образом идею о превосходстве европейской культуры над местными. Так, например, Флад описывает коптское богослужение как «слишком громкое», «не благоговейное» [Flad, 1922. С. 43], но самих особенностей коптской литургии

⁹⁰ пров. Массауа, совр. Эритрея

не дает. Скользь Флад также упоминает и другие народы, но все его высказывания касательно них скептически. При общении с коптами, эфиопскими христианами и мусульманами Нубийской пустыни он каждый раз подчеркивает их невежество и непросвещенность [Flad, 1922. С. 43, 50, 97].

Арен считает миссию Флада успешной и отмечает как широкое распространение Ветхого и Нового Заветов на амхарском языке во многих провинциях Эфиопии, так и значение его деятельности среди Б.И. Хотя количество прозелитов, согласно Арену, не превысило сотни, их община была признана последующим императором Йоханнесом, который наделил их привилегией и освободил от налогов [Aren, 1978. С. 103].

Во время прочтения труда Флада складывается впечатление, что автор преследует цель не описать быт и нравы народа, среди которого проводит миссию, или Эфиопию в целом, а составить идеальную автобиографию путешественника-отшельника, преследующего высокую цель и терпящего во имя этой цели многие трудности и лишения. Наталкивают на эту мысль прежде всего повторяющийся нарратив о преследовании христиан и чудесные события, случившиеся с Фладом в детстве и напоминающие видения [Flad 1922; 26]. При этом Флад принижает значение собственных коллег для проведения миссии. Он практически не упоминает Бронкхорста, хотя как минимум на первых порах они работали в равной мере. Некоторые несоответствия в рассказе Флада возникают как раз из-за желания автора создать образ отважного путешественника-одиночки, нивелируя при этом вклад других участников. Так, Фэбиан, проанализировав работы по Центральной Африке бельгийских и немецких путешественников, приходит к выводу, что создание подобного образа в их дневниках типично, хотя в действительности всех путешественников и миссионеров сопровождало некоторое количество слуг [Fabian, 2000. С. 29, 30]. В наличии слуг Флад признается, хотя его обращение с ними идет в разрез с собственной же критикой процветавшего, с его слов, в Эфиопии рабства [Flad, 1922. С. 101]. Так, во время описания одного ужина выясняется, что Флад кормит слуг нерегулярно [Flad, 1922. С. 71]. Кроме того, он выдает одну рабыню замуж без учета ее желания [Flad, 1922. С. 274], поступая фактически так же, как и рабовладельцы.

Спланированный Гобатом Обман Теводроса, который привел к вооруженному конфликту между Эфиопией и Великобританией⁹¹, открытое неуважение Штерна к эфиопам и непочтительность Флада к Абуне Селяме явно указывают на пренебрежительное отношении миссионеров ЛЕМО и Кришоны к местным народам и их официальным представителям и абсолютную тенденцию ставить собственные интересы выше интересов африканского общества.

⁹¹ Теводрос поручил Фладу доставить до королевы Виктории письмо с просьбой выслать обещанную техническую помощь, но королева проигнорировала просьбу. [Flad, 1922. С. 247, 248].

Все выше перечисленное не позволяет использовать труд Флада в качестве объективного этнографического источника. Что же касается итогов и последствий миссии, то, несмотря на то, точное количество прозелитов и их соотношение с общим числом проживающих в Эфиопии иудеев неизвестно, эта миссия окончательно сконструировала еврейскую идентичность Б.И. и помогла наладить контакты между иудеями разных континентов, хотя это и не относилось к первоначальным задачам ЛЕМО.

1. Frederick C. Gamst: Judaism// Wiesbaden, Encyclopaedia Aethiopica, Vol. 3, 2007. Pp. 303 — 308.
2. Gustav Aren: Evangelical Pioneers in Ethiopia. Origins of the Evangelical Church Mekane Yesus// EFS Forlaget, Stockholm, 1978, pp. 486
3. Johann Martin Flad: Sechzig Jahre in der Mission unter den Falaschas in Abessinien// Basel, Brunnen Verlag, 1922
4. Johannes Fabian: Out of Our Minds: Reason and Madness in the Exploration of Central Africa// California, University of California Press, 2000
5. Jon G. Abbink: Segd Celebration in Ethiopia and Israel: Continuity and Change of a Falasha Religious Holiday// Anthropos, Vol. 78, 1983, pp. 789–810
6. Steven Kaplan: Betä ʿIsraʾel// Wiesbaden, Encyclopaedia Aethiopica, Vol. 1, 2003. Pp. 552–559.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсеньев Михаил Николаевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, 1 курс (магистратура), m.ars.rus@mail.ru

Ашкенази Роза Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), st061241@student.spbu.ru

Гордеева Полина Витальевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), st064296@student.spbu.ru

Грибанова Наталья Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки, 1 курс (магистратура), n.mushroom@gmail.com

Ермакова Анастасия Олеговна, Санкт-Петербургский государственный Университет, Восточный факультет, кафедра африканистики, 4 курс (бакалавриат), ermakova.9999@mail.ru

Злобина Анастасия Станиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра африканистики, 3 курс (бакалавриат), nastya_zlobina78@mail.ru

Зорин Арсений Андреевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра истории стран дальнего востока, 4 курс (бакалавриат), azlivingma@gmail.com

Игнатов Владислав Александрович, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра индийской филологии, 2 курс (бакалавриат), aeloyezigelbogen@gmail.com

Избасарова Асель Руслановна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), bzi.a99@gmail.com

Карпова Елена Юрьевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра африканистики, 4 курс (бакалавриат), lemartzin@gmail.com

Колотова Надежда Владимировна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра истории стран Дальнего Востока, 4 курс (бакалавриат), st060444@student.spbu.ru

Красуцкий Станислав Андреевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), st063017@student.spbu.gmail.com

Круглова Екатерина Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, 1 курс (магистратура), catia.kruglowa@yandex.ru

Кузнецова Татьяна Романовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, Магистр, tania03.96@yandex.ru

Лекарева Ева Павловна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра индийской филологии, 4 курс (бакалавриат), st064276@student.spbu.ru

Лопатин Матвей Денисович, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Древнего Востока, 1 курс (магистратура), st055596@student.spbu.ru

Мичанович София-Александра, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории и методики преподавания языков и культур стран Азии и Африки, 1 курс (магистратура), sophiamich@mail.ru

Николаева Татьяна Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Древнего Востока, 4 курс (бакалавриат), tatianikolaeva@gmail.com

Пан Анна Владимировна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, 1 курс (магистратура), e-mail: anuo121800@mail.ru

Рогожина Кристина Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), st064281@student.spbu.ru

Сабелкис Мария Денисовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра истории стран Дальнего Востока, 4 курс (бакалавриат), mariasabelkis@gmail.com

Сальникова Екатерина Викторовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра иранской филологии, 3 курс (бакалавриат), esalnikova2000@yandex.ru

Свиридов Всеволод Юрьевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра африканистики, 3 курс (бакалавриат), svqofficial@gmail.com

Симутина Дарья Константиновна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра индийской филологии, 2 курс (бакалавриат), simutina2000@icloud.com

Травкин Павел Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра истории стран Дальнего Востока, 4 курс (бакалавриат), travkin.17@mail.ru

Федорова Елизавета Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра семитологии и гебраистики, 3 курс (бакалавриат), elisheva70@yandex.ru

Ханипова Диана Айзатовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Центральной Азии и Кавказа, 4 курс (бакалавриат), dianka_khanipova@mail.ru

Хапрова Анна Викторовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра Древнего Востока, 1 курс (магистратура), st054239@student.spbu.ru

Цветкова Елена Владимировна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, 1 курс (магистратура), st054246@student.spbu.ru

Шварц Елизавета Павловна, Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет, кафедра африканистики, 2 курс (бакалавриат), echerny8@gmail.com

Научное издание

ВОСХОЖДЕНИЕ К НАУКЕ

*Сборник избранных научных статей студентов
Восточного факультета*

Подписано в печать 25.12.2020.
Печ. л. 15,5. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Заказ 6995.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н